

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР

**2021 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ**

Том 16

№ 1–2

Славянский мир в третьем тысячелетии
2021
Том 16
№ 1–2

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2021.16.1-2

Главный редактор
Елена Семеновна Узенёва
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Ответственный секретарь
Лидия Юрьевна Пахомова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Научная редакция
Светлана Ивановна Данченко
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Ольга Сергеевна Каштанова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Анна Андреевна Леонтьева
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Наталья Александровна Лунькова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Ксения Валерьевна Мельчакова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Петр Владимирович Мошечков
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Татьяна Ивановна Чепелевская
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Редакционная коллегия
Оксана Анатольевна Запека
РГУ имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия
Евгений Андреевич Колосков
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Константин Владимирович Никифоров
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Владимир Яковлевич Петрухин
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Анна Аркадьевна Плотнокова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Андрей Николаевич Соболев
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
Ольга Александровна Туфанова
Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия
Артём Акович Улуян
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ольга Владимировна Хаванова
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия
Евгений Александрович Яблоков
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Редакционный совет
Дёрль Бебеш
Печский университет, Печ, Венгрия
Алеш Заржицкий
Остравский университет, Острава, Чехия
Наталья Корина
Венский университет, Вена, Австрия
Христина Марку
Фракийский университет имени Демокрита, Комотини, Греция
Дорота Пазьо-Влазловска
Институт слаистики Польской академии наук, Варшава, Польша
Пенка Пейковска
Институт истории Болгарской академии наук, София, Болгария
Сузана Раич
Белградский университет, Белград, Сербия
Витторио Томеллери
Туринский университет, Турин, Италия
Штефан Трёбст
Лейпцигский университет, Лейпциг, Германия
Сандра Хаджихалилович
Задарский университет, Задар, Хорватия

Редакторы-корректоры (русский язык)
Валерия Станиславовна Кучко
Ирина Семёновна Пекунова
Ольга Владимировна Трефилова
Редактор-корректор (английский язык)
Кристофер Уолш

Учредитель и издатель: Институт славяноведения РАН
Издается с 2006 года
Периодичность: два раза в год
Тираж: 500 экз.
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, корп. «В»,
Москва, 119334 Россия
Электронный адрес: slavmillen@yandex.ru
Сайт: slavworld.ru

Slavic World in the Third Millennium
2021
Volume 16
Issue 1–2

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2021.16.1-2

Editor-in-Chief
Elena S. Uzeneva
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Executive Editor
Lidia Yu. Pakhomova
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant Editors
Tatyana I. Chepelevskaya
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Svetlana I. Danchenko
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Olga S. Kashtanova
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Anna A. Leontyeva
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Natalia A. Lunkova
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Ksenia V. Melchakova
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Petr V. Moshechkov
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial Board
Olga V. Khavanova
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Evgenii A. Koloskov
St Petersburg University, Saint Petersburg, Russia
Konstantin V. Nikoforov
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Vladimir Ya. Petrukhin
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Anna A. Plotnikova
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Andrey N. Sobolev
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia
Olga A. Tufanova
A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Artyom A. Ulunyan
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Evgeny A. Yablokov
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Oksana A. Zapeka
Kosygin Russian State University, Moscow, Russia

Advisory Board
György Bebesi
University of Pécs, Pécs, Hungary
Sandra Hadžihalilović
University of Zadar, Zadar, Croatia
Natalia Korina
University of Vienna, Vienna, Austria
Christina Markou
University of Thrace, Komotini, Greece
Dorota Pazio-Wlazłowska
Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
Penka Peykovska
Institute for Historical Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
Sužana Raić
University of Belgrade, Belgrade, Serbia
Vittorio S. Tomelleri
University of Turin, Turin, Italy
Stefan Troebst
Leipzig University, Leipzig, Germany
Aleš Žarický
Ostrava University, Ostrava, Czech Republic

Russian Language Copy-Editors
Valeria S. Kuchko
Irina S. Pekunova
Olga V. Trefilova
English Language Copy-Editor
Christopher Walsh

Founder and Publisher: Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Published since 2006
Frequency: two per year
Circulation: 500 copies
Address: Leninsky Prospect, 32A, Moscow, 119334 Russia
E-mail: slavmillen@yandex.ru
Web: slavworld.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Людмила Николаевна Виноградова, Александр Викторович Гура*
Щекотка в свете славянской лексики и мифологии
(полесские данные на общеславянском фоне) 7
- Сандра Хаджихалилович*
Орфографические особенности СМС-коммуникации
в русском и хорватском языках. 39
- Йиндржишка Свободова*
Вербальная агрессия в медиасреде и онлайн-коммуникации
(на примере кулинарного реалити-шоу *Prostřeno!*) 56
- Ричард Змелик*
Цифровые гуманитарные науки в Чехии. 81
- Магдалена Костова-Панайотова*
Два женских голоса «апрельской» поэзии
(лирика Вани Петковой и Нади Кехлибаревой 60-х гг. XX в.) 99
- Василий Борисович Каширин*
Подполковник Назар Каразин в Дунайских княжествах
накануне и в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. 109
- Ольга Сергеевна Капитанова*
Москва в российско-польских научных и культурных контактах
в конце XVIII – первой половине XIX в. 135
- Людмила Васильевна Кузьмичева*
Российские дипломаты Н. В. Чарыков и В. Н. Штрандтман о причинах
неудачи российского плана создания Балканской федерации 154
- Йована Перичич*
Матч-реванш между Р. Фишером и Б. Спасским в 1992 г.
как попытка прорыва спортивных санкций в Югославии. 170

О времени и о себе

- Леонид Янович Гибянский*
Интервью. 17 сентября 2020 г. Москва, Тверской бульвар 187

Славистика без границ

- Штефан Трёбст*
«О попытках стать историком Восточной Европы»:
промежуточный итог с миграционными осложнениями. Часть 1. 243

Рецензии и обзоры

Георгий Николаевич Энгельгардт

Златановић С. Етничка идентификација на послератном подручју: Српска заједница југоисточног Косова. Београд: Етнографски институт САНУ: Чигоја штампа, 2018. 364 с. (Посебна издања; књ. 89).
[*Златанович С.* Этническая идентичность на постконфликтной территории: сербское сообщество юго-восточного Косова. Белград: Этнографический институт САНИ: Типография Чигоя, 2018. 364 с. (Специальные издания; кн. 89).] 266

Михаил Юрьевич Дронов

Падык В. Историја карпаторусинського національного театра и драматургії. Высокошколський учебник. Пряшів: Видавельство Пряшівського універзитета, 2018. 344 с. [*Падык В.* История карпаторусинского национального театра и драматургии. Учебник для вузов. Прешов: Издательство Прешовского университета, 2018. 344 с.] 274

Хроника научной жизни

Олеся Анатольевна Плех

Школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды». Москва, 24–25 ноября 2020 г. 283

Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразии». Москва, 25–26 мая 2021 г. 292

Александр Михайлович Дронов

Секция «История» 292

Максим Андреевич Гаврилков

Секция «Языкознание» 301

Наталья Александровна Лунькова

Секция «Литературоведение. История культуры» 308

CONTENTS

Articles

- Ljudmila N. Vinogradova, Aleksandr V. Gura*
Tickling in the Light of Slavic Vocabulary and Mythology
(Polesian Data on a Common Slavic Background) 7
- Sandra Hadžihalilović*
Spelling Features of SMS Communication
in Russian and Croatian Languages 39
- Jindřiška Svobodová*
Verbal Aggressiveness in Communication in Media and Online.
A Case Study of the TV Cooking Show *Prostřeno!* 56
- Richard Změlík*
The Digital Humanities in the Czech Republic 81
- Magdalena Kostova-Panayotova*
Double Female Presence among the “April” Poets
(Lyrics by Vania Petkova and Nadia Kekhlibareva in the 1960s) 99
- Vasily B. Kashirin*
Lieutenant-Colonel Nazar Karazin in the Danubian Principalities
on the Eve and at the Beginning of the Russian-Turkish War
of 1768–74 109
- Olga S. Kashtanova*
Moscow in Russian-Polish Academic and Cultural Contacts from the End
of the Eighteenth to the First Half of the Nineteenth Centuries 135
- Lyudmila V. Kuzmicheva*
Russian Diplomats Nikolai V. Charykov and Vassili N. Strandtmann
on the Reasons for the Failure of the Russian Plan to Create
a Balkan Federation 154
- Jovana Perišić*
Rematch between Robert Fischer and Boris Spassky in 1992 as
an Attempt to Break through the Sports Sanctions in Yugoslavia 170

Looking back on the past and the profession

- Leonid Ia. Gibianski*
Interview. 17 September 2020. Moscow, Tverskoy Boulevard 187

Slavistics without boundaries

Stefan Troebst

- “On Trying To Be a Historian of Eastern Europe”:
A Migratory Interim Balance. Part 1 243

Reviews

Georgi N. Engelhardt

- Zlatanović S. Etnička identifikacija na posleratnom području: Srpska zajednica jugoistočnog Kosova. Beograd: Etnografski institut SANU: Čigoja štampa, 2018. 364 s. (Posebna izdanja; knj. 89). [Zlatanović S. Ethnicity in a Post-War Region: The Serbian Community of Southeast Kosovo. Belgrade: Etnografski institut SANU: Čigoja štampa, 2018. 364 p. (Special editions; book 89).] 266

Mikhail Yu. Dronov

- Padyak V. Istoriiia karpatorusyns'koho natsional'noho teatra y dramaturgii. Vysokoshkols'kyi uchebnyk. Priashiv: Vydavatel'stvo Priashivs'koho univerziteta, 2018. 344 s. [Padyak V. The History of the Carpatho-Rusyn National Theatre and Drama. University textbook. Prešov: Prešov University Press, 2018. 344 p.] 274

Chronicle of scientific life

Olesya A. Plekh

- School-Conference of Young Scholars “The History of Russia from Ancient Times to the Twenty-First Century: Problems, Discussions, New Approaches.” Moscow, 24–25 November 2020 283

- Young Scholars Conference “Slavic World: Community And Diversity ”. Moscow, 25–26 May 2021 292

Aleksandr M. Dronov

- Section “History” 292

Maksim A. Gavrilkov

- Section “Linguistics” 301

Natalia A. Lunkova

- Section “Literary Studies. The History of Culture” 308

ЩЕКОТКА В СВЕТЕ СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ И МИФОЛОГИИ (ПОЛЕСКИЕ ДАННЫЕ НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ)*

**Людмила Николаевна
Виноградова**

доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник, Институт
славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334 Россия
Электронный адрес: lnv36@yandex.ru

**Александр Викторович
Гура**

доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник, Институт
славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект,
32А, Москва, 119334 Россия
Электронный адрес: avgura@mail.ru

Аннотация

Авторы настоящей статьи предпринимают попытку раскрыть с помощью этнолингвистических методов символику щекотки как агрессивного поведения мифологических персонажей. Этот анализ выполнен на основе изучения полеской диалектной лексики и фразеологии, относящейся к этой демонологической функции, с привлечением широкого круга общеславянских лингвистических данных и значительного корпуса народных мифологических верований. Работа включает три тематических раздела: 1) терминология и способы номинации щекотки в славянских языках и диалектах; 2) щекотание как вредоносная функция нечистой силы, направленная на человека; 3) щекотание как действие мифологизированных животных, направленное на домашний скот. Что касается ареального аспекта, совмещение функций щекотания у русалки и ласки можно констатировать по крайней мере в двух зонах – в Полесье и Верхнем Поволжье. В языке и в традиционной культуре наблюдается сходство в соотношении и взаимодействии щекотания как тактильного воздействия и «щекотания» акустического, связанного с различными видами звуков, исходящих от живых существ (людей, животных, птиц, насекомых). В языке к названиям щекотки параллельно выстраивается ряд звукоподражательных глаголов, служащих для передачи звучания человеческой речи, криков животных, резких шумов, производимых людьми, и т. д., что свидетельствует о некоем взаимном притяжении между глагольными итеративами со значением интенсивного способа действия, относящимися, с одной стороны, к тактильной сфере, а с другой – к звуковой, акустической. В народной традиции мотив щекотания создает корреляцию между сильным физическим раздражением, которое ощущают люди и скот в результате назойливо повторяющихся действий мифологических

* Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 17-18-01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

персонажей (демонов и животных), и слуховым восприятием неугомонных, часто раздражающих криков и звуков животного происхождения, которыми наделяются фольклорные и некоторые демонологические персонажи.

Ключевые слова

Славянская диалектная лексика, народная терминология, мифологическая функция, щекотка, персонажи нечистой силы, русалка, ласка

Статья поступила в редакцию 13 ноября 2020 г.

Цитирование: *Виноградова Л. Н., Гура А. В.* Щекотка в свете славянской лексики и мифологии (полесские данные на общеславянском фоне) // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 7–38. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.01>

TICKLING IN THE LIGHT OF SLAVIC VOCABULARY AND MYTHOLOGY (POLESIAN DATA ON A COMMON SLAVIC BACKGROUND)

Ljudmila N. Vinogradova

D.Sc., Lead Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: lnv36@yandex.ru

Aleksandr V. Gura

D.Sc., Lead Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: avgura@mail.ru

Abstract

The authors of this article attempt to reveal the symbolism of tickling as an aggressive behaviour of mythological characters using ethnolinguistic methods. This analysis is carried out on the basis of the study of Polesie dialectal vocabulary and phraseology related to this demonological function, with the involvement of a wide range of common Slavic linguistic data, and a significant body of folk mythological beliefs. The work includes three thematic sections: terminology and ways of nominating tickling in Slavic languages and dialects; tickling as a harmful function of evil spirits directed at a person; and tickling as an action of mythologized animals aimed at livestock. Geographically, the combination of the functions of tickling in a mermaid (rusalki) and a weasel can be observed in at least two regions – in Polesie and the Upper Volga. In the language and in traditional culture, there is a similarity in the ratio and interaction of tickling as a tactile action and acoustic “tickling” associated with various types of sounds emanating from living beings (people, animals, birds, and insects). In the language, a portion of onomatopoeic verb vocabulary is built in parallel to the words for tickling, which serve to convey the sounds of human speech, animal cries, sharp noises made by people, etc., which indicates a kind of mutual attraction between intense verb iterations related, on the one hand, to the tactile, and on the other, to the audible. In the folk tradition, the tickle motif creates a correlation between the strong physical irritation that mythological characters (demons and animals) inflict on people and livestock with their annoyingly repetitive actions, and

the auditory perception of restless, often annoying, cries and sounds of animal origin, which are endowed with folklore and some demonological characteristics.

Keywords

Slavic dialect lexicon, folk terminology, mythological function, characters of evil spirits

Received 13 November 2020

How to cite: Vinogradova, L.N., Gura, A.V., 2021. Shchekotka v svete slavianskoi leksiki i mifologii (polesskie dannye na obshcheslavianskom fone) [Tickling in the Light of Slavic Vocabulary and Mythology (Polesian Data on a Common Slavic Background)]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 7–38. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.01>

1. ТЕРМИНОЛОГИЯ ЩЕКОТКИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ

Щекотка представляет собой действие, направленное на определенный объект (человека или животное) и вызывающее нервное возбуждение путем тактильного раздражения кожи, а также ощущение от такого воздействия. Терминология щекотания в славянских языках и диалектах отличается разнообразием. Трудность установления этимологического родства слов этой семантической группы объясняется сложностью и запутанностью их лексико-семантических связей, в значительной степени обусловленной семантическим притяжением (аттракцией) созвучных слов и опосредованным влиянием звукоподражаний, что, в свою очередь, вызвано экспрессивностью этой лексики, а также интенсивностью и итеративностью (многократной повторяемостью) самого действия.

Самое известное нам обозначение щекотания представлено глаголом *щекотать*, имеющим соответствия в южнославянских языках (ц.-слав. *скъкътати*, рус. церк. *скокстати*¹, болг. *скóкотям*, макед. *скокотка*, серб.-хорв. *шкакљати*, *чкакљати* и несколько более удаленное от них словен. *ščegetati*), с исходным праславянским чередованием гласного *ъ/ь* в корне. Некоторые исследователи предполагают этимологическую связь данного наименования со звукоподражательными словами². К этим названиям щекотания фонетически близка группа карпатоукраинских глаголов с варьирующей основой, объединенных значением ‘щекотать’: буковин. *скоготати*, *скиготати*; буковин., гуцул., львов., тернопол. *скоботати* и т. п., буковин. *скуботати*, львов. *скубутати*;

¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978–1980 (далее – Даль). Т. 4. С. 201.

² *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–3. Zagreb: JAZU, 1971–1973. Knj. 3. S. 398.

закарпат. бойков., львов. *скомотати*, сев.-мармарош. *скомытати*³. Один из них – *скоботати* (имеющий кроме тактильного ‘щекотать’, еще и звуковое значение ‘стрекотать, верещать (о птице), каркать, квакать’⁴) – обнаруживает семантическое тяготение к созвучному ему *скоблити* ‘скоблить, скрести’, другие, *скуботати* и *скубутати*, – к *скубати*, *скубти* ‘ощипывать, щипать, драть (за волосы)’, а третьи, *скомотати* и *скомытати*, объединяются по значению со *скомтати* ‘зудеть, свербить’⁵.

Другие распространенные названия щекотания – *ласкотать* и *лоскотать*. Оба эти слова⁶ или, что более убедительно, только первое из них ставят в прямое родство с *ласкать*: рус. *ласкотать*, имеющее соответствие в других славянских языках, кроме южнославянских, рассматривается как глагол интенсивного способа действия от *ласкать*⁷, ср. аналогичную семантическую связь с ласканием в других наименованиях щекотания, например: кашуб. *lekśc* ‘щекотать; гладить, ласкать’, словац. новоград. *laskofiti* ‘щекотать; ласкать’, рус. пензен. *кузікать* ‘то же’⁸. Так же, как *ласкать* и *ласкотать*, соотносятся между собой глаголы *лоскать* и интенсивного способа действия – *лоскотать*. В качестве обозначения щекотки встречается лишь второй – в древнерусском, в некоторых южнорусских (воронежском, курском) и белорусских диалектах, в украинском, польском и лужицком языках. В то же время основной круг значений у этих глаголов, восходящих к **loskotati* и **loskati*, а также к связанному чередованием с последним глаголу **leskati* и его корреляту со значением

³ Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуїванюк. Чернівці: Рута, 2005. С. 493, 495, 498, 665; *Негріч М.* Скарби гуцульського говору. Березові. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2008. С. 158; Гуцульські говірки. Короткий словник / відп. ред. Я. Закревська. Львів: Львівська обл. книжкова друкарня, 1997. С. 171; *Шило Г.* Наддністрянський регіональний словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 2008. С. 240–241; *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2001. С. 167; *Сабадош І.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород: Ліра, 2008. С. 333.

⁴ Етимологічний словник української мови: в 7 т. / редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. 1–. Київ: Наукова думка, 1982– (далее – ЕСУМ). Т. 5. С. 277, 285.

⁵ См.: ЕСУМ. Т. 5. С. 277–278.

⁶ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1986–1987 (далее – Фасм.). Т. 2. С. 521; ЕСУМ. Т. 3. С. 291.

⁷ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубочева. Т. 1–. М.: Наука, 1974– (далее – ЭССЯ). Т. 14. С. 41; Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / уклад.: І. І. Лучыц-Федарэц, Г. А. Цыхун, Н. С. Шакун; гал. рэд. Г. А. Цыхун. Т. 1– (далее – ЭСБМ). Мінск: Навука і тэхніка: Беларуская навука, 1978–. Т. 5. С. 244–245.

⁸ *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Т. 1–7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967–1976 (далее – Sychta). Т. 3. S. 16; ЭССЯ. Т. 14. S. 41; Т. 16. S. 24.

интенсивного способа действия **leskotati*, лежит в звуковой сфере и относится к говорению и производимым шумам: болтать без умолку, пустословить, громко, резко говорить, браниться, чавкать, чмокать губами, лязгать зубами, шуметь, греметь, шлепать (хлопать плащмя) по воде, хлопать, ударять, бить, сильно стучать и т. д. (ср. также твер. *ласкотать* ‘пустословить’), из которых нам в дальнейшем важно будет значение ‘щелкать кнутом (бичом)’ и ‘трещать клювом (об аисте)’⁹. Глагол **loskotati* имеет звукоподражательную природу, показателем чего может служить, в частности, подвижный вокализм в корне (ср. пол. *loskotać* и *laskotać*)¹⁰.

Для некоторых названий щекотания в качестве мотивирующего действия выступает бодание, как в игре с маленьким ребенком, когда его щекочут, делая двумя пальцами рожки и приговаривая: «Идет коза рогатая...» У уральских казаков такая игра связана с барашком; играя в «барашки-курдашки» (оренбург. *курдашек* ‘маленький барашек, ягненок’), щекочут ребенка с приговором: «Бар, бар, барашки, золоты кудряшки»¹¹ (ср.: с боданием также связано название мифического существа *бодáй*, которым пугали детей в Вологодской обл.¹²). Соответствующие глаголы со значением ‘щекотать’ связаны по происхождению с названиями козы или, реже, козла. Одна такая лексическая группа сосредоточена главным образом в зоне белорусско-польского пограничья: пол. подляс. *kozytać*, бел. гроднен. *казычыць*, *казытаць* и *казытка* ‘щекотка’, бел. слущ. *казытаць*, рус. зап. *козытáть*¹³. Другая группа – великорусская, охватывающая в основном южную и частично западную Россию. Первую подгруппу в ней, с корнем *коз-* (*куз-*), составляют прямые производные от *козы*: кур. *козюкáть*, воронеж. *козякать*, *кузюкáть*, калуж., кур., ростов., ставропол., кубан. *кузюкáть*, пензен. *кузюкáть*, калуж. *кузюкáть*¹⁴. Во вторую подгруппу входят названия щекотания,

⁹ ЭССЯ. Т. 14. С. 41, 135–136; Т. 16. С. 80–82.

¹⁰ ЭССЯ. Т. 16. С. 82.

¹¹ Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–3. Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 2002. Т. 2. С. 321.

¹² Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Т. 1–. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–. Т. 1. С. 130.

¹³ Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Т. 1–6. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, Nakładem Akademii Umiejętności, 1900–1911 (далее – Karł.). Т. 2. S. 459; Federowski M. Lud białoruski na Rusi litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego; Nakładem Akademii Umiejętności, 1897. Т. 1: Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wołkowyska, Lida i Sokółki. S. 76; Цыхун А. П. Скарбы народнай мовы (з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёну). Гродна: Гродзенскі дзярж. ун-т імя Янкі Купалы, 1993. С. 64; ЭСБМ. Т. 4. С. 92; Даль. Т. 2. С. 132.

¹⁴ Хильманович Г. И. Словарь курских народных говоров. Бирск, 2017. С. 131; Словарь курских говоров / сост. Л. И. Ларина и др. Вып. 1–. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та,

производные от междометий, которыми подзывают коз (кур. *кы́за-кы́за*, смолен. *кы́зи-кы́зи*) или отгоняют их (смолен. *кызь*), а также от слов из языка детей или из языка взрослых при общении с детьми (псков. *кы́за*, воронеж. *кызя* ‘коза’; владимир. *кызя* ‘козел’; брян., кур. *кы́зя*, воронеж. *кы́зи*, мн., оренбург. *кы́зи*, мн. ‘козявка в носу’): кур. *кы́зюкать*, орлов. *кы́зюкаться*, смол. *кы́зюкать*, центр.-псков. *кы́зюкаться*, тул., брян., орлов., воронеж., смолен. *кы́зюкать*¹⁵. Восточнее, в говоре уральских казаков, с оренбург. *кы́зюкать* ‘щекотать’ географически «встречается» созвучный тюркизм *кызык* ‘смех, потеха’ (ср. татар. *кызык* ‘забавный, смешной, потешный’), между которыми, по всей видимости, возникает семантическое притяжение¹⁶.

Имеется еще одна модель наименования щекотания, когда в качестве производящих выступают междометия – возгласы, издаваемые тем, кто щекочет. Так, в кашубском от междометий *gěl! gěl! gěl!* (ср. аналогичные нем. *kille, kille!*), произносимых при щекотании, образуются глаголы *gělzëc, gilac, gilgac, gilnac, kilac* ‘щекотать’¹⁷. Сходные глаголы (в том числе их корреляты со значением интенсивного способа действия) в том же значении фиксируются в говорах западного украинского Полесья: волын. *гільгати, гількати, гельгати, гелькати, гільготати, гелготати, гольготати*, житомир. *гільгат, гильготам(ь)*, а также полес. (без указания места) *гольготать, гулькотать*, ровен. *гильгать*¹⁸. Этим названиям щекотания в украинских говорах близки и даже омонимичны производные от звукоподражаний крику гусей (*гел!, гель!*) или междометий отгона этих птиц (*гел!, гилья! гыла!*, покут. *гил!*, харьков. *гиль!*, рус. воронеж., кур. *гыль!*, воронеж. *гиль!*) глаголы, обозначающие гусиное гоготание:

1999–. Вып. 5. С. 116; Былички и бывальщины Воронежского края / сост. Т. Ф. Пухова. Воронеж: ВГУ, 2008. С. 249, 381; Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–. М.; Л.: Наука, 1965– (далее – СРНГ). Вып. 14. С. 79; Вып. 16. С. 24, 27–28.

¹⁵ СРНГ. Вып. 13. С. 203; Вып. 16. С. 200; Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. Вып. 1–11. Смоленск: СГПУ, 1974–2005 (далее – ССГ). Вып. 5. С. 145; Мусеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. С. 61; Словарь курских говоров / сост. Л. И. Ларина и др. Вып. 1–. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 1999–. Вып. 5. С. 35.

¹⁶ Малеча Н. М. Словарь говоров... Т. 2. С. 334.

¹⁷ Sychta. Т. 1. S. 318; Т. 2. S. 155; Karł. Т. 2. S. 51, 77.

¹⁸ Виноградова Л. Н., Добровольская В. Е. Щекотать // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 588; Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М.: Издательский Дом ЯСК, 2012 (далее – НДП). Т. 2: Демонологизация умерших людей. С. 771; Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок. Т. 1–2. Луцьк: Вежа, 2000 (далее – Аркушин). Т. 1. С. 99, 119. Лисенко П. С. Словник поліських говірок. Київ: Наукова думка, 1974. С. 63.

гелтати, гелкотати, гелготити, полес. *гильготать*, волын. *гелготати*, ровен. *гелготати, гелгетить*, харьков. *гилькотити*¹⁹. Фонетическая близость приведенных названий гусяного крика с названиями щекотания поддерживается и другими случаями языкового сближения таких звуков с щекоткой (ср. чернигов. *щекетать* ‘тихо гоготать (о гусях)’²⁰), связью тех и других действий со смехом (вызываемым щекоткой либо напоминающим гусиные крики, ср. *хохотать* и *гоготать*), а также клювом, воспринимаемым народным сознанием как орган, задействованный не только в щипании как действию, наиболее близком к щекотанию, но и в голосообразовании.

У гуцулов при щекотании используется возглас *гзір!* («гзіг») – «междометие, изображающее щекотание», а щекотание передается производным глаголом *гзігати* («гзігати»), а также глаголами *гідзігати, гідзігати, гадзігати, гедзати*²¹, сходными с производными от *гедз(ь)* (**gъzъ*) ‘овод, слепень’ и имеющими другое значение – ‘бегать от укусов оводов (о скоте)’: укр. *гедзитися, гедзатися, гецатися, гедзгатися, гедзкатися, гезкатисе, гзітисся*²². По всей видимости, не только последняя глагольная группа, но и первая, гуцульская, так или иначе – изначально или в результате позднейшего семантического сближения и взаимодействия – связаны с укусами оводов и семантически уподобляют щекотание уколам жалом или коллочками растений, чему есть и другие примеры, ср.: *стрекать* ‘трогать, тыкать, щекотать пальцем (пальцами) кого-либо’ (архангел.) и ‘колоть, жалить, обжигать чем-либо колющим, жгучим’ (твер., брян.), ‘вызывать жжение, зуд у кого-л., обжигать (о крапиве)’ (архангел., рязан., урал.), твер. *стрек, стрёк* ‘овод, слепень’; твер., псков., тамбов. *стрекотать* ‘щекотать, вызывать зуд (о соринке в одежде, прилегающей к телу,

¹⁹ Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Т. 1–4. Київ: Видавництво АН УРСР, 1958–1959. Т. 1. С. 282–283, 348, 491; ЕСУМ. Т. 1. С. 491, 506; СРНГ. Вып. 6. С. 172; Вып. 7. С. 252; Аркушин. Т. 1. С. 87, 119; НДП. С. 771.

²⁰ Лисенко П. С. Словник поліських говорів. С. 237.

²¹ Дзензелівський Й. О., Ганудель З. Словник української мови Я. Ф. Головацького. Матеріали для словаря Малоруського нарѣчя, зібрання в Галиції и в Сѣверовосточной Венгрії Яковомъ Федоровичемъ Головацкимъ, публичнымъ ординарнымъ профессоромъ русской Словесности вѣ царскомъ королевскомъ Львовскомъ Университетѣ // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. № 10. 1982. С. 502; Гуцульські говірки. Короткий словник / відп. ред. Я. Закревська. Львів: Львівська обл. книжкова друкарня, 1997. С. 50, 52, 171; *Неприч* М. Скарби... С. 56.

²² Дзензелівський Й. О., Ганудель З. Словник... С. 502; Гринченко Б. Д. Словарь... Т. 1. С. 347–348; Дуда І. Лемківський словник. Тернопіль: Астон, 2011. С. 100; ЕСУМ. Т. 1. С. 489; ЭССЯ. Т. 7. С. 215, 224.

о крапиве и т. п.)' и укр. *стрекотати*, *стрекотіти* 'жалить подобно крапиве'²³.

Таковую же звукоподражательную природу и этимологическую связь с междометными возгласами при щекотании имеют глаголы с опорным сочетанием согласных *k – t* в корне. Места фиксации таких названий щекотания разбросаны точечно или отдельными островками на восточно- и западно-славянской территории, как, впрочем, и далеко за пределами распространения славянских языков. Одно место локализации таких образований – Малопольша, где в Ропчицах бывшего Жешовского воеводства известен глагол *kitkać* 'щекотать'²⁴. На украинской территории без указания места отмечается (по-видимому, как галицкое) *кіткати* в том же значении²⁵. В лемковских говорах ему соответствует *kitkáti* и имеются также созвучные ему синонимичные *гытkáti* и *гедkáti*²⁶. В западном белорусском Полесье, в говоре Дрогичинского р-на Брестской обл. встречается название щекотания *кыцікатэ* (*кыцікаты*)²⁷. В белозерском говоре Новгородской губ. (совр. Вологодской обл.) зафиксировано *кыткать* 'щекотать' и *кытко* 'щекотно'²⁸. Особую лексическую группу, распространенную в западной части Русского Севера, образуют другие, несколько отличные от них названия щекотания – с тем же сочетанием согласных *k – t* в основе, но с дополнительным включением в нее шипящих: вологод. череповец. *китышать*, архангел. *котычить*, новгород. *котышиить*, олонец., перм. *котышкать*, новгород. (вологод.) белозер., олонец. *катышкать* и олонец. *катышкать*, новгород., олонец., архангел., перм. *кутышкать*²⁹ (анафонические образования от *щекотать / щекотит*: *щ* [ш, ч], *е* [ы], *к*, *о* [о, а], *т*, *а/и*, *ть*), а также примыкающие к ним фонетически близкие образования с метатезой зубного

²³ СРНГ. Вып. 41. С. 306, 308, 311; *Білецький-Носенко П.* Словник української мови. Київ: Наукова думка, 1966. С. 342.

²⁴ Karł. T. 2. S. 358.

²⁵ Малоруско-німецкий словарь / уложив С. Желеховский. Львів: Друк. Т-ва им. Шевченка, 1886. Т. 1. С. 346; ЕСУМ. Т. 2. С. 451.

²⁶ *Дуда І.* Лемківський словник. С. 187.

²⁷ Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад. Аляхновіч М. М. і інш. Мінск: Навука і тэхніка, 1989. С. 95; *Клімчук Ф. Д.* Заходнепалескія русалкі // Праблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі. Матэрыялы Першай міжнароднай навуковай канферэнцыі. Памяці этналінгвіста-славіста акадэміка Расійскай, Македонскай і Аўстрыйскай акадэміі навук Мікіты Талстога да 80-годдзя з дня нараджэння / уклад. В. Ліцьвінка. Мінск: БДУ, 2003. С. 217; НДП. С. 556, № 359.

²⁸ СРНГ. Вып. 16. С. 206.

²⁹ СРНГ. Вып. 13. С. 243; Вып. 15. С. 117; Вып. 16. С. 117; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–. Вып. 3. С. 77; Фасм. Т. 2. С. 435.

и шипящего, сближающиеся с соседними финно-угорскими названиями (ср. карельск. *kučutta*, вепс. *kušūtada*³⁰): олонец. *кушутать*, олонец., архангел. *кучимать* и карел. *кучимать*, ленинград. *кучатать*, олонец. *кучутать*, *кучетать* и т. п. и их производные ленинград. *кучатка*, олонец. *кучитка*, *кучотка* ‘щекотка’, ленинград. *кучатно*, архангел. *кученно* ‘щекотно’³¹. Звукосочетание *k – t* (и «озвонченное» *g – d*, как в болг. *гъдел* ‘щекотка’ от возгласа *гъди-гъди-гъди!* при щекотании ребенка) составляет звукоподражательную основу для наименований щекотки в самых разных языках: ср. нем. *kitzeln*, англ. *kittle*, фин. *kutittaa*, эстон. *kutistama*, латыш. *kutināt*, литов. *kutenti*, татар. *кытык*, узбек. *qitiq*, турец. *gidiklamak* (при *gidik* ‘подбородок’), албан. *gudulis*, румын. *gădilă*, а также соответствующие возгласы-междометия при щекотании ребенка у казахов, армян и т. д.³² Поэтому не всегда стоит, на наш взгляд, объяснять сходство между такими словами этимологическим родством или заимствованиями (на что ссылаются некоторые словари), а следует видеть в подобных образованиях прежде всего типологическую общность.

2. ЩЕКОТАНИЕ КАК ВРЕДОНОСНАЯ ФУНКЦИЯ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ, НАПРАВЛЕННАЯ НА ЧЕЛОВЕКА

В длинном списке злокозненных по отношению к человеку действий со стороны мифических существ особым образом выделяется щекотание своей жертвы, вредоносный характер которого остается труднообъяснимым для исследователей и никак не проясненным в текстах народной культуры. Поскольку в ситуации межличностных контактов людей друг с другом щекотка воспринимается как вид игрового поведения и сопровождается взрывами смеха, остается малопонятным, почему в народной демонологии это действие осмысляется как угрожающее и крайне

³⁰ Фасм. Т. 2. С. 438.

³¹ СРНГ. Вып. 16. С. 188, 190, 193–194, 196; Словарь русских говоров Карелии... Вып. 3. С. 79–80.

³² В 1920-е гг. русский востоковед, этнограф М. С. Андреев писал, что игры-потешки типа русской «Сороки» встречаются у многих других народов. Например, в Ташкентском уезде у киргизов-казахов (то есть казахов) взрослый крутит пальцем по ладони малыша, приговаривая: «Большой палец. Средний тополь. Утка с утятами. Струя воды. Маленький ребенок». Потом трогает ладонь: «Здесь масло», запястье: «Здесь сыр», предплечье: «Здесь сласти», сгиб локтя: «Здесь рисовая шелуха». Затем щекочет ребенка под мышкой, приговаривая: «Кытик, кытик, кытик!» (Народные игры с пальчиками // Иконы и техника иконописания. URL: https://www.ukoha.ru/article/babylogo/narodnye_igry_s_pal4ikami.htm (дата обращения: 19.12.2020). Несколько иной перевод см.: Сорока // Живой Журнал. URL: <https://mihtimak.livejournal.com/48607.html> (дата обращения: 19.12.2020).

опасное для объекта нападения³³. В ходе длительных дискуссий о природе смеха специалисты-психологи пришли к заключению, что нервный истерический смех от щекотки (рефлекторная реакция при тактильном воздействии на кожу) может быть противопоставлен смеху как выражению эмоций по признаку вредоносности, присущей первому из них, и может восприниматься как подлинное насилие над человеком³⁴.

В качестве субъекта действия щекотания людей в полесской мифологии выступает исключительно русалка. Кроме того, аналогичное действие, направленное на домашний скот, приписывается такому мифологизированному животному, как ласка (см. об этом ниже).

Полесская народная терминология и ее географическая проекция. Самым распространенным в Полесье словом со значением 'щекотать' выступает глагол *лоскотать*, особенно характерный для украинских областей; ср. ровен.: «[Русалки могут] *залоскотаты*, они сильно *лоскочут*, ужэ ж людына *лоскуту* боица»; гомел.: «Она *лоскочэ*, *лоскочэ* и можэ *залоскотать* до смерти»³⁵. А фонетические варианты этого же глагола – *слокотать* или *шлокотать* – известны преимущественно в центральном Полесье; ср. гомел.: «Человека если убачат, будут *шлекотать* и *защлекочут*»; гомел.: «Русалка *зашлокочвае*, *шлокочэ-шлокочэ* человека, и можэш померти»³⁶. На крайнем восточном пограничье региона эти формы встречаются лишь спорадически, уступая место глаголам *шчэкотать*, *защчэкотать*; ср. брян.: «Как солнце сядет, воны людей *защчэкочывають*»³⁷. В западных районах изучаемой зоны в значении 'щекотать' используются глаголы *гольготать* / *гульготать*; ср. волын.: «Русалки *загульготаты* дытыну»; брест.: «*Заголькочуть* под рукамы, есьли поймають чэловека»³⁸. Эти же формы зафиксированы в Ровенском и Киевском Полесье³⁹. Сравнительно редко в Брестской области встречаются лексемы *кыцікать* / *закыцікать*; ср.: «Русалки можуть *закыцікаты*»⁴⁰; «Русалки в жыты, до тыбэ выхватецьця да *закыцікають*»⁴¹.

³³ О запретах щекотать людей в игровой ситуации см.: Добровольская В. Е. Щекотка: культурные смыслы и правила (по материалам Центральной России) // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 268–289.

³⁴ Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (Этюд о щекотке) // Смех: истоки и функции. СПб.: Наука, 2002. С. 37.

³⁵ НДП. С. 559, № 376; с. 558, № 369.

³⁶ Там же. С. 557, № 362; с. 558, № 371.

³⁷ Там же. С. 575, № 437.

³⁸ Там же. С. 559, № 374; с. 495, № 103.

³⁹ Галайчук В. Українська міфологія. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016. С. 160.

⁴⁰ НДП. С. 556, № 359.

⁴¹ Клімчук Ф. Д. Заходнепалескія русалкі. С. 217.

По единичным свидетельствам, в Ветковском р-не Гомельской обл. в аналогичном значении использовался глагол *стрыкотаты*; ср.: «Русаўки з жалезнымі щыцькамі, паймают і *застрыкочуть*»⁴².

За пределами Полесья действие щекотания обозначается (кроме общеизвестных терминов *щекотать*, *лоскотать*) глаголами: бел. гроднен. *казычыць*, рус. орлов., воронеж. *кызыкать*⁴³ и т. п. (см. выше), а также некоторыми другими: [русалка] *шлокоче* (бел. витеб.), *шалокчит* (рус. орлов.), *шыликает* (краснодар.); *скобоче* (укр. харьков.) и др. В Воронежской обл. запугивали детей косматой зубатой русалкой: «Поймает и будет вас *козякать*»⁴⁴.

Поскольку щекотание – это не только одно из характерных злокозненных действий русалок, но и их главный опознавательный признак, вариантами названий русалки часто выступают мифонимы типа: *лоскотуха* (укр. чернигов., волын., житомир.), *лоскотница* (укр. харьков.), *laskotka* (пол. люблин., хелм.), *казытка* (бел. диал., пол. подляс.), *щекоталка* (рус. рязан.), *щекотуха* (рус. орлов.) и т. п.⁴⁵

Для семантической реконструкции подобных глаголов большой интерес представляют также действия, сопутствующие щекотанию, которые описываются как однозначно вредоносные, например: *задушат*, *залоскочуть*; *людину гильгае*, *аж задушит*; *русалка валяе и шлокочэ*; *залоскочуть*, *замучывають*; *ў жыци находзили дзецей зашлакочаных – русалка задавила*⁴⁶; *мучают*, *лоскочат*, *щиплют*, *кусают* (полес. чернигов.)⁴⁷. В одном из рассказов, записанных в Полесском р-не Киевской обл., описывается ситуация, когда в нарушение запрета работать в поле на Русальной неделе женщина пропалывала грядки, оставив своего ребенка неподалеку, и вдруг слышит: «Те дитятко кричит, – русалка коло його вже загульгочуе, гульгоче»; мать прибежала на крик и видит: «лежит дитя сине, чорне – русалки загульготали. Вскрузь сине – *пощипали* його, те дитя, *покусали*»⁴⁸. Из этого сообщения остается непонятным, погиб ли младенец от щекотки или от щипков и укусов. Все эти

⁴² НДП. С. 684, № 868.

⁴³ Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. М.: Индрик, 1995. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. С. 197; СРНГ. Вып. 16. С. 200.

⁴⁴ Былички и бывальщины Воронежского края. С. 249.

⁴⁵ Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 147, 306; Виноградова Л. Н., Добровольская В. Е. Щекотать. С. 588.

⁴⁶ Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва).

⁴⁷ Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 166.

⁴⁸ Галайчук В. Демонологічні уявлення Середнього Полісся про русалок // Вісник Львівського університету. Серія історична. Вип. 43. 2008. С. 371–372.

сопутствующие действия позволяют воссоздать общий контекст щекотания как весьма агрессивного поведения русалки, наказывающей людей за неправильное поведение.

Трудно определить, выступают ли в качестве синонимов к глаголу *щекотать* такие лексемы, как *защчыпáть* и *защкрестí*, или они используются для обозначения других действий русалки, сопутствующих щекотанию ('щипать', 'скрести'); ср.: «Як челавека ани захвáтыць ешчо да двенацати [часов дня], дак яни яго *защкрэбуть*»; «...могли *защчэпáць* нáсмерть»⁴⁹. В некоторых текстах используются оба глагола как равнозначные; ср.: «Нападе на чоловика, дак *защчыплюць, заляскочуть*»⁵⁰.

Степень опасности щекотки отражается в многочисленных устойчивых выражениях типа «щекотать до смерти»: русалки могли *защчэпáць нáсмерть*; *залоскóчуть аж до смерти*; *так гилгóчуть, пока не умрэш*; *русалка шлукóчэ вельми, дак кончышся*; *з лóскату, кажут, людына умирае*; *шчэкотала она [людей] до тых пор, покуль не погинули*, и т. п. Такая же устойчивая формула *rusauka łoskocze na śmierć* характерна для поверий польского Подлясья и западных районов Люблинского воеводства⁵¹. Ощущения от щекотки иногда сравниваются с муравьиной беготней по телу человека: «Русалки излóвят и зашлокóчут, *яко мурашки*» (гомел.). Интенсивность щекотания часто определяется в текстах способом удвоения глагола: «Давай дытыну *лоскотаты-лоскотаты*»; «*Шлокóчэ-шлокóчэ*»; «Будут *щлекотáть-щлекотáть* и *защлекóчут*»; «Русалкы ей *заслокóчылы-заслокотáлы* до смэрти» и т. п.

Таким же способом изображается интенсивность и длительность истерического смеха жертвы щекотания: «Чоловек *рогóчэ-рогóчэ*, да и спасения нема»; «Як началí лоскотать, дак яна [женщина] *рягóчэ, да рягóчэ, да рягóчэ*»; «Каторый жэ баицца шчакóтки да *рагóчэ, рагóчэ* – можэ и умэрти»⁵². Либо реакцией человека на щекотание является громкий нервный смех, крик, визг: «[Русалки щекочут грудного ребенка] а воно *вижжыт* нэ своим духом, кончаецца»⁵³. Повсеместно в Полесье поведение человека в момент щекотания описывается как паническое, истерическое и воспринимается как мучение. Согласно единичным

⁴⁹ НДП. С. 482, № 27; с. 558, № 372.

⁵⁰ Там же. С. 562, № 391.

⁵¹ *Baranowski B.* W kręgu upiórów i wilkołaków. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1981. S. 97; *Pelka L. J.* Polska demonologia ludowa. Wrocław: Iskry, 1987. S. 102–103.

⁵² НДП. С. 561, № 388; с. 562, № 389; с. 647, № 674.

⁵³ Там же. С. 592, № 489.

сообщениям, в момент нападения на свою жертву сами русалки могут быть невидимыми для людей, а наблюдатели видят лишь конвульсии смеющегося до упада человека, который либо гибнет, либо сходит с ума.

Мифологические поверья. Чаще всего в диалектных текстах не обозначены конкретные зоны на теле человека, подвергнувшегося щекотке, лишь иногда встречаются уточнения: «загольгочуть человека *под руками*» (брест.); «шлокочэ *пуд рукамы*» (гомел.). В некоторых белорусских поверьях описывается еще такой экзотический способ нанесения вреда, как щекотание ребенка своими огромными грудями: «Русалкі як зловяць, так заласкочуць (заказычуць) цыцкамі»⁵⁴. Аналогичным образом вела себя *лобаста*, персонаж поверий Кизлярского отдела Терской области: она захватывает людей, проходящих мимо ее жилища, затаскивает в болото и щекочет сосками своих грудей, иногда даже до смерти⁵⁵. Жители украинского Причерноморья вредоносность щекотания представляли себе так, что русалки якобы хватают человека сзади под мышки и щекочут, заставляя его хохотать до тех пор, пока он не падает в обморок⁵⁶.

Таким образом, губительным для людей оказывается чаще всего смех до полного изнеможения. Вот как описывается этот процесс в южнорусских поверьях: «Сначала человек от этой щекотки или подошвы, или под мышками смеется, а потом смеется, смеется, смеется – и у него пропадают силы, и он умирает» (самар.); поймав человека, русалки «лоскочут его; от этого человек сначала хохочет, потом истомляется и почти всегда умирает» (воронеж.)⁵⁷. В соответствии с наблюдениями нейрофизиологов, механизмы бурного смеха действительно блокируют и речь, и мысль, и действия объекта щекотания, вызывая тем самым временную физическую беспомощность и безвольность смеющегося человека⁵⁸. По-видимому, именно этого состояния своей жертвы – неспособности к сопротивлению – и добиваются, по народным представлениям, демонические существа. Однако известно, что бурный смех – это свойство, принадлежащее исключительно человеку, а между тем щекотание как вредоносная мифологическая функция приписывается в народной

⁵⁴ ЭСБМ. Т. 4. С. 94–95.

⁵⁵ Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 177.

⁵⁶ Там же. С. 156.

⁵⁷ Самоделова Е. А. Русалки в Центральной России // Palaeoslavica. 2007. Vol. 15. № 1. Р. 273; Раевский А. Некоторые малороссийские поверья [Острогского у. Воронежской губ.] // Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии. Хрестоматия / сост., вступ. ст. и прим. Г. Н. Мокшина. Воронеж: Истоки, 2013. С. 123.

⁵⁸ Козинцев А. Г. Об истоках антиповедения... С. 29, 35.

культуре также и ласке, мучающей аналогичным способом домашнюю скотину. По-видимому, механизм вредоносного воздействия щекотки на животных заключается в чем-то другом, что трудно поддается определению на основе народных свидетельств.

В разных мифологических традициях восточных славян субъектами щекотания выступают кроме русалок некоторые другие персонажи нечистой силы. Там, где сохраняются представления о происхождении русалок из душ некрещеных детей, способность защекотать человека приписывается именно этим духам (укр. львов.)⁵⁹. Крайне редко эта же функция выступает в наборе признаков таких демонологических персонажей, которые обнаруживают отдаленное сходство с русалками. Например, склонность к щекотанию людей отмечается в карпатоукраинских поверьях о «мавках», «богинях», «лесницах» – женских мифических существах, появляющихся в дневное время в природных локусах. О них говорится, что они танцуют в злаковом поле, хлопают в ладоши, нападают на встречных, «заскобочуют» их на смерть⁶⁰. По северо-западным русским данным, *полудницы* появлялись в полдень, следя за тем, чтобы люди не работали в это время суток; кого встретят, «щокотом защекотят до смерти»⁶¹. Способностью щекотать спящих детей иногда наделяется *кикимора* (вологод.)⁶². К числу крайне редких относится сообщение о том, что принявшая облик свиньи ведьма может защекотать человека; чтобы избежать этого, надо ударить по тени этого животного правой рукой⁶³.

Из числа мужских персонажей функция щекотания приписывается иногда (по единичным свидетельствам) ходячим покойникам. По одному из украинских гуцульских рассказов, на проходившую поздно вечером мимо кладбища бабу напал мертвец и «заскоботал» ее до смерти; умерший муж навещает по ночам свою жену, ложится с ней, «лоскоче її і щипає»⁶⁴. Этим же способом вредят человеку черти, которые в виде

⁵⁹ *Biegeleisen H.* Matka i dziecko w obrzędach, wierzeniach i praktykach ludu polskiego. Lwów: Ateneum, 1927. S. 229; *Буйських Ю. С.* «Колись русалки по землі ходили...» Жіночі образи української міфології. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2018. С. 183.

⁶⁰ *Гнатюк В.* Нарис української міфології. Львів: Інститут народознавства НАНУ, 2000. С. 124.

⁶¹ *Померанцева Э. В.* Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции / отв. ред. И. М. Шептунов. М.: Наука, 1978. С. 148.

⁶² *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 66.

⁶³ Былички и бывальщины. Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К. Шумов. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1991. С. 274–276.

⁶⁴ *Гнатюк В.* Знадоби до української демонології // Етнографічний збірник. Львів: Етнографічна комісія Наукового товариства імені Шевченка, 1912. Т. 33. С. 131, № 223; Т. 34. С. 9, № 577.

деревенских парней приходили на вечерку и, напав на девчат, так щекотали их, «що дівчата ни могли зібрати си з духом, щоб утикати од їх». Потом девки долго лежали по домам больные, потому что вся кожа на них была разорвана чертями⁶⁵. Согласно белорусским поверьям, домовый (*хатнік*) ночью может щекотать (*казытаць*) сонных людей или прятать нужные им вещи⁶⁶. В ряде случаев это же вредоносное действие приписывалось русскому домовому: «Домовой мог смельчака защекотать и защипать почти на смерть» (владимир.)⁶⁷, а также *шуликунам*: «Шликуны защекачивали людей до смерти» (архангел.)⁶⁸.

Но чаще всего в восточнославянской мифологии функция щекотания приписывается (из числа мужских персонажей) лесным духам. В южнорусской демонологии мотив «леший щекочет человека» зафиксирован в Тульской, Пензенской, Саратовской, Нижегородской областях. Для обозначения этого персонажа часто используется мифоним *щекотунчик*⁶⁹. В мифологии Нижегородского Поволжья это вредоносное по отношению к людям действие лишь изредка соотносится с русалками, гораздо чаще оно характеризует поведение лесного духа, которого называли *дедушка-щекотун*⁷⁰. Вообще в нижегородской региональной традиции щекотание до смерти – это один из весьма популярных мотивов в наборе признаков разных персонажей: русалки, домового, лешего, проклятых детей, уведенных нечистой силой. В Городецком р-не Нижегородской обл. зафиксированы представления об особом типе мифических существ, называемых *щекотунчики* или *волосатики*. Они изображаются как очень косматые существа маленького роста, преследующие людей в лесу и поле; их злонамеренные действия сводятся исключительно к щекотанию встреченных людей⁷¹. Сходный тип номинации отмечается и в саратовских поверьях о неких «дикеньких мужичках», то есть лесных мифических существах, леших малого роста: «Малых леших, в отличие от больших, называют дикарями или

⁶⁵ Гнатюк В. Знадобы... Т. 33. С. 36, № 116.

⁶⁶ Лобач У. Хатнік // Беларуская мифалогія / навук. рэд. С. І. Санько. Энциклапедычны слоўнік. Мінск: Беларусь, 2004. С. 530.

⁶⁷ СРНГ. Вып. 6. С. 335.

⁶⁸ Там же. Вып. 11. С. 196.

⁶⁹ Титова О. Ю. Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья (конец XIX – нач. XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 82.

⁷⁰ Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Хромова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. С. 73.

⁷¹ Там же. С. 203, 400.

щекотунами»⁷². Аналогичным образом вредит людям леший, происхождение которого связано с «проклятыми людьми» (саратов.)⁷³. Для севернорусского лешего функция щекотания в целом не характерна и, хотя иногда она фиксируется в наборе признаков этого персонажа (например, в поверьях крестьян Архангельской губ.⁷⁴), может иметь и иной смысл – акустический. Так, леший, по рассказам, «сорокой шокочет и жерепцом на всяки виды, <...> наперво щекотал, а потом заржало...» (архангел.)⁷⁵. Это ценное свидетельство подтверждает, что для севернорусской традиции функция лешего *щекотать* могла пониматься как ‘оглушать криками’.

Мотив щекотания иногда выступает и в севернорусских лечебных заговорах от детской болезни, которая выражается в непрерывном ночном плаче грудного младенца. В них врачеватель обращается к духу болезни – *щекотихе-будихе* – с просьбой не щекотать ребенка, оставить его в покое⁷⁶. Однако этот фольклорный персонаж заговорной традиции не находит своего отражения в мифологических верованиях. Единственными источниками знаний о них выступают, во-первых, сами названия болезни (*полуночица-щекотунья*), указывающие на функцию щекотания, и, во-вторых, содержание заговоров от этого недуга. А в них термин *щекотун* (как название болезни) постоянно упоминается в ряду таких вариантов, для которых характерна акустическая семантика: *ревун, вопун, крикун, щекотун*⁷⁷. Ночной плач у детей на Русском Севере мог называться *Крикса, Крикливица, Ревун, Вопун, Щекотун*⁷⁸. Эпитетами к слову *щекотуха* тоже часто выступают слова со значением звучащей речи или птичьего щебетания: *щекотуха-лепетуха, щекотуха-щебетунья*⁷⁹.

⁷² Власова М. Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998. С. 138; Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Имп. Русского географического общества. Пг.: Имп. рус. геогр. о-во, 1916. Вып. 3. С. 1259.

⁷³ Минх А. Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. Собраны в 1851–1888 годах. Саратов: Саратовский областной методический центр культуры и творчества, 1994. С. 20.

⁷⁴ Ефименко П. С. Демонология жителей Архангельской губернии // Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год. Архангельск: Тип. Губ. правления, 1864. С. 51.

⁷⁵ Богатырев П. Г. Верования великорусов Шенкурского уезда // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4. С. 49.

⁷⁶ Русские заговоры и заклинания / под ред. В. П. Аникина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 46. № 83.

⁷⁷ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1903. С. 24; Власова М. Н. Русские суеверия. С. 570–571.

⁷⁸ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 43.

⁷⁹ Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. С. 24; Русские заговоры и заклинания. С. 47.

Всё это позволяет поставить под сомнение тот факт, что термины *щекотун*, *щекотуха* в данных заговорах изначально соотносились с действием щекотания как тактильного воздействия на кожу человека, а не входили в ряд глаголов звуковой семантики. В текстах заговоров от детского ночного плача, содержащих призывы, адресованные помощникам-целителям, «забрать недуги и унести их в дальние края», слово *щекотун* опять входит в ряд названий симптомов болезненного детского плача: *ревун*, *дённый рык*, *ночной вой*, *писк*, *визг*, *крик*; например: «Батюшка овин, возьми с моего младенца *щекотун* и *ревун* [то есть плач / крик], а ему дай сон и угомон»⁸⁰.

По поводу мифологического мотива щекотания можно предварительно обозначить следующую географию его распространения в пределах восточнославянской территории. Поскольку это вредоносное по отношению к людям действие считается у восточных славян главным опознавательным признаком русалок, для установления географии распространения этого мотива принципиально важно наблюдение Д. К. Зеленина о том, что для севернорусских русалок этот стереотип поведения не характерен⁸¹. Этот вывод подтверждается и более поздними полевыми записями из севернорусских областей⁸², а также выводами специалистов о том, что функция щекотания не характерна для севернорусских демонологических персонажей⁸³. Слабо выражен этот мотив и в характеристиках русалки северных районов Белоруссии (Поозерье, Полоцкий р-н Витебщины). Единичные свидетельства о щекочущих русалках находим лишь в Витебском районе этой же области⁸⁴. По мере продвижения на юг нарастает количество данных об этой демонологической функции; ср. белорусские гродненские свидетельства о *русалках-казытках*, щекочущих своих жертв⁸⁵. О достаточно высокой степени популярности изучаемого мотива в Полесье мы уже говорили. Практически повсеместно на Украине бытовали поверья о пристрастии русалок к щекотанию людей. На карте распространения южнорусских поверий о том, что русалка щекочет людей, составленной О. Ю. Титовой, этот мотив зафиксирован в следующих областях: Калужская, Тульская,

⁸⁰ Власова М. Н. Русские суеверия. С. 570; Русские заговоры и заклинания. С. 63–64.

⁸¹ Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 198.

⁸² Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. С. 144–149.

⁸³ Власова М. Н. Русские суеверия. С. 13.

⁸⁴ Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. 2. Ч. 1: Народная проза беларусаў Падзвіння / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. Наваполацк: ПДУ, 2011. С. 82–86.

⁸⁵ Federowski M. Lud białoruski... S. 75–76, № 218–222.

Орловская, Курская, Белгородская, Рязанская, Липецкая, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская⁸⁶. А в составе характеристик других мифологических персонажей (прежде всего лешего) мотив щекотания ярче всего представлен в восточных районах южнорусской этнокультурной зоны⁸⁷ и в Нижегородском Поволжье⁸⁸.

Еще дальше на юго-востоке европейской части восточнославянской зоны мотив вредоносного щекотания соотносится с женским образом *лобасты* или *албасты* (Астраханская губ., Пермский край, Терская область), которая описывается как высокая страшного вида баба с непомерно большой грудью, закинутой на плечи. Характерной особенностью ее поведения является щекотание до смерти своих жертв (руками или сосками отвисшей груди)⁸⁹. По свидетельству этнографов конца XIX в., русские старообрядцы, живущие в станицах по течению реки Терек, не имеют никаких представлений о русалках и леших, но наподобие русалки представляют себе лобасту – мифическую женщину большого роста с огромными, закинутыми за спину грудями; она хватает людей и щекочет их своими сосками⁹⁰. Считается, что в русские говоры мифоним *албаста* проник как тюркское заимствование⁹¹.

В свое время польский этнограф К. Мошиньский, пытавшийся определить зону распространения мотива щекотания, отметил, что он практически не встречается в мифологии Западной Европы, в то время как у народов Кавказа и Средней Азии целый ряд персонажей (в том числе «албасты») наделен этой функцией⁹². Таким образом, рассматриваемый мотив в целом не характерен для севернорусской мифологической традиции, слабо представлен в севернобелорусских и западнорусских верованиях, активно функционирует в полесских и украинских поверьях, существенно усиливается в южнорусской мифологии, особенно частотным является в поверьях Нижегородского Поволжья.

⁸⁶ Титова О. Ю. Ареальное исследование... С. 216.

⁸⁷ Там же. С. 83.

⁸⁸ Мифологические рассказы и поверья... С. 48, 73, 85, 101, 103, 203, 337.

⁸⁹ Зеленин Д. К. Избранные труды... С. 147, 212, 217–218; Власова М. Н. Русские суеверия. С. 12–14.

⁹⁰ Рогожин Т. Нечто из верований, поверий и обычаев ст. Червленной Кизлярского отдела Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 16. Тифлис: Типография Канцелярии Главногоначальствующего Гражданской частью на Кавказе, 1893. С. 63.

⁹¹ СРНГ. Вып. 1. С. 233.

⁹² Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. T. 2: Kultura duchowa. Cz. 1. S. 627.

Еще один вариант щекотания как вредоносной мифологической функции может быть рассмотрен на примере поверий о ласке, щекочущей домашний скот.

3. ЩЕКОТАНИЕ КАК ДЕЙСТВИЕ МИФОЛОГИЗИРОВАННЫХ ЖИВОТНЫХ, НАПРАВЛЕННОЕ НА ДОМАШНИЙ СКОТ

Рассказы о ласке, мучащей по ночам корову или лошадь щекоткой, от которой те становятся мокрыми от пота, встречаются в Полесье чаще всего в восточной его части (Гомельская, Черниговская, соседние районы Брянской обл.) и несколько реже – в западной (Брестская, Ровенская, Житомирская обл.)⁹³. Щекотание ласки в основном передается глаголами *ласкотать*, *лоскотать* и их фонетическими вариантами *слакотать*, *шлокотать*, *шэлектать* (ср. также брест. *шэлкотать*, сумск. *колошкать* – о щекотании русалки). В Гомельской, Брянской, Житомирской и Ровенской обл. щекотание скотины приписывается либо ласке и домовому (хлевнику), либо домовому в облике ласки, либо ласке, отождествляемой с домовым, вплоть до наименования ее *домовиком*. Ср. севернорусские представления о ласке как мифологизированном животном, также наделяемом функциями домового: в Архангельской обл. *ласка*, или *суседко*, – это домовый (Вилегодский р-н), он (*ласка*, м. р.) следит, чтобы скотина не болела (Вельский р-н); в Вологодской обл. *лаской* называют домового – *дедушка-соседушка* (Верховажский р-н) или считают, что зверек *ласка* обращается в домового – в *дворовушка* (Усть-Кубинский р-н); на северо-востоке Костромской обл. гривы коням, по поверьям, заплетает либо *ласка* (зверек или мифологизированное существо), либо *суседко*, либо *кикимора* (Вохомский р-н)⁹⁴. Демонологизацией и представлением об опасности зверька ласки для скота вызваны его табуистические, часто задабривающие наименования вроде укр.-закарпат. *мынька* («кошка, киска»), болг. диал. *хубавичка* («красавица»), *царева невеста*, н.-луж. *knjeniŝka* («барышня») и мн. др., в том числе рус. *ласка*⁹⁵. Интересно, что в отдельных селах гомельского Полесья ласку, как

⁹³ Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. С. 241.

⁹⁴ Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 31; Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (Екатеринбург).

⁹⁵ Карпатский архив Института славяноведения РАН (Москва), Закарпатье, Пилипец Межгорск., XIII.3, зап.: С. Е. Бушкевич, Е. Л. Чеканова; *Чучка П.* Прізвища закарпатських українців. Історико-етимологічний словник. Львів: Світ, 2005. С. 382; Гура А. В. Символика животных... С. 206, 208.

и русалку, называют *казытка*, то есть щекотка⁹⁶, а с другой стороны, русалку, щекочущую людей, представляют себе иногда в виде маленького черного зверька наподобие кошки (с которой, кстати, нередко сравнивают и ласку), но с «руками, як у чулувіка»⁹⁷. Ср. также русское диалектное наименование русалки *ластивочка*, сходное с названиями ласки⁹⁸. За пределами Полесья материал о щекочущей ласке с такой полнотой, как о русалке, не собирался. Известно только, что поверья о ласке (*ласточке*) или о домовом в облике ласки, щекочущем морду коня, известны на Украине шире. Так, в Харьковской обл. ласку (*ласточку*) считают «домовым» или «дворовой хозяйкой» и верят, что она может защекотать скотину, если та не одной с ней масти – «не по двору»⁹⁹. У белорусов на северо-востоке Могилевской обл. существует представление о ласке, которая бегает по спине и по брюху коня и *щчыкочыць* его лапами¹⁰⁰. По рассказам жителей Нижегородского Поволжья, ласка щекочет лошадей «под мышками» или домовый, называемый лаской, садится на спину теленку и щекочет его¹⁰¹. Выше по Волге, в Костроме, в начале XX в. в каждой пожарной команде держали козлов – считалось, что они оберегают лошадей от ласки, которая щекочет их и путает их гривы¹⁰². Поверье о ласке, иногда до крови щекочущей лошадь или корову, известно на северо-востоке Костромской обл. (в Павинском районе), на юге Архангельской обл. (в Вельском районе)¹⁰³. Встречается оно и на западе Русского Севера: по словам информанта из Мурманской обл., но родом из Водлозера Пудожского р-на Карелии, ласка (*ластоцка*) *щекотит* коня¹⁰⁴.

К щекотанию близки другие действия, сходные у русалки и ласки, – щипать, скрести (царапать, чесать, драть) и кусать. Их близость подтверждается языковыми данными, ср., например, том. *почипать* ‘пощипать, пощекотать’; смол. *щекотать* ‘скрести’; сев.-рус. *кабайтать*

⁹⁶ Мозырский р-н, Буйновичи, Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны. [Ч. 2] // Беларуская мова і мовазнаўства. Міжвузаўскі зборнік. Вып. 4. Мінск: Выдавецтва БДУ імя У.І. Леніна, 1976. С. 194; ЭСБМ. Т. 4. С. 95.

⁹⁷ Полесский архив, Лельчицкий р-н, Стодоличи, зап.: Т. И. Рудницкая.

⁹⁸ Без указания места; СРНГ. Вып. 16. С. 281.

⁹⁹ Муравський шлях – 97: Матеріали фольклорно-етнографічної експедиції / упор. Красиков М., Олійник Н., Осадча В., Семенова М. Харків: ХДІК, 1998. С. 227, 230.

¹⁰⁰ Мстиславский р-н, Ходосы, зап. А. В. Гуры.

¹⁰¹ *Виноградова Л. Н., Добровольская В. Е.* Щекотать... С. 589.

¹⁰² *Колгушкин Л. А.* Воспоминания // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 5. Кострома: Костромской обществ. фонд культуры, 2002. С. 91.

¹⁰³ Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (Екатеринбург); Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 31.

¹⁰⁴ *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика... С. 140.

‘царапать, щекотать’; псков., твер. *гнести* ‘сдавливать, чесать, щекотать’; кур. *ощекотать* ‘обклевать, обжесть (о птицах)’, чеш. *oštěchtati* ‘обклевать, обкусать, обгрызть’¹⁰⁵. Щипание относится к ласке не прямо, а опосредованно, через ее роль домового, охранительницы дома и скота, в которой она выступает у славян. По поверью крестьян Владимирской губ., домовый мог защекотать и зашипать насмерть того, кто осмеливался лечь спать на его «лежанку» над входом в подполье возле русской печи¹⁰⁶. Ср. также лужицкого коболяда (домового духа-обогатителя), который, по народным представлениям, щипал и сбрасывал с постели спящих, если ему не давали есть; кроме того, кобольд в виде ласки мог причинить вред хозяевам и их скоту¹⁰⁷. Ласка или домовый чешут, скребут против шерсти, дерут шерсть у скотины, которая им не по нраву. В Полесье ласка «дере корову», «облупит всю шерсть» (Черниговская обл.), «шкрабе» ее (Гомельская обл.), «скубёт шэрсть», «шкрэбае, як кут лапамы» (Брестская обл.). В Калужской обл. домовый «скребет против шерсти» корову или лошадь, если они «не по двору». Аналогичные рассказы о домовом записаны в Купянском уезде Харьковской губ., в Шенкурском р-не Архангельской обл., в Кемском р-не Карелии¹⁰⁸. Оппозиция «скрести – скользить» лежит в основе малопольского обычая класть за пазуху лягушку, чтобы не бояться щекотки¹⁰⁹. Слабее отражены в мифологических представлениях укусы ласки, вызывающие у коровы опухоли и порчу молока. Известно, что гуцулы отмечали день св. Власа, чтобы ласки не кусали скот¹¹⁰. Возможно также, что укусами ласки мотивировано одноименное с ней название рыжей осы *lasëca* у кашубов¹¹¹. Злокозненные действия ласки по отношению к скоту или же домового в образе ласки, поверья о котором распространены на русском Северо-Западе, распространяются далее на финно-угорскую языковую территорию. Так, в Ингерманландии домовый *tšärppä* (называемый горностаем, ближайшим родственником ласки) описывается как птица с черно-белыми крыльями, которая взбирается на спину корове, истязает ее и пьет с нее пот¹¹².

¹⁰⁵ СРНГ. Вып. 6. С. 239; Вып. 12. С. 279; Вып. 25. С. 101; Вып. 31. С. 15; Вып. 39. С. 332.

¹⁰⁶ Переяславский уезд; СРНГ. Вып. 6. С. 335.

¹⁰⁷ *Černy A. Istoty mityczne Serbów Łużyckich*. Warszawa: Drukarnia Rubieszewskiego i Wrotnowskiego, 1901. S. 23, 26.

¹⁰⁸ *Гура А. В. Символика животных...* С. 243–244.

¹⁰⁹ Санокский пов.; *Гура А. В. Символика животных...* С. 390.

¹¹⁰ *Цивьян Т. В.* К мифологическому обоснованию одного случая табу: ласка (*Mustela vulgaris*) // Проблемы славянской этнографии: К 100-летию со дня рождения Д. К. Зеленина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 191, прим. 12.

¹¹¹ Sychta. T. 3. S. 9.

¹¹² *Honko L. Geisterglaube in Ingermanland*. Helsinki: Suomalainen Tiedekat, 1962. P. 284.

У восточных славян как ласке, так и домовому приписывается еще одно действие, более распространенное, чем щекотание, – заплетание в виде косы гривы, а иногда и хвоста лошадям. В Полесье записано много подобных рассказов о ласке или домовом духе, а изредка также о черте. В соседнем Подлясье и западнее на польской территории состав персонажей, плетущих гриву, расширяется за счет зморы или мары (имеющих иногда облик белки или кошки) в восточной Польше и в Мазовше, карликов-краснолюдков – в гданьском Поморье и богинок – на юго-востоке Малопольши. У южных славян в Далмации, Боснии и Герцеговине плетение грив считалось занятиемвил, в Болгарии – самодив, то есть персонажей, наиболее близких к русалкам и богинкам. В Полесье зафиксировано единичное такое свидетельство о русалках: «Русалка заплетает косы – ци ана жэньшчына, ци ана шо. Ци ана з валшэбникаў скидаеца посьли сваей смерти, ета ужэ я не знаю. Заплете лошадь, если любить ана её, и так лоўко, так красиво, што чалавек не спяте. А есьли не наравицца [лошадь], буде аж шум [то есть пена] стаять на ём, так ганяе. И сароку вешали у сарае ат русалки» (Гомельская обл., Петриковский р-н, Комаровичи, зап. А. В. Гуры). На Украине в Харьковской губ. верят, что гривы лошадям заплетает домовый, в центральной правобережной Украине и у белорусов Гродненской губ. – черт, в центральной Белоруссии (в Смолевичском р-не Минской обл.) – ласка. На великорусской территории заплетание (завивание, спутывание) грив постоянно связывается с домовым или дворовым, в том числе (особенно в северных районах) в виде ласки: в Курской, Воронежской, Брянской, Тульской, Владимирской, Новгородской, Костромской, Вологодской (Кадуйский, Сокольский, Кирилловский р-ны), Архангельской (Виноградовский, Мезенский р-ны), Свердловской областях¹¹³.

Если щекотка и подобные ей действия русалки по отношению к людям однозначно воспринимаются как губительные и безальтернативные, то те же действия по отношению к скоту ласки или домового, тоже оцениваемые как вредоносные, могут меняться на положительные в зависимости от отношения этих мифологических персонажей к тому или иному животному, вызванного подбором его масти. В рассказах информантов такое отношение повсеместно выражается словами *любит* или *не любит*. Так, русалка, «як не злобе (чи злобе), може залоскотати, лоскоче – поки залоскоче» (Харьковская обл., Валковский

¹¹³ Гура А. В. Символика животных... С. 224–227; Черепанова О. А. Мифологические рассказы... С. 24. № 79, С. 28. № 111–113; Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (Екатеринбург); Словарь говоров Русского Севера... Т. 7. С. 31.

р-н)¹¹⁴. Ласка же щекочет, дерет шерсть лишь у той скотины, которую она невзлюбила: «*Не любе*, дак буде ласкатаць скацину» (Гомельская обл., Добрушский р-н, Дубровка, зап. А. В. Гуры). А поллюбившуюся скотину гладит, чешет ей шерсть до блеска – *любыть, ласкае, дружить, гуляе* с ней. Отношение ласки к коню напоминает любовное ухаживание: «Ласовица *любыть* каня», плетет гриву тому, «каторага она *любыть*» (Белостоцкое воев., Вежхлесе, зап. А. В. Гуры); «Ласица гуляе зь им, па ём лази. И ана яму и гриву заплете. *Злюбила* ана таго каня и зь им гуляе» (Гомельская обл., Мозырский р-н, Барбаров, зап. А. В. Гуры). «Ластоцка <...> видать, *любит* лошадь, что косы заплетает» (Карелия, Водлозеро)¹¹⁵. Белорусский хлевник, подобно ласке, взлохмачивает шерсть нелюбимой скотине, скручивает гривы и хвосты в колтуны, отталкивает нелюбимую скотину от корма и переносит его к любимцам¹¹⁶.

Выше мы отмечали связь между ласканием и щекоткой, базирующуюся на этимологическом родстве **laskati* и **laskotati*. Оба действия приписываются ласке, но и название самого зверька, табуистическое по происхождению, тоже этимологически относится к ним. Созвучие слов в мифологических, фольклорных и прочих культурных контекстах способно прояснять забытые, утраченные языком связи, оживляя так называемую этимологическую память слова¹¹⁷. Фонетическая близость наименования зверька *ласка* и лексики, характеризующей в традиционных представлениях его нрав, поведение и действия по отношению к человеку за учтливое, задабривающее обращение к нему (пол. *laskawy* ‘доброжелательный, приветливый, ручной’, *lasić się* ‘ластиться’¹¹⁸) и к скоту (*ласкать* и *ласкотать*), проясняет этимологическое родство всех этих слов, связанных в конечном итоге с **laska* ‘ласка, нежность’¹¹⁹.

Среди действий, приписываемых ласке, имеется еще одно – гладить, тесно связанное по смыслу с ласканием: ласка гладит поллюбившуюся ей скотину. Значение ‘ласкать’ во многих славянских языках сопутствует основному значению глаголов, восходящих к **gladiti*¹²⁰. Особенность мифологических текстов заключается в том, что они «монтируются»

¹¹⁴ Муравський шлях – 97... С. 275.

¹¹⁵ Черепанова О. А. Мифологическая лексика... С. 140.

¹¹⁶ Васілевіч У. Хлеўнік // Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. Мінск: Беларусь, 2004. С. 533.

¹¹⁷ Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 89–90.

¹¹⁸ Гура А. В. Символика животных... С. 200, 202, 245.

¹¹⁹ ЭССЯ. Т. 14. С. 36–41.

¹²⁰ Там же. Т. 6. С. 114–115; о пол. *glaskać* ‘гладить, ласкать’ см.: Там же. Т. 16. С. 82.

из отдельных элементов, которые могут вступать в разные сочетания друг с другом¹²¹, как, например, субъекты и объекты щекотания (щекочет человека и русалка, и домового, но и русалка может щекотать русалку). В Полесье ласка *любит*, *ласкает* и *гладит* скотину одной с ней масти; у русских домового *гладит* скот, который ему «по двору» (Воронежская, Смоленская, Новгородская губ., Архангельская обл.), а также *гладит* шерстистой лапой спящего хозяина, что в Костромской губ. считалось добрым предзнаменованием. То же действие (*гладить*) применяется у белорусов Гродненской губ. и по отношению к самому домовому духу-обогатителю: хозяева держат его за печкой и гладят. А в Слуцком уезде действия, характеризующие ласку и домового, совершали по отношению к скоту хозяева: гладили и ласкали (*гладзяць* и *лашчаць*) коров на Рождество, чтобы они были гладкие и хорошо велись¹²². На Мезени о таких же действиях хозяева просят домового, когда приводят в дом новую скотину: «Дедушко-доможирушко, *полюби* мою скотинушку, *люби* своей дорогой *ласкоточкой*, *гладь* своей золотой лапочкой»¹²³. Сюда же можно добавить еще одно действие домового (хлевника) по отношению к скоту неверно подобранной масти, втянутое в это семантическое поле по созвучию его названия с *ласкать* и *лоскотать*, но этимологически не связанное с ними, – бел. *ляскаць* ‘щелкать кнутом’¹²⁴: хлевник живет в хлеву, мучит по ночам лошадей, которые ему не под масть, в руках носит кнут – пугу и часто ею *ляскает*¹²⁵. Таким образом, в различных локальных традициях одни и те же действия (и созвучные им по названию) характеризуют определенный круг персонажей (хозяина, домового, ласку, скот), которые могут выступать в одних случаях в качестве субъекта, в других – в качестве объекта действия.

Глаголу *щекотать* в его основном значении омонимичен глагол *щекотать*, обозначающий звуки, которые издают птицы и некоторые другие животные. Обычно семантически эти глаголы разделяют, считая, что этимологически объединение их затруднительно¹²⁶. Так или иначе, но семантически они взаимодействуют, и пересечений между ними достаточно (ср., например, созвучные южнославянским соответствиям

¹²¹ См.: Гура А. В. Лунные пятна: способы конструирования мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. М.: Индрик, 2006. С. 460–484.

¹²² Гура А. В. Символика животных... С. 243–245.

¹²³ Черепанова О. А. Мифологические рассказы... С. 89.

¹²⁴ ЭССЯ. Т. 15. С. 166–167.

¹²⁵ Гура А. В. Символика животных... С. 242–243.

¹²⁶ Фасм. Т. 4. С. 500.

к рус. *щекотать*, буковин. *скоготати*, *скиготати* ‘щекотать’ и бел. *скагатаць*, *скигатаць* ‘визжать’). Если сравнить спектр диалектных значений звукоподражательных глаголов, имеющих то или иное отношение к щекотанию как щекотке и как щёкоту (*щекотать*, *щекáтить*, *щекáть*, *лоскотать*, *стрекотать* и т. п.), то мы обнаружим у них три группы значений: связанных с говорением (болтать без умолку, пустословить, громко и резко говорить, ругаться), с различными видами шумов (шуметь, трещать, щелкать бичом, стучать зубами, лязгать) и с криками животных и птиц (щебетать, стрекотать, чирикать, каркать, лаять, пищать). Каково направление развития этих значений, сказать трудно, поскольку есть разные примеры такой семантической деривации (ср., например, архангел., олонец. *говорить* ‘о птицах: петь, щебетать, каркать и т. п.’ и кашуб. *gigotac* ‘гоготать (о гусях)’, ‘болтать, молотъ вздор’¹²⁷).

Звукоподражательный глагол *щекотать* используется в русской культурно-языковой традиции для передачи пения или крика разных птиц. Так, в фольклорных текстах он характеризует щебет ласточки: «*Щекотала* ластунюшка на заре» (Дон)¹²⁸. Ласточка, название которой родственно названию ласки, наделяется иногда, подобно ей, функцией покровителя дома и скота. Сходным образом передается, особенно в народных песнях, пение жаворонка: «Жавролёночек, он по поднебесью летает, / Жалобнехонько он *щекотает*» (Олонецкая губ.)¹²⁹ и *щёкот* соловья: «Как соловьюшка *защекотывал*, / Красны девушки заигрывали» (Уфимская губ.); «*Защектал* он по-соловьиному» (Олонецкая, Курская губ.); «Соловьюшка *защелокчет*, / Молоденький защелокчет» (Орловская губ.)¹³⁰. В свадебной песне из слободы Трехизбянской Харьковской губ. со смешанным украинско-русским населением щекотание соловья обозначает клевание (хватание клювом) как поэтическую метафору поцелуя: «Салавей калину *щекатал*, / А Михайлушка Марьюшку целавал»¹³¹. *Щекочут* (то есть чирикают) также воробей (в песне из Вологодской губ.: «Сел воробей на трепягу, / Стал воробей *щекотати*») ¹³² и кукушка, птица из отряда воробьиных (архангел.)¹³³. Так же иногда передается

¹²⁷ СРНГ. Вып. 6. С. 256–257; Sychta. Т. 1. S. 318.

¹²⁸ Там же. Вып. 11. С. 284.

¹²⁹ Там же. Вып. 3. С. 195.

¹³⁰ Там же. Вып. 11. С. 196.

¹³¹ Слобода Трехизбянская // Этнографический сборник, издаваемый Имп. Русским географическим обществом. СПб.: Типография Э. Праца, 1858. Вып. 3. С. 10.

¹³² СРНГ. Вып. 45. С. 49.

¹³³ Словарь говоров Русского Севера... Т. 4. С. 245.

и курлыканы журавлей: *щокочут* (костром.)¹³⁴. *Щекотуньей* и *щекоткой* часто называют и стрекочущую сороку¹³⁵. С ней сравнивают тараторящую без умолку женщину: «Защекотала, как сорока» (ярослав.)¹³⁶. Стрекотание сороки передается глаголом *щекотать* во многих русских говорах¹³⁷. С лаской и с ласточкой сороку, имеющую черно-белую окраску, связывает поверье о том, что, пробегая или пролетая под коровой, эти белобрюхие животные вызывают появление крови в молоке: их светлое брюшко символизирует белое молоко, а темная спина, обращенная к вымени, когда они находятся под коровой, – красную кровь¹³⁸. Кроме того, убитую сороку вешают в хлеву в качестве оберега и от ласки, и от домового. Белорусский хлевник, по поверьям, не переносит не только убитую, но и живую сороку, когда та стрекочет на крыше хлева, выдавая тем самым его присутствие, и приходит в ярость, срывая гнев даже на любимой скотине¹³⁹. Ср. также существовавшие в Кадниковском уезде Вологодской губ. поверья о стерегущем клады злом духе *щекотуньей* в облике сороки, которая *щекочет*, и о кладах, выходящих из земли в виде различных белых животных, в том числе горностаев, которые своим внешним видом и окраской меха (зимой – белой) очень напоминают ласку¹⁴⁰. О связи гусяного гоготания с щекотанием мы уже говорили выше. Весьма отдаленную связь с *лоскотать* ‘щекотать’ имеет бел. *ляскатаць* ‘трещать клювом (об аисте)’, восходящий, как полагают, к интенсиву **leskotati* (как преобразованию вследствие сингармонизма глагола **laskotati*)¹⁴¹. Глаголы, относящиеся к этой группе, имеют значения громкого говорения и различных резких звуков, из которых белорусскому наименованию треска аистинного клюва наиболее близко ляганье зубами (ср. чеш. морав. *leškotat’* ‘стучать зубами’). К этому же гнезду относят и производное укр. *ліскотуха* ‘иволга’¹⁴².

Среди диких зверей опосредованное отношение к щекотанию имеют два близких родственника ласки из того же семейства куньих – куница

¹³⁴ Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (Екатеринбург).

¹³⁵ Ярославский областной словарь / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. [Вып. 1–10]. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991 (далее – ЯОС). С. 84; Даль. Т. 4. С. 653.

¹³⁶ ЯОС. Вып. 4. С. 114.

¹³⁷ ССГ. Вып. 11. С. 165; *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 449; СРНГ. Вып. 13. С. 92; Вып. 17. С. 339.

¹³⁸ *Гура А. В.* Символика животных... С. 247–248.

¹³⁹ *Васілевіч У.* Хлеўнік. С. 534.

¹⁴⁰ *Гура А. В.* Символика животных... С. 202, 242, 557–558.

¹⁴¹ ЭССЯ. Т. 14. С. 136.

¹⁴² Там же.

и хорь. В украинских говорах ровенского Полесья для передачи голоса куницы, сравниваемого с сорочьим, используется глагол *стрикотати*: «Куница стрикоче, як сорока» (Сарненский р-н)¹⁴³. Несмотря на то, что имеются примеры передачи щекотания глаголами *стрекать* и *стреко-тять*, это глагол звукоподражательный, однако в нем можно видеть аллюзию, отсылающую к щекотанию как занятию ласки.

Мотив щекотания, характерный для ласки и домового, метафорически распространяется на хоря – на издаваемый им скрипучий звук, который лексически передается глаголом *щекотать*¹⁴⁴. Это опять-таки отсылает нас к характерным занятиям ласки и домового по отношению к скоту, тем более что хорьки, подобно ласке, считаются распорядителями двора¹⁴⁵. Севернорусские названия, общие для нечистого духа, черта и ласки в роли домового – *шшиш*, *шшишко*, *шшишок*, *шешка* и т. п., – встречаются и в качестве названия хоря.

Любопытно, что на периферии ареала представлений о щекочущей русалке встречаются некоторые весьма причудливые контаминированные мифологические персонажи. Один из них – русалка в виде кузнечика. Стрекотание кузнечика передается звукоподражательными глаголами смолен. *щекотать*¹⁴⁶ и ярослав. *щековать*¹⁴⁷. В польском Подлясье, в районе Белостока, кузнечику приписывают некие демонические свойства, которые соотносят его с русалкой. Так, в с. Тополяны Белостоцкого пов., чтобы дети не ходили в жито, их пугают сидящими там кузнечиками («Кóзачки зяленые ў жыци скачуць, якбы куза́ки, якбы коник польны»), подобно тому, как в других местах их пугают русалкой в жите. Говорят: «Кóзачки там скачуць, та укусиць!» (зап. А. В. Гуры). В с. Вежхлесе Сокульского пов. детей пугают русалкой: «Не йдзеце, дзеци, ў жыта, там русаўка!» Ее представляют себе либо как существо «з длугими валасами и з хвастом», которое «лапае дзяцей», либо как кузнечика: «Муси, козачка зялёна, коник» (зап. А. В. Гуры). Для зоны белорусско-подлясского пограничья характерны «козьи» названия щекотания (подляс. *kozytać*, гроднен. *казыта́ць*, *казытка*) и такие же названия кузнечика (подляс. *koza*, *kozka*, *кóзачка*, гроднен., брест. *казулька*, *казель*, *казялок*, *козлик* и т. п.), сходные с наименованием русалки *казытка* (ср. также

¹⁴³ Аркушин. Т. 2. С. 180.

¹⁴⁴ Даль. Т. 4. С. 606, 653.

¹⁴⁵ Черепанова О. А. Мифологическая лексика... С. 140.

¹⁴⁶ ССГ. Вып. 11. С. 165.

¹⁴⁷ ЯОС. Вып. 10. С. 83.

рус. диал., без указания места, *мáвка* «кузнечик, житничек домовый»¹⁴⁸). Нельзя исключать здесь также роль балтийского субстрата: для литовцев Восточной Пруссии, соседнего с Подлясьем региона, характерно было особое отношение к кузнечику, о чем свидетельствует приводимое К. Мошиньским сообщение Эрхардта Вагнера (начало XVII в.), который с удивлением отмечал то «религиозное» почитание, с которым относились литовцы к этим насекомым¹⁴⁹.

На противоположной периферии ареала, в Медвежьегорском р-не Карелии, зафиксировано поверье о *хоре* – мифическом существе в облике большой рыбы, которая может бегать по земле, особенно утром по росе¹⁵⁰. В этом гибридном образе соединились представления о водяной русалке с рыбьим хвостом и о хоре как близком родственнике ласки, с которой его роднят в том числе и функции дворового, а также, возможно, и поверья о собирании росы как способе отбирания молока, который приписывается некоторым мифологическим персонажам.

Что касается ареального аспекта, трудно пока точно определить, как географически соотносятся между собой функции щекотания у русалки и ласки. Можно лишь констатировать их совмещение в двух зонах – Полесья и Верхнего Поволжья, а южнорусскую зону, где образ ласки ближе к образу домового, скорее всего, следует исключить. В языковом отношении к названиям щекотки параллельно выстраивается ряд звукоподражательной глагольной лексики, служащей для передачи звуков, связанных с человеческой речью, криками животных, резкими шумами, производимыми людьми, и т. д. По-видимому, существует некое взаимное притяжение между глагольными итеративами со значением интенсивного способа действия, относящимися, с одной стороны, к тактильной сфере, а с другой – к звуковой, акустической. Аналогичную картину можно наблюдать и в народной традиции, где мотив щекотания создает корреляцию между сильным физическим раздражением, которое ощущают люди и скот в результате неустанно повторяющихся действий мифологических персонажей (демонов и животных), и слуховым восприятием неугомонных, часто раздражающих криков и звуков животного происхождения, которыми наделяются фольклорные и некоторые демонологические персонажи.

¹⁴⁸ СРНГ. Вып. 17. С. 287.

¹⁴⁹ *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. S. 550; *Гура А. В.* Символика животных... С. 517–518.

¹⁵⁰ *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика... С. 16, 140.

Литература

- Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік / навук. рэд. С.І. Санько. Мінск: Беларусь, 2004. С. 533–534.
- Буйських Ю. С.* «Колись русалки по землі ходили...». Жіночі образи української міфології. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2018.
- Виноградова Л. Н., Добровольская В. Е.* Щекотать // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 588–589.
- Власова М. Н.* Русские суеверия. Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 1998.
- Галайчук В.* Українська міфологія. Харків: Клуб сімейного дозвілля, 2016.
- Гнатюк В.* Нарис української міфології. Львів: Інститут народознавства НАНУ, 2000.
- Гура А. В.* Лунные пятна: способы конструирования мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2006. С. 460–484.
- Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.
- Добровольская В. Е.* Щекотка: культурные смыслы и правила (по материалам Центральной России) // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 268–289.
- Етимологічний словник української мови: в 7 т. / редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Київ: Наукова думка, 1982–. Т. 1–.
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии. М.: Индрик, 1995. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки.
- Клімчук Ф. Д.* Заходнепалескія русалкі // Праблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі. Матэрыялы Першай міжнароднай навуковай канферэнцыі. Памяці этналінгвіста-славіста акадэміка Расійскай, Македонскай і Аўстрыйскай акадэміі навук Мікіты Талстога да 80-годдзя з дня нараджэння / уклад. В. Ліцьвінка. Мінск: БДУ, 2003. С. 217–225.
- Козинцев А. Г.* Об истоках антиповедения, смеха и юмора (Этюд о щекотке) // Смех: истоки и функции / под ред. А. Г. Козинцева. СПб.: Наука, 2002. С. 5–42.
- Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Хромова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007.
- Померанцева Э. В.* Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции / отв. ред. И. М. Шептунов. М.: Наука, 1978. С. 143–158.
- Самоделова Е. А.* Русалки в Центральной России // Palaeoslavica. Vol. 15. № 1. Cambridge, 2007. P. 260–274.
- Титова О. Ю.* Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья (конец XIX – нач. XXI в.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

- Трубачев О. Н.* Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.
- Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983.
- Черепанова О. А.* Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. О. А. Черепанова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–. Т. 1–.
- Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / уклад.: І. І. Лучыц-Федарэц, Г. А. Цыхун, Н. С. Шакун; гал. рэд. Г. А. Цыхун. Мінск: Навука і тэхніка : Беларуская навука, 1978–. Т. 1–.
- Baranowski B.* W kręgu upiorów i wilkołaków. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie, 1981.
- Černý A.* Istoty mityczne Serbów Łużyckich. Warszawa: Drukarnia Rubieszewskiego i Wrotnowskiego, 1901.
- Honko L.* Geisterglaube in Ingermanland. Helsinki: Suomalainen Tiedeakat, 1962.
- Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. Т. 2: Kultura duchowa. Cz. 1.
- Pelka L. J.* Polska demonologia ludowa. Wrocław: Iskry, 1987.
- Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1973. Knj. 1–3.

References

- Baranowski, B., 1981. *W kręgu upiorów i wilkołaków*. Lodz: Wydawnictwo Łódzkie.
- Buis'kykh, Iu. S., 2018. “*Kolys' rusalki po zemli khodyly...*” *Zhinochi obrazy ukrains'koi mifolohii* [“Once upon a time rusalki walked the earth...” Female Images of Ukrainian Mythology]. Kharkiv: Klub simeinoho dozvillia.
- Cherepanova, O. A., 1983. *Mifologicheskaia leksika Russkogo Severa* [Mythological Vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta. (in Rus.)
- Cherepanova, O. A., ed., 1996. *Mifologicheskie rassказы i legendy Russkogo Severa* [Mythological Stories and Legends of the Russian North]. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta. (in Rus.)
- Černý, A., 1901. *Istoty mityczne Serbów Łużyckich*. Warsaw: Drukarnia Rubieszewskiego i Wrotnowskiego.
- Dobrovól'skaia, V. E., 2011. *Shchekotka: kul'turnye smysly i pravila (po materialam Tsentral'noi Rossii)* [Tickling: Cultural Meanings and Rules (Based on Materials from Central Russia)]. *Antropologicheskii forum*, 14, pp. 268–289. (in Rus.)
- Gura, A. V., 1997. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoj narodnoi traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Indrik. (in Rus.)

- Gura, A. V., 2006. Lunnye piatna: sposoby konstruirovaniia mifologicheskogo teksta [On the methods of constructing a mythological text: Slavic folk beliefs regarding the spots of the moon]. In: Tolstaia, S.M., ed., 2006. *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Semantika i pragmatika teksta* [Slavic and Balkan folklore. Semantics and Pragmatics of the Text]. Moscow: Indrik, pp. 460–484. (in Rus.)
- Halaichuk, V., 2016. *Ukrains'ka mifolohiia* [Ukrainian Mythology]. Kharkiv: Klub simeinoho dozvillia. (in Ukr.)
- Hnatiuk, V., 2000. *Narys ukrains'koi mifolohii* [Sketch of Ukrainian Mythology]. Lviv: Instytut narodoznavstva NANU. (in Ukr.)
- Honko, L., 1962. *Geisterglaube in Ingermanland*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakat.
- Klimchuk, F. D., 2003. Zakhodnepaleskiiia rusalki [West Polesie Rusalki]. In: Lits'vinka, V., ed., 2003. *Prablemy uskhodneslavianskai etnalinhvistyki. Materyialy Pershai mizhnarodnai navukovai kanferentsyi. Pamiatsi etnalinhvista-slavista akademika Rasiiskai, Makedonskai i Austriyskai akademii navuk Mikity Talstoia da 80-hoddzia z dnia naradzhennia* [Problems of East Slavic ethnolinguistics. Materials of the first international scientific conference. In Memory of the Ethnolinguist-Slavist Academician of the Russian, Macedonian and Austrian Academies of Sciences Nikita Tolstoy on the Occasion of His 80th Birthday]. Minsk: BDU, pp. 217–225. (in Belarus.)
- Korepova, K. E., Khromova, N. B., Shevarenkova, Iu. M., eds, 2007. *Mifologicheskie rasskazy i pover'ia Nizhegorodskogo Povolzh'ia* [Mythological Stories and Beliefs of the Nizhny Novgorod Volga Region]. Saint Petersburg: Tropa Troianova. (in Rus.)
- Kozintsev, A. G., 2002. Ob istokakh antipovedeniia, smekha i iumora (Etiud o shchekotke) [On the origins of antibehavior, laughter and humor]. In: Kozintsev, A.G., ed., 2002. *Smekh: istoki i funktsii* [Laughter: Origins and Functions]. Saint Petersburg: Nauka. (in Rus.)
- Mel'nychuk, O. S., et al., eds, 1982–2012. *Etymolohichnyi slovnyk ukrains'koi movy. V 7 t.* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. In 7 vol.]. Kiev: Naukova dumka. Vol. 1–6. (in Ukr.)
- Moszyński, K., 1967. *Kultura ludowa Słowian*. Warsaw: Książka i Wiedza. Vol. 2: Kultura duchowa, part 1.
- Pełka, L. J., 1987. *Polska demonologia ludowa*. Wrocław: Iskry.
- Pomerantseva, E. V., 1978. Mezhetnicheskaia obschnost' poverii i bylichek o poludnitse [Interethnic Community of Beliefs and Stories about Poludnitsa (Lady Midday)]. In: Sheptunov, I. M., ed., 1978. *Slavianskii i balkanskii fol'klor. Genezis. Arkhaiika. Traditsii* [Slavic and Balkan Folklore: Genesis. Archaism. Traditions]. Moscow: Nauka, pp. 143–158. (in Rus.)
- Samodelova, E. A., 2007. Rusalki v Tsentral'noi Rossii [Rusalki in Central Russia]. *Palaeoslavica*, XV (1), pp. 260–274. (in Rus.)
- San'ko, S. I., ed., 2004. *Belaruskaiia mifalohiia. Entsyklapedychny slounik* [Belarusian Mythology. Encyclopedic Dictionary]. Minsk: Belarus'. (in Belarus.)

- Skok, P., 1971–1973. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Vol. 1–3.
- Titova, O. Iu., 2015. *Areal'noe issledovanie mifologicheskikh predstavlenii russkikh Tsentral'nogo Chernozem'ia* [Areal Research of Mythological Representations of the Russians of the Central Black Earth Region (late XIX – early XXI Century)]. Dis... kand. ist. nauk. The RAS N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology. (in Rus.)
- Trubachev, O. N., ed., 1974–. *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. Moscow: Nauka. Vol. 1–. (in Rus.)
- Trubachev, O. N., 2004. *Trudy po etimologii. Slovo. Istoriia. Kul'tura*. [Writings on Etymology. Word. History Culture]. Moscow: iazyki slavianskoi kul'tury. Vol. 1. (in Rus.)
- Tsykhun, H. A., Luchyts-Fedarets, I. I., Shakun, N. S., eds, 1978–. *Etymalahichny slounik belaruskai movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Minsk: Navuka i tekhnika, Belarускаia navuka. Vol. 1–. (in Belarus.)
- Vasmer, M., 1986–1987. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Progress. Vol. 1–4.
- Vinogradova, L. N., Dobrovol'skaia, V.E., 2012. *Shchekotat'* [Tickle]. In.: Tolstoi, N. I., ed., 2012. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar' v 5 tomakh* [Slavic Antiquities. Encyclopedic Dictionary in 5 Volumes]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 5, pp. 588–589. (in Rus.)
- Vlasova, M. N., 1998. *Russkie sueverii. Entsiklopedicheskii slovar'* [Russian superstitions. Encyclopedic Dictionary]. Saint Petersburg: Azbuka. (in Rus.)
- Zelenin, D. K., 1995. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii* [Selected Writings. Essays on Russian Mythology]. Moscow: Indrik. Vol. 1: *Umershie neestestvennoi smert'iu i rusalki* [Dead Unnatural Deaths and Rusalki]. (in Rus.)

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СМС-КОММУНИКАЦИИ В РУССКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

Сандра Хаджихалилович

доктор филологических наук, доцент, директор
Отдела русистики, Задарский университет
Почтовый адрес: Набережная короля Петра
Крешимира IV/2, Задар, 23000 Хорватия
Электронный адрес: shadziha@unizd.hr

Аннотация

В статье определяется круг проблем, связанных с орфографическими правилами, используемыми в мобильной коммуникации*, уделяется особое внимание СМС-коммуникации. СМС-сообщения являются одним из самых часто используемых способов коммуникации сегодня. Предметом нашего исследования является язык частных СМС, который с трудом поддается описанию, и этим объясняется в высшей степени свободное обращение пишущих с нормами литературного языка, а также появление многочисленных регионализмов, вульгаризмов, диалектизмов, неологизмов и т. д. Хотя речь идет о разговорной, а не литературной лексике и написании СМС-сообщений без соблюдения орфографических правил, мы отмечаем, что некоторые закономерности существуют как в хорватском, так и в русском языке. Можно сказать, что с появлением виртуальной коммуникации в противоположность традиционным (письменным) жанрам разговорного языка возникают новые современные жанры и стили письменной разговорной речи, то есть устанавливаются и создаются новые правила, отличающиеся от правил традиционной орфографии. В статье указываются последние исследования по данной теме и анализируются СМС-сообщения на орфографическом уровне. Корпус исследованных текстов включает несколько десятков СМС-сообщений, разных по стилю речи, в которых отражены некоторые особенности СМС-коммуникации в русском и хорватском языках.

Ключевые слова

Орфография, СМС-коммуникация, русский язык, хорватский язык

Статья поступила в редакцию 16 февраля 2020 г.

Цитирование: *Хаджихалилович С.* Орфографические особенности СМС-коммуникации в русском и хорватском языках // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2021. Т. 16. № 1–2. С. 39–55. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.02>

* *Функциональная классификация* основана на изучении речевых актов и видов языкового общения. Она делит языки на естественные – языки, которые служат средством коммуникации (устной и письменной), и искусственные – языки науки и технологии (логические, языки программирования, информационные). См.: *Hadžihalilović S.* Uvod u studij ruskoga jezika. Zadar: Sveučilište u Zadru, 2015. S. 123–124.

SPELLING FEATURES OF SMS COMMUNICATION IN RUSSIAN AND CROATIAN LANGUAGES

Sandra Hadžihalilović

Ph.D., Assistant Professor, Head of the Department
of Russian Studies, University of Zadar

Postal address: Obala kralja Petra Krešimira IV/2,
Zadar, 23000 Croatia

E-mail: shadziha@unizd.hr

Abstract

In this article, we define the range of problems associated with spelling rules used in mobile communication, with a focus on SMS communication. SMS messages are one of the most common methods of communication today. The subject of our research is the language of private SMS, which is difficult to describe. This is explained by the liberties users take with the norms of the literary language, as well as the appearance of numerous regionalisms, vulgarisms, dialectisms, neologisms, etc. Although we are talking about colloquial vocabulary, not literary, and SMS messages that do not observe spelling rules, we note that some patterns exist and are used in both Russian and Croatian languages. We can say that with the advent of virtual communication, in contrast to the traditional (written) genres of spoken language, new modern genres and styles of written colloquial speech have appeared; that is, new rules are established and created that differ from the rules of traditional spelling. Drawing on the latest research on this topic, we analyse SMS messages at the spelling level. The corpus of the studied texts includes several dozen SMS messages of different styles of speech, which reflect some of the features of SMS communication in the Russian and Croatian languages.

Keywords

Spelling, SMS communication, Russian language, Croatian language

Received 16 February 2020

How to cite: *Hadžihalilović, S.*, 2021. Orfografičeskie osobennosti SMS-kommunikatsii v russkom i khrovatskom iazykakh [Spelling Features of SMS Communication in Russian and Croatian Languages]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 39–55. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.02>

С появлением блогов, форумов и чатов возник новый способ коммуникации между людьми, результатом которого стало появление новой письменной речи. Со временем развились разные социальные сети и мессенджеры, имеющие мобильные приложения, например *Facebook, Viber, WhatsApp* и др., благодаря которым стали возможны непрерывный контакт и постоянное общение людей прежде всего потому, что эти мессенджеры бесплатны и всегда доступны. В первую очередь

телефон предназначался для устной коммуникации, впоследствии же он стал средством письменного общения. Этот способ связи, популярный в широких кругах, получил наибольшее распространение среди молодого поколения, особенно среди школьников и студентов. Считается, что такой способ коммуникации обнаружил недостаточную грамотность многих людей, но можно сказать, что с новыми технологическими достижениями развился или развивается новый жанр, новый стиль, а также новая орфография. Даже если не учитывать нерелевантные для этого исследования факторы, надо признать, что при таком способе коммуникации действительно очевидна недостаточная грамотность общающихся. Заметим, что мобильная СМС-коммуникация функционирует по своим «неписаным» правилам, которых мы не найдем в грамматиках или орфографических словарях. Название «СМС» происходит от английской аббревиатуры *SMS*, которая расшифровывается как *Short Message Service*, то есть «сервис передачи коротких сообщений». Отметим, что в русской традиции это уже русская аббревиатура, «служба мобильных сообщений»¹. Первые СМС-сервисы появились в 90-е гг. (в 1992 г.) XX столетия. В данной статье мы будем говорить именно о них.

Среди последних исследований мы обнаружили ряд работ о (под)стилях хорватского стандартного языка. Отдельно отметим работы Л. Бадуриной 2004 и 2007 г.², М. Михалевич³, А. Пети-Стантич и В. Эрделяц⁴, И. Праньковича⁵, а также Д. Столац⁶. О языке письменной коммуни-

¹ См., например: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%81%D0%BC%D1%81> (дата обращения: 16.02.2020). – Прим. ред.

² *Badurina L. Slojevi javnog diskursa // Aktualizacija jezikovnozvrstne teorije na slovenskem: členitev jezikovne resničnosti / ur. E. Kržišnik. Ljubljana: Filozofski fakultet, 2004. S. 151–164; Badurina L. Jezično raslojavanje i tipovi diskursa // Jezik književnosti i književni ideologemi: zbornik radova 35. seminaru Zagrebačke slavističke škole / ur. K. Bagić. Zagreb: Zagrebačka slavistička škola, 2007. S. 11–20. URL: <http://www.hrvatskiplus.org/article.php?id=1835&naslov=jezicno-raslojavanje-i-tipovi-diskursa> (дата обращения: 25.01.2015).*

³ *Mihaljević M. Funkcionalni stilovi hrvatskoga (standardnog) jezika // Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2002. Vol. 28. № 1. S. 325–343.*

⁴ *Peti-Stantić A., Erdeljac V. Tekst kao podtekst polifunktionalnosti standardnoga jezika // Aktualizacija jezikovnozvrstne teorije na slovenskem: členitev jezikovne resničnosti / ur. E. Kržišnik. Ljubljana: FF, 2004. S. 229–238.*

⁵ *Pranjković I. Funkcionalni stilovi i sintaksa // Suvremena lingvistika. 1996. Vol. 41–42. № 1–2. S. 519–527.*

⁶ *Stolac D. Podstil razgovornoga stila hrvatskoga jezika – govor mladih // Hrvatski književni jezik: zbornik radova / ur. S. Lukač. Budimpešta: Hrvatska samouprava Budimpešte, 2001. S. 191–199.*

кации писали М. Т. Альбано⁷ и Е. И. Литневская⁸. Особенности СМС-коммуникации и СМС-языка изучали Е. А. Беззубова⁹, С. В. Бондаренко¹⁰, А. С. Капустин¹¹. О проблеме жанра СМС-дискурса писала также Н. О. Кушакова¹². Другие аспекты языка СМС рассматривали Л. Н. Мешкова¹³, С. А. Никитин и М. Ю. Авдоница¹⁴, М. Ю. Сидорова¹⁵, Е. С. Сироткина¹⁶, Т. И. Томилова¹⁷, Н. Г. Ферсман и Н. Г. Чумуртан¹⁸, Н. И. Шилонос¹⁹. Поскольку СМС-переписка относится к нелитературным формам письменной речи, труднее описываемым и фиксируемым, закономерно, что количество работ на данную тему так ограничено.

Проблема функциональных направлений и стилей как формы реализации литературного языка разрабатывалась еще в рамках Пражского лингвистического кружка и Пражской школы функциональной

⁷ *Albano M. T. Jezik SMS poruka – novi zajednički jezik // 1st International Conference on Foreign Language Teaching and Applied Linguistics / ed. A. Akbarov. Sarajevo: International Burch University, 2011. P. 805–810.*

⁸ *Литневская Е. И. Письменные формы русской разговорной речи: к постановке проблемы. М.: MAKS-Press, 2011.*

⁹ *Беззубова Е. А. Особенности СМС-языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33). Ч. 1. С. 40–42.*

¹⁰ *Бондаренко С. В. Особенности культуры текстовой мобильной коммуникации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. 2006. № S18. С. 7–9.*

¹¹ *Капустин А. С. Лингвистические особенности смс-сообщений как одного из новых жанров речевого общения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11–4. С. 685–687.*

¹² *Кушакова Н. О. Персональный дискурс SMS-опосредованной коммуникации: социолингвистический анализ // Омский научный вестник. 2014. № 5 (132). С. 104–107; Она же. Специфические жанры SMS-дискурса // Коммуникативные исследования. 2016. № 1 (7). С. 60–72.*

¹³ *Мешкова Л. Н. Текстинг как явление современной культуры // Известия ПгПу им. В. Г. Беллинского. 2012. № 27. С. 49–53.*

¹⁴ *Никитин С. А., Авдоница М. Ю. Приемы записи сообщения SMS: уподобление цифр буквам русского языка // Индоевропейское языкознание и классическая филология: X Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2006. С. 209–214.*

¹⁵ *Сидорова М. Ю. «Засоряют ли СМС-сообщения русский язык?», или «На зеркало неча пенять...» // Интернет-лингвистика: Русский язык. Межличностное общение. М.: 1989.ru, 2006. С. 173–182.*

¹⁶ *Сироткина Е. С. О лингвистических аспектах СМС-коммуникации // Вестник Московского университета. 2012. Серия 9: Филология. № 2. С. 99–106.*

¹⁷ *Томилова Т. И. Роль SMS-сообщений в современной коммуникации // Экономика и социум. 2015. № 6 (19). Ч. 1. С. 136–140.*

¹⁸ *Ферсман Н. Г., Чумуртан Н. А. Актуальность СМС-лексики как принципиально нового типа общения и ее возможности при обучении иностранному языку // Вопросы методики преподавания в вузе. 2014. № 3 (17). С. 416–423.*

¹⁹ *Шилонос А. И. Графические особенности СМС-текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 219–223.*

лингвистики, изучавших язык не только как систему, но и как ее реализацию²⁰. Традиционно в славянской филологии литературный язык изучается как полифункциональный, отсюда и происходит его деление на подструктуры. Эти языковые подструктуры – функциональные стили, то есть разные формы существования стандартного языка²¹.

Из всех стилей самым трудным для определения является разговорный. В то время как Йосип Силич считает его одним из функциональных стилей стандартного языка, а Славко Тежак – социолингвистическим типом, Иво Пранькович определяет его как конкретный функциональный стиль (лексико-синтаксического уровня), которому свойственны бессоюзная связь и паратаксис и в котором мы редко встречаем так называемые коннекторы, то есть связующие элементы²². Слова в некоторых из этих случаев имеют разную валентность, вследствие чего отмечаются случаи нарушения грамматической валентности в узком смысле, например неправильное управление. Изменению формы выражения способствуют также неологизмы. Милица Михалевиц считает необходимым принять во внимание тот факт, что функциональные стили могут относиться к стандартному языку, однако любой стиль частично может не соответствовать понятию литературного языка (например, жаргонная лексика относится к разговорному стилю, но не к языковому стандарту; диалект относится к разговорному стилю как к функциональной разновидности литературного языка)²³. Не только эти предположения, но и само исследование ставит вопрос: язык текстовых сообщений относится к разговорному стилю или к разговорной речи? М. Михалевиц считает, что при изучении хорватского литературного языка определенные функциональные стили нужно изучать в качестве стилей кодифицированного языка. К тому же об ошибках можно говорить только с позиции функционального стиля литературного языка. Йосип Силич называет функциональный стиль «методологическим камнем преткновения», так как он изучается и как лингвистическое, и как социолингвистическое явление²⁴. Мы используем разговорный язык бессознательно, не обращая внимания на то, как мы произносим стоящие рядом гласные, на ударение, форму, синтаксические связи...²⁵ – с тематической и лингвистической точки

²⁰ Badurina L. Jezično raslojavanje i tipovi diskursa. URL: <https://www.hrvatskiplus.org/article.php?id=1835&naslov=jezicno-raslojavanje-i-tipovi-diskursa> (дата обращения: 25.01.2015).

²¹ Ibid.

²² Pranjković I. Funkcionalni stilovi i sintaksa. S. 523.

²³ Mihaljević M. Funkcionalni stilovi hrvatskoga (standardnog) jezika. S. 326.

²⁴ Silić J. Funkcionalni stilovi hrvatskoga jezika. Zagreb: Disput, 2006. S. 110.

²⁵ Težak S., Babić S. Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1994. S. 26.

зрения он упрощен, в нем нет целостности, часто встречаются незавершенные предложения²⁶.

Итак, письменная форма коммуникации (письменный дискурс) имеет тенденцию перенимать особенности устной коммуникации (особенности речи). В качестве примера такой письменной коммуникации Лада Бадурина приводит письменную форму общения, ставшую возможной благодаря новым технологическим достижениям и медиа (например, общение через электронную почту, интернет, сообщения, передаваемые в мобильных сетях *GSM*, то есть СМС-сообщения), в которой одна (письменная) реплика сменяется другой, а у собеседников общим является не одно и то же пространство, а одно и то же время²⁷.

Одно из определений языка СМС-коммуникации – «язык молодых». Итальянский лингвист Валерио Джакалоне считает, что, «кроме того, что он грамматически неправилен, он не предусматривает иных правил, кроме скорости письма»²⁸. Тем не менее СМС-сообщения давно не являются приметой общения представителей молодого поколения, которые преимущественно изначально их использовали; они стали действительно универсальным языком, который не знает ни географических, ни национальных границ. Этот язык в первую очередь функционален; принцип функциональности является базовым принципом современной коммуникации большинства людей. С тех пор как английский язык стал широко использоваться не только молодежью, он перестал считаться престижным, его знание перестало восприниматься как социально значимое или как признак снобизма, поэтому стало необходимым учитывать выраженную восприимчивость разговорного функционального стиля к региональным (а также социальным и диалектным) различиям. Интернациональная лексика заимствуется всеми славянскими языками, но нас интересует, как она адаптируется к правилам орфографии заимствующего языка (языка-акцептора).

Мы начнем с общих характеристик СМС-общения как письменной формы общения в двух славянских языках, а затем проанализируем это языковое явление.

²⁶ *Peti-Stantić A., Erdeljac V.* Tekst kao podtekst polifunkcionalnosti standardnoga jezika. S. 231.

²⁷ *Badurina L.* Jezično raslojavanje i tipovi diskursa. URL: <https://www.hrvatskiplus.org/article.php?id=1835&naslov=jezicno-raslojavanje-i-tipovi-diskursa> (дата обращения: 25.01.2015).

²⁸ *Albano M. T.* Jezik SMS poruka – novi zajednički jezik. S. 805.

СМС-КОММУНИКАЦИЯ КАК ПИСЬМЕННАЯ ФОРМА ОБЩЕНИЯ В ХОРВАТСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Общая характеристика

СМС-коммуникация, в отличие от большинства форм и жанров интернет-связи и разговорной речи на письме, обычно имеет личный характер, то есть относится к особому дискурсу. СМС-сообщения могут быть официальными и неофициальными, они пишутся в определенном стиле в зависимости от темы.

Анализируемый корпус текстов состоит из сообщений, официальных (реклама мобильного оператора, банковских услуг, веб-магазина или онлайн-площадки для торговли различными модными брендами) и неофициальных (личные сообщения). Вне зависимости от стиля в официальных и неофициальных СМС-сообщениях есть орфографические ошибки, которые появляются систематически, например:

Пример 1

VAZNO-TELE2 (10:36 14.05.2015): Postovani, zahvaljujemo na Vasoj uplati u iznosu od 256,56 kn. nadamo se da cete nastaviti koristiti i Tele2 mrezu. Vas Tele2 [Уважаемый клиент, благодарим Вас за оплату в размере 256,56 кун. Надеемся, что Вы продолжите использовать сеть Теле2. Ваш Теле2]

В примере на хорватском языке ошибки следующие: нет диакритических знаков в словах *Postovani* (*s/š*), *Vasoj* (*s/š*), *cete* (*c/ć*), *mrezu* (*z/ž*) и *Vas* (*s/š*); новое предложение начинается строчной буквой; нет знака препинания в конце предложения.

Пример 2

ErsteCard (11:35 30.04.2015): Postovani, 10 % popusta uz Diners! PON servis vozila Neostar, SRI Harvey Norman i Salmoiraghi&Vigano, CET Magic Baby, PET PittaRosso i svaki dan na Konzum online. [Уважаемый клиент, 10 % скидки с Diners! ПОН сервис машин Neostar, СРД Harvey Norman i Salmoiraghi&Vigano, ЧЕТ Magic Baby, ПЯТН PittaRosso и каждый день в Konzum онлайн.]

В примере на хорватском языке ошибки следующие: нет диакритических знаков в словах *Postovani* (*s/š*), *CET* (*c/ć*); новое предложение начинается со строчной буквы; нет знака препинания в конце предложения, также видно, что сокращаются названия дней недели: PON = ponedjeljak – понедельник, SRI = srijeda – среда, CET = četvrtak – четверг, PET = petak – пятница.

Пример 3

WALKMAXX (13:32 27.04.2015): Vama prvima javljamo! WALKMAXX platnene tenisice sada snizene 50 %, po cijeni od samo 199 kn. nazovite odmah 08002070 ili posjetite nase ducane, kolicine ogranicene.

[Вам первому сообщаем! На кроссовки WALKMAXX сейчас скидки 50%, [они] по цене от 199 кун. Звоните сейчас 08002070 или посетите наши магазины, количество ограничено.]

В примере на хорватском языке ошибки следующие: нет диакритических знаков в словах *snizene* (z/ž), *nase* (s/š), *ducane* (c/ć), *kolicine* (c/ć), *ogranicene* (c/ć); новое предложение начинается со строчной буквы.

Пример 4

13990: Za povoljnije surfanje preporucujemo aktivaciju roaming paketa EU Surf 50 MB za 35 kn s PDV-om (vrijedi 48h) slanjem kljucne rijeci EU50MB na broj 13990 ili EU Surf Tjedan 150MB za 100 kn s PDV-om (vrijedi 7 dana) slanjem kljucne rijeci EUT150MB na broj 13990. Za vise informacija nazovite besplatno +385951000444.

[Для более удобного пользования интернетом рекомендуем активацию пакета роуминга EU Surf 50 MB за 35 кун с НДС (действует 48 часов) при отправке ключевого слова EU50MB на номер 13990 или EU Surf Tjedan 150MB за 100 кун с НДС (действует 7 дней) при отправке ключевого слова EUT150MB на номер 13990. Больше информации можно получить по бесплатному телефону +385951000444.]

В примере на хорватском языке ошибки следующие: нет диакритических знаков в словах *preporucujemo* (c/ć), *kljucne* (c/ć), *rijeci* (c/ć), *visе* (s/š).

По нашим подсчетам, 70 % пишущих сообщения используют СМС в личных целях. Их тексты составляют предмет данного исследования. Любопытно, что, несмотря на индивидуальные различия пишущих – возраст, пол, профессию и т. д., – в их СМС-сообщениях можно заметить стандартизированность, интерес к использованию языка, а не к языку как к системе, что также делает их интересными для изучения по нескольким причинам:

– Характеристики практически всех мобильных телефонов требуют от пользователя, чтобы он упростил язык: краткость сообщений не позволяет употреблять тот язык, который мы учили в школе²⁹.

– Набирать сообщения на мобильном телефоне сложнее, чем на компьютере, это некоторым образом замедляет процесс создания текста.

²⁹ Ibid. S. 805.

Набор алфавитно-цифровых символов в телефоне ограничен (в хорватском их 160, не включая диакритические знаки: на смартфонах первый диакритический знак занимает 91 буквенную позицию, последующие занимают по одной буквенной позиции; на обычных сотовых телефонах диакритические знаки занимают по три-четыре буквенных позиции; в русском языке – 70 (если сообщения пишутся кириллицей, включая пробелы), что приводит к отклонениям от языковой нормы и орфографии.

– Использование СМС-сообщений на сегодняшний день превысило границы нормального, и речь уже идет о патологической зависимости от СМС-общения.

Стилистика ресурсов и стилистика текста

Лексика СМС-сообщений несильно отличается от повседневной лексики и включает в том числе различные «измы» (диалектизмы, вульгаризмы, эвфемизмы и др.). Язык СМС использует жаргонизмы и молодежную лексику, характерную для разговорного стиля, точнее, стиля, с которым меньше всего связаны понятия грамотности и нормы. Он характеризуется определенными особенностями, имеет свои черты, как и любой стиль языка. Морфология языка СМС также отличается от морфологии стандартного языка из-за использования пишущими большого количества неологизмов, заимствований и сокращений (само название СМС-сообщений является одним из примеров использования заимствований и сокращений в языке, ср. рус. эсэмэ́ска, хорв. SMS). СМС-общение способствует развитию специфических вымышленных языков, которые чаще всего являются продуктом творчества молодых людей, общающихся по телефону; их возникновение отражает динамизм нашего времени³⁰. Часто встречается языковая игра:

Пример 5

Наичмокнейшийтебечмок

Синтаксис языка СМС отличается большей степенью разговорности по сравнению с синтаксисом письменного разговорного языка в Интернете. Предложения отличаются аграмматичностью, можно отметить отсутствие знаков препинания, несоблюдение правил орфографии, устранение пробелов между словами и др.

³⁰ Ibid.

Пример 6

ДайСтатьМне

Прописные и строчные буквы постоянно чередуются, употребляются сокращения.

Пример 7

Ленка, пздрвасвсехсНГ! ВечеромбудувМскв.

Пример 8

Pls dodji po mene

[ПЖЛСТ, зайди за мной] (Pls – от англ. *Please*)

Можно отметить употребление чисел и знаков, которые обозначают целый набор слов (4, 2, x и др.):

Пример 9

Сднемрождения! Лу4шихприкля4енийидоновыхвстр4!

Пример 10

Добрыйдень! Каквы? Унас :-D/

Пример 11

A nista, 2x semo

[Ничего, будем два раза]

Пример 12

Aha.. imamo 3x petak i subotu i gotovo

[Ага.. у нас будет трое в пятницу и субботу, и всё]

Пример 13

Ra vidim da si 4x zvala

[Вижу, что ты звонила 4 <раза>]

В СМС часто употребляются краткие и неполные предложения.

Пример 14

Суши... Здорово! И снег тоже!

Пример 15

Солнце! Тепло! Заблудились в подземелье! Катались на гондолах!

Пример 16

Pošiljka primljena! ;)

[Посылка получена! ;)]

Кроме того, вставляются английские знаки, символы и т. д., используются смайлики, например: «ИМХО» от английского сокращения *IMHO* – *in my humble opinion* ‘по моему скромному мнению’.

Пример 17

IMHO ocito nesporazum...

[ИМХО, очевидно, недоразумение...]

«П.С.», «ПЫСЫ» или «ЗЫ» от сокращения *P. S.* – *Postscriptum* (‘после написанного’; приписка к законченному и подписанному письму).

Пример 18

Ok. Kako mozes, tako ce biti ☺ P.S. Ima li još kandidata?

[Ok. Как ты можешь, так будет. ☺ П.С. Есть ли еще кандидаты?]

«ЛОЛ» от английского сокращения *LOL* – *laughing out loud* ‘громко смеюсь’.

Пример 19.

Od 10h pa nadalje ☺; Naravno ☺ javi se u petak ako budeš slobodna u to neko vrijeme isto. Ili idući tjedan jedan dan.; baš ☺ platiš da ti jave kako nemaju slobodno prometalo :/ ; Sve smo uspili LOL

[С 10 часов и позже. Конечно, сообщи в пятницу, если будешь свободна где-то в это время. Или на следующей неделе в какой-то день. Платишь, чтобы тебе сообщили, что у них нет свободного транспорта. Нам удалось ЛОЛ].

Пример 20

Ну, буду стараться быстро бежать ☺ тогда успею ☺; только. Что увидела сообщение, простите :))) Я не увидел тебе сегодня (((И на банкете тоже не увидел (; Кто там говорил про счастливые шапки ЛОЛ

Визуальная игра в СМС-коммуникации

Языковая игра в СМС сведена к графике, поэтому мы рассмотрим ее визуальный эффект и функции. Употребление прописных букв с целью выделить интонацию, повторение одной и той же буквы для обозначения

долготы – графические средства выразительности, используемые в СМС как на хорватском, так и на русском языке.

Пример 21

Все будет ХОРОШО. Слышишь, ВСЕ

Пример 22

Рубашка очень хорошая! Не проста белая, а БЕЛАЯ

Пример 23

Tako da def stizem na vlak u 17. PREVRUCE JE, 20 STUPNJEVA!!!

[Так что я определенно успеваю на поезд в 17. ОЧЕНЬ ЖАРКО, 20 ГРАДУСОВ!!!]

Пример 24

Naahahahah nisam nicega svjesna cini mi se... upravo param papire i brisem s laptopa sve verzije a original sakrivam od pogleda... ТЕРАПИЈА!!!

[Хахахахах, я ни о чем не подозреваю. Как раз перебираю бумаги и стираю с ноутбука все версии, а оригинал прячу от глаз. ТЕРАПИЯ!!!]

Пример 25

A pa onda gooooooooooooood luck!

[Ну тогда удаааааачииииии!] (*good luck* – англ. ‘удачи’)

Пример 26

Ajooooj...pa sto nisi rekla. K vragu...jos mi je bilo cudnjikavo...loool!

[Ай, оооооооой, а почему ты не сказала. К черту... я еще удивился loool]

Пример 27

Staraaa, sretan ti rođendan! Nazovem te poslije! – Hvalaaaa! Puuusaa!

[Старушкаааа <шутливое обращение к девушке или молодой женщине>, с днем рождения! Позвоню тебе позднее. – Спасибо! Пооооооооооууу!]

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. НЕПИСАНЫЕ ПРАВИЛА СМС-КОММУНИКАЦИИ

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Отступление пишущих от правил и норм правописания является преднамеренным (единое написание всех слов строчными/заглавными буквами, игра слов, графические средства выразительности: использование

заглавных букв с целью выделить интонацию или смысл, отражение долготы с помощью повтора одних и тех же букв).

Языковой знак – это не одномерное семиотическое явление, а комбинация текста и элементов других знаковых систем, на что указывает использование смайликов, аббревиатур, ярлыков и т. д. Это отсылает нас к системам письма древности, в частности к пиктографическому письму (в этом случае работает принцип упрощения).

Для исследования мы взяли язык личных СМС, который с трудом поддается описанию, и этим объясняется в высшей степени свободное обращение пишущих с нормами литературного языка, а также появление многочисленных регионализмов, вульгаризмов, диалектизм, неологизмов и т. д.³¹ Языковое выражение не может не видоизменяться в зависимости от способа его передачи, письменного или устного. Оно также подлежит дополнительной стратификации. Кроме того, письменные формы передачи информации неформального характера также имеют различия, потому что и в неформальной коммуникации речь может идти о политике, экономике, профессии и науке, искусстве, спорте и т. д.

Язык СМС (а также язык более ранних форм мобильного и интернет-общения – блога, чата, форума, Фейсбука, Твиттера и т. д.) – доказательство того, что естественный язык постоянно меняется (это его нормальное состояние, которое Вильгельм фон Гумбольдт назвал *energeia*³², а Мислав Ежич – «языковыми изменениями»³³).

Несмотря на то что мы связываем СМС-коммуникацию с молодым поколением, СМС-общение не ограничено возрастом: им пользуются люди всех возрастов – все, у кого есть мобильный телефон, смартфон или планшет.

Учитывая взаимодействие и взаимопроникновение стилистических особенностей³⁴ (наиболее заметное в разговорном языке) в областях, которые обычно определяются как языковые жанры и/или подстили, мы считаем, что СМС-сообщение (вместе с сообщениями в Фейсбуке, в беседах-чатах, блогах и т. д.) заслуживает того, чтобы рассматриваться как отдельный жанр, а не как особая форма общения на границе между

³¹ Badurina L. Jezično raslojavanje i tipovi diskursa. URL: <http://www.hrvatskiplus.org/article.php?id=1835&naslov=jezicno-raslojavanje-i-tipovi-diskursa> (дата обращения: 25.01.2015)

³² Hadžihalilović S. Uvod u studij ruskoga jezika. S. 55.

³³ Ježić M. Language and Cognition: Some Philosophical and Linguistic Considerations Concerning Language Change and Language Development // *Synthesis philosophica*. 2017. Vol. 32. № 2. S. 258. <https://doi.org/10.21464/sp32201>.

³⁴ Badurina L. Jezično raslojavanje i tipovi diskursa. URL: <https://www.hrvatskiplus.org/article.php?id=1835&naslov=jezicno-raslojavanje-i-tipovi-diskursa> (дата обращения 25.01.2015).

письменным и устным языком; более двух десятилетий его определяли как гибридную форму общения или гибридный жанр. СМС-сообщение как новый жанр речевого общения выработал свои нормы орфографии (хотя они пока не зафиксированы).

Перевод с хорватского К. Р. Закаевой

Литература

- Беззубова Е. А.* Особенности СМС-языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (33). Ч. 1. С. 40–42.
- Бондаренко С. В.* Особенности культуры текстовой мобильной коммуникации // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск. 2006. № S18. С. 7–9.
- Капустин А. С.* Лингвистические особенности смс-сообщений как одного из новых жанров речевого общения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11. Ч. 4. С. 685–687.
- Кушакова Н. О.* Специфические жанры SMS-дискурса // Коммуникативные исследования. 2016. № 1 (7). С. 60–72.
- Кушакова Н. О.* К вопросу о конститутивных коммуникативно-речевых характеристиках SMS-опосредованной коммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 4. С. 187–195.
- Кушакова Н. О.* Персональный дискурс SMS-опосредованной коммуникации: социолингвистический анализ // Омский научный вестник. 2014. № 5 (132). С. 104–107.
- Литневская Е. И.* Письменные формы русской разговорной речи: к постановке проблемы. М.: МАКС-Press, 2011.
- Мешкова Л. Н.* Текстинг как явление современной культуры // Известия ПгПу им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 49–53.
- Никитин С. А., Авдонина М. Ю.* Приемы записи сообщения SMS: уподобление цифр буквам русского языка // Индоевропейское языкознание и классическая филология: X Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2006. С. 209–214.
- Сидорова М. Ю.* «Засоряют ли СМС-сообщения русский язык?», или «На зеркало неча пенять...» // Интернет-лингвистика: Русский язык. Межличностное общение. М.: 1989.ру, 2006. С. 173–182.
- Сироткина Е. С.* О лингвистических аспектах СМС-коммуникации // Вестник Московского университета. 2012. Серия 9: Филология. № 2. С. 99–106.
- Томилова Т. И.* Роль SMS-сообщений в современной коммуникации // Экономика и социум. 2015. № 6 (19). Ч. 1. С. 136–140.
- Ферсман Н. Г., Чумуртан Н. А.* Актуальность СМС-лексики как принципиально нового типа общения и ее возможности при обучении иностранному языку // Вопросы методики преподавания в вузе. 2014. № 3 (17). С. 416–423.

- Шилоносов А. И.* Графические особенности СМС-текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 219–223.
- Albano M. T.* Jezik SMS poruka – novi zajednički jezik // 1st International Conference on Foreign Language Teaching and Applied Linguistics / ed. by A. Akbarov. Sarajevo: International Burch University, 2011. S. 805–810.
- Badurina L.* Jezično raslojavanje i tipovi diskursa // Jezik književnosti i književni ideologemi: zbornik radova 35. seminara Zagrebačke slavističke škole / ur. K. Bagić. S. 11–20. Zagreb: Zagrebačka slavistička škola, 2007. URL: <http://www.hrvatskiplus.org/article.php?id=1835&naslov=jezicno-raslojavanje-i-tipovi-diskursa> (дата обращения: 25.01.2015).
- Badurina L.* Slojevi javnog diskursa // Aktualizacija jezikovnozvrstne teorije na slovenskem: členitev jezikovne resničnosti / ur. E. Kržišnik. Ljubljana: FF, 2004. S. 151–164.
- Hadžihalilović S.* Uvod u studij ruskoga jezika. Zadar: Sveučilište u Zadru, 2015.
- Halliday M. A. K.* Collected Works of M.A.K. Halliday. London; New York: Continuum, 2003. Vol. 3: On Language and Linguistics.
- Horvat M., Štebih Golub B.* Posljedice internacionalizacije u hrvatskome jeziku // Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2010. Vol. 36. № 1. S. 1–21.
- Ježić M.* Language and Cognition: Some Philosophical and Linguistic Considerations Concerning Language Change and Language Development // Synthesis philosophica. 2017. Vol. 32. № 2. S. 257–270. <https://doi.org/10.21464/sp32201>.
- Mihaljević M.* Funkcionalni stilovi hrvatskoga (standardnog) jezika // Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2002. Vol. 28. № 1. S. 325–343.
- Peti-Stantić A., Erdeljac V.* Tekst kao podtekst polifunkcionalnosti standardnoga jezika // Aktualizacija jezikovnozvrstne teorije na slovenskem: členitev jezikovne resničnosti / ur. E. Kržišnik. Ljubljana: FF, 2004. S. 229–238.
- Pranjković I.* Funkcionalni stilovi i sintaksa // Suvremena lingvistika. 1996. Vol. 41–42. № 1–2. S. 519–527.
- Silić J.* Funkcionalni stilovi hrvatskoga jezika. Zagreb: Disput, 2006.
- Stolac D.* Podstil razgovornoga stila hrvatskoga jezika – govor mladih // Hrvatski književni jezik: zbornik radova / ur. S. Lukač. Budimpešta: Hrvatska samouprava Budimpešte, 2001. S. 191–199.
- Težak S., Babić S.* Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1994.

References

- Albano, M. T., 2011. Jezik SMS poruka – novi zajednički jezik. In: Akbarov, A., ed., 2011. 1st International Conference on Foreign Language Teaching and Applied Linguistics. Sarajevo: International Burch University, pp. 805–810.
- Badurina, L., 2007. Jezično raslojavanje i tipovi diskursa. In: Bagić, K., 2007. Jezik književnosti i književni ideologemi: zbornik radova 35. seminara

- Zagrebačke slavističke škole*. Zagreb: Zagrebačka slavistička škola, pp. 11–20. URL: <http://www.hrvatskiplus.org/article.php?id=1835&naslov=jezicno-raslojavanje-i-tipovi-diskursa> (accessed: 25.01.2015).
- Badurina, L., 2004. Slojevi javnog diskursa. In: Kržišnik, E., 2004. *Aktualizacija jezikovnozvrstne teorije na slovenskem: členitev jezikovne resničnosti*. Ljubljana: FF, pp. 151–164.
- Bezzubova, E. A., 2014. Osobnosti SMS-iazyka [Specificities of the SMS language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 3 (33), I, pp. 40–42. (in Rus.)
- Bondarenko, S. V., 2006. Osobnosti kul'tury tekstovoi mobil'noi kommunikatsii [Specificities of the culture of text mobile communication]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. Spetsvyпуск*, S18, pp. 7–9. (in Rus.)
- Fersman, N. G., Chumurtan, N. A., 2014. Aktual'nost' SMS-leksiki kak printsipial'no novogo tipa obshcheniia i ee vozmozhnosti pri obuchenii inostrannomu iazyku [The actuality of SMS vocabulary as a fundamentally new type of communication and its capabilities in teaching a foreign language]. *Voprosy metodiki prepodavaniia v vuze*, 3 (17), pp. 416–423. (in Rus.)
- Hadžihalilović, S., 2015. *Uvod u studij ruskoga jezika*. Zadar: Sveučilište u Zadru.
- Halliday, M. A. K., 2003. *Collected Works of M. A. K. Halliday*. Vol. 3: On Language and Linguistics. London; New York: Continuum.
- Horvat, M., Štebih Golub, B., 2010. Posljedice internacionalizacije u hrvatskome jeziku. Rasprave: *Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 36 (1), pp. 1–21.
- Ježić, M., 2017. Language and Cognition: Some Philosophical and Linguistic Considerations Concerning Language Change and Language Development. *Synthesis philosophica*, 32 (2), pp. 257–270. <https://doi.org/10.21464/sp32201>.
- Kapustin, A. S., 2016. Lingvističeskie osobnosti sms-soobshchenii kak odnogo iz novykh zhanrov rechevogo obshcheniia [Linguistic specificities of SMS messages as one of the new genres of verbal communication]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovanii*, 11 (4), pp. 685–687. (in Rus.)
- Kushakova, N. O., 2014. K voprosu o konstitutivnykh komunikativno-rechevykh kharakteristikakh SMS-oposredovannoi kommunikatsii [To the question of constitutive communicative-speech characteristics of SMS-mediated communication]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 1 (4), pp. 187–195. (in Rus.)
- Kushakova, N. O., 2014. Personal'nyi diskurs SMS-oposredovannoi kommunikatsii: sotsiolingvističeskii analiz [Personal discourse of SMS-mediated communication: sociolinguistic analysis]. *Omskii nauchnyi vestnik*, 5 (132), pp. 104–107. (in Rus.)
- Kushakova, N. O., 2016. *Spetsificheskie zhanry SMS-diskursa* [Specific genres of SMS discourse]. *Kommunikativnye issledovaniia*, 1 (7), pp. 60–72. (in Rus.)
- Litnevskaiia, E. I., 2011. *Pis'mennye formy russkoi razgovornoj rechi: k postanovke problemy* [Written forms of Russian colloquial speech: to the formulation of the problem]. Moscow: MAKSPress. (in Rus.)

- Meshkova, L. N., 2012. Teksting kak iavlenie sovremennoi kul'tury [Texting as a phenomenon of modern culture]. *Izvestiia PpPu im. V.G. Belinskogo*, 27, pp. 49–53. (in Rus.)
- Mihaljević, M., 2002. Funkcionalni stilovi hrvatskoga (standardnog) jezika. *Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje*, 28 (1), pp. 325–343.
- Nikitin, S. A., Avdonina, M. Iu., 2006. Priemy zapisi soobshcheniia SMS: upodoblenie tsifr bukvam russkogo iazyka [SMS message recording methods: comparing numbers to the letters of the Russian language]. In: Kazanskii, N. N., ed., 2006. *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologija: X Materialy chtenii, posviashchennykh pamiati professora I.M. Tronskogo* [Indo-European linguistics and classical philology: X Materials of readings in memory of Professor I. M. Tronsky]. Saint Petersburg: Nauka, pp. 209–214. (in Rus.)
- Peti-Stantić, A., Erdeljac, V., 2004. Tekst kao podtekst polifunkcionalnosti standardnoga jezika. In: Kržišnik, E., ed., 2004. *Aktualizacija jezikovnozvrstne teorije na slovenskem: členitev jezikovne resničnosti*. Ljubljana: FF, pp. 229–238.
- Pranjković, I., 1996. Funkcionalni stilovi i sintaksa. *Suvremena lingvistika*, 22, 1–2, pp. 519–527.
- Shilonosov, A. I., 2009. Graficheskie osobennosti SMS-teksta [Graphic specificities of SMS text]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 111, pp. 219–223. (in Rus.)
- Sidorova, M. Iu., 2006. “Zasoriaiut li SMS-soobshcheniia russkii iazyk?”, ili “Na zerkalo necha peniat’...” [“Do SMS messages clog the Russian language?”, Or “You can’t blame the mirror...”]. In: Sidorova, M. Iu., 2006. *Internet-lingvistika: russkii iazyk. mezhlichnostnoe obschenie* [Internet linguistics: Russian. Interpersonal communication]. Izdatel'stvo “1989.ru” Moskva, pp. 173–182. (in Rus.)
- Silić, J., 2006. *Funkcionalni stilovi hrvatskoga jezika*. Zagreb: Disput.
- Stolac, D., 2001. Podstil razgovornoga stila hrvatskoga jezika – govor mladih. In: Lukač, S., ed., 2001. *Hrvatski književni jezik: zbornik radova*. Budimpešta: Hrvatska samouprava Budimpešte, pp. 191–199.
- Sirotkina, E. S., 2012. O lingvističeskikh aspektakh SMS-kommunikatsii [On the linguistic aspects of SMS communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 9. Filologija*, 2, pp. 99–106. (in Rus.)
- Težak, S., Babić, S., 1994. *Gramatika hrvatskoga jezika*. Zagreb: Školska knjiga.
- Tomilova, T. I., 2015. Rol' SMS-soobshchenii v sovremennoi kommunikatsii [The role of SMS in modern communication]. *Ekonomika i sotsium*, 1, 6 (19), pp. 136–140. (in Rus.)

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В МЕДИАСРЕДЕ И ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КУЛИНАРНОГО РЕАЛИТИ-ШОУ *PROSTŘENO!)**

Йиндржишка Свободова

доктор философии, старший преподаватель,
философский факультет, Университет
Палацкого в Оломоуце

Почтовый адрес: ул. Кршижковского, 10,
Оломоуц, 77180 Чехия

Электронный адрес: jindriska.svobodova@upol.cz

Аннотация

Статья посвящена теме (не)вежливости и вербальной агрессии в медиасреде и онлайн-коммуникации. Были проанализированы выпуски реалити-шоу *Prostřeno!* (чеш. «Готово!») за две недели и связанные с ними онлайн-дискуссии. Телевидение и интернет вывели общение, которое раньше было личным, в публичную сферу. Однако выбор стратегии общения зависит от типа медиа, а также от конкретной ситуации. Каждый участник шоу настроен на победу и прикладывает усилия, чтобы представить себя в выгодном свете. Поскольку участники рискуют потерять лицо в результате открытой конфронтации, они обычно избегают прямых нападок, предпочитая разговоры за спиной. Такое поведение является частью шоу, к этой стратегии их подталкивают организаторы. Благодаря анонимности в онлайн-дискуссиях коммуниканты могут оценивать и критиковать открыто. Анонимная среда защищает пользователей от потери лица, поэтому зрители используют ее, чтобы распространять сплетни и оскорблять участников. Анализ корпуса подтвердил гипотезу о том, что, если собеседники могут общаться анонимно, их вербальная агрессивность возрастает.

Ключевые слова

Лицо, медиа- и онлайн-коммуникация, (не)вежливость, речевая агрессия

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2021 г.

Цитирование: Свободова Й. Вербальная агрессия в медиасреде и онлайн-коммуникации (на примере кулинарного реалити-шоу *Prostřeno!*) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 56–80. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.03>

* Оригинальная британская версия этой передачи носила название *Come Dine with Me*, в Чехии его перевели как *Prostřeno!* («Готово!»), а российскому зрителю она знакома как «Званный ужин». – *Прим. пер.*

VERBAL AGGRESSIVENESS IN COMMUNICATION IN MEDIA AND ONLINE. A CASE STUDY OF THE TV COOKING SHOW *PROSTŘENO!*

Jindřiška Svobodová

Ph.D., Assistant Professor, Faculty of Arts,
Palacký University in Olomouc
Postal address: Křížkovského 10, Olomouc,
77180 Czech Republic
E-mail: jindriska.svobodova@upol.cz

Abstract

The article is dedicated to the topic of im/politeness and verbal hostility in online and media communication environments. Two weeks' series of the reality show *Prostřeno!* (*Laid Out!* – original British version is *Come Dine with Me*) have been analysed, together with the related online discussions. TV media and the online environment make it possible for speakers to use the interactive texts, normally constructed as acts of private communication in public settings. The choice of communicative strategies still depends on the particular type of medium and the situational context which it creates. Participants in reality TVs who construct communicative acts in face-to-face interaction with others react to the social context established by the show: each contestant is highly motivated by his/her wishes to win, and therefore is making an effort to convince all participants of his/her positive face. Since the contestants might be threatened by the loss of face resulting from open confrontation they usually avoid direct attacks; they prefer slander, which is a part of the show and the act that the contestants are incited to carry out. The online discussions are a medium of anonymity which encourages interlocutors to evaluate and criticize openly. Since such an environment protects users from the potential loss of their own face, viewers of the reality TV use it to threaten the face of the contestants with gossip or harsh and rude vocabulary. The analysis of the corpus confirmed the hypothesis that if the interlocutors can communicate anonymously, their verbal aggressiveness increases.

Keywords

Face, media and online communication, im/politeness, verbal aggression

Received 10 February 2021

How to cite: Svobodová, J., 2021. Verbal'naiia agresiiia v mediasrede i onlain-kommunikatsii (na primere kulinarnogo realiti-shou *Prostřeno!*) [Verbal Aggressiveness in Communication in Media and Online. A Case Study of the TV Cooking Show *Prostřeno!*]. *Slavic World in the Third Millennium*, 16, 1–2, pp. 56–80. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.03>

ВВЕДЕНИЕ

Программное наполнение частных телевизионных каналов демонстрирует значительный интерес зрителей к передачам, тяготеющим к жанру так называемого реалити-шоу. Основой формата является

коммуникативная деятельность людей, не имеющих какого-либо профессионального отношения к медиасреде и, как правило, не являющихся опытными и обученными ораторами. В этих случаях распределение кругов коммуникативной активности происходит следующим образом: на первом плане находится непосредственное общение лицом к лицу между соревнующимися, отбор которых, по-видимому, зависит от конфликтного потенциала, вытекающего из структуры их личностей, причем вербальные проявления этого узкого коммуникационного круга транслируются участникам второго, более широкого круга, то есть телезрителям. Трендом, связанным с развитием технологий, является создание новой коммуникационной платформы – третьего коммуникационного круга, формируемого онлайн-дискуссиями, где телезрители высказываются о просмотренном материале и получают трибуну для выражения своих субъективных и часто очень экспрессивных оценок.

Мы рассмотрим коммуникативную деятельность, реализованную непосредственно участниками реалити-шоу и впоследствии – в рамках связанных с ним онлайн-дискуссий, а также сравним использованные стратегии, которые были нацелены на подрыв имиджа коммуникативных партнеров. Материал для анализа мы получили путем расшифровки выпусков кулинарного реалити-шоу *Prostřeno!* (чеш. «Готово!») за две недели, которое транслировалось частным телевизионным каналом *Prima*¹, и последующих дискуссий². При работе с текстами мы проанализируем, насколько отличаются используемые стратегии и средства намеренной невежливости и вербальной агрессии в коммуникации «лицом к лицу» и в анонимной де-факто коммуникации при общении в интернете.

1. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ АНАЛИЗИРУЕМОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Жанр реалити-шоу привносит в публичное медиапространство темы, традиционно предназначенные для личной коммуникации. С. Чмейркова со ссылкой на лингвистическую англо- и немецкоязычную литературу напомнила о необходимости методологического различения для

¹ Отдельные части транслировались с понедельника по пятницу, 12–16 ноября и 19–23 ноября 2018 г. Они доступны по ссылкам: <https://prima.iprima.cz/prostreno/prostreno-xviii-51> (дата обращения: 10.02.2021), <https://prima.iprima.cz/prostreno/prostreno-xviii-60> (дата обращения: 10.02.2021).

² Дискуссии доступны по ссылке: https://prima.iprima.cz/prostreno/имя_участника (дата обращения: 10.02.2021). Канал *Prima* позволяет создавать, изменять и удалять статусы, в том числе и после окончания текущей серии. Здесь мы работали с расшифровками записей, сделанных 16 и 23 ноября после окончания зрительского голосования.

данного типа коммуникативной деятельности «речи близкой и удаленной»³. Тексты для «близкой» коммуникации, преимущественно личного характера, имеют относительно ограниченный круг реципиентов. Они реализуются среди близких или по крайней мере знакомых лиц и функционируют в рамках обычных жанров общения прежде всего как инструмент конструирования социальной идентичности. Их тематическое и содержательное наполнение довольно ограничено и, как правило, касается личной или профессиональной жизни. В свою очередь тематическое и содержательное наполнение «удаленной речи», в основном общественного характера, традиционно связывается с темами, выходящими за границы личного или интимного опыта коммуникантов: это скорее обсуждение политических, культурных и общественных вопросов. В медиапространстве (что справедливо и для частных телевизионных каналов) в настоящее время происходит явный переход от тем, типичных для удаленной коммуникации, к темам, ранее использовавшимся только для личной, то есть для близкой коммуникации.

В. Райбле в этом смысле обращает внимание на значение установленных обществом коммуникационных норм и влияние на конкретные типы речевых актов (каковыми могут быть, например, дружеская беседа, шутка или обмен сплетнями с приятелями в противовес судебному приказу, собеседованию на работе или проповеди) определенных коммуникационных обстоятельств, прочно закрепленных конвенционализированной социальной реальностью. Конкретные типы текстов мы можем легко разместить на шкале, для крайних пунктов которой В. Райбле использовал обозначения: 1) «произносимый», «неотредактированный» (*interactive*); 2) «отредактированный» (*edited*) текст. Здесь противопоставлены два типа коммуникатов: с одной стороны, те, что концептуально говорят; а с другой стороны – концептуально пишущиеся; это значит, что их продуцирование всегда тщательно планируется и их конечный вид до воспроизведения говорящим корректируется и редактируется. Для широкой и в целом неопределенной медиапублики предназначены тексты второй группы (то есть тексты концептуально пишущиеся, заранее обстоятельно подготовленные, посвященные политическим, культурным или общественным вопросам). Современная

³ П. Кох и В. Остеррайхер в своей статье, изданной в 1985 г. (*Koch P., Oesterreicher W. Sprache der Nähe – Sprache der Distanz // Romanistisches Jahrbuch. 1985. S. 15–43*), указали на более обработанный характер удаленной речи. Она имеет явно больший радиус действия, и ее продуцирование более спланировано. См. подробнее: Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / eds. S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha: Academia, 2011. S. 38.

медиаситуация, впрочем, этому четко обозначенному разделению не соответствует⁴.

При просмотре реалити-шоу телезрителю транслируется специфическая коммуникативная деятельность участников более узкого коммуникативного круга, последние пребывают в своем личном пространстве и сопровождают внеречевую деятельность вербальными средствами, характерными для обычных жизненных ситуаций. Этот жанр подразумевает выход «из толпы» на всеобщее обозрение, и он, таким образом, привносит в медиaprостранство всё больше тем, соответствующих именно близкой коммуникации и традиционно предназначенных для обсуждения личных и, по сути, тривиальных вопросов.

Телезритель наблюдает за разговорами, посвященными, например, похудению, готовке, домашним делам и т. д. Способы коммуникации в отдельных случаях тем не менее отличаются в разных передачах в зависимости от того, участвует ли напрямую в беседе модератор или другой профессионал⁵ или между собой общаются только соперники шоу и их разговоры лишь впоследствии комментируются представителем медиаресурса.

Предметом коммуникации становятся темы повседневной жизни, поэтому внимание телезрителя нужно привлекать не содержанием диалогов, но, скорее, формой и выбором специфических выразительных средств. В связи с этим в диалогах такого типа растет частота употребления средств, используемых в первую очередь для оценки коммуникативного партнера и его действий, причем собеседников подталкивают к критике в адрес соперников. В выражении оценок они не ограничены требованиями, накладываемыми на обычное беспрепятственное и эффективное общение, для которого характерна тенденция избегать нападок на партнера по коммуникации⁶, и они

⁴ Raible W. Literacy and Orality // International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences. P. 8967–8971 [online]. URL: http://www.romanistik.uni-freiburg.de/raible/Publikationen/Files/Orality_2col.pdf (дата обращения: 17.01.2021).

⁵ В зависимости от типа передачи это может быть консультант по питанию, визажист, шеф-повар и т. п.

⁶ Дж. Лич со ссылкой на Р. Лакофф пишет, что вежливость в обществе действует как страховка от вездесущих «мешающих» и «разлагающих» сил. См.: Leech G. E. The Pragmatics of Politeness. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 21. Сама Лакофф определяет вежливость как систему межличностных отношений, которые возникли с целью минимализации конфликтов и конфронтаций, потенциально присутствующих в каждом акте человеческой коммуникации. В то время как вежливость в таком понимании является феноменом, облегчающим или же полностью обеспечивающим эффективную коммуникацию, в жанре реалити-шоу часто ситуация скорее обратная. Коммуниканты сталкиваются как соперники в борьбе за выигрыш, и успешным считается собеседник,

2. НЕВЕЖЛИВОСТЬ И АГРЕССИЯ В РАССМАТРИВАЕМОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Невежливость и вербальная агрессия не являются феноменами, ограниченными лишь пространством интернета, и вербальные конфликты составляют непреходящую часть человеческой коммуникации⁸. Невежливость включает очень широкую шкалу коммуникативных стратегий, от простого и часто ненамеренного недостатка вежливости вплоть до осознанного нападения и намеренно оскорбительного поведения (здесь следует отличать случаи, в которых вежливость вербальными средствами не демонстрируется, то есть когда речь идет о «нулевой» вежливости, от случаев, в которых очевидно присутствие элементов, сигнализирующих о невежливости). Оценка коммуникации как вежливой или невежливой зависит и от конкретных суждений отдельных коммуникантов, и от других контекстно зависимых факторов, включающих сложную сеть отношений, которая отражает близость коммуникационных партнеров, их возраст, пол, общественное положение, социальную асимметрию и т. п.⁹

Оценка высказывания как вежливого или невежливого меняется с учетом временного и коммуникативного контекста, значительную роль играет также интерпретационная деятельность участников коммуникативного акта. М. Лохер и Р. Уоттс отмечают, что набор вербальных средств, используемых при реализации коммуникативных стратегий, очень разнообразен – от открыто невежливой, грубой и агрессивной коммуникации через нейтральную вплоть до вежливой и уважительной. При оценке высказываний, однако, всегда учитывается аспект так называемой уместности (*appropriateness*), и коммуникативное действие рассматривается в отношении к укоренившимся социальным нормам и усвоенным коммуникативным рамкам; невежливость, кроме того, бывает связана с их нарушением и с угрозой репутации адресата¹⁰.

2.1. ЛИЦО И ДЕЙСТВИЯ, СОЗДАЮЩИЕ ЕМУ УГРОЗУ

Понятие лица имеет в прагмалингвистически и социопрагматически ориентированных исследованиях долгую традицию употребления¹¹,

⁸ Подробнее см.: *Lehti L. et al. Linguistic Analysis of Online Conflicts: a Case Study of Flaming in the Smokahontas Comment Thread on YouTube* [online]. URL: <http://widerscreen.fi/assets/Lotta-Lehti-et-al2-1-2-2016.pdf> (дата обращения: 17.03.2019).

⁹ *Leech G. E. The Pragmatics of Politeness*. P. 218.

¹⁰ *Locher M. A., Watts R. J. Politeness Theory and Relational Work // Journal of Politeness Research*. 2005. № 1. P. 11.

¹¹ *Goffman E. Interactional Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. Garden City, NY: Doubleday, 1967.

и в настоящее время существует несколько разных его интерпретаций; эта концепция, по сути, основана на том, что каждый из участников коммуникации вступает в социальное взаимодействие, имея определенную самооценку, и ожидает, что другими участниками коммуникативного акта он будет воспринят адекватно своему представлению о себе. Наряду с этим так называемым положительным лицом существует также лицо негативное, связанное с тем, что человек в своих высказываниях не хочет быть ограничен, перебит или принужден к действиям, которые могут быть для него неприятными или могут нанести ему какой-либо ущерб – другими словами, он претендует на свою личную свободу и пространство. Э. Гофман трактует лицо как результат социального взаимодействия, как положительную социальную ценность, ожидаемую от партнеров говорящего в рамках коммуникационного события, создаваемого в течение коммуникационного и, шире, социального взаимодействия. По сути, речь идет о собственном образе (*image*), в основе которого лежат определенные социальные атрибуты¹². Ценность отношений означает, что каждый индивид в зависимости от обстоятельств коммуникационного события потенциально может претендовать на разное количество таких лиц, и эта маска меняется в зависимости от того, в какой именно роли он выступает в данный момент¹³.

Целенаправленная невежливость, с которой мы обычно сталкиваемся в разных передачах жанра реалити-шоу, мотивирована не обязательно личными отношениями коммуникантов, но скорее их потребностью создать у зрителя желаемый медиаобраз и преуспеть в конкурентной борьбе с остальными участниками. Невежливость, кроме того, обычно сопровождается созданием угрозы собственному имиджу, и это происходит в тех случаях, когда остальные участники коммуникации не позволяют своему партнеру представлять себя так, как он желает, и отказываются принимать положительные социальные или личностные атрибуты, с помощью которых он хочет себя представить; другими словами, они не принимают «маску», которую тот хочет надеть в рамках конкретной роли.

2.2. НЕВЕЖЛИВОСТЬ ПРОТИВ ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ

Невежливость не обязательно представляет собой результат осознанного поведения субъекта, и часто она действительно им не является.

¹² Ibid. P. 31.

¹³ *Locher M. A., Watts R. J. Politeness Theory and Relational Work.* P. 12.

Говорящий может не считать высказывание невежливым, однако адресат при декодировании вписывает его в собственные интерпретационные границы, используя свой предыдущий опыт и свои ожидания, поэтому он способен расценить фразу как бестактную, например, по причине (ненамеренно) недостаточной вежливости.

От этой ненамеренной невежливости следует отличать случаи осознанных нападений на личность коммуникативного партнера, направленные на достижение собственных целей. Для данного типа коммуникативного поведения мы используем обозначение «вербальная агрессия»; в качестве коммуникативной стратегии она может реализоваться как прямо (ругательства, угрозы, насмешки и т. п.), так и косвенно (например, разговоры и смех за спиной). Целью говорящего является либо мгновенная дискредитация адресата агрессивными действиями и подрыв его самооценки, либо получение для себя какой-либо выгоды в будущем: например, говорящий хочет вызвать удивление остальных, добиться от адресата того, что ему нужно, или же не дать сопернику того, что он хочет. Однако следует учитывать намеренно реализованную коммуникативную стратегию, инструментом которой могут быть не только экспрессивные, вульгарные или иным образом маркированные вербальные средства. Вербальная агрессия наносит задеваемому объекту вред по большей части символический, а из характера и специфики коммуникативной ситуации потом следует релятивизация степени нанесенного вреда.

В интернете вербальные конфликт и нападение принимают несколько иной вид. В анонимном пространстве становится обычной внезапная, непосредственная, импульсивная и достаточно резкая реакция на общее содержание, поскольку автор не ограничен в своих высказываниях опасениями насчет реакции коммуникативного партнера. Подобные обидные и оскорбительные комментарии (так называемые *flames*)¹⁴, разумеется, могут возникнуть и в обычной непосредственной коммуникации, однако в ней коммуниканты намного чаще корректируют собственные высказывания как раз в стремлении избежать отчетливо вредительских стратегий, поскольку в ином случае очень вероятен соответствующий ответ коммуникативного партнера. Вредительская стратегия не всегда остается без отклика в онлайн-дискуссиях, однако в данном коммуникационном контексте риск потерять лицо минимален, а вред лишь символический.

¹⁴ Подробнее см.: *Lehti L. et al. Linguistic Analysis of Online Conflicts...* [online]. URL: <http://widerscreen.fi/assets/Lotta-Lehti-et-al2-1-2-2016.pdf> (дата обращения: 17.03.2019).

Пример 1

Яна: девушка себе купила очищенный лук в вакуумной упаковке (чтоб у нее сгнили ее ленивые лапы, окружающей среде только лучше будет) и выбросила его, когда не нашла ножниц. Думаю, что ей стоило бы попробовать вести хозяйство и заботиться о четырнадцати детях сто лет назад. Утром затопить печь, наносить воды, сходить за овощами на огород.

Аноним: Яна, это ненормально, возвращайся в пещеру. Впрочем, я думаю, что это просто провокация шутника, который сейчас просто ждет реакции.

Варди: Но, мадам, мы ведь не в Средние века живем...

соленая.мария: Возвращайся на пальму!

Прири: А ты типа из пещеры выглянула??¹⁵

Автор комментария может даже не ознакомиться с реакциями остальных коммуникантов, а если он их и прочитает, его положение не окажется под угрозой, в особенности потому, что его личность остается в тайне.

3. НАПАДЕНИЯ НА ЛИЦО СО СТОРОНЫ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ УЧАСТНИКОВ ПЕРЕДАЧИ

Невежливые и агрессивные коммуникативные стратегии всегда связаны с нападением на лицо. Выше мы определили лицо как социальную ценность отношений, которая создается в процессе коммуникации. Подобная трактовка появляется, например, в работе Х. Спенсер-Оути¹⁶, которая вкладывает в основу данного понятия взаимопроникновение лица и идентичности. Концепт идентичности включает в себя широкий спектр свойств (личностные черты характера, способности и умения, внешние черты, особенности поведения, социальные роли, групповую принадлежность и т. п.). Эти черты обретают в зависимости от контекста различное значение и могут быть попеременно восприняты как положительные и отрицательные, как значимые и периферийные. Однако всегда возникает вопрос межличностных отношений и социальной роли, которую коммуникант играет в данный момент.

В концепции невежливости Дж. Калпепер развивает более раннюю идею разделения положительного и отрицательного лица, в ней аналогично различаются положительная и отрицательная невежливость¹⁷.

¹⁵ Пример взят из дискуссий к анализируемым частям реалити-шоу Prostřeno!, обнародованные статусы оставлены в своем оригинальном виде.

¹⁶ *Spencer-Oatey H. Theories of Identity and the Analysis of Face // Journal of Pragmatics. 2007. № 39/4. P. 640.*

¹⁷ Положительная невежливость использует стратегии, имеющие целью нанесение вреда положительному лицу коммуникативного партнера, например нескрываемое отсутствие

В более позднем труде автор разрабатывает одно обобщенное понятие лица. Так же, как и Х. Спенсер-Оути, она связывает его с разными аспектами идентичности индивида, и как невежливые и агрессивные оцениваются именно те высказывания, с помощью которых собеседник нападает на лицо адресата и которые ведут к нанесению ему вреда, оскорблению или обесчещиванию¹⁸. Как мы уже указывали выше, подобные стратегии могут заблокировать рациональную и эффективную коммуникацию, предполагающую прежде всего кооперацию участников¹⁹.

Реалити-шоу *Prostřeno!* является примером комплексной и многослойной коммуникативной ситуации, в которой общение проходит в разных формах. В первой части соперники готовят угощение для остальных участников, и эти невербальные действия они сопровождают комментариями, где не только уточняют свои действия, но и оценивают других участников и их работу. Во второй части происходит коммуникация между участниками, которые пришли в дом к одному из них: они осматривают дом, комментируют обстановку и т. п. и главное – они едят приготовленное хозяином угощение и оценивают его качество. В итоге каждый присуждает остальным баллы. За столом проходит общая беседа, но коммуниканты играют специфическую социальную роль: в состязание они вступают с очевидной целью выиграть со своим меню, поэтому они нарушают обычное правило избегать болезненных, неприятных и конфликтных тем. Наряду с ведением этих диалогов, соперники высказываются на камеру и оценивают коммуникативных партнеров и качество поданных блюд.

Большая часть нападений на лицо, наблюдаемых в рассматриваемых передачах, была направлена прежде всего на те его качества, которые связаны с образом хорошего хозяина и способного повара, то есть с характеристиками, которые должны быть положительно оценены в данном состязании. Отрицательно в передачах оценивается, например,

интереса к поднятой им проблеме, обращение к темам, которые, как известно, неприятны адресату или к которым он проявляет чувствительность, умаление или принижение личности адресата посредством использования соответствующих обращений и т. п. Отрицательная невежливость связана с намеренным запугиванием, высмеиванием или преуменьшением значения, обнародованием информации, которую адресат считает личной или интимной, акцентированием собственного превосходства и т. п. См.: *Culpeper J. Towards an Anatomy of Impoliteness // Journal of Politeness Research. 1996. № 25. P. 349–367.*

¹⁸ *Culpeper J. Impoliteness. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.*

¹⁹ Исключение, разумеется, представляют специфические коммуникационные события со строго разделенными правомочиями социальных ролей (например, военная подготовка), в которых «выключение» вежливости происходит без видимых признаков. К данному типу коммуникативных ситуаций мы бы могли отнести и реалити-шоу.

использование в приготовлении пищи искусственных добавок. Это обстоятельство неоднократно становилось темой анализируемых выпусков, и в качестве средства вербального нападения появилось в способе обращения одного участника к другому «ты, кубик бульонный».

Пример 2

И: это как если человек посолит, то суп реально хороший (...) Гонзик²⁰ вроде немножко наваристей сделал, нет? у него было лучше

Р: ну да, только он туда (...) кое-что добавил

Я: не, это не от этого, он наваристый, если его дольше держишь

Я (на камеру): то, что я вчера положил кубик в суп, не имеет никакого отношения к тому, будет ли суп наваристым или не будет. этот кубик был только для вкуса

Р: ну так я держал четыре часа (...) суп этот

Я: мне кажется у тебя он прозрачным получился

Р: ну ладно. у каждого свое мнение (...) ладно

Я: ну мне было лучше видно и это не из-за кубика. кубик тебе только вкус добавляет, он тебе не делает суп наваристым²¹

Нападение на положительное лицо также связано с неспособностью хозяина сервировать отдельные блюда без излишней временной задержки. Хотя с этой проблемой столкнулся ряд участников, они же, оказавшись в роли гостей, использовали это обстоятельство для нападения на лицо хозяина.

Пример 3

А: ты за этим рисом в Азию ходила? ((смех))

Р: на рисовые поля

Я (на камеру): мы ждали главного блюда почти полчаса. это мне не очень понравилось

Р: гонза уже нервничает?

Я: от этого ожидания

²⁰ Гонзик – уменьшительный вариант имени Ян. – *Прим. пер.*

²¹ В расшифровках оригинальных разговоров мы используем следующие транскрипционные значки:

:	удлинение гласного
?	повышение тона голоса
–	прерывание фразы
.	понижение тона голоса
(...)	пауза
<>	сказано со смехом
()	непонятная или плохо понятная фраза
(())	комментарий расшифровщика
(на камеру)	сказано изолированно (то есть «на исповеди»)

T: ((*приходит из кухни*)) ну вот наконец
A: я уже думала что буду как в школе. мы хотим есть! ((*смех*)) нет. Спасибо

В качестве способов унизить хозяина также может быть использовано обсуждение беспорядка в доме, указание на грязную скатерть, плохо вымытую посуду или ошибки сервировки.

Пример 4

P: у меня было не убрано?
 ((*минута молчания. P улыбается и стучит пальцами по столу*))
A: да хорошо. Ничего
Я: ((*улыбается*)) ну когда убрано это выглядит несколько иначе. правда. поэтому как-то так
P: ((*вздыхает*)) господи
A: когда он нам рассказывал что это была типа генеральная уборка –
Я: ну: и <до генеральной уборки там было еще очень далеко>
P: так вы просто еще не видели бардак до этого (...) поэтому это все-таки была генеральная уборка

Угроза возникает также из-за недостатка такта и предания огласке (неприятных) личных фактов. В анализируемых выпусках, например, касались возраста хозяйки и ее дочери: гости, повторяя вопросы, пытались выяснить, когда хозяйка стала мамой. Интерпретация высказываний как невежливых, однако, всегда обусловлена ситуацией и связана как с предыдущим опытом коммуникантов, так и с сетью отношений на данный момент. Вред лицу также способно наносить неучитывание или умаление социальной роли коммуникантов, непризнание их желаемого образа. Примером может быть ситуация, когда хозяйка вместо традиционного развлечения предложила гостям поделиться с ней своими проблемами, чтобы получить ее совет.

Пример 5

Э: ((*ест порцию, которую она себе добавила, у остальных уже пустые тарелки*)) в общем сейчас должно быть пирожное. то есть перед пирожным должно быть развлечение. поэтому я предлагаю чтобы каждый из нас о себе что-нибудь рассказал. можете меня спросить о чем хотите. например о том что вас мучает²²
И: так что элишка как нам быть с нашими мучениями. меня вот много чего мучает но я бы выбрала бы что-нибудь полегче чтобы не наскучить

²² В оригинальном тексте используется устойчивое выражение «где у вас жмет ботинок» в значении «какие у вас проблемы». – *Прим. пер.*

(...) что посоветуешь?

Э: ну конечно и какое место тебя мучает?

И: ну я образно выражаюсь. я думала рассказать о проблемах, которые –

Э: а я думала что у тебя что-то болит

Остальные: ((смех))

И: ненене. у меня ничего не болит

Э: ну а я здесь не для веселья

Уже реакция хозяйки показала, что ответ, изначально задуманный как шутка, она интерпретировала как нападение. Ответ соперницы, которая была старше всех в группе и в передаче больше всех пропагандировала здоровый образ жизни, она восприняла как проявление недостаточного уважения и непризнания ее ценностей. Подобная ситуация сложилась и в случае, когда другая участница принесла хозяйке в качестве подарка печатное издание, та же решила, что это кулинарная книга и что соперница таким образом хочет намекнуть на ее тучность и на необходимость изменить свои пищевые привычки.

Пример 6

И: а у меня здесь книжка. я бы хотела сегодня развить тему твоего здоровья чтобы закончить дискуссию, которую мы в прошлый раз не закончили и (потом) поболтать. это не совсем поваренная книга в полном смысле этого слова и она не только о вегетарианстве. она просто о том что есть и (...) человек потом сам может выбрать

М: хорошо. большое спасибо

М (на камеру): не знаю хотела ли она меня оскорбить (...) но: (...) мне это не было приятно и (...) я буду с Ивчей немножечко настороже

О том, что этот по сути дружественный акт был понят как нападение, свидетельствует и последовавший комментарий хозяйки, произнесенный прямо на камеру.

Пример 7

М: мне не нравится, когда в мои годы кто-то лезет в мою жизнь. будь он прав или нет и (...) здесь мы видимо немножечко столкнемся

При прямом выражении отрицательных оценок или использовании стратегий нападения коммуниканты рискуют, что тот, на кого нападают, станет обороняться и впоследствии нанесет вред самому говорящему. Формат передачи предполагает, что в нее будут включены, в частности, оценочные пассажи, произнесенные только на камеру, поэтому

соперников фактически толкают к непрямой вредительской стратегии, а именно – к разговорам за спиной.

Пример 8

Я: ((берет в руки деталь модели машинки)) это видимо собирает Радован

T: думаешь это его хобби?

Я: наверное

T: а видишь где-нибудь собранную машинку?

Я: нет

Я (на камеру): там у него типа склада. каждая стена покрашена по-разному. одно, другое (...) в итоге я не знаю мне там не понравилось

T: в целом у него ничего. для такого маленького помещения

Я: хотя все стены разные (...) фиолетовая. здесь фиолетовая. а это какая-то другая фиолетовая. видимо у него не получился цвет

T (на камеру): у Радована здесь какой-то хаос. ничего не лежит на своем месте. не знаю не представляю как в таком можно жить

Я: пока им этого хватит. по факту он тут просто ночует. поэтому думаю что это ничего страшного

Нежелание вступать в открытый конфликт в коммуникации проявляется, помимо прочего, еще и в том, что оценочное суждение, сказанное на камеру, расходится с высказываниями, произнесенными перед остальными участниками. Если говорящие сами не рискуют столкнуться с негативной реакцией, именно эта стратегия имеет место чаще всего.

Пример 9

Э (на камеру): я думала что она испечет сама свою брускетту. она была какая-то твердая но я не спросила почему она не испекла свою (...) я не хотела ее смущать

4. ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В ОНЛАЙН-ДИСКУССИЯХ

Из корпуса комментариев, насчитывающего более 340 страниц текста, мы отбирали прежде всего те, которые касались участников передачи. Невежливость, реализованная непрямой, не ведет к нанесению вреда говорящему, поэтому намерение использовать оскорбления и нападать на лицо коммуникативного партнера усиливается преимущественно там, где субъект уверен в своей анонимности, что типично для интернет-дискуссий.

Пример 10

эта ИВА восприняла передачу как объявление о знакомстве. Ей явно не хватает ума, и она играет прелестного престарелого дьяволена.

Она жалкая. Ее выберет только сумасшедший мужчина. По ней видно, что она привыкла контролировать, это ужас и бред. Такое иметь дома НЕ ЗАХОЧЕТ НИКТО :-)

Толстая женщина, вы такая отвратительная завистливая и глупая особа, что из этой вашей гряды вы никогда не выплывете. Это я вам гарантирую. Вы уродка как внешне, так и внутри. Мне из-за вас так хреново, что даже заглавная «В» в обращении не пишется. А это со мной случается нечасто. Может быть, вам все равно, я это понимаю, но вы увидите, что мои слова претворятся в жизнь.

Авторы комментариев здесь напали на лицо участников и выбрали для себя такие аспекты их идентичности, которые при открытой коммуникации, очевидно, были бы табуированы (возраст и одиночество пожилой женщины, вес и в целом внешность участницы, недостаток ума и т. п.).

При работе с комментариями мы обнаружили, что в них в целом ожидаемо возникают темы, связанные напрямую с направленностью реалии-шоу, такие как присуждение баллов соперникам (в особенности тогда, когда участник, поставив несправедливый и намеренно низкий балл сопернику, хотел обеспечить себе победу), оценка меню и кулинарных способностей, уровня сервировки и порядка в квартире и т. п.

Пример 11

Боже, а я за тебя болела... молодая девушка, которая хорошо готовит и главное, какая симпатичная и приятная. Ты мерзкая и даже не представляешь, как ты всеми просто манипулируешь!! Мне вот интересно, как бы ты выкручивалась, если бы плохо готовила. Как уже кто-то здесь писал. Еда у тебя была вроде ничего, но как человек ты гадкая и отвратительная!!!! Чехи просто ничего не умеют, только манипулировать другими... это нигде больше не могло случиться, только в Чехии!!!!

Для плешивого важна только победа, ему всё не так, всё не по вкусу. Классическая жалкая тактика, но, скорее всего, он выиграл.

Плешивый расчетлив даже слишком. Ему ничего не нравится. Он зажавшийся. Везде был и всё знает. Даю ему на этой неделе мииинус 10 До того, как начал готовить, он был нормальным парнем, который стремился быть приятным. Закончил готовить и сразу стал сктиной. И так происходит на *Prostřeno!* достаточно часто. Что это за типы, не знаю.

Зрители в своих комментариях выражали в основном негативные эмоции, а оценки, которые они давали участникам, были экспрессивными и оскорбительными. Для их выражения они использовали аугментативы

(*плешивый*), грубые выражения (*скотина*) и атрибутивы, акцентирующие негативные аспекты индивидуальности (*недоразвитая, неприятная, отвратительная, жалкая*). При оценке кулинарных способностей и сервировки они выражали негативное отношение с использованием соответствующих экспрессивных прилагательных и междометий.

Пример 12

У вас всё в грязи, не дала бы вам и семи баллов.

Вареный свиной окорок в кетчупно-горчичном соусе – это для меня вещь несъедобная. Но я думаю, что кто-то даже хотел рецепт и очень хвалил. Здесь видно, как чехи питаются и какую бурду едят. Бррр. :(

Как можно принимать гостей в трусах и растянутой футболке? Тост под ликер?! Суп гуще соуса, ризотто вместо супа-пюре. Не знаю, над чем вы тут вздыхаете.

Бульон был мутный, блинчик как блинчик. Тушеный рулет в фольге без запекания, сок, который загустили крахмалом, – это вообще безумие. Раздавленные кнедлики на тарелочке совсем плохо выглядели, и для этого меню десерт был тяжелый, сытный.

Хотя чаще встречаются комментарии, содержащие критические оценки, регулярно появлялись и отклики, выражающие поддержку участникам и позитивные впечатления от их поведения. В случае участницы, которая, по мнению комментаторов, заслужила победу, такие мнения явно преобладали.

Пример 13

От лица зрителей поздравляю, Иванка, с победой. Я рада, что тоже вам смогла добавить 10 баллов. Хотя выиграть однозначно должны были вы. Но весь народ вас любит, и это здорово! Нет? Всего вам самого лучшего. Вы хорошо готовили, были раскованной, веселой, милой, и так и должно быть. Я за вас болею. С меня 10!

Мне очень понравилось, как Терезка орудовала на кухне, еда была действительно красиво подана на тарелке. Если бы все хорошо разodelись, можно было сказать, что еда как в пятизвездочном ресторане :) Я бы ей дала 10 баллов, если бы мне было вкусно.

Однако бóльшая часть комментариев не была напрямую связана с темой шоу и была посвящена прежде всего некоторым из личностных характеристик отдельных участников. Например, на одну женщину чаще всего нападали из-за ее фигуры и стиля одежды, авторы негативно высказывались и о ее уме, также появлялись критические оценки, касающиеся ее семейного положения:

Пример 14

Некрасивая, сгорбившаяся, глупая и с бровями как у Марфуши и характер такой же. Гадость!

Ну ты недоразвитая. Ты жалкая.. Еще бы ты выиграла...

Ты, что, не знаешь как одеваться на праздничный ужин? :-)

Уродливая, примитивная, низкая, толстая и не заботится о ребенке. Это потомство – единственное преимущество особы. Фу, мерзость.

Да, она очень простая. Понимаю, почему у нее дочь – разменная монета.

Комментаторы необязательно используют экспрессивные или грубые выразительные средства: чтобы навредить, они прямо нападают на определенные стороны идентичности адресата, обращаются по-особенному, иронизируют и употребляют экспрессивные формулы высказывания. Открыто негативные оценки фигуры, часто с использованием характерной и экспрессивной лексики или необычных сравнений, давали и другим участникам.

Пример 15

Это напишите той свиноматке, она хитрила и давала меньше всего баллов.

Почему с такой мерзкой отвратительной мужицкой фигурой она умудрится придирается к недостатку – толстым рукам? Самомнения ей не занимать. Но на кухне у нее вышло неплохо.

Женщина не в теле – она жирная, как поросенок в шортах!

Марцела, уже по профилю, где вы сидите за столом, видно, что вы не толстая, а что у вас ожирение! Вам бы с этим что-нибудь сделать. И с Вашим плаксивым и обидчивым характером, иначе до конца жизни останетесь одна, с собачкой, которая занимает полпостели. Очень грустный образ для молодой женщины...

Критические комментарии появлялись и как реакция на алкоголизм одного из участников («После пары кружек пивка он стал реально симпатяшкой! :-):-)), на негативный настрой («Около этой женщины и молоко бы скисло... Вот это бука»; «Негатив из нее сыплется, как листья с дерева») и т. п. Опубликованные реплики, разумеется, свидетельствовали о слабой терпимости авторов и в случае участия соперника-цыгана носили даже расистский характер.

Пример 16

Жалкое поведение после того, как он закончил готовку. Это отвратительный потный цыган!!

У этих «цветных чехов», похоже, сильный желудок.

Из Словакии к нам может забрести медведь или вот эти темнокожие.

Я выбираю медведя.

Выиграет лживый ц.ы.г.а.н, развлечение Терезы ему показалось так себе, зато лезть на печную трубу – это бинго. Что же за несчастье было у человека в семье, и он с нами им не поделился?

Подобным образом отрицательное отношение выражали и в адрес участницы, признавшей в лесбийских отношениях («Да, Тереза – лесбиянка, которая не умеет себя вести ни с людьми, ни с животными. Она о себе думает, что она прекрасна, но при этом она толстая и очень недалекая девица»), или той, что была вегетарианкой («Когда вижу эту высушенную мумию, я понимаю, почему я не вегетарианец»). Комментарии, таким образом, демонстрируют нежелание коммуникантов принимать любое отличие от других. Ряд явно критических оценок получила участница, признавшаяся в разговоре, что у нее проблемы со здоровьем и что это явилось причиной прерывания долгосрочного пребывания в США и возвращения домой. Автор здесь для выражения негативной оценки использовал стилизованное изумление, экспрессив, повтор, ряд риторических вопросов и обобщающее сравнение в конце.

Пример 17

Гмм, интересно... В Америку ехать зарабатывать, но как только у нас бобо, так сразу сразу домой к доктору... Что же она не пошла к врачу в Америке? Здесь-то у нас бесплатно ведь? Или мы ей это оплатим... А потом бегом-бегом в Америку... Мерзкая, как дырка от мочи в снегу...

Самое большое количество комментариев получила участница, которая подала заявку на передачу, хотя не ела мясо, а кроме того, призналась остальным участникам, что у нее есть куколка мальчика, с которым она говорит, как если бы он был ее настоящим сыном (она брала его с собой в отпуск, планировала для него учебу в вузе и т. п.). Среди комментариев преобладали те, в которых авторы выражали критические оценки и ставили под сомнение ее психическое здоровье.

Пример 18

Баба вроде неплохая, но прилично не в себе.

Думаю, что у женщины немного шарики за ролики заехали. К кукле отнесится как к ребенку, если бы ей было на 70 лет меньше, меня бы это

партнеров. Коммуниканты и далее использовали анонимное пространство интернета для нападков на недостаточную коммуникативную компетенцию или глупость партнеров.

Пример 20

Согласен с: (Аноним) 21.11.2018 20:08

Марцела – закомплексованная, негативная, противная женщина, которая копошится только в своем прошлом и болячках. Однако очевидно, что от нищеты она не страдает, см. дом и новый ремонт, гелевые ногти и т. д., так почему она постоянно жалуется на ужасную жизнь?

Аноним (Аноним) 21.11.2018 20:16

20:08---Если вы оцениваете довольство жизнью только по дому и гелевым ногтям, то тогда от жизни вы много не хотите, таких людей называют нищими духом, в голове пусто.

Однако в рассматриваемых дискуссиях в этом типе коммуникативной деятельности появление негативных и агрессивных комментариев уменьшилось, и коммуниканты, как правило, выражали поддержку и схожие позиции.

Пример 21

ehromasova 12.11.2018 18:28

...это верх деревенщины – выходить в люди в камуфляжной майке и шортах. Или он только с рыбалки пришел?!

rpenicamilan 12.11.2018 18:45

Крууууто....!!!!

alena.sd 12.11.2018 18:30

Мне пришло в голову то же самое. Я не понимаю, как кто-то вообще может так прийти на ужин. И потом, с другой стороны, они хотят нетрадиционную роскошную еду, но при этом одеваются, как в поход.

Подобные комментарии мы бы могли отнести к жанру сплетен²³, который обычен для повседневного общения среди знакомых или близких коммуникативных партнеров. Хотя авторы комментариев не знают друг друга, они используют средства выражения, характерные именно для этого типа коммуникативной ситуации (типично, например, использование нелитературного чешского языка или стремление графическими средствами передать звучащую речь).

²³ Подробнее см.: Raible W. Literacy and Orality // International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences... [online]. URL: http://www.romanistik.uni-freiburg.de/raible/Publikationen/Files/Orality_2col.pdf (дата обращения: 17.01.2012).

влиянию обстоятельств текущей ситуации. Самой сильной мотивацией соперников является желание победить, поэтому участники внешнего и внутреннего коммуникационного круга стараются убедить других в положительных ценностях собственного лица. Появление открытых стратегий нападения ограничено опасениями потерять лицо, что было бы неотвратимым следствием открытой конфронтации с остальными коммуникативными партнерами (они, помимо всего прочего, учитывали бы атаку на собственное лицо в процессе взаимного присуждения баллов). Самой распространенной вредительской стратегией тем самым становятся разговоры за спиной, являющиеся составной частью сценария, и к ним коммуниканты, по сути, призываются.

Относительно новое коммуникационное пространство онлайн-дискуссий позволяет выразить критические оценки и суждения анонимно, и это ведет к возникновению значительно большего количества стратегий нападения, где появляются грубые и нередко вульгарные высказывания. В комментариях, авторы которых сохраняют анонимность и не опасаются утратить лицо в открытой конфронтации, чаще всего открыто нападают на положительное лицо участников. Индивидуальные ценности, подвергаемые атакам, варьируются в зависимости от конкретного участника. Часто критикуются кулинарные способности соревнующихся, но еще больше самые разные аспекты их личности (внешность и характер), что служит свидетельством очевидного нежелания коммуникантов принимать какую-либо форму их отличия от других.

Составной частью дискуссий являются не только оценочные комментарии, но и диалоги их авторов, в ходе которых происходит симуляция обычной коммуникативной деятельности, типичной для личного пространства, и коммуниканты, хоть они и не знают друг друга, действуют в соответствии с коммуникационной моделью жанров, обычных для близкой коммуникации. Регулярны также комментарии, где авторы осознанно обращают внимание на публичный характер коммуникации. Они поправляют коммуникативных партнеров с точки зрения как содержания, так и формы высказываний и призывают их к вежливости при вынесении оценочных суждений. Предположение, что анонимизация коммуникантов приведет к появлению большего количества агрессивных стратегий, таким образом, подтвердилось, причем выявлена тенденция достигать и в этом пространстве определенной культуры высказывания и сохранять основные стандарты вежливости.

Перевод с чешского А. В. Амелиной

Литература

- Brown P., Levinson S. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.
- Culpeper J. *Impoliteness*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Culpeper J. Reflections on Impoliteness, Relational Work and Power // *Impoliteness in Language. Studies on Its Interplay with Power in Theory and Practice* / ed. by D. Bousfield, M. Locher. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P. 17–44.
- Culpeper J. Towards an Anatomy of Impoliteness // *Journal of Politeness Research*. 1996. № 25. P. 349–367.
- Goffman E. *Interactional Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. Garden City, New York: Doubleday, 1967.
- Hirschová M. Nezdvořilost // *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny* / eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová [online] 2017. URL: <https://www.czechency.org/slovník/NEZDVOŘILOST> (дата обращения: 24.03.2019).
- Lakoff R. T. *Talking Power. The Politics of Language in Our Lives*. Glasgow: HarperCollins, 1990.
- Leech G. E. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Lehti L. et al. Linguistic Analysis of Online Conflicts: a Case Study of Flaming in the Smokahontas Comment Thread on YouTube [online]. 2016. URL: <http://widerscreen.fi/assets/Lotta-Lehti-et-al2-1-2-2016.pdf> (дата обращения: 17.03.2019).
- Locher M. A., Watts R. J. Politeness Theory and Relational Work // *Journal of Politeness Research*. 2005. Vol. 1. Issue 1. P. 9–33.
- Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / ed. by S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha: Academia, 2011.
- Raible W. Literacy and Orality // *International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences* / ed. by N. J. Smelser, P. B. Bates [online]. 2002. P. 8967–71. URL: http://www.romanistik.uni-freiburg.de/raible/Publikationen/Files/Orality_2col.pdf (дата обращения: 17.01.2021).
- Spencer-Oatey H. Theories of Identity and the Analysis of Face // *Journal of Pragmatics*. 2007. Vol. 39. Issue 4. P. 639–656. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2006.12.004>.

References

- Brown, P., Levinson, S., 1987. *Politeness. Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Culpeper, J., 2011. *Impoliteness*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Culpeper, J., 2008. Reflections on Impoliteness, Relational Work and Power. In: Bousfield, D., Locher, M., eds., 2008. *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 17–44.

- Culpeper, J., 1996. Towards an Anatomy of Impoliteness. *Journal of Politeness Research*, 25, pp. 349–367.
- Čmejrková, S., Hoffmannová, J., eds., 2011. *Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí*. Prague: Academia.
- Goffman, E., 1967. *Interactional Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. Garden City, New York: Doubleday.
- Hirschová, M., 2017. Nezdvořilost. In: Karlík, P., Nekula, M., Pleskalová, J., eds., 2017. *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny* [online]. URL: <https://www.czechency.org/slovník/NEZDVORILOST> (accessed: 24.03.2019).
- Lakoff, R. T., 1990. *Talking Power. The Politics of Language in Our Lives*. Glasgow: HarperCollins.
- Leech, G. E., 2014. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press.
- Lehti, L., et al., 2016. *Linguistic Analysis of Online Conflicts: a Case Study of Flaming in the Smokahontas Comment Thread on YouTube* [online]. URL: <http://widerscreen.fi/assets/Lotta-Lehti-et-al2-1-2-2016.pdf> (accessed: 17.03.2019).
- Locher, M. A., Watts, R. J., 2005. Politeness Theory and Relational Work. *Journal of Politeness Research*, 1 (1), pp. 9–33.
- Raible, W., 2002. Literacy and orality. In: Smelser, N. J., Batles, P. B., eds., 2002. *International Encyclopedia of Social and Behavioral Sciences*, p. 8967–71 [online]. URL: http://www.romanistik.uni-freiburg.de/raible/Publikationen/Files/Orality_2col.pdf (accessed 17.01.2021).
- Spencer-Oatey, H., 2007. Theories of Identity and the Analysis of Face. *Journal of Pragmatics*, 39 (4), pp. 639–656. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2006.12.004>.

ЦИФРОВЫЕ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ЧЕХИИ

Ричард Змелик

доктор философии, старший преподаватель,
Университет Палацкого в Оломоуце
Почтовый адрес: ул. Кршижковского, 10,
Оломоуц, 77900 Чехия
Электронный адрес: richard.zmelik@upol.cz

Аннотация

Статья посвящена проблеме цифровых гуманитарных наук (англ. *Digital Humanities*, далее – ДН) в чешском литературоведении. За последние десять лет различные методы, связанные главным образом с ДН, оказывали значительное влияние на развитие множества областей гуманитарных наук. В чешском литературоведении такого рода воздействие становится очевидным с 2017 г., когда среди ученых была инициирована официальная дискуссия по данному вопросу. С одной стороны, использование ДН в чешском литературоведении началось не так давно, поэтому они не занимают столь сильные позиции, как в зарубежной науке. С другой – в чешских научных кругах традиция применения так называемых точных методов в литературоведении существует и служит важным внутренним источником для более полного развития ДН. Эти точные методы исследуются в статье. Тем не менее основная цель работы – представить два современных чешских ДН-проекта в области литературоведения: первым из них является Корпус чешского стиха, а вторым – Корпус чешской прозы, который служит базой для тематического проекта «Вывымышленная топография Праги». Проекты могут рассматриваться в качестве характерных для положения и роли ДН в современном чешском литературоведении.

Ключевые слова

Чешское литературоведение, цифровые гуманитарные науки, цифровой корпус чешской поэзии, формализм, структурализм, топографические модели в литературоведении

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2021 г.

Цитирование: *Змелик Р.* Цифровые гуманитарные науки в Чехии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 81–98. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.04>

THE DIGITAL HUMANITIES IN THE CZECH REPUBLIC

Richard Změlík

Ph.D., Assistant Professor,
Palacký University in Olomouc
Postal address: Křížkovského 10, Olomouc, 77900
Czech Republic
E-mail: richard.zmelik@upol.cz

Abstract

This paper is devoted to the issue of Digital Humanities (DH) in Czech literary studies. Over the last decade, various methods primarily connected with DH have had a substantial impact on the development of numerous areas of the humanities. In Czech literary studies, this impact is visible only from 2017 onwards, when official discussion between Czech scholars about the topic was initiated. The recent development of this tradition is the main reason why DH have not gained as strong position in Czech literary studies as they have abroad. However, there exists a tradition of the use of so-called exact methods in literary studies in the Czech scholarly milieu, and this tradition serves as an important domestic source for the full development of DH in Czech literary studies. While these exact methods are examined in the paper, its main purpose is to introduce two contemporary Czech DH projects in literary studies – the first being the Corpus of Czech Verse and the second the Corpus of Czech Prose, the latter of which currently serves as a base for a subject-project on Prague Fictional Topography. These two projects can be viewed as representatives of the situation and role of DH in contemporary Czech literary studies.

Keywords

Czech literary studies, digital humanities, digital corpus of Czech verse, formalism, structuralism, topographical models in literary studies

Received 25 February 2021

How to cite: Změlík, R., 2021. Tsifroye gumanitarnye nauki v Chekhii [The Digital Humanities in the Czech Republic]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 81–98. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.04>

Хотя зачатки цифровых гуманитарных наук (англ. *Digital Humanities*, далее – DH) можно обнаружить уже в конце XX в.¹, их значительное развитие и применение приходится на начало текущего тысячелетия, когда DH стали активно использоваться в иностранных гуманитарно ориентированных исследованиях, о чем свидетельствует не только ряд публикаций, уже ставших классическими, например «Справочник по цифровым гуманитарным наукам» (англ. *A Companion*

1 Авторы публикации о DH приводят данные о том, что зарождение этой дисциплины относится к 80-м гг. XX в. См.: Burdicková A., Druckerová J., Lunenfeld P., Presner T., Schnapp J. *Digital Humanities*. Praha: Academia, 2019. P. 20.

to *Digital Humanities*), но и большое количество специализированных монографий, отражающих роль ДН в ряде областей гуманитарных наук, к которым относится и литературоведение. Сегодня уже практически невозможно определить весь спектр проблематики ДН, поскольку она затрагивает многочисленные дисциплины (литературоведение, лингвистику, историю, археологию, музыковедение, музейное дело, педагогику, историю искусств и т. д.), а количество специализированных текстов, обсуждений или выступлений на конференциях по данной проблематике достигает внушительных масштабов. Однако задачей статьи не является охват всего многообразия ДН; как литературовед и богемист, я буду говорить лишь о некоторых сегментах данной проблематики. Прежде всего, о возможностях не только цифровой, но и количественной, статистической и компьютерной обработки художественных текстов, с чем очень тесно связан вопрос применения цифровых корпусов в литературоведении. Хотя бы частично мы попытаемся здесь наметить и другие ресурсы ДН, связанные не только с указанными подходами, но и, например, с пространственными моделями: сегодня они особенно распространены в современной картографии, пользующейся цифровыми геоинформационными системами. Названные аспекты мы намереваемся представить с оглядкой на чешский литературоведческий контекст. За рубежом исследования на эту тему широко распространены, о чем свидетельствует количество специализированных работ (назовем, например, статьи Мэтью Л. Джокерса или Франко Моретти), а также деятельность университетских центров, где группы литературоведов и программистов (иногда обеими специальностями владеет один человек, как показывает случай Мэтью Л. Джокерса) систематически занимаются цифровыми гуманитарными исследованиями². Ко всем этим областям и видам деятельности следует прибавить многочисленные конференции, в особенности устраиваемую «Европейской ассоциацией цифровых гуманитарных наук» (англ. *European Association for Digital Humanities*) ежегодную международную конференцию, которая должна в сентябре 2021 г. пройти в Красноярске³.

Если посмотреть на ситуацию в контексте литературоведения, можно констатировать, что и здесь в последние несколько лет ДН начинают всё сильнее проникать в общественное сознание. С другой стороны,

² Примером могут служить Stanford Literary Lab (URL: <https://litlab.stanford.edu/> (дата обращения: 06.04.2021)) или проект Ein literarischer Atlas Europas (URL: <http://www.literaturatlas.eu/> (дата обращения: 06.04.2021)).

³ Ссылка на страницу конференции: <https://eadh2020-2021.org/> (дата обращения: 06.04.2021).

этот факт нельзя никоим образом переоценивать. Определяя некий конкретный временной рубеж, когда ДН в чешском литературоведении становятся более или менее привычными, нужно назвать 2017 год. Тогда профессиональная общественность впервые обсуждала вопрос ДН в литературоведении – на базе Института чешской литературы Академии наук Чешской Республики⁴. Участниками дискуссии помимо автора данного текста были Петр Плевач, Карел Пиоретский, Михал Вогербауэр из ИЧЛ АН ЧР и Сильвия Цинкова из Института формальной и прикладной лингвистики в Карловом университете, модератором выступил Йозеф Шлерка, который работает на кафедре исследований новых медиа философского факультета Карлова университета. Главными темами являлись вопросы функционального использования методов ДН в литературоведении, были представлены и обсуждены первые планы и результаты соответствующих исследований. В 2017 г. в Чешской Республике существовало два результативных литературоведческих ДН-проекта. Первый – успешный в международном масштабе Корпус чешского стиха (далее – КЧС) Петра Плевача, второй – индивидуальный университетский проект Корпуса прозы Яна Чепы, разработанный автором данной статьи и реализованный в Университете Палацкого в Оломоуце. Об обоих проектах я выскажусь ниже.

В настоящий момент интенсивное развитие ДН в чешской профессиональной среде отражается главным образом в таких дисциплинах, как социология (Мартин Гаек), дискурсивный анализ медиапространства (Йозеф Шлерка) и лингвистика (Вацлав Цврчек)⁵. В 2017 г. была основана Чешская ассоциация цифровых гуманитарных наук⁶ – партнер Европейской ассоциации цифровых гуманитарных наук⁷, существующей с 1973 г. (первоначальное название – Ассоциация литературных и лингвистических вычислений). О долгой традиции, которую продолжают нынешние ДН в литературоведении (и, разумеется, в лингвистике), свидетельствует не только этот факт; в действительности история ДН

⁴ Запись дискуссии доступна здесь: <https://vimeo.com/244618425> (дата обращения: 06.04.2021).

⁵ Кроме того, в 2021 г. должна быть опубликована репрезентативная коллективная монография «Цифровой поворот в чешских гуманитарных и социальных науках» (чеш. – *Digitální obrat v českých humanitních a sociálních vědách*), в которой будут представлены статьи из исследований ДН в области лингвистики, литературоведения, социологии, истории, археологии, библиографии, кураторства и педагогики.

⁶ Интернет-страница ассоциации: Česká asociace pro digitální humanitní vědy (CzADH) [online]. URL: <https://www.czadh.cz/o-nas/> (дата обращения: 06.04.2021).

⁷ Интернет-страница ассоциации: European Association for Digital Humanities (EADH) [online]. URL: <https://eadh.org/about> (дата обращения: 06.04.2021).

начинается в XX в. благодаря работам русских формалистов и чехословацких структуралистов. Принципиальное влияние на лингвистику и литературоведение, однако, оказало развитие науки после Второй мировой войны, когда чем дальше, тем значительнее в разных научных дисциплинах стали продвигаться теория информации и кибернетика. Я не буду подробно останавливаться на общеизвестном репрезентативном международном контексте и сосредоточусь исключительно на ситуации, сложившейся в чехословацком литературоведении XX в. и предшествовавшей современным ДН-исследованиям.

Выше был упомянут русский формализм, проводивший параллели между точной литературной наукой (например, в работах Виктора Шкловского) и арифметикой, техническими науками⁸; чехословацкий межвоенный структурализм в свою очередь эту традицию естественным образом продолжает. Русских формалистов и чешских структуралистов связывал интерес к имманентным процессам литературной системы, исследование которой должно исходить из обстоятельного анализа языковых систем произведений. Разумеется, рано или поздно должен был встать вопрос, можно ли такой анализ расширить за счет неких точных математических методов. Ян Мукаржовский, литературный теоретик и эстетик, являвшийся вместе с Романом Якобсоном и рядом других значимых исследователей одним из ведущих представителей Пражского лингвистического кружка (1926), опубликовал в 1934 г. работу «Общие принципы и развитие чешского стиха Нового времени»⁹, где он использовал статистические диаграммы для изображения акцента, чтобы с их помощью моделировать характер ритма в выбранных текстах чешских поэтов. Кроме ритма он также изучал статистические отличия между мужским и женским стихом, рифмованным и нерифмованным. В том же году Мукаржовский опубликовал не менее обширный труд «“Возвышенность природы” Полака»¹⁰, в котором кроме метрических моделей привел и основные статистические таблицы слов с количеством слогов от одного до шести. В своих трудах он дополнил исследование Романа Якобсона, занимавшегося статистикой чешского стиха, например, в работе «Стих

⁸ Тропологией дискурса русского формализма занимался Петр Штайнер (Petr Steiner) в книге «Русский формализм: метапоэтика». См.: *Steiner P. Ruský formalismus: meta-poetika*. Brno: Host, 2011.

⁹ *Mukařovský J. Obecné zásady a vývoj novočeského verše // Studie z poetiky / red. H. Mukařovská. Praha: Odeon, 1982. S. 365–438.*

¹⁰ *Mukařovský J. Polákova Vznešenost přírody // Studie z poetiky / red. H. Mukařovská. Praha: Odeon, 1982. S. 439–513.*

древнечешский»¹¹, где его помимо прочего интересовали количественные показатели межсловных границ.

Традиция чехословацкого структурализма была прервана войной и послевоенным развитием Чехословакии. С 1950-х гг. в Европе стали интересоваться вопросами теории информации и кибернетики, которые затронули и эстетику с литературоведением. В этой связи упомянем так называемую штутгартскую школу¹², где с 1950-х гг. работал Макс Бензе, также повлиявший на лингволитературные исследования в Чехословакии 1960-х гг.¹³ Здесь следует привести несколько имен значимых чехословацких литературоведов. Любомир Долежел (1922–2017) в работе «Пражская школа и теория статистики поэтического языка»¹⁴ обдумывал возможности статистической дифференциации так называемых нормированных и актуализированных текстов. Для разграничения двух главных групп, которые можно рассматривать в различных коммуникационных сферах, а значит и в литературной, Долежел вводит несколько стилистических критериев, определяемых статистически¹⁵. Вместе с тем он переводит статистические показатели характерности/нехарактерности в рамках каждого критерия в бинарную систему (0–1) и с помощью нее кодирует информацию. Используя подход Долежела, можно очень хорошо отследить влияние обусловленных эпохой количественных методов исследования языка наряду с теорией информации, а также внедрение инновационного подхода к анализу поэтического языка, непосредственно опирающегося на данные методы. Это стало прорывом в использовании точных математических методов в литературоведческом контексте: они уже перестали носить лишь иллюстративный характер,

¹¹ *Jakobson R. Verš staročeský // Poetická funkce / přípr. M. Červenka. Jinočany: H&H, 1995. S. 275–318.*

¹² С 1950-х гг. в Штутгартском университете группа исследователей занималась экспериментальными творческими методами с использованием компьютера. Кроме Бензе, в нее входили Рул Гунценхойзер, Хельмар Франк и Георг Нис, экспериментировавший в области компьютерной графики. См.: *Klütsch Ch. Information Aesthetics and the Stuttgart School // Mainframe Experimentalims: Early Computing and the Foundations of the Digital Arts / ed. by H. B. Higgins, D. Kahn. Berkeley; Los Angeles; London: University of California press, 2012. P. 66–67. <https://doi.org/10.2307/j.ctv114c7b3>.*

¹³ *Doležel L. Úvod do informačně teoretické koncepce uměleckých textů. [Bense M. Theorie der Texte (Kolín n. R., 1962)] // Česká literatura. 1965. Roč. 13. Č. 3. S. 258–260.*

¹⁴ Во втором номере журнала «Чешская литература» за 1965 г. Долежел положительно оценил переведенную на чешский язык книгу Бензе «Теория текстов». См.: *Doležel L. Úvod do informačně teoretické koncepce uměleckých textů.*

¹⁵ Лишь кратко скажу, что речь идет о статистических показателях, связанных с величинами стандартизации/актуализации стиливых средств, а также степени субъективности/объективности текста и его стабильности во времени, то есть подвижности/неподвижности.

а их результаты начали активно влиять на интерпретацию¹⁶. Кроме Долежела необходимо отметить и других чешских литературоведов, в чьих трудах отразились современные знания в области теории информации и кибернетики: Иржи Левый¹⁷ рассматривал теорию информации в рамках теории перевода, Эдуард Петру также исследовал возможность экспериментирования в литературоведении при помощи перфокарт, Павел Вашак использовал статистику в текстологии, в особенности в вопросе определения авторства, Мирослав Червенка применял квантитативные методы при анализе чешского стиха. Следует сказать, что эта ситуация в чехословацком литературоведении в 1960–1980-х гг. была не только реакцией на развитие лингвистики и эстетики за границей, но и продолжением межвоенной структуралистской традиции. Долежел и Червенка были членами Пражского лингвистического кружка (ПЛК), а Левый в своей профессиональной деятельности впоследствии активно применял теоретические постулаты и принципы ПЛК.

В начале 1990-х гг. в ряде стран происходит формирование цифровых языковых корпусов¹⁸, применяющих для всё большего объема текстов квантитативные и статистические методы, позволяющие изучать языковую систему в макроаналитической перспективе. Развитие поисковых механизмов и появление возможности собственно машинного анализа текстов вывели корпусную лингвистику и ее методику за ее собственные профессиональные границы – в область ДН, что проявилось и в литературоведении. В чешской среде подтверждением тому является прежде всего Корпус чешского стиха¹⁹ Петра Плевача. Корпус формировался с 2011 г., и его материальную базу составляет чешская поэзия XIX – начала XX в., то есть это массив текстов, уже ранее оцифрованный и доступный в Чешской электронной

¹⁶ Это также одна из главных причин, почему в данной работе Долежел определяет межвоенный чехословацкий структурализм как достатистический (до использования статистических методов) период.

¹⁷ Чешский перевод Бензе «Теория текстов» Левый сопроводил вводной статьей, в которой он обобщает вклад Бензе в современную эстетику. См.: *Levý J. Úvodní poznámka // Benze M. Teorie textů. Praha: Odeon, 1967. S. 7–9.*

¹⁸ Первым таким корпусом был British National Corpus, который создавался с начала 1980-х гг. и запустился в 1990 г. Функционирование Чешского национального корпуса началось в 1994 г. В России, например, с 1990-х гг. создавался корпус публицистических текстов (см.: *Marková K. Korpusy ruského jazyka v Rusku // Slovo a slovesnost. 2003. Roč. 64. Č. 2. S. 148–155*), а с 2001 г. – репрезентативный корпус современного русского языка (Там же).

¹⁹ Доступно здесь: *Versologický tým. Ústav pro českou literaturu AV ČR, v.v.i. [online]. URL: http://versologie.cz/v2/web_content/index.php?lang=cz (дата обращения: 06.04.2021).*

библиотеке²⁰. КЧС содержит 76 699 стихотворений, 1689 поэтических сборников с общим числом слов 14 592 037. Отдельные стихи морфологически и фонетически отмечены специальными стиховедческими тэгами, которые расширяют набор основных операций с корпусом за счет возможности анализировать метр и рифму. В результате мы имеем в распоряжении цифровой корпус чешских поэтических текстов, позволяющий осуществлять поиск, статистический анализ и сравнение на уровне стиха, строфы, метра, рифмы и целого стихотворения. Кроме прочих важных для количественного анализа поэтических текстов с точки зрения стиховедения данных (например, доступно измерение тематически важных слов или так называемого эвфонометра, определяющего степень эвфонии текста) частью корпуса являются и коды источников отдельных инструментов, словари частотности или тезаурус чешского метра. Благодаря масштабу и степени проработанности мы можем назвать данный проект уникальным на международном уровне. Следует добавить, что общие результаты количественного анализа чешского стиха, полученные в этом проекте, представлены в «Главах из корпусного стиховедения» (чеш. *Kapitoly z korpusové versologie*) Петра Плекха и Роберта Колара²¹.

Если количественно-корпусный подход к чешской поэзии непрерывно развивается и расширяется, свидетельством чего может быть готовящийся корпус чешской поэзии XX в., первые полученные результаты которого в конце 2020 г. опубликовали Михал Шкрабал и Карел Пиорекский в шестом номере журнала «Словацкая литература» (словац. *Slovenská literatúra*)²², то аналогичная обработка чешской прозы в настоящее время находится в стадии зарождения и концептуальных проектов. Квантификация поэтических текстов имеет традицию не только в чешском литературоведении (само собой разумеется, сегодня благодаря цифровым инструментам она развивается по нарастающей), в то время как количественный анализ прозы у нас не может опереться на традицию, которая бы в прошлом применяла эти методы на нарративном литературном материале. Поэтому и результаты в данной области пока носят лишь предварительный характер.

Указанной проблематикой мы занимаемся с 2012 г., когда в рамках европейского гранта в Университете Палацкого в Оломоуце нами был

²⁰ Доступно здесь: Česká elektronická knihovna – Poezie 19. a počátku 20. století [online]. URL: <http://www.ceska-poezie.cz/cek/> (дата обращения: 06.04.2021).

²¹ Plecháč P., Kolár R. *Kapitoly z korpusové versologie*. Praha: Akropolis, 2017.

²² Piorecký K., Škrábal M. *Vícejazyčnost v současné české poezii. Několik úvodních postřehů z korpusové perspektivy // Slovenská literatúra*. 2020. Roč. 67. Č. 6. S. 568–583. <https://doi.org/10.31577/slovlit.2020.67.6.4>.

сформирован авторский корпус прозы чешского католического автора Яна Чепа (1902–1973)²³. Его главной целью было открыть возможности квантитативно-корпусного анализа для нарративных художественных текстов и тем самым подготовить будущую платформу для более комплексного проекта корпуса чешской прозы. Результаты данных усилий были опубликованы в двух монографиях: «Квантитативно-корпусный анализ и литературоведение»²⁴ (чеш. *Kvantitativně-korpusová analýza a literární věda*) и «Концептуализация цветов в художественном нарративе» (чеш. *Konceptualizace barev v narativní fikci*)²⁵, в последней мы исследовали частотность так называемых фундаментальных цветов в прозе Яна Чепа. С помощью статистических моделей, применявшихся для изучения не только самой частотности языковых наименований цвета, но и других аспектов квантитативного анализа (ими являются прежде всего коллокации и мотивный анализ, всегда проводимый на первых сотнях существительных), мы объяснили основные макроструктурные механизмы, которые определяют взаимное расположение цветов и цветовые спектры художественных миров прозы Чепа. Кроме того, отдельные эмпирические модели позволили отследить, как эти конфигурации меняются и развиваются в рамках хронологии всего творчества Чепа. В настоящее время мы занимаемся разработкой корпуса чешской прозы, которая в значительной степени тематизирует пражскую топографию²⁶. Здесь будут представлены основные параметры такого корпуса вместе с архитектурой одного из алгоритмов и с доступными на данный момент промежуточными результатами исследований²⁷. Основная цель этого проекта достигается в двух главных областях (рис. 1): в них

²³ Корпус доступен в Чешском национальном корпусе под названием «сер» (URL: <https://www.korpus.cz/kontext/query?corpname=ser> (дата обращения: 06.04.2021), в сокращенном поисковом режиме он был опубликован и здесь: *Autorský slovník Jana Čepa // KORBEL: Manažer beletristických korpusů* [online]. URL: <http://slovníkcep.g6.cz/index.php> (дата обращения: 06.04.2021).

²⁴ *Změlík R. Kvantitativně-korpusová analýza a literární věda*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2015.

²⁵ *Změlík R. Konceptualizace barev v narativní fikci*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2019.

²⁶ См.: *Literární topografie a kvantitativní analýza narativních textů: prostorové modely fikční topografie Prahy a kvantitativní modely vybraných segmentů literárních narativů v české proze 19. století* [online]. URL: <http://korpusprozy.cz/> (дата обращения: 06.04.2021).

²⁷ Подробно весь проект также описан в работе «Цифровая литературная картография и квантификация сегментов литературно-нарративного текста – методология, инструменты и интерпретационные стратегии (описание одного проекта)». См.: *Změlík R. Digitální literární kartografie a kvantifikace segmentů literárně narativního textu – metodologie, nástroje a interpretační strategie (popis jednoho projektu) // Slovenská literatúra*. 2020. Roč. 67. Č. 6. S. 523–551. <https://doi.org/10.31577/slovlit.2020.67.6.2>.

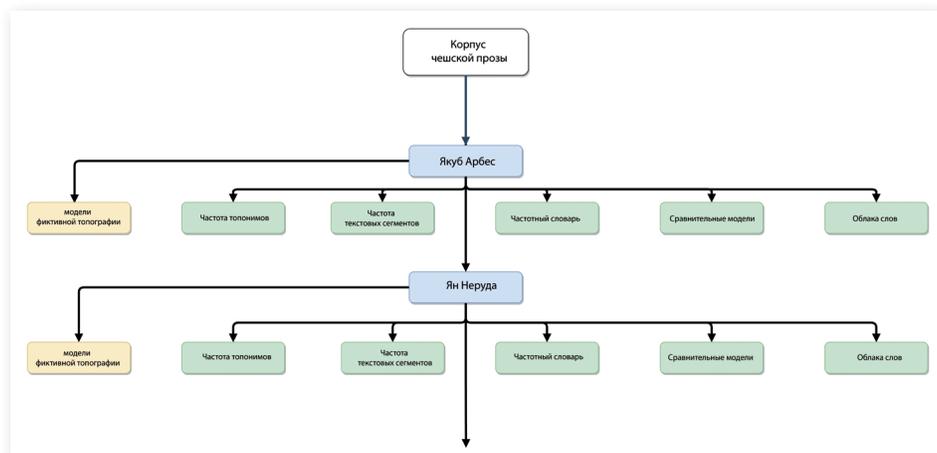

Рисунок 1. Основная модель корпуса чешской прозы

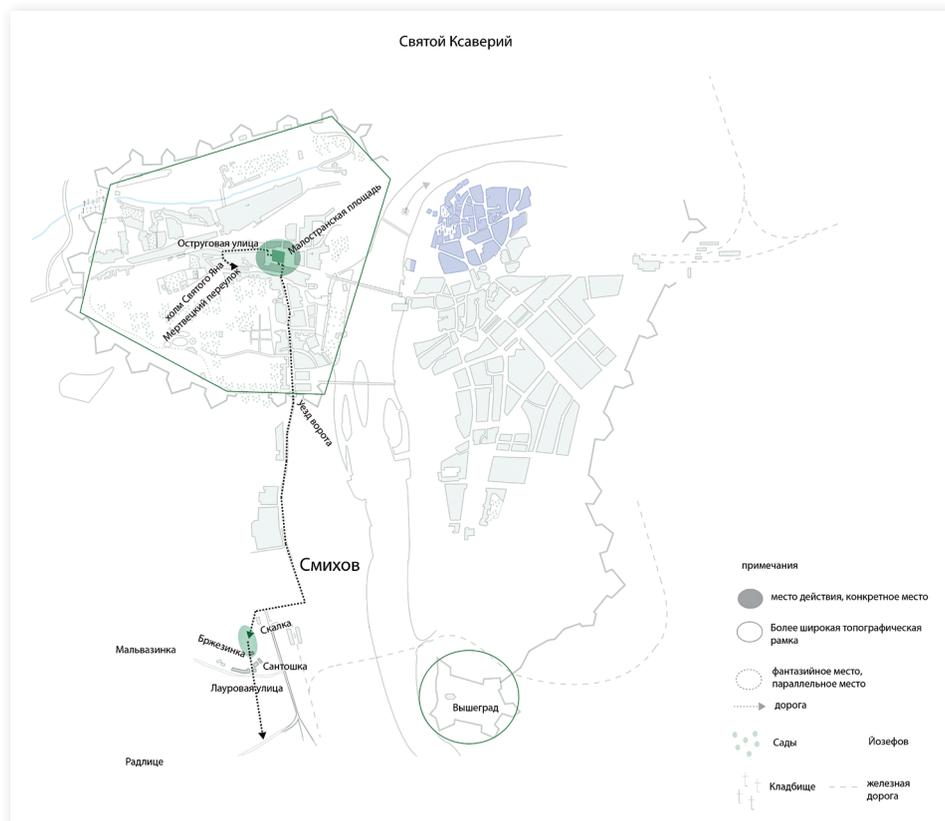

Рисунок 2. Пространственная модель романетто «Святý Кшаверий» (1873) Якуба Арбеса

используются одинаковые цифровые инструменты, техники моделирования и машинный квантитативный анализ. Первая область связана с созданием пространственных моделей пражской художественной топографии, призванных изобразить формальное распределение топографических сегментов вымышленного мира прозы вместе с траекториями движения их протагонистов. Как видно на модели (рис. 2), здесь фиксируются локусы главного места действия и эксплицитно названные более широкие топографические границы, которые не обязательно должны быть непосредственным местом развития сюжета. Конечно, смысл состоит не в том, чтобы найти аналогию между художественной и реальной городской топографией, а в том, чтобы путем сравнения моделей раскрыть анализ способов структурной проработки вымышленной топографии. Если мы посмотрим на представленную модель, то проследим две основные черты построения пространства выбранной прозы – романетто²⁸ «Святой Ксаверий» (1873) чешского писателя Якуба Арбеса. Первая черта заключается в ярко выраженной центрированности пространства. Хотя в указанном произведении это значение формируется и другими ее сегментами, в особенности нарративной стратегией, о чем будет идти речь ниже, на уровне художественной топографии оно организует топографические элементы, находящиеся внутри района Малой Страны. Главным местом действия является храм св. Николая, расположенный в центре воображаемой Малой Страны, чьи контуры составляют многоугольник. Вторая черта пространственного структурирования – положение на оси внешнего и внутреннего пространств. Оно топографически определено колебанием между храмовым внутренним устройством и внешним малостранским пейзажем и в особенности соотношением между внутренним обустройством города и его загородными окрестностями. Топографические отношения центрированности, с одной стороны, и полярности между внутренним и внешним пространством, с другой стороны (см. рис. 2), дополняются еще одним пространственным аспектом, возникающим в ситуации с рассказчиками (рис. 3) в упомянутом романетто Арбеса. Данная ситуация, создаваемая вложенными друг в друга нарративными высказываниями, создает пространственный эффект вертикальности. На этом примере мы видим, насколько продуктивным

²⁸ Речь идет о нарративном жанре среднего объема, создателем которого был Якуб Арбес (название жанру дал Ян Неруда). Типичным знаком романетто Арбеса в 1860-е и в особенности в 1870-е гг. является напряженный мистический сюжет с таинственной завязкой, но совершенно рациональной развязкой. В более поздний период (1880–1890-е гг.) фантастические элементы в романетто Арбеса отходят на второй план. Кроме Арбеса в чешской литературе романетто писал, например, Ладислав Клима.

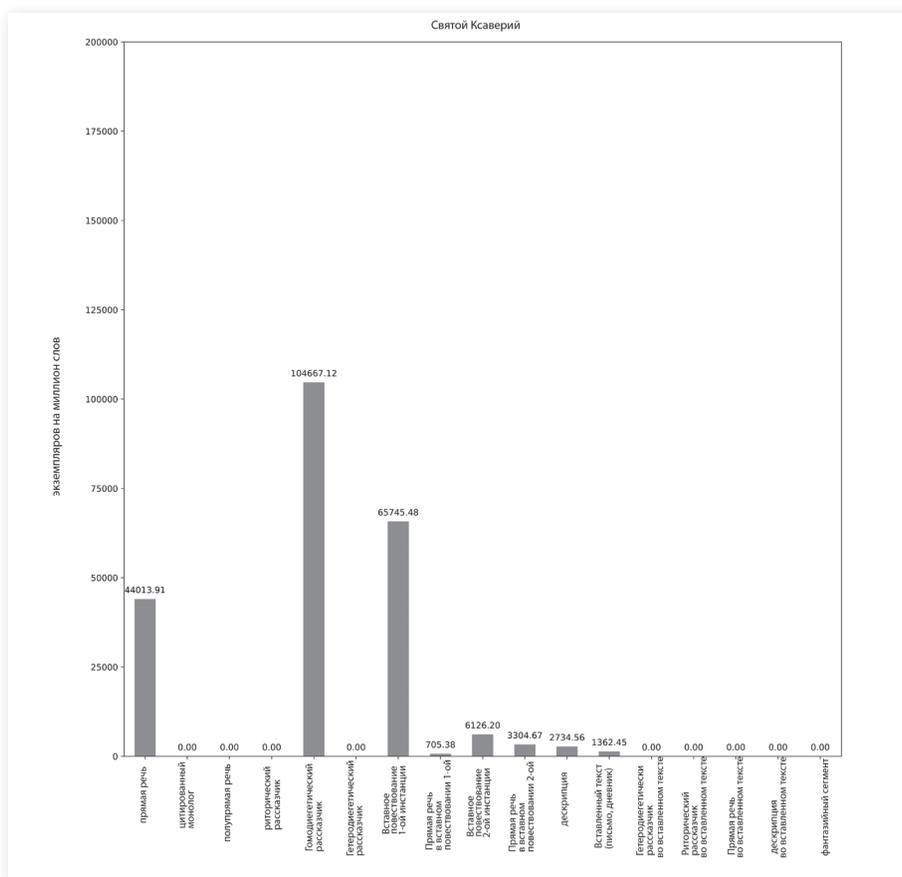

Рисунок 3. Квантитативная модель текстовых сегментов романетто «Святой Ксаверий»

может быть комбинирование разных моделей, в нашем случае – картографической модели с моделями квантитативного анализа высказываний в нарративе.

Именно такой тип моделей составляет вторую часть корпуса прозы. Его задача заключается в квантификации определенной области художественного произведения, каковыми являются различные типы нарративных стратегий, высказываний персонажей или описаний²⁹. Если мы

²⁹ К таким моделям присоединяются и другие модели, квантифицирующие топографические объекты, частотные словари, модели, сравнивающие тексты на уровне средней длины предложений, в том числе и отдельных сегментов текста, и других статистических показателей, например энтропии. На рис. 4 и 5 представлены элементы, с одной стороны, архитектуры алгоритма для обработки сегментации и квантификации нарратива по выделенным сегментам, а с другой – собственно кода, который представлен данной архитектурой.


```

split_precist_soubor_cely_korpus=precist_soubor_cely_korpus.split()
pocet_slov_cely_korpus=len(split_precist_soubor_cely_korpus)-(split_precist_soubor_cely_korpus.count('--'))

#pocet_slov_cely_korpus=len(slova_cely_soubor)-int(pocet_slov_cely_soubor)
pocet_vet_cely_korpus=len(vety_cely_soubor)
prumerna_delka_vety_cely_korpus=round(pocet_slov_cely_korpus/pocet_vet_cely_korpus,2)

print('Pocet slov v celém korpusu: ',pocet_slov_cely_korpus)
print('Pocet vet v celém korpusu: ',pocet_vet_cely_korpus)
print('Průměrná délka věty v celém korpusu: ',prumerna_delka_vety_cely_korpus)

# Pocet slov a vet v daném textu
print(' ')
print('Pocet slov v celém textu: ',pocet_slov)
print('Pocet vet v celém textu: ',pocet_vet)
print('Průměrná délka věty v celém textu: ',prum_del_vety)
print(' ')

print('-----')
print('/% PROMĚLNÝVÝ PRŮBĚH TEXTU: ')
print('-----')
print(' a) PRŮBĚH SLOV: ')
print(' ')
if 'P' and 'R' in tokenizace1:
    prumiluva=[]
    while 'P' and 'R' in tokenizace1:
        start_p=tokenizace1.index('P')
        end_r=tokenizace1.index('R')
        prumiluva.extend(tokenizace1[start_p+1:end_r])
        del tokenizace1[start_p:end_r+1]
        pocet_vet_ppromiluva.count('')*promiluva.count('')*promiluva.count('')
        pocet_slov_ppromiluva=(promiluva.count('')*promiluva.count('')*promiluva.count('')*promiluva.count('')*promiluva.count('')*promiluva.count('')*promiluva.count(''))
    print(' Pocet vet: ',pocet_vet)
    print(' Pocet slov: ',pocet_slov)
    prumerna_delka_vety_ppromiluva=(pocet_slov_ppromiluva/pocet_vet_ppromiluva)
    print(' Průměrná délka věty: ',prumerna_delka_vety_ppromiluva)
    podil_p_promiluva=(pocet_slov_ppromiluva/100,2) # %
    podil_p_cely_korpus=round((pocet_slov_p/pocet_slov_cely_korpus)*100000,2) # 4.p.m.
    print(' Podíl k celému korpusu: ',podil_p,'%')
    print(' Podíl k celému korpusu: ',podil_p_cely_korpus,'4.p.m.')
else:
    podil_p_cely_korpus=0
    print(' Podíl k celému textu: 0%')
    print(' ')
    print(' b) SLOVŮVNÝ MORFOLOG: ')
    print(' ')
    if 'CM X' and 'CM Y' in tokenizace2:
        cit_m=[]
        while 'CM X' and 'CM Y' in tokenizace2:
            start_cm=tokenizace2.index('CM X')
            end_cm=tokenizace2.index('CM Y')
            cit_m.extend(tokenizace2[start_cm+1:end_cm])
            del tokenizace2[start_cm:end_cm+1]
            pocet_vet_cm=cit_m.count('')*cit_m.count('')*cit_m.count('')*cit_m.count('')
            pocet_slov_cm=len(cit_m)+cit_m.count('')+cit_m.count('')+cit_m.count('')+cit_m.count('')+cit_m.count('')+cit_m.count('')+cit_m.count('')
            print(' Pocet vet: ',pocet_vet)
            print(' Pocet slov: ',pocet_slov)
            prumerna_delka_vety_cm=round(pocet_slov_cm/pocet_vet_cm,2)

```

Рисунок. 5. Фрагмент алгоритма для делимитации и квантификации текстовых сегментов (отвечает модели его построения)

посмотрим на подобную модель в отношении упомянутого произведения Якуба Арбеса (см. рис. 2), то увидим, что при ее сравнении с пространственной моделью мы можем экстраполировать следующие данные. Пространственная вертикаль определяется структурированием нарративных уровней, представляющих собой вклинивающиеся друг в друга нарративные границы. Следует отметить, что в прозе присутствуют два типа интрадиегетического рассказчика (используя терминологию Жерара Женетта), причем их отношение является не эквивалентной, а структурной субординацией. Вся композиция нарративных зон в данной прозе выглядит в итоге следующим образом: исходная гомодиегетическая наррация обрамляет интрадиегетическую наррацию первой инстанции, которая обрамляет интрадиегетическую наррацию второй инстанции. Это движение в то же время отвечает за эвокацию эффекта пространственной (никак не топографической!) вертикали. Вертикаль (вместе с внешним/внутренним и границами переходов между этими зонами в прозе) обозначает колебание между сном и бодрствованием, галлюцинацией, миражом, с одной стороны, и реальностью – с другой.

Разумеется, мы можем задаться вопросом, действительно ли необходимы приведенные модели для подобных изысканий, нельзя ли было

к таким выводам прийти без них? Ответить, по нашему мнению, можно, учитывая два главных аспекта. Во-первых, даже если бы мы не использовали цифровые инструменты пространственного моделирования и алгоритмов для квантификации, нам бы пришлось всё равно прибегнуть к какой-либо форме схематизации, чтобы иметь возможность зафиксировать те факты, о которых идет речь. Во-вторых, цифровой подход не только обеспечивает более надежное и точное моделирование, в особенности в области квантификации, но и прежде всего позволяет обработать большое количество текстов и впоследствии их сравнить. Это очень важно, поскольку с помощью цифровой обработки появляется возможность анализировать проблематику художественной топографии – способы ее пространственной конфигурации вместе с квантитативными моделями.

Аналоговый подход к указанной проблематике при необходимости систематического решения предполагает линейную стратегию, чьим механизмом является интроспективный анализ, движущийся в рамках хронологии произведения. Де-факто же речь идет о так называемом близком чтении (*close reading*), обусловленном избирательностью субъективной памяти и линейно-рецептивной последовательностью. Представим себе такую ситуацию на примере литературоведа, перед которым как раз стоит задача проанализировать художественную топографию в творчестве выбранных авторов. Стандартные рабочие методы будут основываться на линейно-хронологическом продвижении и далее – на сегментации группы текстов по принадлежности к данному автору или периоду. Степень аналитической точности в таком случае будет уменьшаться пропорционально нарастающему объему текстов. Уже в случае нескольких текстов одного автора с их приращением будет связана и степень их взаимной детерминации и избирательности памяти в области исследовательской интроспекции. Под влиянием предшествующего читательского опыта, закономерно обуславливающего каждый последующий, будет с высокой вероятностью происходить, пусть и непреднамеренное, искажение литературоведом результатов своего анализа. С увеличением количества материала рано или поздно появится необходимость в его формальной фиксации, что является стадией, предшествующей созданию цифровых пространственных моделей. Их преимущество заключается в возможности построения комбинаций, при помощи которых можно сравнивать эти модели и которые определяются рядом переменных критериев (автор, период возникновения произведения, структурный характер пространственной модели и т. п.). Цифровой подход в целом позволяет

осуществлять сравнения без оглядки на линейную причинность, заменяемую причинностью комбинационной. Смысл таких моделей, конечно, не в самой литературоведческой интерпретации, а в картографической схематизации художественной топографии, а она уже приведет к литературоведческой интерпретации.

Вторую часть проекта составят основные количественные модели нарративов, определяемых по их сегментам (прямая речь, несобственно-прямая речь, описания или типы рассказчиков). Представленные модели будут сопровождаться словарями частотности, сравнительными моделями и другой информацией статистического анализа нарративных текстов. Обе главные составляющие корпуса, то есть как пространственные модели, так и количественные модели, предполагается еще и сравнивать. Небольшой пробный образец такого корпуса показал потенциал указанного подхода для литературоведческого исследования и изложения (см. прим. 20).

В настоящее время всё еще не очень многочисленное литературоведческое сообщество, активно применяющее методы ДН, разрабатывает в публикациях эти два основных направления³⁰ – создание картографических и количественных моделей, на воображаемой периферии которых появляются или будут постепенно появляться не только корпуса литературных текстов вместе с развитым инструментарием для их использования, но и интерпретационные сдвиги, переводящие формальную и техническую плоскость исследований ДН в конкретную литературоведческую практику.

Перевод с чешского А. В. Амелиной

Литература

Bense M. Teorie textů. Praha: Odeon, 1967.

Burdicková A., Druckerová J., Lunenfeld P., Presner T., Schnapp J. Digital Humanities. Praha: Academia, 2019.

Doležel L. Pražská škola a statistická teorie básnického jazyka. Rozšířené znění přednášky proslovené v kolokviu prof. Maxe Bense na Technische Hochschule, Stuttgart // Česká literatura. 1965. Roč. 13. Č. 2. S. 101–113.

Doležel L. Úvod do informačně teoretické koncepce uměleckých textů. [Bense Max. Theorie der Texte (Kolín n. R., 1962)] // Česká literatura. 1965. Roč. 13. Č. 3. S. 258–260.

³⁰ Сюда можно отнести также проект цифровой базы Чешской литературной библиографии, доступной здесь: Czech Literary Bibliography Research Infrastructure [online]. URL: <https://clb.ucl.cas.cz/> (дата обращения: 06.04.2021).

- Jakobson R.* Poetická funkce. Jinočany: H&H, 1995.
- Klütsch Ch.* Information Aesthetics and the Stuttgart School // *Mainframe Experimentalims: Early Computing and the Foundations of the Digital Arts* / ed. by H. B. Higgins, D. Kahn. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, 2012. P. 65–89.
- Marková K.* Korpusy ruského jazyka v Rusku // *Slovo a slovesnost*. 2003. Roč. 64. Č. 2. S. 148–155.
- Mukařovský J.* Studie z poetiky. Praha: Odeon, 1982.
- Piorecký K., Škrábal M.* Vicejazyčnost v současné české poezii. Několik úvodních postřehů z korpusové perspektivy // *Slovenská literatúra*. 2020. Roč. 67. Č. 6. S. 568–583. <https://doi.org/10.31577/slovlit.2020.67.6.4>.
- Plecháč P., Kolár R.* Kapitoly z korpusové versologie. Praha: Akropolis, 2017.
- Steiner P.* Ruský formalismus: metapoetiky. Brno: Host, 2011.
- Změlík R.* Digitální literární kartografie a kvantifikace segmentů literárně narativního textu – metodologie, nástroje a interpretační strategie (popis jednoho projektu) // *Slovenská literatúra*. 2020. Roč. 67. Č. 6. S. 523–551. <https://doi.org/10.31577/slovlit.2020.67.6.2>.
- Změlík R.* Konceptualizace barev v narativní fikci. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2019.
- Změlík R.* Kvantitativně-korpusová analýza a literární věda. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2015.

References

- Bense, M., 1967. *Teorie textů*. Prague: Odeon.
- Burdicková, A., Druckerová, J., Lunenfeld, P., Presner, T., Schnapp, J., 2019. *Digital Humanities*. Prague: Academia.
- Doležel, L., 1965. Pražská škola a statistická teorie básnického jazyka. Rozšířene znění přednášky proslovené v kolokviu prof. Maxe Bense na Technische Hochschule, Stuttgart. *Česká literatura*, 13 (2), pp. 101–113.
- Doležel, L., 1965. Úvod do informačně teoretické koncepce uměleckých textů. [Bense Max. *Theorie der Texte* (Kolín n. R., 1962)]. *Česká literatura*, 13 (3), pp. 258–260.
- Jakobson, R., 1995. *Poetická funkce*. Jinočany: H&H, pp. 275–318.
- Klütsch, Ch., 2012. Information Aesthetics and the Stuttgart School. In: Higgins, H.B., Kahn, D., eds., 2012. *Mainframe Experimentalims: Early Computing and the Foundations of the Digital Arts*. Berkley; Los Angeles; London: University of California Press, pp. 65–89.
- Marková, K., 2003. Korpusy ruského jazyka v Rusku. *Slovo a slovesnost*, 64 (2), pp. 148–155.
- Mukařovský, J., 1982. *Studie z poetiky*. Praha: Odeon.

- Piorecký, K., Škrábal, M., 2020. Vícejazyčnost v současné české poezii. Několik úvodních postřehů z korpusové perspektivy. *Slovenská literatúra*, 67 (6), pp. 568–583. <https://doi.org/10.31577/slovlit.2020.67.6.4>.
- Plecháč, P., Kolár, R., 2017. *Kapitoly z korpusové versologie*. Prague: Akropolis.
- Steiner, P., 2011. *Ruský formalismus: metapoetiky*. Brno: Host.
- Změlík, R., 2020. Digitální literární kartografie a kvantifikace segmentů literárně narativního textu – metodologie, nástroje a interpretační strategie (popis jednoho projektu). *Slovenská literatúra*, 67 (6), pp. 523–551. <https://doi.org/10.31577/slovlit.2020.67.6.2>.
- Změlík, R., 2019. *Konceptualizace barev v narativní fikci*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.
- Změlík, R., 2015. *Kvantitativně-korpusová analýza a literární věda*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

ДВА ЖЕНСКИХ ГОЛОСА «АПРЕЛЬСКОЙ» ПОЭЗИИ (ЛИРИКА ВАНИ ПЕТКОВОЙ И НАДИ КЕХЛИБАРЕВОЙ 60-Х ГГ. XX В.)

Магдалена Костова-Панайотова

доктор наук, профессор, декан, филологический факультет, Юго-Западный университет имени Неофита Рыльского
Почтовый адрес: ул. Иван Михайлов 66, Благоевград, 2700 Болгария
Электронный адрес: panayotova@swu.bg

Аннотация

В статье делается акцент на присутствии в конце 50-х – в 60-е гг. XX в. среди представителей «апрельского» поколения двух знаковых поэтесс, Вани Петковой и Нади Кехлибаревой, которые выделяются на фоне поэтов-мужчин. Это особенно важно, если учесть, что женщин в болгарском литературном каноне в целом не так много. Образ женщины в произведениях обеих поэтесс связан с чувственным, эмоциональным и даже иррациональным началом; поэтесса борется за собственное пространство и мнение, а мир воспринимает в основном в соответствии со своим естеством. Образ женщины в этой поэзии часто сопоставляется с образом «нового» героя эпохи в духе клишированных представлений, хотя ее образ связан с чувственностью и она привносит красоту и свежесть в серые будни. Лирическая героиня считает, что природа способна оказывать положительное влияние на этику человеческих отношений, которые не лишены лжи и предрассудков, очистить и зарядить новыми силами, сделать людей непосредственными. Лирическая героиня не отделяет свою жизнь от жизни Родины и утверждает, что дышит ею, усиливая таким образом собственную значимость. Несмотря на то что в этой поэзии встречаются схематичные идеологические высказывания, здесь уже обнаруживаются и сомнения в вере в идеологию и кумиров, новые разочарования и страхи, которые несет время, но при этом появляются новые эстетические горизонты. Петкова и Кехлибарева создали немало стихотворений, с очевидностью опережающих общий поток литературных произведений с точки зрения вкуса и поэтического высказывания, которое освежает литературу и делает ее значительно более разнообразной, более жизненной и условной. В их поэзии подчеркиваются уникальность личности и необходимость вести борьбу за сохранение собственной идентичности с целью уберечь ее от угрожающих ей унифицирующих тенденций.

Ключевые слова

Болгарская литература XX в., «апрельская» лирика, женская поэзия, идеология, Ваня Петкова, Надя Кехлибарева

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2019 г.

Цитирование: *Костова-Панайотова М.* Два женских голоса «апрельской» поэзии (лирика Вани Петковой и Нади Кехлибаревой 60-х гг. XX в.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 99–108. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.05>

DOUBLE FEMALE PRESENCE AMONG THE “APRIL” POETS (LYRICS BY VANIA PETKOVA AND NADIA KEKHLIBAREVA IN THE 1960S)

Magdalena Kostova-Panayotova

Ph.D., Professor, Dean, Faculty of Philology,

South-West University “Neofit Rilski”

Postal address: 66 Ivan Michailov str.,

Blagoevgrad, 2700 Bulgaria

E-mail: panayotova@swu.bg

Abstract

This article focuses on the presence of two significant poetesses, Vania Petkova and Nadia Kekhlibareva, among the “April” generation of the late 1950s and 60s, who stand out amongst a background of male poets. This is especially significant considering the scarcity of women in the Bulgarian literary canon. The image of woman in the works of both poetesses is associated with a sensual, emotional, and even irrational beginning; the poetess fights for her space and the right to her own opinion, and she perceives the world mainly in accordance with her nature. The image of a woman in this poetry is often parallel to the image of a new hero of that time, although her image is associated with a sensual beginning and a woman brings beauty and freshness to drab everyday life. Nature, from the point of view of the lyrical heroine, corrects human relations (which are not devoid of lies and prejudices), cleanses and charges a person with new forces, and brings spontaneity. The lyrical heroine closes her existence with the life of the Motherland and declares that she breathes this in, thus strengthening her significance. Interestingly, doubts about faith in ideology and idols, new disappointments and the fears that time brings, as well as new aesthetic horizons appear in their poems despite them being characterized by the plot schematicity of ideological statements. Many poems are ahead of the general flow of literary works in terms of taste and poetic utterance, refreshing the literature and making it much more diverse, vital, and conditional. At the same time, they shift the emphasis to highlighting personal uniqueness and the need to fight for the preservation of one’s own identity in order to protect it from the unifying tendencies that threaten it.

Keywords

Bulgarian literature of the twentieth century, “April” lyrics, women’s poetry, ideology, Vania Petkova, Nadia Kekhlibareva

Received 20 December 2019

How to cite: Kostova-Panayotova, M., 2021. Dva zhenskih golosa “aprelskoj poezii” (lirika Vani Petkovoi i Nadi Kekhlibarevoi 60-kh gg. XX v.) [Double Female Presence among the “April” Poets (Lyrics by Vania Petkova and Nadia Kekhlibareva of the 1960s)]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 99–108. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.05>

Если всмотреться в список «апрельских» поэтов конца 1950-х – 1960-х гг., наверняка не станет неожиданностью, что в нем не обнаружится много женских имен. Не станет неожиданностью, если учитывать, что женщины в болгарском литературном каноне не образуют репрезентативной выборки независимо от того, насколько значимым, ярким и плодотворным или же лишенным художественной ценности является их творчество, – факт, обусловленный разными причинами. В то же время параллельно с «апрельскими» поэтами в литературу врывается отнюдь не малочисленная группа поэтесс, в произведениях которых отражаются некоторые характерные тенденции эпохи. Среди них Ваня Петкова и Надя Кехлибарева.

Перед тем как устремить к ним свой взгляд, отметим, что Антоанета Алипиева в статье «Поэзия в 60-е и 70-е годы XX века. Фигуры и контексты» приходит к двум выводам, которые нам будет интересно применить к женской поэзии, развивавшейся параллельно творчеству «апрельских» поэтов. Первый из них заключается в том, что «60-е годы рождают лирические пространства, границы которых устанавливаются или в естественной природной среде, или на площадях посредством громких публичных высказываний, содержащих искомые идеологические формулы, т. е. пространства, которые являются экстериторными». Второй вывод связан с критической рецепцией «женской» поэзии 60-х: «Если женской эмансипированности приписывается нечто новое, свежее и нетрадиционное, то на мужское “новое” мышление навешивают ярлык сумбурного, лишённого смысла, отделённого от спонтанного и природного начала»¹.

Первый вывод заставляет нас проверить, являются громко звучащими и открытыми лирические пространства в женской лирике, создававшейся параллельно «апрельской». Второй отсылает к вопросу, связанному с предыдущим: действительно ли новое «женское» мышление в поэзии 60-х является свежим и нетрадиционным? Здесь нельзя не вспомнить статью М. Кировой «Беда “матриарха”: женщины и литературный канон» и толкование ее понимания «женского» у Георга Зиммеля: «Женщина не способна испытывать и не испытывает потребности дистанцироваться от эмоционального, непосредственного опыта (она видит вещи “изнутри” их сущности), в женском мышлении доминирует иррациональное представление о целостности бытия, она воспринимает мир чувственно,

¹ *Алипиева А.* Поэзията през 60-те и 70-те години на XX век. Фигури и контексти // LiterNet: електронно списание. 2011. № 10 (143). URL: <https://litenet.bg/publish/aalipieva/60-70.htm> (дата обращения: 02.05.2021).

неотстраненно, в соответствии с законами своего тела. Таким образом, понятие “модерная женская культура/культурность” является оксюмороном; “модерное” отсылает к психическим характеристикам мужчины. Будучи рациональным, фрагментарным и отстраненным “по природе”, мужчина созидает культуру как функцию своих психических потребностей и установок, как возможность духовного выхода в пространство “объективных” ценностей. Женщина, наоборот, остается закрытой, подчиненной своему телу/целому, неразорванным связям, природной сущности и является одновременно знаком и вместилищем примитивного в человеческой психике»².

Итак, Лиана Даскалова, Кинка Константинова, Калина Ковачева, Ваня Петкова, Пырволета Прокопова, Лиляна Стефанова, Невена Стефанова, Надя Кехлибарева, Людмила Исаева, Надя Неделина, Богдана Зидарова, Василка Хинкова, Станка Пенчева – вот лишь некоторые имена поэтесс, чьи произведения выходят в 1960-е гг. отдельным изданием как сборники стихов и/или публикуются в периодической печати. Здесь мы оставляем в стороне такие явления, как Блага Димитрова, анализ творчества которой может потребовать отдельного исследования. Попытаемся выяснить, каковы лирические пространства в этой «женской» лирике, как создается образ женщины и какие послания призван донести этот образ, сформировавшийся в лирике 60-х годов двух знаковых фигур – Вани Петковой и Нади Кехлибаревой.

Творческий путь Вани Петковой начинается с ее дебютной книги «Соленые ветра» (болг. *Солени ветрове*, 1965), вслед за которой публикуются сборники «Пули в песке» (болг. *Куришуми в пясъка*, 1967), «Притяжение» (болг. *Привличане*, 1967), «Грешница» (болг. *Грешница*, 1968). Именно «Грешница» являет едва ли не самый яркий синтез ее поэтических устремлений того времени, но и в «Притяжении» уже расставлены акценты, характерные для ее творческого почерка этого периода. Энчо Мутафов в рецензии на сборник «Притяжение», опубликованной в 1967 г. в журнале «Пламя» (болг. *Пламяк*), пишет, что поэтесса утверждает истины, которые не являются открытием, но для которых характерно собственное внутреннее горение и которые как выражение чувственности неповторимы в своем

² Кирова М. Беда на матриарха: жените и канонът в литературата // Слово. Българска виртуална библиотека. 2002. URL: <https://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=109&WorkID=5591&Level=3> (дата обращения: 01.06.2021).

роде³. Например, море не объект наблюдения и восхищения, оно «дышит» в груди лирической героини и наряду с землей становится весами, которые «делят» ее между собой:

И станаха морето и земята	И море и земля вдруг превратились
Най-верните везни, които	В точнейшие весы, что четверть века
За мене четвърт век се караха	Из-за меня бранились и меня
И в тази нощ ме поделиха.	Лишь этой ночью поделили.

Своеобразное визионерство поэтессы заставляет ее существовать за пределами материи, за пределами плоти – устремляясь в едином поэтическом порыве к природе. Порыв, динамика характерны для процесса, в котором чувственное восприятие, переживание от прикосновения к миру воплощают первичную энергию. Море в ее произведениях не нечто несущее прохладу, не место, где проводят отпуск и загорают, а первоисточник жизни:

Предметите тѣй странно опростяват,	Предметы упрощаются так странно,
На прѣсти влиза в бяло вечността,	На цыпочках крадется вечность в белом,
Аз вярвам вече в сенките загадъчни	В таинственные тени уже верю я
И ставам мигом първата жена ⁴ .	И становлюсь вмиг женщиною первой.

Новое открытие первичных пространств, вихря любви, отражение первичной энергии появляются в нескольких ее произведениях, но в книге отсутствует любовная лирика в узком смысле слова. Сборник «Грешница» Вани Петковой показателен как стремление новой женской лирики бороться за свое пространство, как протест против ее сведения к определенным традиционным схемам; показателен он и как отражение категоричной патетики поэтессы. Сборник вышел в памятном 1968 году⁵. После его выхода голоса критиков разделились. Если одни, как Драган Ничев и Никола Боздуганов, поспешили разгромить «бегство [автора] от общественных проблем» и обвинить раскрепощенную лирическую героиню в том, что она говорит «голосом неудовлетворенной женской плоти», что «разнузданные эротические излияния» чужды болгарскому народному сознанию и поэтесса во всем ищет плотское начало

³ Мутафов Е. Привличането и сливането в една поезия // Пламък. 1967. Кн. 10. С. 64.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ 1968 год – год ввода советских войск в Чехословакию и начало Пражской весны, а также год проведения IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Софии, студенческих волнений и всеобщей забастовки во Франции и др. – Прим. переводчика.

как высшую связь между мужчиной и женщиной⁶, то другие, как Любен Георгиев и Огнян Сапарев, отнеслись к книге благосклонно⁷.

Сексуально раскрепощенная лирическая героиня Петковой в воззваниях критики, блюдущей нравственность, объявлялась эгоцентричной, «ненасытной самкой». Однако поэзия Петковой, в которой сделан акцент на первичном, на «сладких сражениях плоти с плотью» и «ветрах с обмякнувшими клювами», клюющих ее «маленькие острые груди», полностью подтверждала мысль Г. Зиммеля о нежелании женщины дистанцироваться от эмоционального опыта, о чувственном восприятии мира в соответствии с законами своего тела.

В перевоплощениях женской природы преобладает эротико-физиологическое начало:

Като кошута с опъната шия да виеш
сред брадатите храсти и борове
обли <...>
Колко е хубаво да бъдеш жена
във мига на голямото сливане
и със цялата кипнала, млада земя
от преливане към преливане —
да останеш жена.

Земята е пълна с мадонни
За любов полудели.

(«Мълчание»)⁸

Словно косуля с натянута шейя,
петляешь
меж бородатых кустов и сосен
округлых <...>
Как прекрасно женщиной быть
в мгновенье большого слияния
и со всей бушующей, юной землей
от прилива к приливу —
женщиной оставаться.

Земля полна мадоннами,
Безумствующими в любви.

(«Молчание»)

В сборнике «Грешница» даже проклятия женщины связаны с ее нерелизированной сексуальной энергией:

Да отидеш със жена в полето
и да я оставиш непокътната! <...>
.....
Ах, дано във камък се превърнеш!..⁹

Пойти с женщиной в поле
и оставить ее нетронутой! <...>
.....
Ах, превратись же ты в камень!..

⁶ Ничев Д. Не новаторство – анахронизъм // Пулс. 1969. № 7 (4). С. 4; Боздуганов Н. Щедростта на съзряването // Пламък. 1969. Кн. 18. С. 65.

⁷ Георгиев Л. Ваня Петкова // Георгиев Л. Млади поети. София: Народна младеж, 1969. С. 188; Сапарев О. Бяло и черно // Септември. 1972. Кн. 10. С. 222.

⁸ Пламък. Кн. 5. 1968. С. 66.

⁹ Петкова В. Грешница. София: Държавно военно издателство, 1968. С. 68.

Творческая судьба поэтессы Нади Кехлибаревой связана с морем как ожиданием, детством, которое расцвечено разными красками, и уже в первой своей книге «Мое море» (болг. *Моето море*, 1960) Кехлибарева воссоздает настоящий мир морской стихии, в котором личные переживания лирической героини выступают на первый план. Неслучайно книга называется «Мое море». В обыденных вещах поэтесса обнаруживает чудо жизни. Буйство красок мира, его тепло лирическая героиня выражает через цвет:

Влизай Алено,	Входи, Алое,
....
влизай Синьо	входи, Синее,
....
Втурвай се Зелено.	Врывайся, Зеленое.
(«Топлина») ¹⁰ .	(«Теплота»).

В цикле стихотворений «Глазами женщины» (болг. *С очите на жена*) из книги «Мое море» выписан образ женщины-жажды, женщины-веры, женщины – ветра соленого и одновременно с этим – в традиционных регистрах – образ женщины ждущей, плачущей, любящей, безропотной и кроткой; женщины, которая варит грушевое варенье¹¹. Те же акценты мы обнаруживаем и в сборнике «Гора сильных» (болг. *Планината на силните*, 1965). Там, однако, она показана отчаянной и безрассудной, смелой подругой, проявляющей слабость только тогда, когда «ложится рядом с любимым»¹².

В стихотворении «Неотправленное письмо» (болг. *Неизпратено писмо*) поэтесса развивает тему несбывшейся любви, но без трагизма, с чувством светлой мудрости перед ее недосыгаемостью:

А твоите думи и моята нежност към тебе	А речи твои и мою к тебе нежность
Раздадох на другите хора ¹³ .	Другим раздала я.

В «Горé сильных» присутствует своеобразная атмосфера, связанная с Родопами. Поэтесса, чье сердце отдано морю, ищет нечто новое, что она сможет полюбить, и в телегах, родниках, благоухании табака и

¹⁰ Пламък. Кн. 11. 1969. С. 101.

¹¹ Кехлибарева Н. Моето море. София: Народна младеж, 1960. С. 24.

¹² Кехлибарева Н. Планината на силните. София: Народна младеж, 1965. С. 12.

¹³ Там же. С. 6.

аромате ракии видит красоту всего болгарского. Однако как раз в стихотворениях, в которых делается попытка отразить современную действительность в Родопах, «пружины» новых человеческих отношений иногда получают неубедительное строфическое выражение¹⁴.

В этом беглом обзоре некоторых тем и мотивов лирических текстов двух поэтесс, писавших и публиковавших свои произведения параллельно с «апрельскими» поэтами, мы не ставим целью сделать глобальные выводы. Однако вырисовываются определенные черты, характеризующие эту лирику.

1. В некоторых произведениях обеих поэтесс, созданных в 1960-е гг., образ женщины остается связанным с чувственным, эмоциональным и даже иррациональным началом, когда с помощью категоричной патетики поэтесса борется за личное пространство и право на собственное мнение, а мир воспринимает в основном в соответствии со своей природой. Но, воспевая любовь как естество, как способ самовыражения, эта лирика оказывается противопоставлена социальным схемам времени.

2. Образ женщины в этой лирике часто сопоставляется с моделью «нового» героя эпохи в духе клишированных представлений: не только *он* будничен и героичен одновременно, но и *она* действует, борется, осмеливается отбросить фальшь, бескомпромиссна в проявлениях своих чувств, отчаянна и безрассудна, она отважная и дерзкая «космическая» девушка и одновременно с этим нежная и жертвенная мать – модель, близкая к эталонной.

3. Лирическая героиня не ограничена сферой домашнего, хотя и варит варенье и смотрит на мир сквозь нежные тельца своих детей: ее голос не просто звучит посреди социума, но и интериоризирует его. У нее самосознание творца, она открыта людям и готова принять вызовы времени. Для «женской» лирики характерна тенденция к демонстрации интимного и нравственному осмыслению общественных проблем.

4. Женщина привносит свежие краски и красоту в серые будни. Лирическая героиня считает, что природа способна оказывать положительное влияние на этику человеческих отношений, которые не лишены лжи и предрассудков, в то время как природа в стихотворениях не только очищает и заряжает человека новыми силами, но и наделяет его непосредственностью.

5. Лирическая героиня не отделяет свою жизнь от жизни Родины и утверждает, что дышит ею, усиливая таким образом собственную значимость. В этом пестром переплетении отчетливо проступает сюжетный

¹⁴ Янчев Т. «Планината на силните» // Септември. 1966. Кн. 4. С. 249.

схематизм идеологического высказывания, однако ощущается, что уже подрывается вера в идеологию и кумиров, возникают новые разочарования и страхи, которые несет время, но при этом появляются новые эстетические горизонты. Женская лирика 60-х включает немало стихотворений, с очевидностью опережающих общий поток литературных произведений с точки зрения вкуса и поэтического высказывания, которое освежает литературу и делает ее значительно разнообразнее (показательны в этом отношении такие заглавия, как, например, «Бунт красок» Благи Димитровой), более жизненной и условной, при этом акценты неумолимо смещаются к подчеркиванию уникальности личности и необходимости вести борьбу за сохранение собственной идентичности с целью уберечь ее от угрожающих ей унифицирующих тенденций.

Перевод с болгарского О. В. Трефиловой

Литература

- Алипиева А.* Поезията през 60-те и 70-те години на XX век. Фигури и контексти // *LiterNet*: електронно списание. 2011. N 10 (143). URL: <https://litenet.bg/publish/aalipieva/60-70.htm> (дата обращения: 10.10.2011).
- Боздуганов Н.* Щедростта на съзряването // *Пламяк*. 1969. Кн. 18. С. 65.
- Георгиев Л.* Ваня Петкова // *Георгиев Л.* Млади поети. София: Народна младеж, 1969. С. 188.
- Кирова М.* Бедага на матриарха: жените и канонът в литературата // *Словото*. Българска виртуална библиотека. 2002. URL: <https://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=109&WorkID=5591&Level=3> (дата обращения: 1.06.2021).
- Мутафов Е.* Привличането и сливането в една поезия // *Пламяк*. 1967. Кн. 10. С. 64–65.
- Ничев Д.* Не новаторство – анахронизъм // *Пулс*. 1969. № 7 (4). С. 3–6.
- Саварев О.* Бяло и черно // *Септември*. 1972. Кн. 10. С. 200–222.
- Янчев Т.* «Планината на силните» // *Септември*. 1966. Кн. 4. С. 249.

References

- Alipieva, A., 2011. Poeziyata prez 60-te i 70-te godini na XX vek. Figuri i konteksti [Poetry in the 60s and 70s of the twentieth century. Figures and contexts]. *LiterNet: elektronno spisanie*, 10 (143). URL: <https://litenet.bg/publish/aalipieva/60-70.htm> (accessed: 10.10.2011). (in Bulg.)
- Bozduganov, N., 1969. Shtedrostta na suzriavaneto [The generosity of maturation]. *Plamuk*, book 18, p. 65. (in Bulg.)
- Georgiev, L., 1969. Vania Petkova [Vania Petkova]. In: Georgiev, L., 1969. *Mladi poeti* [The young poets]. Sofia: Narodna mladezh, p. 188. (in Bulg.)

- Ianchev, T., 1966. “Planinata na silnite” [“The mountain of the strong”]. *Septemvri*, book 4, p. 249. (in Bulg.)
- Kirova, M., 2002. Bedata na matriarkha: zhenite i kanonut v literaturata [The trouble of the matriarch: women and the canon in literature]. *Slovoto. Bulgarska virtualna biblioteka*. URL: <https://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=109&WorkID=5591&Level=3> (accessed: 01.06.2021). (in Bulg.)
- Mutafov, E., 1967. Privlichaneto i slivaneto v edna poeziiia [Attracting and merging into one poetry]. *Plamuk*, book 10, pp. 64–65. (in Bulg.)
- Nichev, D., 1969. Ne novatorstvo – anakhronizum. *Puls*, 7 (4), pp. 3–6.
- Saparev, O., 1972. Bialo i cherno [White and black]. *Septemvri*, book 10, pp. 200–222. (in Bulg.)

ПОДПОЛКОВНИК НАЗАР КАРАЗИН В ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВАХ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 ГГ.

Василий Борисович Каширин

кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник, Институт славяноведения

Российской академии наук

Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,

Москва, 119334 Россия

Электронный адрес: vbkashirin@mail.ru

Аннотация

В статье с использованием новых архивных материалов и практически неизвестных в России источников на румынском языке описывается деятельность подполковника русской армии Назара Каразина – тайного эмиссара императрицы Екатерины II в княжестве Валахия в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а затем – командира самостоятельного партизанского отряда, действовавшего с особым заданием на придунайском театре войны в отрыве от основных сил русской армии. На основании новых данных уточняются география и хронология пешего путешествия Каразина в обличье монаха-паломника в Бухарест весной 1769 г. Избрав дорогу через Галич на Днестре и монастырь Великий Скит (Манявский Крестовоздвиженский мужской монастырь) в Покутье, Каразин 4 апреля прибыл в город Сучава, откуда отправился в Валахию через австрийскую Трансильванию с двукратным переходом через Карпатские горы. 7 мая 1769 г. он достиг Бухареста, и затем, установив связь с руководством пророссийской партии Валахии, 19 мая двинулся в обратный путь, и 2 июня оказался в лагере главных сил русской 1-й армии близ села Деражня. В течение летней кампании Каразин, в соответствии с указаниями петербургского кабинета, состоял при штабе командующего 1-й армией князя А. М. Голицына. 10 сентября 1769 г., после взятия русской армией крепости Хотин и отступления турок из Молдавии, Каразин по поручению Голицына вновь отправился во главе отряда арнаутов (перешедших на русскую сторону наемников из числа балканских уроженцев) в город Фокшаны на границе Валахии для поднятия антитурецкого восстания. Каразин и его отряд сыграли важную роль в организации повстанческого движения в северо-восточной части Валахии и изгнании турок из Бухареста в начале ноября 1769 г., а затем – в обороне валашской столицы во время турецких контрнаступлений в декабре 1769 и январе 1770 г. Содержание статьи опровергает не критически растиражированное в историографии семейное предание потомков Н. А. Каразина о его приключениях в годы войны, содержащее откровенно недостоверные фактические сведения.

Ключевые слова

Назар Каразин, русско-турецкая война 1768–1774 гг., княжество Валахия, Бухарест, Пырву Кантакузино, арнаулы

Статья поступила в редакцию 6 июля 2021 г.

Цитирование: *Каширин В. Б.* Подполковник Назар Каразин в Дунайских княжествах накануне и в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2021. Т. 16. № 1–2. С. 109–134. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.06>

LIEUTENANT-COLONEL NAZAR KARAZIN IN THE DANUBIAN PRINCIPALITIES ON THE EVE AND AT THE BEGINNING OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1768–74

Vasily B. Kashirin

Ph.D. in History, Senior Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: vbkashirin@mail.ru

Abstract

In this article, which is based on unpublished materials from the Russian archives and Romanian sources which are practically unknown in Russia, the activities of Russian Lieutenant-Colonel Nazar Aleksandrovich Karazin are described. Karazin was a secret emissary of Empress Catherine II in the Principality of Wallachia at the beginning of the Russian-Turkish War of 1768–74, and later the commander of an independent partisan detachment with a special assignment in the Danube theatre of war, acting separately from the main forces of the Russian army. Based on the new material, this article clarifies the geography and chronology of Karazin's walking trip (in the guise of a pilgrim monk) to Bucharest in the spring of 1769. Moving through Galich on the Dniester and via the Great Skete Monastery (Manyavsky Holy Cross Monastery) in the region of Pokutie, Karazin arrived in the town of Suceava on 4 April, from where he travelled to Wallachia through Austrian Transylvania, crossing the Carpathian Mountains twice. On 7 May, 1769, he arrived in Bucharest, and then, having established contact with the leadership of the pro-Russian party of Wallachia, on 19 May moved back and arrived at the camp of the main forces of the Russian 1st Army near Derazhnya on 2 June, 1769. After that, Karazin, in accordance with his instructions, remained at the headquarters of the 1st Army commander, Prince A.M. Golitsyn, during the summer campaign. On 10 September, 1769, after the capture of the Khotin fortress by the Russian army and the retreat of the Turks from Moldova, Karazin, on behalf of Golitsyn, again set off at the head of a detachment of Arnauts (mercenaries of Balkan origin who had switched to the Russian side) to the town of Fokshany on the border between Moldavia and Wallachia, with a mission to raise an anti-Turkish uprising. His detachment played an important role in organizing the insurrectionary movement in the northeastern part of Wallachia and the expulsion of the Turks from Bucharest in early November 1769, and then in the defense of the capital of Wallachia during the counter-offensives of the Ottoman forces in December 1769 and January 1770. The content of the article refutes the family narratives

about N.A. Karazin and his adventures during the war years, which contain factually inaccurate information.

Keywords

Nazar Karazin, the Russian-Turkish War of 1768–74, the Principality of Wallachia, Bucharest, Parvu Kantakuzino, Arnauts

Received 6 July 2021

How to cite: Kashirin, V.B., 2021. Podpolkovnik Nazar Karazin v Dunaiskikh kniazhestvakh nakanune i v nachale russko-turetskoi voiny 1768–1774 gg. [Lieutenant-Colonel Nazar Karazin in the Danubian Principalities on the Eve and at the Beginning of the Russian-Turkish War of 1768–74]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 109–134. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.06>

Военный и политический опыт, полученный Россией в противоборстве с Османской империей в Дунайско-Балканском регионе в XVIII–XIX вв., был обширен и многогранен. Среди наиболее сложных и интересных его аспектов можно выделить усилия руководства Российской империи по привлечению на свою сторону местных христианских народов, находившихся под турецким владычеством, и по использованию их в борьбе с общим противником. Решение этой задачи требовало от России эффективного сочетания средств военной силы и политики, разведки и тайной дипломатии, агитации и пропаганды, сотрудничества с церковными структурами и представителями национальных диаспор, успешного управления освобождаемыми территориями, обеспечения боевого взаимодействия регулярной русской армии и флота с местными повстанцами и добровольческими формированиями. Один из первых и наиболее ярких примеров успеха этой деятельности относится к эпохе царствования императрицы Екатерины II, когда стратегия России на данном направлении впервые принесла заметные плоды. И самые впечатляющие достижения здесь были непосредственно связаны с действиями одного человека, служившего в достаточно скромном чине армейского подполковника.

Этим человеком был Назар Александрович Каразин (1731–1783), болгарин по этническому происхождению, российский подданный, офицер русской службы и участник двух войн – Семилетней и русско-турецкой 1768–1774 гг.; личность легендарная и в то же время малоизвестная¹. Его жизнь окутана множеством мифов, которые невольно были пущены

¹ Статья представляет научному сообществу отдельные фрагменты монографии о деятельности Н. А. Каразина накануне и в годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг., готовящейся к изданию в 2021 г. Все даты в статье приводятся по старому стилю, то есть по юлианскому календарю, который в XVIII в. «отставал» от григорианского на 11 дней.

в обращение его ближайшими потомками. Гораздо более известен сын Назара Александровича – Василий Назарович Каразин (1773–1842), яркая фигура начала царствования Александра I, государственный и общественный деятель, внесший немалый вклад в учреждение Министерства народного просвещения России и в основание Императорского Харьковского университета. Именно к В. Н. Каразину восходит семейное предание о приключениях его отца в годы первой екатерининской русско-турецкой войны. Ссылаясь на записки его сына Филадельфа Васильевича, литератор Г. П. Данилевский, автор одной из ранних биографий Василия Каразина, опубликовал этот рассказ еще в 1860 г. Приведем его целиком, так как он очень важен с точки зрения генезиса позднейшей мифологии о Назаре Каразине:

«Говоря по-гречески и по-турецки, он получил от Императрицы Екатерины II-й поручение отправиться секретно в Турцию для осмотра и снятия планов крепостей. Это было пред началом нашей войны с Турциею. Назар Каразин был представлен Императрице как хороший инженерный офицер. Переодетый монахом, с отрошенной бородой, с просительною книгой* в руках и с бочонком воды за плечами (в бочонке были четыре дна, между средними спрятаны были бумаги и чертежные инструменты), он отправился в путь пешком, проник в глубь Турции, все осмотрел, выведал и снял на бумаге. В Адрианополе его схватили на рассвете утра за работою над съемкою какого-то бастиона. Он успел бросить бочонок в кусты. Но его чуть по приказанию паши не посадили на кол. Он убежал из заключения, доставил в Россию свои заметки и планы и привел еще с собою 3000 арнаутов, вслед за ним бросивших Турцию. Его сделали начальником их, и с этим отрядом он пошел пред нашей армией, открывшей войну с неверными»².

Эти сведения представляли собой гремучую смесь из толики подлинных фактов, подчас сильно искаженных, в сочетании с самым нелепым вымыслом. Тем не менее рассказ Данилевского был немедленно и некритично подхвачен другими историками и лег в основу позднейшей легенды о Назаре Каразине, положения которой продолжают повторяться в историографии вплоть до наших дней. Обозначим здесь наиболее растиражированные мифы и ложные утверждения о Каразине и его деятельности во время русско-турецкой войны: он якобы окончил

* Просительная книга – книга, в которой фиксировалось поступление подаяний и пожертвований на церковные нужды.

² Г. Д. [Данилевский Г. П.] Василий Назарьевич Каразин. (Материалы для биографии) // Северная пчела. Газета политическая и литературная. 1860. № 24.

некое инженерное (или артиллерийское) военно-учебное заведение и получил военно-инженерную специальность; в начале русско-турецкой войны отправился за Дунай с тайным заданием, которое включало и составление планов турецких крепостей; выполняя эту миссию, он смог проникнуть вглубь Румелии, где занимался тайной разведывательной и подрывной деятельностью; затем якобы был схвачен турками в Адрианополе во время съемки планов укреплений; сумев спастись, Каразин вернулся к русской армии, приведя с собой из-за Дуная многочисленный отряд местных добровольцев-арнаутов. Как мы постараемся показать в данной статье, всё это не соответствует действительности.

Начиная с XIX в. деятельность Н. А. Каразина во время русско-турецкой войны упоминается в достаточно большом числе исторических исследований на русском и иностранных языках. К их числу относятся работы классиков дореволюционной историографии С. М. Соловьева³ и А. Н. Петрова⁴, советских молдавских историков Н. А. Мохова⁵ и И. В. Семёновой⁶, московского балканиста О. В. Медведевой⁷ и др. В этих работах деятельность Каразина либо упоминается кратко, в ряду других событий русско-турецкой войны, либо же воспроизводятся вышеназванные мифы о его приключениях. Отечественные специалисты по истории Дунайских княжеств XVIII в. не занимались подробно историей войны 1768–1774 гг. Крупный советский и российский историк-румынист Л. Е. Семёнова (1931–2010) использовала румынские источники в своем очерке о тех событиях и в целом верно, но совсем кратко описала действия Каразина в 1769 г.⁸ В особенности склонны к тиражированию старых легенд и новых домыслов о приключениях подполковника

³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1965. Кн. 14. Т. 27–28. С. 285, 293, 305.

⁴ *Петров А. Н.* Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год. Составлено, преимущественно, из неизвестных по сие время рукописных материалов, Генерального штаба капитаном А. Петровым. СПб.: Типография Э. Веймара, 1866. Т. 1: Год 1769. С. 102–103, 287–288, 292–293; Т. 2: Год 1770. С. 37–40.

⁵ *Мохов Н. А.* Дружба ковалась веками. (Молдавско-русско-украинские связи с древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1980. С. 204–207.

⁶ *Семёнова И. В.* Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в. // Балканский исторический сборник / редкол. В. Я. Гросул и др. Кишинев: Редакционно-издательский отдел Академии наук Молдавской ССР, 1970. Т. 2. С. 319–351.

⁷ *Медведева О. В.* Балканы в годы войны: поиски путей освобождения. Болгары // Век Екатерины II. Дела балканские / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Наука, 2000. С. 147–151; *Она же.* Участие болгар в русско-турецких войнах // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII веке / отв. ред. И. И. Лециловская. М.: Наука, 2003. С. 236–245.

⁸ *Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории). М.: Индрик, 2006. С. 317–318.

Каразина историки из Болгарии, в работах которых можно усмотреть черты сознательного мифотворчества (в части, касающейся приключений Каразина на южном берегу Дуная, где во время войны он даже не появлялся)⁹.

Из современных авторов, занимающихся проблематикой русско-турецких войн и историей Дунайских княжеств, деятельность Н. А. Каразина затрагивает исследователь молдавского происхождения В. Таки¹⁰. Этот автор не знаком с документами российских архивов по миссии Каразина и, как следствие, повторяет все те же семейные предания о его продвижении вплоть до Адрианополя и т. д. В отношении интересующих нас событий В. Таки не дает ни нового фактического материала, ни оригинальных концептуальных трактовок.

Над изучением истории рода Каразиных традиционно плодотворно работают историки из Харькова. Совсем недавно профессор М. Станчев и его коллеги ввели в научный оборот ценную подборку документов о Каразине, сохранившуюся в одном из дел фонда Военно-ученого архива (ВУА, ф. 846) в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве¹¹. Эти документы содержат важные сведения о военной карьере Назара Каразина до его отставки в 1764 г., о первой поездке на Балканы в качестве частного лица в 1768 г. и о подготовке тайной миссии на рубеже 1768–1769 гг. Введение в научный оборот данных материалов, безусловно, является достижением украинских исследователей. Однако самый поздний по времени из этих документов датирован 27 марта 1769 г. и относится к моменту отъезда Каразина из Киева. О его дальнейших приключениях названные авторы мало что знают; кроме того, они демонстрируют слабое знакомство с военно-политической историей русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и с обстановкой в Дунайских княжествах в тот период, не используют румынские источники и, как следствие, воспроизводят всё то же мифическое семейное

⁹ См., например: *Дойнов С. К.* Българите и руско-турските войни 1774–1856. София: Държавно издателство «Народна просвета», 1987; *Чолов П.* Военното начало на Каразиновци // Василий Каразин. Живот и дейност. (По случай 200 години от основаването на Харковския национален университет «В. Н. Каразин») / съст. М. Г. Станчев и др. София: Академично издателство «Марин Дринов», 2005. С. 110–125; *Георгиев Л.* Каразиновци – предци и потомци // Там же. С. 165–180, и др.

¹⁰ *Taki V.* Limits of Protection: Russia and the Orthodox Coreligionists in the Ottoman Empire // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 2015. № 2401. P. 1–79. <https://doi.org/10.5195/cbp.2015.201>.

¹¹ *Станчев М., Вовк О., Красько Н.* Назар Александрович Каразин в свете новых документов // Revista de etnologie și culturologie. 2018. Vol. 24. P. 103–110; *Станчев М., Вовк О., Красько Н.* Назар Александрович Каразин в светлината на новите документи // Списание на Българската академия на науките. 2019. № 5. С. 3–8.

предание. Кроме того, уровень обработки, анализа и комментирования ими данных материалов вызывает серьезные замечания: ряд слов в документах прочитан неверно, некоторые упоминаемые личности и географические названия остались без должного комментирования, допущен ряд грубых ошибок¹².

Единственным научным исследованием, специально посвященным миссии Каразина в Дунайских княжествах, стала статья белорусского советского историка В.И. Синицы, вышедшая в Минске в 1978 г.¹³ Эта небольшая по объему, но ценная работа является настоящей библиографической редкостью; она малоизвестна и практически не использовалась другими историками, писавшими о Назаре Каразине позднее. Безусловной заслугой автора является то, что он опирался на ряд документов из фондов ЦГВИА (совр. РГВИА) и на их основе в целом верно очертил важнейшие вехи деятельности Каразина в 1768–1770 гг. вместо очередного воспроизведения фамильной мифологии. Однако В.И. Сеница, как видно, в свое время не обнаружил вышеупомянутую подборку документов о подготовке каразинской миссии из дела ВУА, а также совсем не привлекал источники и литературу на румынском языке. Поэтому и ему не удалось добиться создания подробной и фактически точной картины деятельности Каразина в контексте военных действий русской армии в тот период.

Особняком стоит румынская историография. Поскольку основная деятельность Назара Каразина разворачивалась именно в Валахии, то в источниках местного происхождения содержатся ценные фактические данные о ней. Источники на румынском языке о событиях войны

¹² Например, копия удостоверения монаха Симеона Путника – вымышленной личности Каразина в его миссии – была заверена подписью некоего канцеляриста Фёдора Онисимова, личности ничем не примечательной. Вследствие этого и на нескольких других документах М. Станчев и его соавторы ошибочно усмотрели также подпись «Фёдора Онисимова» (в другом месте у них же – «Обросимова»), который, по их выводу, не только лично занимался подготовкой миссии Каразина, но и докладывал об этом напрямую на высочайшее имя (простой канцелярист!). В действительности то были всеподданнейшие реляции Екатерине II киевского генерал-губернатора Фёдора Матвеевича Воейкова от 22 февраля и 27 марта и его же письмо графу Н.И. Панину от 22 февраля 1769 г. Собственноручную подпись Воейкова украинские историки приняли за автограф упомянутого безвестного канцеляриста. Примеров неточного прочтения документов еще много. Так, вместо «Трансильвании власяной (то есть валашской. – В.К.) архимандрит» названные авторы читают «Трансильвании властный архимандрит» и т.д.

¹³ *Сеница В.И.* План Кантакузина и миссия Каразина (из истории освободительного движения в Дунайских княжествах и русско-балканских связей) // Вопросы истории. Межведомственный сборник / под ред. А.А. Василевского и В.М. Фомина. Минск: Издательство БГУ им. В.И. Ленина, 1978. Вып. 5. С. 113–122.

1768–1774 гг. в Дунайских княжествах начали публиковаться ближе к концу XIX в. К этой теме обращались академик Николае Йорга (1871–1940)¹⁴; его ученик Георге Безвиконый (1910–1966)¹⁵, талантливый историк родом из Бессарабии; известный румынский востоковед армянского происхождения Хагоп Джололян Сируни (1890–1975)¹⁶; академик Константин Джиуреску (1901–1977)¹⁷; аспирант С. Виану (автор статьи 1953 г., одной из лучших работ по данной теме)¹⁸; М. Матей¹⁹ и другие. Румынские авторы использовали и некоторые опубликованные к тому времени источники на русском (документы П. А. Румянцева), но не имели ни возможности, ни желания подробно изучать действия русских войск и планы их командования. Гораздо больше румынских историков интересуют события политической жизни Валахии и участие местного населения в борьбе против Османской империи. Что естественно, у румынских исследователей полностью преобладают национальный взгляд и соответствующий угол зрения. Обыкновенно ими подчеркивается, что Бухарест в ноябре 1769 г. был освобожден от турок силами восставшего местного населения, тогда как подполковнику Назару Каразину отводится в лучшем случае второстепенная роль.

В целом до сих пор никем из историков еще не было представлено достоверное и достаточно подробное описание деятельности Н. А. Каразина в 1768–1770 гг., накануне и в начале русско-турецкой войны. Между тем в делах РГВИА среди документов командования русской действующей армии (главной квартиры 1-й армии, Молдавского корпуса) содержатся важные сведения о Назаре Каразине, включая его тайную миссию в первой половине 1769 г. и действия его партизанского отряда с сентября 1769 г. по весну 1770 г. Нами были найдены донесение Каразина из молдавской Сучавы от 6 апреля 1769 г. на имя главнокомандующего 1-й армией генерал-аншефа князя А. М. Голицына, рапорт последнего

¹⁴ *Iorga N.* Istoria armatei românești. București: Tipografia “Cultura neamului românesc”, 1919. Vol. 2: De la 1599 până în zilele noastre. P. 194–196.

¹⁵ *Bezviconi G. G.* Contribuții la istoria relațiilor romîno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea). București: Academia Republicii Populare Romîne, Institutul de studii Romîno-Sovietic, 1962. P. 149–152.

¹⁶ *Siruni H. D.* O năvălire necunoscută a bandelor turcești în Țările Române. După documente turcești din Arhivele Statului // Revista Arhivelor. 1940. № 1. P. 6–68.

¹⁷ *Giurescu C. C.* Istoria Bucureștilor: Din cele mai vechi timpuri pînă în zilele noastre. București: Editura pentru literatură, 1966. P. 98–99.

¹⁸ *Vianu S.* Din lupta poporului român pentru scutirea jugului otoman și cucerirea independenței // Studii. Revista de istorie și filosofie. 1953. Anul 6. Vol. 2. P. 65–95.

¹⁹ *Matei M. D.* Despre poziția claselor sociale din Moldova și Țara Românească față de războiul ruso-turc din 1768–1774 // Studii. Revista de istorie și filosofie. 1953. Anul 6. Vol. 3. P. 53–77.

о возвращении Каразина из Бухареста от 6 июня 1769 г., журнал исходящих бумаг нового главнокомандующего 1-й армией графа П. А. Румянцева, в котором содержатся тексты двух его ордеров на имя Каразина от 20 октября и 27 ноября 1769 г., а также всеподданнейшая реляция Румянцева от 15 апреля 1770 г. и приложенная к ней челобитная Каразина с просьбой об увольнении со службы, в которой он обобщил результаты своей деятельности и перечислял заслуги. Кроме того, Каразин, его отряд и получаемые от него сведения упоминаются и во многих других служебных бумагах русского командования того времени, что проливает больше света на фактическую и содержательную сторону событий.

Также документы, относящиеся к действиям Каразина и его отряда с осени 1769 г. по весну 1770 г., включая его собственноручные рапорты, были обнаружены и среди материалов фонда «Молдавские и мунтянские дела» (ф. 293) в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве. Значительной части документов этого фонда прежде не касалась рука исследователя.

Помимо этого, ценнейшие сведения о деятельности Каразина содержатся в источниках на румынском языке, которые практически не известны российским исследователям. Прежде всего, это «Генеалогия Кантакузинов», обширная историческая работа, написанная бывшим баном Валахии Михаем Кантакузино (1723–1793)²⁰. Михай Кантакузино и два его брата Пырву и Рэдукан были лидерами пророссийской партии в высшем боярстве Валахии и ключевыми участниками событий тех лет. Они непосредственно встречались и общались с Назаром Каразиным, так что относящиеся к нему фрагменты «Генеалогии» имеют характер ценного мемуарного свидетельства. Кроме того, в приложении к этому сочинению опубликованы письма, которыми обменивались Пырву и Михай Кантакузино с командующими русской 1-й армией А. М. Голицыным и П. А. Румянцевым при активном личном участии Каразина.

Ценные сведения по интересующей нас теме содержат и другие источники на румынском языке – историко-мемуарный труд крупного валашского чиновника, бывшего великого стольника Валахии Думитраке, написанный в 1775 г. и опубликованный в 1888 г. под заглавием «История событий на Востоке, относящихся к княжествам Молдавия и Валахия в 1769–1774 гг.»²¹, и «Хронограф Земли

²⁰ Genealogia Cantacuzinilor de Banul Mihai Cantacuzino / publicată și adnotată de N. Iorga. București: Institutul de Arte Grafice și Editura “Minerva”, 1902.

²¹ [Dumitrache]. Istoria evenimentelor din Orient, cu referință la principatele Moldova și Valahia, din anii 1769–1774. Scrisă de biv vel Stol[nic] Dumitrache și editată, după copia lui Necolaï Piteșteanulă din anii 1782, de V.A. Urechia, Membru ală Academiei Române //

Румынской» за период с 1764 по 1815 г. валашского монаха Дионисия Экклесиарха²².

Совокупность имеющихся опубликованных и архивных источников позволяет нам достаточно подробно воссоздать хронологию, географию и характер деятельности Каразина в Дунайских княжествах накануне и в годы русско-турецкой войны и убедительно опровергнуть ряд устойчивых мифов о нем.

Назар Александрович Каразин родился 14 октября 1731 г.²³ Его отец Александр Каразин, болгарский уроженец, служил в русской армии и вышел в отставку в чине капитана. По имеющимся данным, он жил в селе Рублёвка Ахтырского слободского казачьего полка и умер в 1753 г. На военную службу Назар Каразин поступил 1 декабря 1745 г., то есть 14 полных лет от роду²⁴. Начал службу он рядовым и, по данным указа 1764 г., «был капралом, ротным квартирмейстером, вахмейстером, а прапорщиком 760го января 1го, в подпоручики пожалован за отменную против неприятеля поступку того ж 760го ноября 25го, поручиком 761го мая 1го, капитаном 763го годов октября 6го дня»²⁵. Мы не знаем, в каком полку начинал службу Каразин, но чины ротного квартирмейстера и вахмейстера однозначно указывают, что он служил в кавалерии, скорее всего в одном из гусарских полков²⁶. Это полностью опровергает распространенное

Analele Academiei Române. 1889. Seria II. Tom. 10: Memoriile Secțiunei istorice. P. 351–480.

²² [Dionisie Eclesiarhul]. Chronograful Țierei Rumânești // Tesauru de monumente istorice pentru Romania: atâtu din vechiu tiparite câtu si manuscripte cea mai mare parte straine adunate publicate cu prefatiuni si note illustrate de A. Papiu Iarianu. București: Tipografia nationale a lui Stefanu Rassidescu, 1863. Tomu 2. P. 159–236.

²³ Эта дата была указана в эпитафии Н. А. Каразина в церкви, где он был похоронен, в пожалованном ему селе Кручик близ Харькова. См.: Багалеи Д. И. Назарий Александрович Каразин и его колокол // Багалеи Д. И. Очерки из русской истории. Харьков: Типография и литография М. Зильберберг и с[ыно]вья, 1913. Т. 2: Монографии и статьи по истории Слободской Украины. С. 173.

²⁴ Согласно полковому аттестату Н. А. Каразина, он начал служить лишь в 1749 г. Возможно, это отражало разрыв во времени между зачислением и началом действительной службы.

²⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846 (Военно-ученый архив – ВУА). Оп. 16. Ед. хр. 1811. Л. 576–577 об. Высочайший указ об отставке от службы Н. А. Каразина, 5 ноября 1764 г., Санкт-Петербург (копия, выданная из Государственной военной коллегии).

²⁶ Со времен первых полков иноземного строя и согласно всем таблицам штатов русской армии XVIII в., унтер-офицерский чин ротного квартирмейстера существовал только в кавалерийских полках и соответствовал сержантскому чину в пехоте. См., например: Штаты полков 1763 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Типография II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 43. Ч. 1. С. 42–45. Чин вахмейстера также был исключительно кавалерийским (аналог фельдфебеля в пехоте) и просуществовал в русской коннице вплоть до революции 1917 г.

в историографии утверждение о том, что Каразин якобы имел военно-инженерную специальность, зато логично сочетается с тем фактом, что в 1769–1770 гг. он с особым успехом действовал в качестве командира отряда легкой кавалерии.

Назар Каразин участвовал в Семилетней войне: еще в унтер-офицерском ранге он сражался во всех четырех генеральных полевых баталиях русской армии, за боевые отличия был произведен в первый офицерский чин и затем еще два раза получал повышения; был дважды ранен и уже под конец военных действий попал в плен к пруссакам. После окончания войны Каразин в чине капитана с 1763 г. был переведен в Билярский конный полк Закамской ландмилиции, который нес службу на Оренбургской пограничной линии. В 1764 г. он по собственному желанию вышел в отставку с чином секунд-майора²⁷.

В марте 1768 г., за полгода до начала русско-турецкой войны, Каразин отправился как частное лицо в «отечество свое Болгарию», чтобы получить наследство после дяди. К июлю он успел добраться только до Дуная. К этому времени отношения между Россией и Османской империей резко ухудшились после известного Балтского инцидента 18 июня 1768 г. Опасаясь репрессий со стороны турецких властей, Каразин на некоторое время укрылся в старинном монастыре Куртя-де-Арджеш, в 140 км к северо-западу от Бухареста. Здесь он установил доверительные отношения с местным архимандритом кир Дамаскином, и тот содействовал его знакомству с одним из наиболее влиятельных бояр Валахии – Пырву Кантакузино, баном Ольтении. Согласно «всеподданнейшему объявлению» Каразина на имя императрицы Екатерины II, бан Пырву сам, по собственной инициативе, предложил гостю из России организовать вооруженное восстание против турок в случае начала русско-турецкой войны и первых успехов российского оружия²⁸.

«Генеалогия Кантакузинов», написанная родным братом бана Пырву, подтверждает основную фактическую канву рассказа Каразина о его первом появлении в Валахии – что он прибыл туда еще до начала русско-турецкой войны, анонимно укрывался в монастыре Куртя-де-Арджеш, с помощью тамошнего архимандрита встретился и достиг договоренностей с Пырву Кантакузино. Однако обстоятельства самой этой встречи излагаются несколько иначе. Согласно «Генеалогии Кантакузинов», Каразин тайно сообщил кир Дамаскину, что он послан

²⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1811. Л. 576–577 об. Указ об отставке Н. А. Каразина.

²⁸ Там же. Л. 578–579. Всеподданнейшее объявление отставного секунд-майора Н. А. Каразина, 29 декабря 1768 г., б. м. [Санкт-Петербург].

из России для установления связей с лидерами пророссийски настроенного боярства Валахии, и тогда архимандрит организовал его встречу с баном Ольтении: «Каразин в ту же ночь, придя к Бану Пырву, открыл себя, сказав, что если он захочет тайно служить России, уведомляя о состоянии и действиях турок, и затем, когда русские войска вступят в Валахию, окажет им помощь столькими волонтерами, сколькими сможет, и провиантом, тогда не только он, но и вся его семья получают необычайные милости от Ее Величества Императрицы Всероссийской, и что все помыслы Императрицы о том, чтобы освободить Валахию от тиранского ига турок»²⁹.

Отсюда и берет свое начало распространенное в румынской историографии представление о том, что Каразин еще до начала войны с Турцией был послан властями России в Дунайские княжества с тайной миссией по подготовке антиосманского восстания. В действительности, что неоспоримо доказывают русские документы, никаких официальных заданий и полномочий у Каразина летом 1768 г. не было, он действовал как частное лицо, на свой страх и риск. Оказавшись в сложной и опасной ситуации, Назар Каразин проявил инициативу и, вполне возможно, для придания дополнительного веса своей персоне действительно заговорил о некоем особом поручении от руководства России. Как представляется, подобная версия правдоподобна с психологической точки зрения и вполне объясняет указанное расхождение русского и румынского источников.

Достигнув важных предварительных договоренностей с Пырву Кантакузино, Каразин, над которым к тому моменту нависла угроза ареста и выдачи туркам, спешно покинул Бухарест незадолго до прихода султанского фермана о начале войны с Российской империей (официально война была объявлена Портой 25 сентября (6 октября) 1768 г.). Вернувшись в Россию, он немедленно отправился в город Глухов, административную столицу Малороссии, генерал-губернатор которой граф П. А. Румянцев знал Каразина по совместной службе в Семилетнюю войну. Тот сразу оценил значение информации из Валахии и дал Каразину рекомендательное письмо к графу Н. И. Панину, вице-президенту государственной Коллегии иностранных дел и фактическому главе внешнеполитического ведомства империи. В последних числах декабря 1768 г. Каразин прибыл в столицу и представил свой проект Панину и через него – самой императрице.

С начала своего царствования Екатерина II проявляла интерес к идее привлечения на сторону России христианских подданных Османской

²⁹ Genealogia Cantacuzinilor... P. 155.

империи; связанные с этим проекты особенно активно выдвигал и отстаивал влиятельный придворный клан братьев Орловых. В центре внимания графов Алексея и Григория Орловых было христианское население Западных Балкан, Мореи (Пелопоннеса) и Архипелага, что позднее и вылилось в Архипелагскую экспедицию русского военного флота. Созвучный по содержанию проект Н. А. Каразина, хотя и предполагал действия в Дунайских княжествах с сухопутного направления, также получил полную поддержку высшего руководства империи. Подготовку миссии Каразина в Бухарест лично курировал граф Н. И. Панин. Было принято решение тайно отправить Каразина к бану Пырву Кантакузино с посланием от императрицы, ценными подарками для ключевых фигур заговора и печатными манифестами к балканским христианам. Как следует из написанного Каразинным плана подготовки его миссии («Известному делу потребные обстоятельства»), им самим были разработаны многие детали, в частности придуманы вымышленная личность и «легенда» – ему предстояло стать венецианским подданным, далматинским сербом Симеоном Путником, принявшим монашеский постриг в Киево-Печерской лавре и отправившимся оттуда в паломничество по святым местам³⁰.

Заключительная подготовка миссии проводилась в Киеве, здесь был переведен на сербский и валашский языки и напечатан манифест, подготовлены документ, удостоверяющий личность монаха Симеона Путника, и всё необходимое снаряжение. Из всеподданнейшей реляции киевского генерал-губернатора Ф. М. Воейкова от 27 марта 1769 г. видно, как он был снаряжен: «При себе явного имеет данное ему от архимандрита Киевопечерской Лавры писменное свидетельство, одну старую псалтырь, в досках которой весьма неприметно скрыта грамота к бану, одну такую деревянную флягу, в каковых странствующие тамошних краев иноки для утоления в пути жажды обыкновенно воду держат. Она зделана двудонная и служит к сохранению посылок, одни чотки и один из простаго дерева монашеской посох, в коем вместилося по десяти экземпляров манифеста на греческом, славенносербском и волоском языках»³¹.

14 марта 1769 г. Каразин выехал из Киева в свою тайную миссию. Начиная с этого момента, никому из историков не удавалось подробно воссоздать географию и хронологию его приключений. По основному

³⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1811. Л. 573–573об. [Н. А. Каразин]. План мероприятий по подготовке тайной миссии в Бухарест («Известному делу потребные обстоятельства»). [Январь 1769 г.], [Санкт-Петербург].

³¹ Там же. Л. 637–638. Всеподданнейшая реляция Ф. М. Воейкова Екатерине II, 27 марта 1769 г., Киев.

изначальному плану, Каразин должен был прибыть к Днестру в пределах Галицкого повета Русского воеводства, выше по течению крепости Каменец-Подольский. У самой границы по Днестру в районе Хотина и Каменца действовали конфедераты и турецко-татарские разъезды, так что Каразин заранее решил объехать беспокойные места значительно севернее, дорогой через местечко Летичев, далеко в тылу 1-й армии. Затем он намеревался переправиться через Днестр и дальше двигаться через польское Покутье к Карпатским горам. У последнего форпоста русских войск Каразин должен был переодеться в иноческое облачение. Идти дальше ему предстояло пешком по малонаселенной лесистой и гористой местности.

Промежуточной целью путешествия подполковника Каразина был Великий Скит – знаменитый православный Манявский Крестовоздвиженский мужской монастырь в предгорьях Карпат, в 40 км к юго-западу от Станиславова (совр. Ивано-Франковск). По основному плану, местное монастырское начальство должно было помочь ему связаться с монастырем в городе Сучава на севере Молдавии и заручиться поддержкой тамошнего настоятеля, чтобы он мог получить проводников для дальнейшего движения на юг, к Бухаресту³².

Из рапорта Каразина на имя главнокомандующего 1-й армией А. М. Голицына из Сучавы от 6 апреля 1769 г. мы знаем, что он достиг этого города 4 апреля и уже 6-го числа двинулся в дальнейший путь³³. Более поздних его донесений о своем путешествии у нас нет. Достоверно известно лишь одно: преодолев все трудности и опасности, Симеон Путник сумел прибыть в пункт назначения. Ценное свидетельство об этом есть в фамильной истории Михая Кантакузино, который пишет: «Как раз в то время, когда турки непрерывно шли через Бухарест, Каразин, имя которого было Назарий, одетый в монашеские одежды и в камилавке (рум. *cu potcapiu*. – В. К.), пришел через горы, пеший, и, зайдя в монастырь Арджеша, прибыл с арджешским игуменом в Бухарест и, встретившись с Пырву Кантакузино, который тогда был Великим Спэтаром*, как я рассказал выше, передал ему письмо, которое принес

³² Там же.

³³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1845. Л. 336–337. Рапорт Н. А. Каразина А. М. Голицыну, 6 апреля 1769 г., Сучава.

* Великий спэтар (рум. *mare spătar*), от греческого «спафарис» (*σπαθάριος*), буквально – «меченосец». В средневековых Дунайских княжествах – высокий придворный боярский чин. В обязанности спэтара входило ношение меча и буздугана (булавы) господаря на церемониях. Позднее великий спэтар был командующим конницы или главнокомандующим всеми вооруженными силами в отсутствие господаря.

от Ее Величества Императрицы Всероссийской (какое письмо сейчас находится у его брата Михая*)»³⁴.

Слова Михая Кантакузино о том, что Каразин пришел в монастырь Куртя-де-Арджеш «через горы» (рум. *prin munții*) позволяют предположить, что во время своего путешествия в Бухарест он пересек габсбургскую Трансильванию, дважды преодолев горные хребты Карпат. И самый важный ответ на этот вопрос мы находим в челобитной Каразина на имя императрицы от 15 апреля 1770 г. Он писал: «<...> понесенными во исполнении предупомянутой секретной каммиссии трудами, которые я принужден был нести для скрытия себя не токмо от турков, но и от всех людей, чтоб не был опознан, идучи пеш пустынею венгерскими горами к Букурешту и обратно к армии до трех тысяч верст, отчего крайне ногами изувечился»³⁵.

Из ответного письма Пырву Кантакузино на имя императрицы, подписанного 19 мая 1769 г. в Бухаресте, известна точная дата прибытия к нему Каразина – 7 мая³⁶. То есть, выехав из Киева 14 марта, тайный эмиссар Екатерины II проделал весь путь оттуда до столицы Валахии за 55 дней, а со дня отбытия из Сучавы – ровно за месяц, и скорость этого путешествия представляется поразительной. А отправившись с ответным посланием в обратный путь из Бухареста 19 мая, Каразин прибыл в главную квартиру командующего 1-й армией князя А. М. Голицына 2 июня 1769 г.³⁷ Это подтверждает и всеподданнейшая реляция Голицына от 6 июня³⁸. Основные силы русской 1-й армии в то время продолжали свою длительную стоянку в лагере при селе Деражня близ Меджибожа, более чем в 100 км к северо-западу от Хотина. Таким образом, Каразин опять побил все рекорды скорости, снова двигаясь пешком и в прежнем обличье.

Конечно, «три тысячи верст» пешего странствия, о чем Каразин написал в своей челобитной, представляют некоторое преувеличение. Если считать, что его пеший поход начался примерно от Галича на Днестре, то протяженность маршрута оттуда в Манявский монастырь, в Сучаву,

* То есть у автора «Генеалогии Кантакузинов».

³⁴ Genealogia Cantacuzinilor... P. 157.

³⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1868. Л. 126–128 об. Челобитная подполковника Н. А. Каразина императрице Екатерине II [15 апреля 1770 г.], б. м. [Летичев].

³⁶ Pîrvu Cantacuzino – către Împărăteasa Ecaterina II. 19 Mai 1769 // Genealogia Cantacuzinilor... P. 425–427.

³⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1868. Л. 126–128 об. Челобитная Н. А. Каразина.

³⁸ Там же. Л. 423. Всеподданнейшая реляция А. М. Голицына Екатерине II (№ 51), 6 июня 1769 г., лагерь при Деражне.

потом через Лесистые Карпаты по ущелью Быргэу к городу Быстрица и далее на юг, через Трансильванские Альпы, в монастырь Куртяде-Арджеш и затем в Бухарест должна была составить не менее 800 км. И практически такой же (750–800 км) была протяженность его обратного пути из Бухареста до лагеря русской армии близ села Деражня (сейчас – одноименный город в Хмельницкой области Украины, примерно в 110 км к северо-востоку от Хотина). Но в общей сложности за время своих скитаний в 1768–1769 гг., которые он предпринял сначала как частное лицо и позднее как тайный эмиссар императрицы, Каразин преодолел, по нашим самым приблизительным подсчетам, более 4000 верст, и это еще до того, как он вступил в командование конной партией и вновь двинулся к Дунаю.

Благодаря Каразину была установлена связь между Пырву Кантакузино и русским командованием. В июле Голицын отправил в Бухарест первое письмо к великому спэтару Валахии. Но для нас гораздо важнее второе послание Голицына к нему от 10 сентября 1769 г. из лагеря под оставленным турками Хотинном. В нем русский командующий сообщал тайному союзнику России об одержанных победах над турками и татарами и призывал, в соответствии с прежними договоренностями, к началу антиосманского восстания. Особое значение имеет заключительная фраза этого письма: «<...> посылаю с сим для имоверности и для лучшаго на словах объяснения господина подполковника Каразина, да чрез него ж желаемаго вашего обо всем ответа ожидая, имею честь быть с совершенным высокопочитанием <...>»³⁹.

Итак, 10 сентября 1769 г. Каразин вновь отправился к границам Валахии, на сей раз уже не в одиночку и не в облачении монаха, а во главе конного отряда арнаутов – иррегулярного формирования из перешедших на сторону русской армии солдат-наемников, ранее служивших в гвардии молдавского господаря. С конца сентября 1769 г. Каразин со своим отрядом находился в городке Фокшаны, на границе между Молдавией и Валахией, на большом удалении от главных сил русской армии и даже от остальных войск Молдавского корпуса. Круг его занятий в эти недели был обширен, сложен и разнообразен и выходил далеко за рамки обязанностей обычного армейского штаб-офицера. Занимая форпост в Фокшанах, Каразин распространял воззвания русского командования к местному населению и осуществлял набор добровольцев под знамена

³⁹ Там же. Ед. хр. 1845. Л. 584–584 об. Письмо А. М. Голицына П. Кантакузино, 10 сентября 1769 г., лагерь под Хотинном. Текст этого письма, переведенный на греческий и с него – на румынский, опубликован в: Genealogia Cantacuzinilor... P. 433–434.

своего отряда, причем старался придать им максимально стройную организацию по гусарскому штату; поддерживал тайную переписку с Пырву Кантакузино в Бухаресте, занимался административными вопросами (в частности, сбором налогов с населения Молдавии), собирал разведывательную информацию о противнике на придунайском театре и вел постоянную «малую войну» с турками из крепости Браилов и прилежащей к ней райи (крепостной округи с многочисленным мусульманским населением)⁴⁰.

Некоторые свои донесения Каразин адресовал напрямую новому главнокомандующему 1-й армией П. А. Румянцеву, и тот лично писал ему ответные письма и подписывался «покорным слугою» (главнокомандующий генерал-аншеф – подполковнику!)⁴¹. Фактически Каразин получил уникальный статус в системе служебной иерархии, и это вызвало трения с его непосредственными начальниками. По этому поводу в ордере новому командующему Молдавским корпусом генерал-поручику Х. Ф. фон Штофельну от 27 ноября 1769 г. Румянцев писал: «Дошло мне знать и видеть, что г[осподина] подполковника Каразина господа генерал майор князь Прозоровский и брегадир Ржевский в своих к нему ордерах упослеждают* столько, что реприманды их на письме немногим разнятся от формальной брани»⁴². В связи с этим Румянцев разъяснял, что «помянутый подполковник Каразин по особливому высочайшему и секретному Ея Императорскаго Величества повелению находится в Мунтянском княжестве, употребляемым будучи к одной весьма важной коммисии»⁴³, и поэтому имеет право непосредственно сноситься с командованием армии.

В начале ноября 1769 г. Каразин со своими людьми присоединился к немногочисленному русскому отряду подполковника Ф. И. Фабрициана и поддержал его в наступлении на Галац – главный порт Молдавии на Дунае, важный опорный пункт турок. 5 ноября объединенный доташамент Фабрициана и Каразина наголову разбил превосходящие османские силы в бою под Галацем, овладел этим городом и взял богатые

⁴⁰ Об этом см., например: РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1866. Л. 54–54 об. Ордер П. А. Румянцева Н. А. Каразину, 20 октября 1769 г. (по журналу исходящих бумаг П. А. Румянцева), с. Тинне.

⁴¹ Там же. Л. 95–96. Ордер П. А. Румянцева Н. А. Каразину, 27 ноября 1769 г. (по журналу исходящих бумаг), Летичев.

* Упослеждать (полонизм) – унижать, обижать, ставить на низкое место.

⁴² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1866. Л. 94 об. – 95. П. А. Румянцев – Х. Ф. фон Штофельну, 27 ноября 1769 г. (по журналу исходящих бумаг), Летичев.

⁴³ Там же.

трофеи; в плен к русским попал ушедший с турками молдавский господарь Константин Маврокордат⁴⁴.

Одновременно с этим решающие события происходили и в столице Валахии. Перед самым началом движения на Галац Каразин получил от своих информаторов известия о том, что над участниками пророссийского заговора в Бухаресте нависла угроза разоблачения и уничтожения, имелись данные о подготовке турками наступления с бухарестского направления. Тогда Каразин решил действовать на упреждение и направил в столицу Валахии половину своих немногочисленных сил. В этом отряде не было регулярных русских войск, он состоял из пары десятков казаков и около 500 арнаутов и местных повстанцев во главе с двумя архимандритами – кир Дамаскином и Софронием из Чоары. Однако основная ставка делалась на психологический эффект от предполагаемого прихода русских, которых, по воспоминаниям современников, напряженно ожидало население Бухареста. Посланный Каразиным отряд атаковал столицу ночью (насчет точной даты есть разночтения, по некоторым данным, это было 5 ноября 1769 г.), и одновременно с этим в самом городе великий спэтар Пырву Кантакузино начал восстание, которое было поддержано местными жителями. Турецкий гарнизон, почти не оказав сопротивления, бежал к Дунаю. Господарь Валахии Григорий III Гика сдался пророссийской партии Кантакузинов и был направлен к Каразину в Фокшаны, а оттуда – в русскую главную квартиру и далее в Петербург в качестве почетного пленника⁴⁵.

Сразу после победы русских войск под Галацем Каразин получил от Пырву Кантакузино просьбу как можно скорее прислать в Бухарест подкрепление, чтобы помочь преодолеть анархию и обеспечить защиту столицы Валахии от возмездия со стороны турок. В этих условиях, не имея ни приказаний начальства, ни времени их дожидаться, Каразин на свой страх и риск принял решение двигаться к Бухаресту с отрядом иррегулярной легкой кавалерии, не располагая ни регулярной пехотой, ни артиллерией. В своем рапорте П. А. Румянцеву от 10 ноября 1769 г. из Фокшан он писал: «Весьма нужен в командовании и

⁴⁴ Там же. Ед. хр. 1822. Л. 37–39. Рапорт Х. Ф. фон Штофельна П. А. Румянцеву, 11 ноября 1769 г., Ботошаны; Там же. Ед. хр. 1847. Л. 103–104. Всеподданнейшая реляция П. А. Румянцева Екатерине II, 15 ноября 1769 г., Летичев; Журнал военных действий армий Ее Императорского Величества 1769 года. СПб.: Государственная Военная коллегия, [1770]. С. 119–120; Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М.: Редакция альманаха «Российский Архив», 2003. С. 324–327.

⁴⁵ Подробное описание этих событий см.: Genealogia Cantacuzinilor... P. 171–178; [Dumitrache]. Istoria evenimentelorū din Orientū... P. 370–372; [Dionisie Eclesiarhulū]. Chronografulū Ţierei Rumānesci. P. 164.

учреждении порядка российской командир, и [Пырву Кантакузино] просит меня, что ежели я сам как наскорейше не поспешу в том случае помощь подать, то дабы чрез непослушание и непорядок того военного народа не могло бы то щесливо начатое дело обратитца в погубление всего того края, в разсуждении той его Кантакузина прозбы <...> и чтобы я иногда за упущение ответственность не мог, принужденным найдусь до получения резолюции сам с небольшою командою туда поспешить»⁴⁶. Каразин ощущал свою персональную ответственность за оказание помощи восставшему Бухаресту и, даже не имея приказа, устремился туда, по его словам, «чтобы я в противном случае за погубление от неприятеля сих народов не ответственность бы пред Богом и пред моею Государынею»⁴⁷. Н. А. Каразин со своими людьми поспешил в Бухарест и стал первым из военачальников русской армии, когда-либо вступавших в этот город.

Решительные действия и заслуги Каразина получили одобрение и признание начальства, и о них было доложено императрице. Согласно камер-фурьерскому журналу, вечером 8 декабря 1769 г. Екатерина II в Бриллиантовой комнате Зимнего дворца «с кавалерами соизволила забавляться в карты». И «в то ж самое время прибыли из заграничной Ея Императорского Величества армии два курьера, первый гвардии подпоручик господин Хотяинцов, да от армии офицер господин Сиверс, с рапортами от главнокомандующего первою армиею, генерал-аншефа графа Румянцова, что подполковник Каразин с порученными арнаутами, приблизясь к столичному городу Княжества Волосского Бухаресту, выгнал из оногo турецкое войско и взял при сем случае в полон Волосского Господаря Князя Григорья Гико с братом его, с сыном и всеми придворными; да при том курьер Хотяинцов представил Ея Величеству посланные с ним знаки победы, то есть: три знамя, несколько сабель, кинжалов и знатное ружье, а от себя поднес Ея Величеству продукта молдавского яблоки, что Ея Величество соизволила принять с знаком Высочайшия Своея милости и благоволения»⁴⁸.

После изгнания турок из Бухареста отряд Каразина играл главную роль в обороне столицы Валахии, так как подкрепления от Молдавского корпуса русской армии прибывали медленно и в крайне незначительных

⁴⁶ Российский государственный архив древних актов. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 5356. Л. 1–1 об. Рапорт Н. А. Каразина П. А. Румянцеву, 10 ноября 1769 г., Фокшаны.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Журнал камер-фурьерский, 1769 года. Церемониальный, банкетный и походный журнал 1769 года. [СПб.]: б. и., б. г. С. 248–249.

силах. В начале декабря 1769 г. турки перешли в контрнаступление на Бухарест от придунайской крепости Журжа. Подполковник Каразин со своим отрядом занял оборону в старинном монастыре Комана в 30 км к югу от Бухареста и в 20 км от Дуная и в течение нескольких дней отражал там упорные атаки турок. «После прибытия моего туда чрез три недели, когда неприятель в множественном числе собравшись, коего было более шести тысяч, усиливался ворваться в Букурешт, которым я в одном монастыре так сильно был атакован, что многократно пушками проламавши стену, приходили брать штурмом, но я, будучи в оном с одними толко волонтирами, чрез трое суток защищаючись, немалое число неприятеля побил, и так с той осаду шестаго дня без далного урону संबодился»⁴⁹.

Но самые драматичные события развернулись не на стенах монастыря Комана, а поблизости от него. Получив известие о наступлении турок и о тяжелом положении отряда Каразина, на помощь ему из Бухареста выдвинулся егерский отряд секунд-майора Анрепа численностью около 150 человек с двумя пушками. По свидетельству очевидца, решающую роль в этом роковом решении сыграл великий спэтар Пырву Кантакузино, который настоял на походе на выручку Каразина и сам принял в нем участие со своими людьми. 14 декабря 1769 г. на подходе к монастырю Комана русско-валашский отряд столкнулся с намного превосходящими силами турок и в кровопролитном бою был истреблен почти полностью. Там пали оба командира, Пырву Кантакузино и майор Анреп. Однако ожесточенное сопротивление их отряда и стойкая оборона Каразина в монастыре вынудили турок отступить обратно к Журже⁵⁰.

Месяц спустя, в январе 1770 г., турки вместе с назначенным ими новым господарем Валахии Маноле Джани Русетом предприняли очередное наступление на столицу княжества, теперь с запада, со стороны Ольтении. 13–14 января происходили бои на подступах к Бухаресту, в самых предместьях⁵¹. Отряд Каразина принял участие в боях, на сей раз в конном строю, а сам его командир лично участвовал в схватках, где в опасной для жизни ситуации получил серьезную травму, фактически – очередное

⁴⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1868. Л. 126–128 об. Челобитная Н. А. Каразина.

⁵⁰ О боевых действиях при монастыре Комана подробнее см.: Там же. Л. 41–41 об. Рапорт секунд-майора Н. Писарева генерал-майору А. Г. Замятинину, 9 января 1769 г., б. м.; Журнал военных действий армий Ее Императорского Величества 1770 года. СПб., [1771]. С. 13; *Genealogia Cantacuzinilor...* P. 178–179.

⁵¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1868. Л. 26–28. Всеподданнейшая реляция П. А. Румянцева Екатерине II (№ 5), 24 января 1770 г., Летичев; Журнал военных действий армий Ее Императорского Величества 1770 года. С. 10.

боевое ранение: «<...> при котором сражении чрез усердствующие свои поступки получил переломанием себе ребра, упавши между турками с лошадью, крайне увечье»⁵².

А в начале февраля 1770 г. к Бухаресту подошли наконец основные силы Молдавского корпуса генерал-поручика Х. Ф. фон Штофельна, которые выступили к Журже, разбили турок в сражении близ этой крепости, овладели пригородным ретраншаментом и большей частью города (за исключением замка на дунайском острове). Назар Каразин со своим конным отрядом арнаутов участвовал в боевых действиях под Журжей и затем в преследовании турок вверх по Дунаю и в тотальном опустошении придунайских деревень, что было характерной отличительной чертой той кампании⁵³.

Действия под Журжей в феврале стали заключительной страницей военной биографии Назара Каразина. Уже 15 апреля 1770 г. при всеподданнейшей реляции П. А. Румянцева была направлена челобитная Каразина с просьбой об отставке. В документе Назар Александрович кратко перечислял свои заслуги и просил в качестве награды пожаловать ему «для пропитания» село в землях Ахтырского слободского полка в потомственное владение. Главной причиной прошения об отставке Каразин называл состояние своего здоровья: «<...> и за другими понесенными мною в продолжение службы ранами и увечьями более преодолеть слабость своего здравия не могу»⁵⁴. Императрица была хорошо осведомлена о заслугах и достижениях Каразина и весьма благосклонно отнеслась к его челобитной. Высочайшим указом от 25 мая 1770 г. он был уволен со службы с производством в чин полковника⁵⁵, а по указу от 19 ноября 1770 г. Каразину были пожалованы в вечное и потомственное владение село Кручик и деревня Основинцы из описных дворцовых вотчин Ахтырской провинции Слободско-Украинской губернии. В селе Кручик числилось 244 души, в Основинцах – 187 душ крестьян⁵⁶.

В этой статье мы дали лишь краткий очерк деятельности подполковника Назара Каразина накануне и в годы русско-турецкой войны.

⁵² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 1868. Л. 126–128об. Челобитная Н.А. Каразина.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Высочайший рескрипт Екатерины II от 31 декабря 1770 г. // Оpubл.: Тихий Н. [И.]. В. Н. Каразин. Его жизнь и общественная деятельность. Киев: Типография Императорского университета св. Владимира, 1905 (оттиск из журнала «Киевская старина»). С. 7.

⁵⁶ Багалея Д. И. Заметки и материалы по истории Харьковского университета. Новые данные для биографии В. Н. Каразина. Харьков: б. и., 1905 (оттиск из «Записок Императорского Харьковского университета»). С. 2.

Имеющиеся источники позволяют составить гораздо более подробное, изобилующее красочными деталями описание его приключений в качестве тайного эmissара и партизанского командира и вписать их в общий контекст военных и политических событий в Дунайских княжествах в 1768–1770 гг.

Реальные факты деятельности Каразина опровергают смутные и фантастические предания его потомков. Все действия Каразина в 1769–1770 гг. были ограничены пространством к северу от Дуная. Получаемые им от командования задания никак не были связаны с Румелией, и данные о географии и хронологии приключений Каразина в военное время безусловно доказывают, что он даже не появлялся на южном берегу Дуная и уж тем более не занимался никакими съёмками планов укреплений близ Адрианополя (к тому же даже не будучи военным инженером). Впрочем, его подлинные заслуги и свершения намного превосходят любые домыслы историков на эту тему.

Деятельность Каразина имела во многих отношениях уникальный характер. Вначале он благодаря стечению обстоятельств и своей личной предприимчивости по собственной инициативе добился поручения ответственной тайной политической миссии от высшего руководства Российской империи. Затем весной 1769 г. он совершил беспрецедентное пешее путешествие в обличье монаха через Карпатские горы и установил связь между пророссийской партией Валахии и командованием русской 1-й армии.

В сентябре 1769 г. подполковник Каразин получил новое задание и действовал уже как командир самостоятельного партизанского отряда, в отрыве от основных сил армии. На своем форпосте в Фокшанах он сыграл решающую роль в начале антитурецкого восстания в северо-восточных жудецах (уездах) Валахии в октябре 1769 г. Благодаря Каразину была одержана выдающаяся победа в сражении при Галаце 5 ноября 1769 г., и по его же прямому распоряжению действовал отряд, освободивший от турок Бухарест. А затем в тяжелых оборонительных боях в декабре 1769 – январе 1770 г. он со своими арнаутами и местными волонтерами оказал важную помощь в защите столицы Валахии от контрнаступления турок. Таким образом, Каразин был одинаково успешен и результативен и в качестве тайного эmissара с разведывательно-политическим заданием, и в роли руководителя отдельного партизанского отряда, организатора повстанческой борьбы, и как командир легкой конницы, сражавшийся в рядах русской армии.

С одной стороны, деятельность Каразина представляет собой яркий пример торжества смелой, почти авантюрной инициативы отдельной личности, достигнутого не в последнюю очередь вследствие его индивидуальных качеств и редкого везения. Одновременно с успехом миссии Каразина в княжестве Валахия потерпели полную неудачу аналогичные попытки России поднять антитурецкие восстания греков Морей и черногорцев. Поэтому случай подполковника Каразина отнюдь не позволяет утверждать, что Российская империя в ходе первой екатерининской войны с Турцией смогла найти универсальный рецепт военно-политического взаимодействия с христианскими народами Дунайско-Балканского региона. Однако опыт Каразина (как и его менее удачливых коллег в Черногории и Греции) давал богатый материал для изучения, анализа и последующего использования в дальнейшей борьбе с Османской империей.

В истории подполковника Н. А. Каразина проявились не только его неординарные индивидуальные качества и фактор личного везения, но и более общие черты, в целом характерные для государственного механизма Российской империи той эпохи – готовность высших сановников империи (П. А. Румянцева и Н. И. Панина) персонально поддерживать смелую частную инициативу, внимательное и заинтересованное отношение к ней самой императрицы Екатерины II, быстрое и эффективное взаимодействие разных органов власти – государственной, военной и церковной – в подготовке и обеспечении тайной миссии, наконец, способность руководства по достоинству поощрять отличившихся и вознаграждать их за заслуги. Яркая и незаурядная фигура Назара Каразина – этнического болгарина, русского офицера, освободителя и защитника Бухареста, а позднее и харьковского помещика – должна по праву принадлежать исторической памяти России, Украины, Болгарии и Румынии и служить целям взаимного сближения этих стран и их народов.

Литература

- Василий Каразин. Живот и дейност. (По случай 200 години от основаването на Харьковския национален университет «В. Н. Каразин») / съст. М. Г. Станчев и др. София: Академично издателство «Марин Дринов», 2005.
- Дойнов С. К. Българите и руско-турските войни 1774–1856. София: Държавно издателство «Народна просвета», 1987.
- Медведева О. В. Балканы в годы войны: поиски путей освобождения. Болгары // Век Екатерины II. Дела балканские / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Наука, 2000. С. 147–151.

- Медведева О. В.* Участие болгар в русско-турецких войнах // Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII веке / отв. ред. И. И. Лещиловская. М.: Наука, 2003. С. 236–245.
- Мохов Н. А.* Дружба ковалась веками. (Молдавско-русско-украинские связи с древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев: Штиинца, 1980.
- Семёнова И. В.* Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в. // Балканский исторический сборник / редкол. В. Я. Гросул и др. Кишинев: Редакционно-издательский отдел Академии наук Молдавской ССР, 1970. Т. 2. С. 319–351.
- Семёнова Л. Е.* Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории). М.: Индрик, 2006.
- Синица В. И.* План Кантакузина и миссия Каразина (из истории освободительного движения в Дунайских княжествах и русско-балканских связей) // Вопросы истории. Межведомственный сборник / под ред. А. А. Василевского и В. М. Фомина. Минск: Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1978. Вып. 5. С. 113–122.
- Станчев М., Вовк О., Красько Н.* Назар Александрович Каразин в свете новых документов // *Revista de etnologie și culturologie*. 2018. Vol. 24. P. 103–110.
- Станчев М., Вовк О., Красько Н.* Назар Александрович Каразин в светлината на новите документи // Списание на Българската академия на науките. 2019. № 5. С. 3–8.
- Bezviconi G. G.* Contribuții la istoria relațiilor romîno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea). București: Academia Republicii Populare Romîne, Institutul de studii Romîno-Sovietic, 1962.
- Giurescu C. C.* Istoria Bucureștilor: Din cele mai vechi timpuri pînă în zilele noastre. București: Editura pentru literatură, 1966.
- Iorga N.* Istoria armatei românești. București: Tipografia “Cultura neamului românesc”, 1919. Vol. 2: De la 1599 pînă în zilele noastre.
- Matei M. D.* Despre poziția claselor sociale din Moldova și Țara Românească față de războiul ruso-turc din 1768–1774 // *Studii. Revista de istorie și filosofie*. 1953. Anul 6. Vol. 3. P. 53–77.
- Siruni H. D.* O năvălire necunoscută a bandelor turcești în Țările Române. După documente turcești din Arhivele Statului // *Revista Arhivelor*. 1940. № 1. P. 6–68.
- Taki V.* Limits of Protection: Russia and the Orthodox Coreligionists in the Ottoman Empire // *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 2015. № 2401. P. 1–79. <https://doi.org/10.5195/cbp.2015.201>.
- Vianu S.* Din lupta poporului român pentru scutirea jugului otoman și cucerirea independenței // *Studii. Revista de istorie și filosofie*. 1953. Anul 6. Vol. 2. P. 65–95.

References

- Bezviconi, G.G., 1962. *Contribuții la istoria relațiilor romîno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea)*. București: Academia Republicii Populare Romîne, Institutul de studii Romîno-Sovietic.

- Doinov, S. K., 1987. Bulgarite i rusko-turskite voini 1774–1856 [Bulgarians and Russian-Turkish wars of 1774–1856]. Sofia: Durzhavno izdatelstvo “Narodna prosveta”. (in Bulg.)
- Giurescu, C. C., 1966. *Istoria Bucureștilor: Din cele mai vechi timpuri pînă în zilele noastre*. Bucharest: Editura pentru literatură.
- Iorga, N., 1919. *Istoria armatei românești*. București: Tipografia “Cultura neamului românesc”. Vol. 2: *De la 1599 pînă în zilele noastre*, pp. 194–196.
- Matei, M. D., 1953. Despre poziția claselor sociale din Moldova și Țara Românească față de războiul ruso-turc din 1768–1774. *Studii. Revista de istorie și filosofie*, 6 (3), pp. 53–77.
- Medvedeva, O. V., 2000. Balkany v gody voyny: poiski putei osvobozhdeniia. Bolgary [The Balkans during the War: Search for Ways of Liberation. Bulgarians]. In: Vinogradov, V. N., ed., 2000. *Vek Ekateriny II. Dela balkanskie* [Age of Catherine II. Balkan affairs]. Moscow: Nauka, pp. 147–151. (in Rus.)
- Medvedeva, O. V., 2003. Uchastie bolgar v russko-turetskikh voynakh [Participation of Bulgarians in the Russian-Turkish wars]. In: Leshchilovskaia, I. I., ed., 2003. *Slavianskie narody Iugo-Vostochnoi Evropy i Rossiia v XVIII veke* [Slavic peoples of South-Eastern Europe and Russia in the eighteenth century]. Moscow: Nauka, pp. 236–245. (in Rus.)
- Mokhov, N. A., 1980. *Druzhiba kovalas' vekami. (Moldavsko-russko-ukrainskie sviazi s drevneishikh vremen do nachala XIX v.)* [Friendship has been forged for centuries. (Moldovan-Russian-Ukrainian relations from ancient times to the beginning of the nineteenth century)]. Kishinev: Shtiintsa. (in Rus.)
- Semenova, I. V., 1970. Uchastie bolgar v russko-turetskikh voynakh XVIII v. [Participation of Bulgarians in the Russian-Turkish wars of the eighteenth century]. In: Grosul, V. Ia., et al., eds., 1970. *Balkanskii istoricheskii sbornik* [Balkan Historical Collection]. Kishinev: Redaktsionno-izdatel'skii otdel Akademii nauk Moldavskoi SSR. Vol. 2, pp. 319–351. (in Rus.)
- Semenova, L. E., 2006. *Kniazhestva Valakhii i Moldaviia. Konets XIV – nachalo XIX v. (Ocherki vneshnepoliticheskoi istorii)* [Principalities of Wallachia and Moldavia. Late fourteenth – early nineteenth century (Essays on Foreign Policy History)]. Moscow: Indrik. (in Rus.)
- Sinitsa, V. I., 1978. Plan Kantakuzina i missiia Karazina (iz istorii osvoboditel'nogo dvizheniia v Dunaiskikh kniazhestvakh i russko-balkanskikh sviazei) [Kantakuzin's plan and Karazin's mission (from the history of the liberation movement in the Danube principalities and Russian-Balkan relations)]. In: Fomin, V. M., et al., eds., 1978. *Voprosy istorii. Mezhdvdomstvennyi sbornik* [Questions of history. Interdepartmental collection]. Minsk: Izdatel'stvo BGU im. V. I. Lenina, issue 5, pp. 113–122. (in Rus.)
- Siruni, H. D., 1940. O năvălire necunoscută a bandelor turcești în Țările Române. După documente turcești din Arhivele Statului. *Revista Arhivelor*, 1, pp. 6–68.
- Stanchev M., Vovk O., Kras'ko, N., 2018. Nazar Aleksandrovich Karazin v svete novykh dokumentov [Nazar Aleksandrovich Karazin in the light of new documents]. *Revista de etnologie și culturologie*, 24, pp. 103–110. (in Rus.)

- Stanchev, M., Vovk, O., Kras'ko, N., 2019. Nazar Aleksandrovich Karazin v svetlinata na novite dokumenti [Nazar Aleksandrovich Karazin in the light of new documents]. *Spisanie na Bulgarskata Akademiia na naukite*, 5, pp. 3–8. (in Bulg.)
- Stanchev, M. G., et al., eds., 2005. *Vasilii Karazin. Zhivot i deinost. (Po sluchai 200 godini ot osnovavaneto na Kharkovskii natsionalen universitet «V. N. Karazin»)* [Vasily Karazin. Life and activity. (On the occasion of 200 years since the founding of Kharkiv National University “V. N. Karazin”)]. Sofia: Akademichno izdatelstvo “Marin Drinov”. (in Bulg.)
- Taki, V., 2015. Limits of Protection: Russia and the Orthodox Coreligionists in the Ottoman Empire. *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*, 2401, pp. 1–79. <https://doi.org/10.5195/cbp.2015.201>.
- Vianu, S., 1953. Din lupta poporului român pentru scutirea jugului otoman și cucerirea independenței. *Studii. Revista de istorie și filosofie*, 6 (2), pp. 65–95.

МОСКВА В РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ НАУЧНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Ольга Сергеевна Каштанова

кандидат исторических наук, научный
сотрудник, Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334 Россия
Электронный адрес: kashtanova-o@mail.ru

Аннотация

Проблема российско-польских научных и литературных контактов, начавших принимать систематический характер после разделов Речи Посполитой и в связи с образованием в составе Российской империи автономного Царства Польского, традиционно привлекала к себе внимание как российских, так и польских историков. В этом отношении большой интерес представляет период конца XVIII – первой половины XIX в., который в свою очередь можно разделить на два этапа: до восстания 1830–1831 гг. (Ноябрьского восстания), когда в западных губерниях Российской империи и Царстве Польском существовала автономная система польского образования, и после восстания, когда университеты и многие научные общества на этих территориях были закрыты и начался процесс интеграции польского образования в общероссийскую систему. Помимо Петербурга, который занимал ведущее место в контактах между представителями российской и польской науки и культуры, значительную роль в их поддержании играла также Москва, где существовала вторая по численности после Петербурга польская колония. До восстания 1830 г. эти контакты принимали форму личных связей между отдельными учеными и литераторами, в том числе членами научных обществ и редакций периодических изданий. После 1830 г. российско-польские научные связи в основном ограничивались сферой деятельности славянофилов. Однако в этот период Москва получила статус одного из образовательных центров для польской молодежи и стала одним из мест научной деятельности польских профессоров. Среди выпускников Московского университета были многие известные врачи, юристы, филологи, естествоиспытатели и другие представители польской интеллигенции. А преподававшие в нем польские ученые внесли вклад в развитие не только польской, но и российской науки.

Ключевые слова

Российская империя, Царство Польское, Москва, научные и литературные связи

Статья поступила в редакцию 11 марта 2021 г.

Цитирование: *Каштанова О.С.* Москва в российско-польских научных и культурных контактах в конце XVIII – первой половине XIX в. // *Славянский мир в третьем тысячелетии.* 2021. Т. 16. № 1–2. С. 135–153. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.07>

MOSCOW IN RUSSIAN-POLISH ACADEMIC AND CULTURAL CONTACTS FROM THE END OF THE EIGHTEENTH TO THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURIES

Olga S. Kashtanova

Ph.D, Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A, Moscow,
119334 Russia
E-mail: kashtanova-o@mail.ru

Abstract

The question of Russian-Polish academic and literary contacts, which began to take on a systematic character after the partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth and formation of the autonomous Kingdom of Poland within the Russian Empire, has traditionally drawn the attention of both Russian and Polish historians. In this regard, of great interest is the period from the late 18th to the first half of the 19th centuries, which, in turn, can be divided into two stages: before the uprising of 1830–1831 (November Uprising), when the western provinces of the Russian Empire, as well as the Polish Kingdom, enjoyed an autonomous system of Polish education; and after the uprising, when universities and many academic societies in these territories were closed and the process of integrating Polish education into the all-Russian system began. In addition to St. Petersburg, which occupied a leading place in building contacts between representatives of Russian and Polish science and culture, Moscow, which was the second largest Polish colony after St. Petersburg, also played a significant role in maintaining these contacts. Before the uprising of 1830, these contacts took the form of personal ties between individual scholars and writers, including members of academic societies and editorial offices of periodicals. After 1830, Russian-Polish academic relations were mainly limited to the sphere of activity of the Slavophiles. However, during this period, Moscow received its status as one of the educational centres for Polish youth, and it became one of the places of scientific activity of Polish professors. Among the graduates of Moscow University there were many famous doctors, lawyers, philologists, natural scientists, and other representatives of the Polish intelligentsia. The Polish scientists who taught there contributed to the development of not only Polish, but also Russian science.

Keywords

Russian Empire, Kingdom of Poland, Moscow, Russian-Polish academic and literary ties
Received 11 March 2021

How to cite: Kashtanova, O.S., 2021. Moskva v rossiisko-pol'skikh nauchnykh i kul'turnykh kontaktakh v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. [Moscow in Russian-Polish Academic and Cultural Contacts from the End of the Eighteenth to the First Half of the Nineteenth Centuries]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 135–153. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.07>

После разделов Речи Посполитой и вхождения части ее бывших земель в состав Российской империи связи между представителями польской и российской науки и культуры стали более интенсивными. В их становлении можно выделить два этапа. В первый период, с конца XVIII в. до 1830 г., то есть со времени последнего раздела Польши и до восстания 1830 г., в западных губерниях Российской империи и присоединенном к ней в 1815 г. Царстве Польском сохранялась автономная система польского образования, и российско-польские связи проявлялись в налаживании контактов между отдельными учеными, как личных, так и путем переписки, совместном участии в научных обществах, популяризации научных и литературных достижений друг друга посредством периодической печати.

В конце XVIII – начале XIX в. в Петербурге и Москве сложились довольно многочисленные польские колонии. Поляки сыграли важную роль в проведении в России реформы образования, при разработке которой был использован опыт польской Эдукационной комиссии, и стояли во главе двух учебных округов: А. Е. Чарторыский – Виленского в 1803–1823 гг., С. Потоцкий – Харьковского в 1803–1817 гг. Развитие научного сотрудничества между российскими и польскими учеными стимулировалось наметившимся в эти годы интересом (в духе общеславянского движения «возрождения») к изучению славянского прошлого, поиску исторических и культурных памятников, вопросам сравнительного славянского языкознания.

Наряду с петербургскими научными учреждениями связи с польскими учеными устанавливали и московские научные общества. В 1808 г. сотрудники Оружейной палаты, занимавшиеся сбором материалов по истории и культуре России, завязали контакты с Я. Потоцким, избранным в 1806 г. почетным членом российской Академии наук, и Т. Чацким. Я. Потоцкий, старший брат С. Потоцкого, известный писатель, ученый и путешественник, некоторое время жил в Петербурге. В 1802–1805 гг. здесь были изданы его научные сочинения, касавшиеся происхождения восточнославянских народов – «Начальная история народов России» (1802), а также труды по «древней истории» Херсонской, Подольской и Волынской губерний. Дополнением к ним служил «Археологический атлас европейской России» (1805). Т. Чацкий, бывший член Эдукационной комиссии, являлся автором работ о польских и литовских законах и происхождении казачества (1800–1801 гг.) и был основателем элитного учебного заведения – Волынской гимназии (преобразованной впоследствии в Кременецкий лицей). В 1808 г. Потоцкий получил

почетное членство Мастерской Оружейной палаты Кремля и Московского университета. Последнего отличия удостоился и имевший резиденцию в Петербурге митрополит могилевский и председатель Римско-католической духовной коллегии С. Богуш-Сестренцевич, написавший исследования по истории Крыма¹. Потоцкий и Чацкий вошли в состав образованного при университете Общества истории и древностей российских. В 1811 г. оно распорядилось напечатать свой статут наряду с русским и на польском языке². В октябре 1827 г. членом Общества был избран знаменитый польский историк И. Лелевель³, известный в России работами, посвященными истории Литвы, польскому хронисту Винцентию Кадлубеку, а также обширной рецензией на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина⁴. Труды Лелевеля обратили на себя внимание членов Общества, преподававших в Московском университете: ученых-историков И. М. Снегирева и М. П. Погодина; последний завязал с ним непосредственную переписку⁵.

Интерес к российско-польским культурным связям проявило и возникшее в 1811 г. в Москве Общество любителей российской словесности. Его первые конкурсные задания в июле 1812 г. касались изучения древней поэзии северных народов, в том числе и польской, а также влияния иностранных языков, в первую очередь польского, на развитие и изменение русского языка. Общество следило за научными достижениями польских филологов и в 1818 г. приобрело шеститомный «Словарь польского языка» известного варшавского лексикографа С. Б. Линде, вышедший в 1807–1814 гг. в Варшаве⁶. Ученый пропагандировал идею

¹ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1815. СПб.: Имп. Академия наук, [б. г.]. Ч. 1. С. 137, 397; *Osiński A.* O życiu i pismach Tadeusza Czackiego. Krzemieniec: [s. n.], 1816. S. 203–204, 392–394; *Żółtowska M. E.* Potocki Jan // *Polski słownik biograficzny* / red. E. Rostworowski. Wrocław; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1984. T. 28/1. S. 38; *Woloszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1974. S. 64, 288.

² *Woloszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 64.

³ Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете. 1828. Ч. 4. Кн. 2. С. 51.

⁴ *Лелевель И.* Рассмотрение «Истории государства Российского» г. Карамзина // Северный архив. 1822. № 23. С. 402–434; 1823. № 19. С. 52–80; № 20. С. 147–160; № 22. С. 287–297; 1824. № 1. С. 41–57; № 2. С. 91–103; № 3. С. 163–172; № 15. С. 132–143; № 16. С. 187–195; № 19. С. 47–53.

⁵ *Lelewel J.* Dzieła / oprac. H. Więckowska. Warszawa, 1957. T. 1. S. 142–145. Ср.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1889. Т. 2. С. 185–186; *Woloszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 337–338.

⁶ Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете. 1812. Ч. 4. С. 202–203; 1818. Ч. 12. С. 68–69.

составления сравнительного словаря славянских языков, который, по его мнению, мог послужить в будущем основой для создания – с опорой на польский язык – единого общеславянского литературного языка⁷.

Научные контакты с профессорами и выпускниками Виленского университета, Обществом друзей наук в Варшаве и краковскими учеными поддерживал Н. П. Румянцев и связанные с ним в Москве К. Ф. Калайдович и П. М. Строев. Бывший канцлер переписывался с С. Б. Линде, славистом и богословом М. Бобровским, видными историками Е. С. Бандтке и И. Лелевелем, был лично знаком с И. З. Онацевичем, И. Даниловичем и З. Доленга-Ходаковским. Однако прокламируемые Румянцевым планы по изданию «Вольнской летописи» и договоров Речи Посполитой с другими державами (которые не успел опубликовать М. Догель) в сотрудничестве с Виленским университетом и варшавским Обществом друзей наук не были реализованы⁸.

В деле популяризации достижений польской науки и литературы большую роль сыграли издаваемые в Москве журналы «Вестник Европы» и «Московский телеграф». Издатель «Вестника» историк М. Т. Каченовский познакомился с польской культурой, когда служил квартирмейстером Ярославского полка, дислоцированного в 1800 г. в Виленской губернии. После выхода в отставку с 1805 г. он стал преподавать в московской университетской гимназии, затем с 1808 г. – в университете. В 1804 г. после ухода Н. М. Карамзина Каченовский возглавил редакцию журнала. В 1-м номере «Вестника Европы» за 1805 г. было опубликовано письмо в редакцию, автор которого (возможно, сам Каченовский) призывал к широкому ознакомлению российского читателя с польской культурой. По его мнению, русским было бы полезно изучить польский язык и литературу, поскольку многие ее произведения не уступают французской и немецкой⁹.

В журнале печатались переводы работ по филологии видных польских ученых Е. С. Бандтке¹⁰ и Я. Снядецкого¹¹; статей Снядецкого по философии, в которых отстаивались завоевания европейского Просвещения¹².

⁷ Францев В. А. Проект польско-славянского ученого общества С. Б. Линде. Варшава: Типография Варшавского университета, 1911. С. 5–14.

⁸ *Włoszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 146, 304–306, 342, 376–380.

⁹ Письмо к издателю // Вестник Европы (далее – ВЕ). 1805. № 1. С. 7–9; *Włoszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 160–161.

¹⁰ [Бандтке Е. С.] Замечания о языках богемском, польском и нынешнем российском // ВЕ. 1815. № 21. С. 23–25, № 22. С. 118–124.

¹¹ [Снядецкий Я.] О польском языке // ВЕ. 1815. № 15. С. 175–205.

¹² [Снядецкий Я.] О философии // ВЕ. 1819. № 11. С. 182–213.

В «Вестнике Европы» появлялись заметки о новых польских исторических сочинениях (в том числе о трехтомной «Истории царствования Зыгмунта III» Ю. У. Немцевича, изданной в 1819 г. в Варшаве)¹³ и фрагментарные переводы некоторых из них (например, «Истории краковских типографий» Бандтке, опубликованной в 1815 г.)¹⁴; сведения о трудах по археологии (об «Археологическом атласе европейской России» Я. Потоцкого)¹⁵; сообщения о публикации исторических источников (в частности, об издании статута Казимежа IV Ягеллончика в 1826 г. И. Даниловичем)¹⁶. Также печатались переводы работ по политэкономии (сначала известного варшавского журналиста Г. М. Витовского, затем фрагментарные переводы лекций видного профессора Виленского университета М. Очаповского об экономике сельского хозяйства)¹⁷. Журнал давал много текущей информации о нынешнем состоянии Царства Польского, научной жизни в польской среде, уделяя особое внимание деятельности Общества друзей наук и Варшавскому университету¹⁸.

Другим московским журналом, интересовавшимся польской наукой и культурой, стал издаваемый с 1825 г. Н. А. Полевым «Московский телеграф». В отличие от «Вестника Европы», защищавшего идеалы классицизма, новое издание пропагандировало идеи романтизма. Полевой уже в юности познакомился в Иркутске с поляками, среди которых был его учитель Гурский, преподававший французский язык. Одним из первых сотрудников «Московского телеграфа» был А. И. Красовский, в совершенстве владевший польским языком, который переводил статьи из виленских и варшавских изданий. С журналом были связаны знаток польской литературы князь П. А. Вяземский, а также группа выпускников Виленского университета во главе с А. Мицкевичем, Ц. Дашкевичем и Ф. Малевским, находившихся в 1825–1827 гг. в Москве. С середины 1829 г. новым сотрудником журнала стал писатель-беллетрист В. А. Ушаков, основательно

¹³ Известия об истории государствования Сигизмунда III, короля польского // ВЕ. 1819. № 22. С. 112–118.

¹⁴ О Святополке Фиоле, краковском типографшике, первом издателе книг церковнославянских // ВЕ. 1819. № 14. С. 121–138.

¹⁵ Об Атласе археологическом европейской России // ВЕ. 1805. № 15. С. 232–237.

¹⁶ Краткие выписки, известия и замечания // ВЕ. 1827. № 8. С. 315–316.

¹⁷ *Витовский Г. М.* Политическая экономия // ВЕ. 1819. № 15. С. 201–221, № 19. С. 191–207, № 20. С. 260–274; 1821. № 4. С. 253–270; [*Очаповский М.*] Лекция о сельском домоводстве // ВЕ. 1824. № 1. С. 9–25; № 2. С. 90–114. Подробно о польских материалах, помещенных в «Вестнике Европы», см.: *Woloszynski R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 241, 243, 284, 321, 328, 330, 341–342, 391–392, 423–424, 438–439.

¹⁸ Нынешнее состояние Царства Польского // ВЕ. 1818. № 7. С. 216–222; Краткие выписки, известия и замечания // ВЕ. 1818. № 11. С. 246–248; О публичном заседании Варшавского Общества // ВЕ. 1827. № 8. С. 301–306.

познакомившийся с польской литературой во время своего пребывания в Варшаве¹⁹. В 1826 г. «Московский телеграф» писал о необходимости проявить интерес к литературе «народа, одаренного пылким, сильным воображением, познакомившегося с науками и просвещением гораздо прежде нас, родного нам по языку и происхождению»²⁰. В журнале были напечатаны переводы произведений Мицкевича, сделанные Ю. И. Познанским, П. А. Вяземским, И. И. Дмитриевым, И. И. Козловым, М. П. Вронченко²¹.

Уделял внимание событиям научной жизни в Царстве Польском и в польских научных центрах за его пределами и выходивший в 1827–1830 гг. журнал «Московский вестник», редактируемый М. П. Погодиным²².

В Польше также пропагандировались достижения российской науки и культуры. Это нашло отражение в переводах произведений поэтов, писателей, ученых, в том числе тех, чье творчество так или иначе было связано с Москвой. На польский язык были переведены стихи и поэмы А. С. Пушкина, И. И. Дмитриева, повести В. А. Жуковского, исторические повести и романы М. Н. Загоскина, «История государства Российского» Н. М. Карамзина и т. д.²³

Московские ученые и литераторы становились членами польских научных организаций. В 1828 г. П. А. Вяземский был избран членом-корреспондентом Варшавского общества друзей наук. В 1831 г. во время восстания в это общество были демонстративно приняты лица, сыгравшие важную роль в развитии российско-польских научных и литературных

¹⁹ Полевой К. А. Записки. СПб.: А. С. Суворин, 1888. С. 42, 60–61, 111–131, 158–176; Kurier Polski. 1830. 27 IX. № 287. S. 1472–1474; Березина В. Г. Мицкевич и «Московский телеграф» // Адам Мицкевич в русской печати. 1825–1955. Библиографические материалы / сост. Б. М. Богатырь, Я. Л. Левкович, А. С. Морщихина, А. Н. Степанов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 471–479; Вацуро В. Е. К изучению «Литературной газеты» Дельвига – Сомова // Временник Пушкинской комиссии. 1965. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. С. 25; *Włoszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 161–163.

²⁰ [Дмоховский Ф. С.] О состоянии, духе и стремлении новейшей польской поэзии // Московский телеграф. 1826. № 15. С. 183. Примечание Н. А. Полевого.

²¹ Московский телеграф. 1826. № 9. С. 4–9; 1827. № 7. С. 191–222; 1828. № 3. С. 323; № 10. С. 178–194.

²² Иностранная переписка // Московский вестник. 1827. № 3. С. 227; Разные известия // Московский вестник. № 16. С. 462.

²³ *Toporowski M.* Puszkini w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki. Warszawa; Kraków: Państwowy Instytut wydawniczy, 1950. S. 35–41, 115–150; *Dmitriew J.* Jermak czyli zawojowana Syberia / przeł. B. Reutt. Petersburg: W drukarni K. Kraja, 1830; *Żukowski B.* Las Marii. Warszawa: [s. n.], 1827; *Zagoskin M.* Jerzy Miłosławski, powieść historyczna / tłum. anonim. Warszawa: Nakł. S. H. Merzbacha, 1830. T. 1–3; *Karamzin M.* Historia państwa Rosyjskiego / przeł. G. Buczyński. Warszawa: Zawadzki i Węcki, 1824–1830. T. 1–12; *Włoszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 97–98, 370–372.

связей: историки М. Т. Каченовский, К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, журналист и писатель Н. А. Полевой²⁴.

В 1810–1820-е гг. Москву посетили некоторые польские ученые, поэты, филологи, однако зачастую их пребывание в городе носило вынужденный характер. В апреле 1807 – мае 1808 г. здесь находился под полицейским надзором видный ученый и бывший государственный деятель Речи Посполитой Г. Коллонтай. Российские власти опасались его сотрудничества с Наполеоном и активизации пропольской деятельности в Волынской губернии, где он жил накануне ссылки. Итогом пребывания Коллонтая во второй российской столице стало неоконченное «Описание города Москвы», в котором он характеризовал город в топографическом и архитектурном отношениях, а также описывал быт и нравы местных жителей²⁵.

В первой половине 1820-х гг. в Москве несколько лет жил польский этнограф и историк З. Доленга-Ходаковский, получивший не без поддержки Н. М. Карамзина стипендию Министерства духовных дел и народного просвещения для археологических изысканий на территории северных и западных губерний Российской империи. В 1819 и 1820 гг. в журнале «Вестник Европы» были напечатаны его статьи, в которых высказывались некоторые замечания об «Истории государства Российского» (в основном они касались территории расселения восточных славян в IX в.) и развивалась критика норманской теории²⁶. В конце 1821 г., после окончания первого этапа путешествия по России, Ходаковский приехал в Москву. Непредставление в предписанные сроки исчерпывающего отчета о ходе работы способствовало отказу правительства от финансирования исследований ученого. Ходаковский пробыл в Москве около трех лет. Он проводил изыскания, опираясь на местные материалы, а также с помощью профессоров Виленского университета и посредством официальных запросов получал научную информацию с территорий Литвы и Белоруссии. В Москве Ходаковский подружился с Н. и К. Полевыми. С 1823 г. он принимал участие в обсуждении планов издания нового журнала, «Московского телеграфа», вместе с Полевыми,

²⁴ *Kraushar A.* Towarzystwo warszawskie przyjaciół nauk 1800–1832: monografia historyczna osnuta na źródłach archiwalnych. Kraków: Gebethner i spółka; Warszawa: Gebethner i Wolff, 1906. Ks. 4. Czasy polistopadowe. Epilog: 1831–1836. S. 34–35, 393, 398–399, 482, 486, 490, 496–498.

²⁵ *Nalepa M.* Panegiryk à rebours. Hugona Kołłątaja mentalna topografia Moskwy z 1807/1808 roku // *Napis*. 2019. T. 25. S. 267–287. <https://doi.org/10.18318/napis.2019.1.17>.

²⁶ *Доленга-Ходаковский З.* Разыскания касательно русской истории // *ВЕ*. 1819. № 20. С. 277–302; *Он же.* Извлечение из плана путешествия по России для отыскания древностей славянских // *ВЕ*. 1820. № 17. С. 30–56; № 18. С. 99–118.

адъюнктом Московского университета И. М. Снегиревым и П. А. Вяземским. После неожиданной смерти Ходаковского в ноябре 1825 г. в соответствии с волей умершего его вдова доверила оставшиеся после него материалы Н. Полевому. Однако, несмотря на все старания издать хотя бы часть документального наследия Ходаковского, сделать этого не удалось. Вышедшие при жизни ученого работы, а также некоторые из его неопубликованных материалов Полевой использовал в своей «Истории русского народа», имевшей большую популярность среди поляков²⁷.

Следует отметить деятельность в Москве бывших филоматов – А. Мицкевича, Ц. Дашкевича, Ф. Малевского, Ю. Ежовского и О. Петрашкевича, сосланных в 1824 г. во внутренние российские губернии после раскрытия тайных обществ филоматов и филаретов в Виленском университете. В Москве они завязали дружеские отношения с Н. А. Полевым, П. А. Вяземским и А. С. Пушкиным. В 1826 г. в Москве были напечатаны «Сонеты» Мицкевича. В 1827 г. Мицкевич и Малевский планировали разработать грамматику для желающих изучить польский язык, поскольку в то время единственным доступным пособием оставалась изданная в конце XVIII в. грамматика М. А. Семигиновского. Однако этот проект не был реализован, так же как и планы Мицкевича и Дашкевича публиковать в Москве польское издание «Ирида». Из-за преждевременной смерти Дашкевича не увидел свет подготовленный им учебник по истории Польши на русском языке. Зато плодотворно складывалась деятельность Ю. Ежовского, который с 1825 г. был учителем классических языков в московской гимназии и вел занятия по греческому языку в университете. Благодаря специальному решению властей Московского университета он получил возможность издать в 1828 г. 6 книг «Одиссеи» в греческом оригинале с примечаниями на латыни тиражом 1000 экземпляров. Этот труд был положительно оценен в российской и польской печати. Тираж быстро разошелся. Поскольку книга могла быть использована для нужд средней школы, Министерство

²⁷ Францев В. А. Польское славяноведение конца XVIII и первой четверти XIX ст. Прага: Типография «Политики», 1906. С. CXI–CLIX; Ровнякова Л. И. Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей в XIX в. / ред. М. П. Алексеев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, Ленинградское отд-ние, 1963. С. 69–82, 85–87; *Wołoszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 89–90, 162, 312–316; *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny. Warszawa; Poznań: Instytut wydawniczy PAX, 2000. S. 52–53; *Снегирев И. М.* Дневник / с предисл. А. А. Титова. М.: Университетская типография, 1904. Т. 1. С. 5, 7–15, 20, 22, 24, 33. Ср.: *Полевой К. А.* Записки. С. 71–77, 213–219, 283–286, 291–293; Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными / с предисл., примеч. и указателем Е. В. Барсова. М.: Университетская типография, 1882. С. 104, 142, 351–352; *Kurier Polski.* 1830. 27 IV. № 141. S. 722–724.

просвещения в Петербурге инициировало ее второе издание в 1830 г. тиражом 2400 экземпляров²⁸.

Выпускники Виленского и Варшавского университетов приезжали в Москву и в чисто научных целях. Их интересовали материалы, касавшиеся польской истории, которые хранились в архиве Коллегии иностранных дел (с 1832 г. — Московском главном архиве Министерства иностранных дел), Синодальной библиотеке, библиотеке Синодальной типографии и т. д. В 1818 г. такую научную поездку предпринял будущий профессор Виленского университета И. Данилович, специализировавшийся в области изучения литовского права. В 1829–1830 гг. московские архивы и библиотеки посетил А. Кухарский, который в ходе подготовки к занятию кафедры славянских диалектов Варшавского университета совершил путешествие по славянским землям²⁹.

После восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском русско-польские научные контакты существенно сократились. Общество друзей наук, Варшавский и Виленский университеты, а также Кременецкий лицей были закрыты. Перестали выходить и российские журналы, пропагандировавшие русско-польское культурное сближение. В 1830 г. прекратил свое существование «Вестник Европы», а в 1834 г. — «Московский телеграф». Сотрудничество представителей российской и польской науки в основном было ограничено связями между учеными, которые в той или иной степени придерживались славянофильских концепций. С российской стороны контакты с польскими исследователями наиболее активно поддерживали профессора Московского университета и члены Общества истории и древностей российских М. П. Погодин и О. М. Бодянский. С польской стороны в этих связях были заинтересованы в первую очередь известные варшавские ученые — лексикограф С. Б. Линде и историк права В. А. Мацеёвский. В 1830–1840-е гг. Линде продолжал работу над созданием сравнительного словаря славянских языков, всё более ограничиваясь, однако, составлением русско-польского и польско-русского словарей. Погодин присылал Линде

²⁸ *Woloszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 124, 213, 255–257, 326; *Вержбовский Ф.* К биографии Адама Мицкевича в 1821–1829 годах. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1898. С. 72–90; *Batowski H.* Mickiewicz a Słowianie do roku 1840. Lwów: Drukarnia naukowa, 1936. S. 46–48; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку / [под ред. С. Шевырева]. М.: Университетская типография, 1855. Ч. 1. С. 325–326; *Kijas A.* Polacy w Rosji... S. 67, 136–137, 210, 216–217.

²⁹ *Францев В. А.* Польское славяноведение... С. 395–478; *Woloszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki... S. 184, 204, 323.

необходимые книги из России, а также выделил в помощь трех своих польских учеников, которые по окончании Московского университета приехали в Варшаву в качестве учителей. Впрочем, министр просвещения С. С. Уваров и Академия наук не верили в реальность осуществления этого утопического, с их точки зрения, замысла. В 1845 г. Линде издал пробную тетрадь русско-польского словаря. Несмотря на старания Погодина купить оставшиеся после смерти Линде огромные рукописные материалы для сравнительного словаря, они были переданы родственниками покойного львовскому Институту Оссолиньских («Оссолинеуму») ³⁰.

Московские славянофилы хорошо знали работы Мацеёвского. В 1834 г. под руководством Погодина был осуществлен перевод на русский язык 1-го тома его «Истории славянских законодательств», сделанный студентом Московского университета, поляком по происхождению, Я. Савиничем. Ввиду незаинтересованности в сочинении Мацеёвского начальника II отделения собственной ЕИВ канцелярии М. А. Балугьянского, дальнейшая работа над переводом была прекращена ³¹. Еще большее внимание уже не только славянофилов, но и варшавских властей привлекла к себе публикация переработанного и дополненного издания «Истории», поскольку Мацеёвский доказывал в ней, что изначально христианство у всех славян было восточного обряда. При поддержке наместника Царства князя И. Ф. Паскевича 1-й том этого труда был переведен на русский язык и издан за счет правительства ³². Оставшиеся у Мацеёвского экземпляры перевода были проданы московским книготорговцам при посредничестве Погодина. В 1842 г. польский ученый предпринял поездку в Петербург и Москву для изучения в архивах и библиотеках польских рукописей. В Москве он встречался с председателем Общества истории и древностей российских графом С. Г. Строгановым, П. М. Строевым, П. В. Киреевским. С конца 1840-х гг. на протяжении 25 лет Мацеёвский переписывался с Бодянским ³³.

³⁰ *Lewaszkiwicz T.* Panslawistyczne osobliwości leksykalne S. B. Lindego i jego projekt stworzenia wspólnego języka słowiańskiego. Wrocław; etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1980; *Róziwicz J.* Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725–1918). Wrocław; etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1984. S. 112–117.

³¹ *Bardach J.* Waclaw Aleksander Maciejowski i jego współcześni. Wrocław; etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1971. S. 117–121.

³² *Maciejowski W. A.* Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian, jako Dodatek do Historii prawodawstw słowiańskich. Petersburg; Lipsk: W księgarniach Eggersa i Hinrichsa, 1839; *Мацеёвский В. А.* История первобытной христианской церкви у славян / пер. О. Евецкий. Варшава: Тип. Ю. Качановского, 1840.

³³ *M[aciejowski] W. A.* Kilka wspomnień pobytu mego w Moskwie w 1842 r. // *Orędownik naukowy*. 1844. № 28. S. 221–222; № 29. S. 225–231; № 30. S. 233–235; *Róziwicz J.* Polsko-rosyjskie powiązania... S. 121–123.

Контакты с московскими славянофилами поддерживали и ученые-архивисты из Галиции. Д. И. Зубрицкий (Зубжицкий), происходивший из галицко-русского дворянства, работал в различных львовских архивах и публиковал труды на польском и немецком языках. Во второй половине 1830-х гг. он всё более ассоциировал себя с Россией и представлял русофильское направление в среде галицийских будителей. С 1830 г. Зубрицкий заведовал типографией Ставропигийского института, в 1843 г. фактически возглавил его архив. Он вел корреспонденцию с Обществом истории и древностей российских, переписывался с Погодиным, для которого искал старые книги и документы и пересылал их в Москву, и Бодянским³⁴. Ряд его работ был переведен и издан в Петербурге и Москве³⁵. В 1852–1855 гг. Зубрицкий напечатал во Львове на русском языке 3 части сочинения по истории Галицкой Руси, а также относящиеся к ней фрагменты польских хроник³⁶.

В 1857 г. известный львовский ученый, сотрудник «Оссолинеума» А. Белёвский совершил поездку в Петербург и Москву с целью поиска в архивах и библиотеках польских материалов для планируемого им обширного издания *Acta Poloniae Historica*. В Москве ему оказывали помощь историки и слависты, связанные с Бодянским: директор главного архива Министерства иностранных дел князь М. А. Оболенский, П. А. Бессонов, И. Д. Беляев, В. М. Ундольский³⁷. Все вышеупомянутые ученые, сотрудничавшие с российскими научными кругами, были избраны членами императорской Академии наук. Зубрицкий в 1846 и

³⁴ *Róźiewicz J.* Polsko-rosyjskie powiązania... S. 131–134; ср.: *Арустов Ф. Ф.* Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам. 2-е доп. изд.-е; репринтное воспроизведение изд. 1916 г. (Москва). Bridgeport, Connecticut: Carpatho-Russian Literary Association, 1977. Т. 1. С. 33–48; *Паушева Н. М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: ГПИБ, 2001. С. 13–14, 22–23; *Ганус С. А., Мазурок О. С.* Осип Максимович Бодянский, Денис Иванович Зубрицкий и их переписка в кругу идей и людей своего времени // О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (к 200-летию со дня рождения ученого): сборник статей / под ред. К. В. Никифорова. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 120–145.

³⁵ [Зубрицкий Д.] О славяно-русских типографиях в Галиции и Лодомерии // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Ч. 19. С. 560–585; *Он же.* Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси. М.: Университетская типография, 1845; *Он же.* Летопись Львовского Ставропигиального братства. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1850. Две последние работы перевел Бодянский.

³⁶ *Зубрицкий Д.* История древнего Галицко-русского княжества. Львов: Типом и изданием Института Ставропигианского, 1852–1855. Ч. 1–3; Ч. 4. Аноним гнезненский и Иоанн Длугош. Латинские выписки из их сочинений, статей, относящихся к истории Галицко-Владимирской Руси за период от 1337 по 1387 год с русским переводом и критическими исследованиями и замечаниями. Львов: Типом Института Ставропигианского, 1855.

³⁷ *Róźiewicz J.* Polsko-rosyjskie powiązania... S. 134–145.

Мацеёвский в 1847 г. удостоились также почетного членства в Обществе истории и древностей российских³⁸.

Популяризация произведений русской и польской науки и литературы в Польшу и России в 1840-е гг. связана с именем П. П. Дубровского, выпускника Московского университета, который в 1837–1851 гг. находился в Царстве Польском. Дубровский был знаком с варшавскими учеными – Линде, Мацеёвским, А. Кухарским. Вначале он преподавал русский язык в варшавских школах, затем на страницах журнала «Варшавская библиотека» вел «Русскую хронику», в которой знакомил польского читателя с состоянием современной российской литературы. В 1842–1843 гг. Дубровский стал выпускать периодическое издание «Денница» (польск. *Jutrzenka*), помещая в нем статьи на русском и польском языках об истории литературы, славянских древностей, славянского фольклора, о впечатлениях от путешествий по славянским землям; в журнале были также представлены портреты современных славистов, славянская хроника, публикации славянских авторов или работы, касающиеся славянства³⁹. Из-за финансовых трудностей издание вскоре было прекращено. В дальнейшем, работая в 1844–1851 гг. в Варшавском цензурном комитете, Дубровский продолжал знакомить российских читателей с творчеством польских ученых, поэтов и писателей, печатая соответствующие статьи в российских журналах, а также сотрудничал с варшавскими изданиями⁴⁰.

В период 1830–1850-х гг. Московский университет и Московская медико-хирургическая академия начинают приобретать определенную популярность у юношества западных губерний и Царства Польского. После закрытия там высших учебных заведений сыновья шляхты и чиновников стремились получить образование в том числе и в российских университетах. С 1836/1837 учебного года для лучших учеников гимназий Царства были учреждены стипендии с целью обучения в Московском и Петербургском университетах первоначально в области педагогики, а затем и права. Поскольку польское законодательство отличалось от российского, в этих университетах были образованы кафедры польского права, которые возглавили польские профессора⁴¹. В 1841–1856 гг. быв-

³⁸ Ibid. S. 115, 122, 124–125, 134.

³⁹ Jutrzenka. Pismo literackie poświęcone przedmiotom słowiańskim / wyd. P. Dubrowski. Warszawa, 1842–1843.

⁴⁰ Цыбенко Е. З. Из истории польско-русских литературных связей XIX–XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 53–58; Rózewicz J. Polsko-rosyjskie powiązania... S. 126–129.

⁴¹ Kucharzewski J. Epoka paskiewiczowska w Królestwie Polskim: losy oświaty. Warszawa; Kraków: [s. n.], 1914. S. 390–391, 405–407, 422, 440–454, 457, 464, 466–468, 509–516, 541.

ший профессор Виленского университета А. Коровицкий преподавал на кафедре польских уголовных законов Московского университета, его преемником стал выпускник Петербургского университета Я. Павловский. На кафедре гражданских законов Царства Польского в 1841 г. читал лекции переведенный из Киевского университета в Москву И. Данилович, затем, в 1842–1848 гг., выпускник Варшавского университета К. Залозецкий, а позже – окончивший Петербургский университет А. Циммерман⁴².

Из упраздненных польских учебных заведений в российские университеты перешли и другие профессора. М. Якубович, профессор римской словесности и древности Киевского университета и декан философского факультета, после его временного закрытия был переведен в Московский университет на должность ординарного профессора по той же кафедре философского факультета. Он преподавал в Московском университете в 1839–1842 гг., затем вышел в отставку. В 1840 г. кафедру анатомии человеческого тела Московского университета возглавил известный виленский врач Л. Севрук, кроме того, он читал отдельный курс патологической анатомии. В 1842 г. Севрук был утвержден в должности ординарного профессора, в 1848 г. стал деканом медицинского факультета. Также с Московским университетом был связан ботаник Я. Шиховский, который сам окончил этот университет еще в 1825 г., а затем учился в Дерпте и за границей. В 1835–1840 гг. он преподавал ботанику в Московском университете и Московской медико-хирургической академии⁴³.

Некоторые поляки – выпускники московских высших учебных заведений – по окончании курса начинали там преподавательскую деятельность. Г. Гивартовский в 1833–1838 гг. учился в Московской медико-хирургической академии, в 1838 г. получил степень лекаря 1-го отделения и серебряную медаль и был оставлен при академии. В 1846 г. он был утвержден в звании доцента для чтения химии на медицинском факультете, с 1855 г. преподавал также фармацию, фармакогнозию и медицинскую химию. Его коллега К. Млодзеевский в 1843 г. окончил

⁴² Бардах Ю. Курсы польского права в Санкт-Петербургском и Московском университетах в 1840–1860 годах // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.): конференция в Казани 13–15 октября 1993 г. / отв. ред. Я. Н. Щапов. Варшава: Урowszechnianie nauki – oświata «UN-O», 1995. С. 16–17; Биографический словарь профессоров... Ч. 1. С. 429–430, 287–290, 335–336; Ч. 2. С. 541–543; *Kijas A. Polacy w Rosji...* S. 64–65, 162.

⁴³ Биографический словарь профессоров... Ч. 2. С. 397–414, 625–627; *Kijas A. Polacy w Rosji...* S. 123, 323–324, 349.

медицинский факультет Московского университета. Он был оставлен при университете и более 20 лет преподавал в нем, став в 1856 г. ординарным профессором. Ю. Пеховский, специализировавшийся по греческой словесности, в 1841 г. завершил курс науки со степенью кандидата. С 1854 г. он исполнял должность экстраординарного (с 1859 г. ординарного) профессора по греческой словесности историко-филологического факультета Московского университета⁴⁴.

До начала 1860-х гг. (времени создания в Варшаве высшего учебного заведения – Главной школы), несмотря на ограничительные меры со стороны руководства Московского учебного округа и университетских властей, количество студентов-поляков в Московском университете неуклонно возрастало, достигнув в 1861 г. 520 человек, или 30% от общего числа студентов⁴⁵. Многие поляки, окончившие Московский университет, впоследствии сыграли видную роль в научной, государственной и общественно-политической жизни как Польши, так и России. Польский математик, профессор Варшавского университета в 1860–1870-е гг. Н.К. Пенчарский учился в 1836–1840 гг. в Москве и Петербурге, где в 1840 г. приобрел степень кандидата философии. В 1839–1844 гг. изучал математику в Московском университете будущий архиепископ Варшавский З.Щ. Фелиньский. В 1836–1840 гг. на юридическом факультете университета учился Р. Подбереский, впоследствии редактор и издатель, который во время учебы завязал контакты с российскими славянофилами – И.В. Киреевским и Ю.Ф. Самариним. В 1846 г. на отделение естественных наук Московского университета поступил граф Э.З. Гуттен-Чапский и в 1850 г. получил звание кандидата естественных наук, представив работу «Известия юрского периода в бассейне Москвы». На государственной службе он быстро делал карьеру: в 1863 г. стал губернатором Великого Новгорода, в 1865–1867 гг. являлся вице-губернатором Санкт-Петербурга. Гуттен-Чапский был членом существовавшего с 1805 г. при университете московского Общества испытателей природы. В 1843–1848 гг. на медицинском факультете Московского университета проходил обучение Я. Минкевич, который в 1850 г. защитил докторскую степень. В 1851–1853 гг. он был ассистентом Н.И. Пирогова. Во время Крымской войны он руководил Временным военным госпиталем № 14 в Севастополе, а в 1856 г. стал главным хирургом

⁴⁴ Биографический словарь профессоров... Ч. 1. С. 197–198; Ч. 2. С. 102; Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / под ред. В.А. Садовниченко, Д.А. Цыганкова, А.Ю. Андреева. М.: РОССПЭН, 2010. С. 161, 555; *Kijas A. Polacy w Rosji...* S. 220, 263–264.

⁴⁵ *Rózewicz J. Polsko-rosyjskie powiązania...* S. 215.

Кавказской армии. На отделении словесности и литературы Московского университета учился в 1830-е гг. Т. Лада-Заблокский, будущий поэт и переводчик Пушкина. Во время учебы он познакомился с В.Г. Белинским и А.И. Герценом. На том же отделении обучался в 1853–1857 гг. известный польский этнограф, музыковед, фольклорист Я. Карлович, член Краковской академии знаний, и примерно в то же время – революционный деятель, первый переводчик произведений Н.Г. Чернышевского на польский язык П. Маевский. Медицину в Москве изучали будущие врачи и участники восстания 1863 г. В. Борзобогатый и Ц. Цехановский, а также известный польский ученый и политический деятель Б. Лимановский (в 1854–1858 гг.)⁴⁶.

Таким образом, мы видим, что Москва играла существенную роль в русско-польских научных контактах конца XVIII – первой половины XIX вв. В первый период, до восстания 1830 г., эти контакты носили скорее личный характер и формировались на фоне деятельности научных обществ и периодических изданий. Во второй период Москва стала играть роль одного из образовательных центров для польской молодежи. Московский университет окончили многие известные врачи, юристы, филологи, естествоиспытатели и другие представители польской интеллигенции. А преподававшие в нем профессора польского происхождения внесли большой вклад в развитие российской науки.

Литература

- Бардах Ю.* Курсы польского права в Санкт-Петербургском и Московском университетах в 1840–1860 годах // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.): конференция в Казани 13–15 октября 1993 г. / отв. ред. Я. Н. Щапов. Варшава: Urowzszecznianie nauki – oświata «UN-O», 1995. С. 10–19.
- Березина В. Г.* Мицкевич и «Московский телеграф» // Адам Мицкевич в русской печати. 1825–1955. Библиографические материалы / сост. Б. М. Богатырь, Я. Л. Левкович, А. С. Морщихина, А. Н. Степанов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 471–479.
- Ваууро В. Е.* К изучению «Литературной газеты» Дельвига – Сомова // Временник Пушкинской комиссии. 1965 / ред. М. П. Алексеев. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1968. С. 23–36.
- Ганус С. А., Мазурок О. С.* Осип Максимович Бодянский, Денис Иванович Зубрицкий и их переписка в кругу идей и людей своего времени // О. М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (к 200-летию

⁴⁶ *Kijas A.* Polacy w Rosji... S. 32–33, 47, 85, 117–118, 206, 220–221, 273, 388.

- со дня рождения ученого): сборник статей / под ред. К. В. Никифорова. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 120–145.
- Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / под ред. В. А. Садовниченко, Д. А. Цыганкова, А. Ю. Андреева. М.: РОССПЭН, 2010.
- Пашаева Н. М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М.: ГПИБ, 2001.
- Ровнякова Л. И.* Русско-польский этнограф и фольклорист З. Доленга-Ходаковский и его архив // Из истории русско-славянских литературных связей в XIX в. / ред. М. П. Алексеев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, Ленинградское отд-ние, 1963. С. 58–94.
- Цыбенко Е. З.* Из истории польско-русских литературных связей XIX–XX вв. М.: Изд-во МГУ, 1978.
- Bardach J.* Waclaw Aleksander Maciejowski i jego współczesni. Wrocław; Warszawa; Kraków; etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1971.
- Batowski H.* Mickiewicz a Słowianie do roku 1840. Lwów: Drukarnia naukowa, 1936.
- Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny. Warszawa; Poznań: Instytut wydawniczy PAX, 2000.
- Lewaszkiwicz T.* Panslawistyczne osobliwości leksykalne S. B. Lindego i jego projekt stworzenia wspólnego języka słowiańskiego. Wrocław; etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1980.
- Nalepa M.* Panegiryk à rebours. Hugona Kołłątaja mentalna topografia Moskwy z 1807/1808 roku // Napis. 2019. T. 25. S. 267–287. <https://doi.org/10.18318/napis.2019.1.17>.
- Róziwicz J.* Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725–1918). Wrocław; etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1984.
- Toporowski M.* Puszkina w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki. Warszawa; Kraków: Państwowy Instytut wydawniczy, 1950.
- Wołoszyński R. W.* Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1974.
- Żółtowska M. E.* Potocki Jan // Polski słownik biograficzny / red. E. Rostworowski. Wrocław; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1984. T. 28/1. S. 36–42.

References

- Bardach, Ju., 1995. Kursy pol'skogo prava v Sankt-Peterburgskom i Moskovskom universitetakh v 1840–1860 godakh [Polish law courses at St. Petersburg and Moscow universities in 1840–1860]. In: Shchapov, Ia. N., ed., 1995. *Pol'skie professora i studenty v universitetakh Rossii (XIX – nachalo XX v.): konferentsiia v Kazani 13–15 oktiabria 1993 g.* [Polish professors and students at Russian

- universities (XIX – early XX centuries): conference in Kazan, October 13–15, 1993]. Warsaw: Upowszechnianie nauki – oświata “UN-O”, pp. 10–19. (in Rus.)
- Bardach, J., 1971. *Wacław Aleksander Maciejowski i jego współczesni*. Wrocław; Warsaw; Kraków; etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich.
- Batowski, H., 1936. *Mickiewicz a Słowianie do roku 1840*. Lviv: Drukarnia naukowa.
- Berezina, V. G., 1957. Mickiewicz i “Moskovskii telegraf” [Mickiewicz and “Moscow Telegraph”]. In: Bogatyr', B. M., Levkovich, Ia. L., Morshchikhina, A. S., Stepanov, A. N., eds, 1957. *Adam Mickiewicz v russkoi pečati. 1825–1955. Bibliograficheskie materialy* [Adam Mickiewicz in the Russian press. 1825–1955. Bibliographic materials]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, pp. 471–479. (in Rus.)
- Ganus, S. A., Mazurok, O. S., 2009. Osip Maksimovich Bodyansky, Denis Ivanovich Zubritsky i ich perepiska v krugu idei i liudei svoego vremeni [Osip Maksimovich Bodyansky, Denis Ivanovich Zubritsky and their correspondence in the circle of ideas and people of their time]. In: Nikiforov, K. V., ed., 2009. *O. M. Bodyansky i problemy istorii slavianovedeniia (k 200-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo)* [O. M. Bodyansky and the problems of the history of Slavic studies (to the 200th anniversary of the birth of the scientist)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 120–145. (in Rus.)
- Kijas, A., 2000. *Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku. Słownik biograficzny*. Warsaw; Poznań: Instytut wydawniczy PAX.
- Lewaszkiwicz, T., 1980. *Panslawistyczne osobliwości leksykalne S. B. Lindego i jego projekt stworzenia wspólnego języka słowiańskiego*. Wrocław; etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich.
- Nalepa, M., 2019. Panegiryk à rebours. Hugona Kołłątaja mentalna topografia Moskwy z 1807/1808 roku. *Napis*, 25, pp. 267–287. <https://doi.org/10.18318/napis.2019.1.17>.
- Pashaeva, N. M., 2001. *Oчерки истории русского движения в Галичине XIX–XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia of the XIX–XX centuries]. Moscow: GPIB. (in Rus.)
- Rovniakova, L. I., 1963. Russko-pol'skii etnograf i fol'klorist Z. Dołęga-Chodakowski i ego arkhiv [Russian-Polish ethnographer and folklorist Z. Dołęga-Chodakowski and his archive]. In: Alekseev, M. P., ed., 1963. *Iz istorii russko-slavianskikh literaturnykh svyazei v XIX v.* [From the history of Russian-Slavic literary ties in the XIX century]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, Leningradskoe otdelenie, pp. 58–94. (in Rus.)
- Róziewicz, J., 1984. *Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725–1918)*. Wrocław; etc.: Zakład narodowy imienia Ossolińskich.
- Sadovnichii, V. A., Tsygankov, D. A., Andreev, A. Iu., eds, 2010. *Imperatorskii Moskovskii universitet: 1755–1917: entsiklopedicheskii slovar'* [Imperial Moscow University: 1755–1917: encyclopedic dictionary]. Moscow: ROSSPEN. (in Rus.)
- Toporowski, M., 1950. *Puszkina w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki*. Warsaw; Kraków: Państwowy Instytut wydawniczy.

- Tsybenko, E. Z., 1978. *Iz istorii pol'sko-russkikh literaturnykh svyazei XIX–XX vv.* [From the history of Polish-Russian literary ties in the XIX–XX centuries]. Moscow: Izd-vo MGU. (in Rus.)
- Vatsuro, V. E., 1968. К изучению “Literaturnoi gazety” Del’viga – Somova [To the study of the “Literary Gazette” Delvig – Somov]. In: Alekseev, M. P., ed., 1968. *Vremennik Pushkinskoi komissii. 1965* [Annals of the Pushkin Commission, 1965]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, pp. 23–36. (in Rus.)
- Wołoszyński, R. W., 1974. *Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801–1830.* Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe.
- Żółtowska, M. E., 1984. Potocki Jan. In: Rostworowski, E., ed., 1984. *Polski słownik biograficzny.* Wrocław; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich. Vol. 28/1, pp. 36–42.

РОССИЙСКИЕ ДИПЛОМАТЫ Н. В. ЧАРЫКОВ И В. Н. ШТРАНДТМАН О ПРИЧИНАХ НЕУДАЧИ РОССИЙСКОГО ПЛАНА СОЗДАНИЯ БАЛКАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Людмила Васильевна Кузьмичева

кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Почтовый адрес: Ломоносовский проспект 27, к. 4, Москва, 119334 Россия

Электронный адрес: kuzmicheva3@yandex.ru

Аннотация

В России в начале XX в. вырабатывается новая стратегическая линия в отношении с Османской империей. Актуальной задачей русской дипломатии становится не допустить участия Османской империи в возможной войне на стороне противников России. Справиться с этой задачей русской дипломатии, к сожалению, не удалось. Дипломатические документы свидетельствуют о существовании русского плана создания Балканской федерации под эгидой Османской империи. Деятельность России в данном направлении активизировалась после младотурецкой революции 1908 г. В 1910 г. в русском Министерстве иностранных дел разрабатывался план возможного объединения балканских государств в единую Балканскую федерацию во главе с Османской империей. Важная роль в реализации этой программы отводилась Сербии. Эта идея разрабатывалась Н. В. Чарыковым, русским послом в Константинополе в 1909–1911 гг. Российская дипломатия стремилась сгладить противоречия на Балканах и нормализовать отношения молодых государств с Османской империей. Посланник России в Константинополе Чарыков в 1911 г. вел переговоры с турецким руководством о русско-турецком договоре, в который, в частности, включался и вопрос о Балканской федерации. Этот эпизод русско-турецких отношений вошел в историю дипломатии как «демарш Чарыкова». Формирование Балканского союза и Балканские войны 1912–1913 гг. означали провал русской модели мирного сосуществования балканских государств на основе конфедерации, в том числе и автономизации Европейской Турции. О причинах этой неудачи рассуждали в своих воспоминаниях два русских дипломата – Н. В. Чарыков и В. Н. Шtrandтман, отдавшие годы дипломатической службе на Балканах и оставшиеся там жить после бегства из революционной России.

Ключевые слова

Н. В. Чарыков, В. Н. Шtrandтман, Балканская федерация, Сербия, Российская империя, Османская империя, российская дипломатия на Балканах

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2020 г.

Цитирование: Кузьмичева Л. В. Российские дипломаты Н. В. Чарыков и В. Н. Шtrandтман о причинах неудачи российского плана создания Балканской федерации // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С.154–169. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.08>

RUSSIAN DIPLOMATS NIKOLAI V. CHARYKOV AND VASSILI N. STRANDTMANN ON THE REASONS FOR THE FAILURE OF THE RUSSIAN PLAN TO CREATE A BALKAN FEDERATION

Lyudmila V. Kuzmicheva

Ph.D, Associate Professor, Faculty of History,
Lomonosov Moscow State University
Postal address: Lomonosovsky Prospekt, 27,
bldg. 4, Moscow, 119334 Russia
E-mail: kuzmicheva3@yandex.ru

Abstract

In Russia at the beginning of the twentieth century, a new strategic line in relations with the Ottoman Empire was being developed. The urgent task of Russian diplomacy was to prevent the participation of the Ottoman Empire on the side of Russia's opponents in a possible war. Unfortunately, Russian diplomacy failed to cope with this task. Diplomatic documents attest to the existence of a Russian plan to create a Balkan Federation under the auspices of the Ottoman Empire. Russia's efforts in this regard intensified after the Young Turk Revolution of 1908. In 1910, the Russian Ministry of Foreign Affairs was developing a plan for the possible unification of the Balkan states into a single Balkan Federation led by the Ottoman Empire. Serbia played an important role in the implementation of this program. This idea was developed by Nikolai V. Charykov, the Russian ambassador to Constantinople from 1909 to 1911. Russian diplomacy sought to smooth out the contradictions in the Balkans and normalise the relations of the young states with the Ottoman Empire. In 1911, the Russian Envoy to Constantinople, Charykov, negotiated with the Turkish leadership on the Russian-Turkish treaty, which, in particular, included the question of the Balkan Federation. This episode in Russian-Turkish relations went down in the history of diplomacy as the "Charykov demarche." The formation of the Balkan Union and the Balkan Wars of 1912–1913 meant the failure of the Russian model of peaceful coexistence of the Balkan states as a confederation, including the autonomy of European Turkey. The reasons for this failure were discussed in their memoirs by two Russian diplomats Nikolai V. Charykov and Vassili N. Strandtmann, who gave years of diplomatic service in the Balkans, and who remained living there after escaping from revolutionary Russia.

Keywords

Nikolai V. Charykov, Vassili N. Strandtmann, the Balkan Federation, Serbia, Russian Empire, Ottoman Empire, Russian diplomacy in the Balkans

Received 14 September 2020

How to cite: Kuzmicheva, L.V., 2021. Rossiiskie diplomaty N.V. Charykov i V.N. Shtrandtman o prichinakh neudachi rossiiskogo plana sozdaniia Balkanskoi federatsii [Russian Diplomats Nikolai V. Charykov and Vassili N. Strandtmann on the Reasons for the Failure of the Russian Plan to Create a Balkan Federation]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 154–169. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.08>

Османская империя в начале XX в. теряла позиции на Балканах. Стало очевидно, что удержать те территории полуострова, которые стремились к независимости, будет нелегко. Молодые государства: Греция, Сербия, Черногория, Румыния и Болгария – не жалели средств для решения своих задач по восстановлению бывшего величия и территориального приращения. Пропаганда велась под лозунгом освобождения страждущих под османским игом братьев, но при этом амбициозные политические лидеры балканских государств планировали получить как можно большие земельные приобретения. Вопрос о будущем переделе балканских территорий, находящихся в составе Османской империи, являлся крайне острым. Налицо был кризис идей славянской взаимности и балканской солидарности. Однако всё же был создан, хотя и не очень прочный, Балканский союз, включающий Болгарию, Грецию, Сербию и Черногорию. Союзники начали войну против Османской империи осенью 1912 г. Расправившись с врагом, лидеры союзных стран перессорились из-за дележа захваченных территорий и в 1913 г. вступили уже в войну между собой. Катастрофические последствия двух балканских войн для развития межбалканских отношений стали очевидными еще в 1914 г. Вместо стабилизации ситуации на Балканах произошла конфронтация и, как следствие, участие Болгарии в двух мировых войнах на стороне агрессоров.

Была ли альтернатива этому «спору славян между собой»? Об этом рассуждали в своих воспоминаниях два русских дипломата – Николай Валерьевич Чарыков и Василий Николаевич Шtrandтман. Оба они работали в дипломатических миссиях на Балканах в начале XX в. и остались там жить после бегства из революционной России. Н.В. Чарыков поселился в Стамбуле, а В.Н. Шtrandтман – в Белграде. Оба оставили воспоминания, которые показывают, что ситуация на Балканах кануна Первой мировой войны воспринималась ими по-разному. Сравнительный анализ мемуаров позволяет нам понять их взгляд на перспективу урегулирования межбалканских отношений мирным путем в канун Балканских войн 1912–1913 гг.

Двух дипломатов отличают не только происхождение, политические позиции, но также принадлежность к разным поколениям и школам российской дипломатии. По-разному судьба свела их и с Балканами.

Сын самарского помещика Николай Валерьевич Чарыков (1855–1930) получил прекрасное образование сначала в Эдинбургской королевской высшей школе в Великобритании, а затем в Александровском лицее в Санкт-Петербурге. Чарыков избрал дипломатическую карьеру, но летом 1877 г. двадцатидвухлетним добровольцем отправился на русско-турецкую войну. Он воевал на Балканском театре военных действий, был ранен в январе 1878 г., награжден за храбрость двумя солдатскими Георгиевскими крестами¹. На фронте он встретился с М. Н. Гирсом², вместе с которым в 1911 г. будет служить в посольстве в Константинополе. Свою дипломатическую карьеру Чарыков тесно связал с Востоком. После перевода в 1883 г. в Азиатский департамент Министерства иностранных дел он начал работать в Средней Азии при туркестанском генерал-губернаторе и сразу же стал учить персидский язык. Чарыков провел на дипломатической службе в Средней Азии семь лет, что позволило ему хорошо изучить ситуацию в крае, обычаи и нравы мусульман. Этот опыт и знания он использовал для составления по заданию Министерства иностранных дел в 1911 г. аналитического обзора духовных и политических процессов, происходивших тогда на Востоке³.

В августе 1890 г. Чарыков был назначен первым секретарем российского посольства в Турции, откуда в 1893 г. переведен в Германию на должность советника посольства, а в 1896 г. назначен дипломатическим агентом в Болгарии. В 1897 г. он министр-резидент в Ватикане при Папе Римском, а с 8 ноября 1900 по 1903 г. – чрезвычайный посланник и полномочный министр в Сербии. После работы в Нидерландах Чарыков в январе 1908 г. стал заместителем министра иностранных дел Российской империи, а с августа того же года фактически руководил министерством. В качестве исполняющего обязанности министра он участвовал в урегулировании Боснийского кризиса 1908 г. Именно в это время, осенью 1908 г., Чарыков предпринимает меры по налаживанию союзных

¹ Чарыков Н. В. «...Не время изучать политику, когда нужно одерживать победы»: Н. В. Чарыков на Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Письма к отцу // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. Вып. 2. С. 220.

² Там же. С. 230.

³ Арапов Д. Ю. Русский посол в Турции Н. В. Чарыков и его «заклучение» по «мусульманскому вопросу» // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): сборник статей / сост. Д. Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. С. 352–367.

отношений с Турцией и готовит проект русско-турецкого договора⁴. В своих воспоминаниях он пишет об одобрении его инициативы императором Николаем II: «Недавняя дипломатическая неудача Извольского снова помешала заключению европейского соглашения по этому вопросу. Поэтому я взял на себя смелость предложить его величеству еще раз провести переговоры на этот счет непосредственно с Турцией. Император принял мой доклад так близко к сердцу, что сказал мне, когда я закончил: “Я запомню день 8 сентября” – день, когда он был сделан. И он действительно не забыл его даже спустя много лет. Я немедленно начал переговоры, можно сказать перед глазами его величества, с послом Турции в Санкт-Петербурге Турхан-пашой»⁵.

Все усилия Чарыкова были направлены на сохранение мира на Балканах и предотвращение военных действий в этом регионе. Убежденный пацифист, Чарыков полагал единственно возможным мирное решение балканского вопроса. Война и ее тяготы ему, участнику русско-турецкой войны 1877–1878 гг., были известны не понаслышке. Мирным путем он пытался решить и вопрос о проходе русских военных судов через проливы Босфор и Дарданеллы.

Чарыков настаивал на необходимости дружественных и даже союзных отношений России и Турции. Типологически оба государства были похожи – континентальные, многонациональные, поликонфессиональные империи с сильной центральной властью. После окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. российская дипломатия приступила к выработке новой стратегической линии, направленной на мирное сосуществование с соседней империей. Отношения двух стран в конце XIX – начале XX в. характеризуются поиском новой модели сосуществования⁶.

Особую активность в деле сближения России и Турции Чарыков проявил после назначения его 25 мая 1909 г. чрезвычайным и полномочным послом России в Османской империи. Он считал, что новому характеру русско-турецких отношений будет способствовать предполагаемый визит российского императора в Константинополь осенью

⁴ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1908 г. Д. 205. Проект соглашения с Турцией.

⁵ Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику. М.: Викмо-М: Русский путь, 2016. С. 266–267.

⁶ Чапкевич Е. И. Проблемы русско-турецких отношений в период младотурецкой революции 1908–1909 гг. в свете новых архивных документов // Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки / отв. ред. М. Т. Панченкова. М.: МГИАИ, 1985. С. 75–93.

1909 г. Император Николай II стремился к союзным и дружественным связям с Османской империей. Об этом свидетельствует тщательно разработанный, но не осуществленный по ряду причин план посещения Константинополя российским императором по дороге в Италию⁷.

Чарыков пишет в своих мемуарах, что османское правительство было очень радо предстоящему визиту российского императора и просило сделать все возможное для его осуществления. Предполагалось, что сначала турецкий султан прибудет в Ливадию с официальным визитом, а затем Николай II отправится в Константинополь с ответным визитом. О ходе переговоров по этому поводу с министром иностранных дел Турции Рифат-пашой Чарыков сообщал 14 августа 1909 г. в Министерство иностранных дел. Получив одобрение из Петербурга, он детально разработал программу посещения российским императором Константинополя и встречи с султаном⁸. С сожалением говоря о тех силах в Петербурге, которые помешали этому одобренному самим Николаем II визиту, Чарыков в мемуарах отмечал, что он «помешал бы вступлению Турции на стороне Германии в Великую войну»⁹.

Следующим важным шагом в деятельности Чарыкова на посту посланника в Турции была разработка и подготовка к подписанию союзного русско-турецкого договора осенью 1911 г., который включал пункт об открытии проливов для прохода русских военных судов. Этот эпизод русско-турецких отношений вошел в историю дипломатии как «демарш Чарыкова». Он неоднократно исследовался и анализировался в отечественной и зарубежной литературе с точки зрения реальности проекта договора¹⁰. Акцент при этом всегда делался на режиме пропуска русских военных кораблей через проливы. В то же время остается почти без внимания предложенный Чарыковым план русских гарантий стабильности Балканского полуострова, в том числе и политического переустройства Балкан в форме конфедерации.

Дипломатические документы, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, свидетельствуют о существовании русского проекта создания Балканской федерации под эгидой Турции.

⁷ АВП РИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1909 г. Д. 199. Остановка Его Величества в Константинополе 1909. Л. 2–30 об.

⁸ Там же. Л. 9–9 об.

⁹ Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику. С. 189.

¹⁰ См., например: Фишер Л. А. Демарш Чарыкова в 1911 г. и проблема Черноморских проливов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Научный журнал. 2009. № 93. С. 102–107; Чернов О. А. «Демарш Чарыкова» в мемуарах Н. В. Чарыкова // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). С. 139–140.

Деятельность российских дипломатов в этом направлении активизировалась после младотурецкой революции 1908 г., что объяснялось, в частности, и имперской солидарностью, нежеланием России допустить окончательный распад Османской империи, грозящий нарушением геополитического равновесия в регионе. Но главной задачей России была стабилизация межбалканских отношений. Именно поэтому в 1910–1911 гг. в российском Министерстве иностранных дел разрабатывается план возможного объединения балканских государств в единую Балканскую федерацию во главе с Османской империей. Чарыков так объяснял свои усилия по реализации этой идеи: «Логичным следствием принципа “Балканы для балканских народов” является то, что этим народам надо объединиться, чтобы гарантировать и защитить свои общие балканские интересы»¹¹. Российский дипломат находил создание такой федерации оптимальным решением балканских проблем мирным путем. Причины неуспеха этого плана он излагает в своих мемуарах: «<...> будучи послом в Константинополе, я выдвинул более широкий план Балканской федерации, включавшей Турцию и возглавляемой ею, которая защитила бы Балканы от любой будущей агрессии со стороны Австро-Венгрии. Официальные визиты в Константинополь королей Болгарии и Сербии в сопровождении их министров иностранных дел послужили в то время практическим вступлением к реализации такого рода союза. Но младотурецкое правительство не было способно или не хотело оценить важность Балканской федерации. Турции пришлось заплатить за эту глупость на полях сражений в 1912 г. и во время Великой войны»¹².

Большое значение российские дипломаты придавали расширению личных контактов политических фигур Турции и других балканских стран. Сербия, по мнению многих российских дипломатов и самого Чарыкова, должна была стать ключевым звеном в создании союза балканских государств и Турции. Поэтому важная роль отводилась визиту в турецкую столицу сербского короля Петра Карагеоргиевича в апреле 1910 г.¹³ Король прибыл в Константинополь, возвращаясь домой после визита в Петербург. Сопровождавшие его министр иностранных дел Сербии Милован Милованович и премьер-министр Никола Пашич встречались в Петербурге с А. П. Извольским и обсуждали перспективы мирного сосуществования Сербии и Турции.

¹¹ Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику. С. 165.

¹² Там же. С. 166.

¹³ *Војводић М.* Србија и Турска. 1878–1914. Политички односи. Београд: Филип Вишњић, 2019. С. 225.

Сближению Сербии и Османской империи согласно русскому плану могла также способствовать совместная поездка в мае 1910 г. в Лондон на похороны короля Эдуарда VII наследника турецкого престола принца Юсуфа Изеддина и сербского наследника Александра Карагеоргиевича. Правда, их планируемое совместное путешествие в одном поезде и даже в одном вагоне Восточного экспресса не осуществилось. Российский посол в Сербии Н. Г. Гартвиг сообщал, что это произошло по вине сербской стороны, которая не заказала вовремя билет на поезд для сербского принца, а позже мест уже не было: «Турецкий принц прибыл в назначенный час на Белградскую станцию, встреченный представителями королевского правительства, от которых осведомился о “досадной неудаче”»¹⁴. Всё же на обратном пути 9 июня 1909 г. Юсуф Изеддин остановился на три дня в Белграде вместе с министром иностранных дел Рифат-пашой, который во время посещения российского посольства сказал, что убедился в дружественных чувствах сербов. Российский посол заверил его, что «Россия приглашает славянские государства жить в мире и согласии с Турцией»¹⁵. Характеризуя значение этого визита, Гартвиг сообщал в Петербург: «Вся здешняя печать без различия партий отмечала политическое значение визита принца Юсуфа Изеддина и указала на необходимость дружественного союза между Турцией и Сербией, имеющими так много общих интересов. Этим положено было бы основание федерации Балканских государств»¹⁶. Самая популярная сербская газета «Политика» в обширной статье, посвященной визиту турецкого престолонаследника, отмечала, что сильное турецкое государство может препятствовать опасному для балканских народов германскому продвижению на Восток, и заявляла о необходимости создания Балканской федерации, куда войдут Турция и другие балканские страны¹⁷.

Тезис о мирном сосуществовании балканских государств и их возможном объединении Чарыков заложил в проект русско-турецкого договора осенью 1911 г. Он внес предложение дополнить вторую статью соглашения новым пунктом о посредничестве России в деле нормализации отношений между балканскими государствами и Османской империей на основе статус-кво¹⁸. В пятый и шестой пункты готовящейся

¹⁴ АВП РИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1910. Д. 525. Сербия. Белград. Общая переписка. Л. 24 об. – 25.

¹⁵ Там же. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1910 г. Д. 17. Belgrade.

¹⁶ Там же. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1910. Д. 525. Л. 12–13.

¹⁷ *Војводић М.* Србија и Турска. С. 226.

¹⁸ *Фишер Л.А.* Демарш Чарыкова... С. 104.

русско-турецкой конвенции Чарыков включил проект создания Балканской федерации. Отечественный исследователь В. И. Киселева полагала, что инициатива исходила от турецкой стороны: «Чарыков при этом руководствовался настроениями правительственных и партийных младотурецких кругов, где всё больше завоевывала себе симпатию идея создания балканской федерации с Турцией во главе. Чарыков считал целесообразным пойти навстречу этим желаниям турок и поэтому включил в проект соглашения 5-ю статью о содействии России установлению между Турцией и балканскими странами прочных отношений на основе статус-кво»¹⁹. Действительно, многие лидеры младотурецкого движения горячо поддерживали эту идею.

Интересен анализ данных настроений сербскими дипломатическими представителями. Еще в июле 1909 г. сербский генеральный консул в Салониках С. Томич сообщал о заседании турецкой лиги «Мир и Согласие», конечной целью деятельности которой провозглашалось образование конфедерации балканских государств. Лидеры лиги Фаик-бей и Несиб-бей, соперничающие с организацией «Единение и прогресс» Назим-бея, выдвинули план решения этой задачи, включающий создание следующих комитетов: 1) комитета, который посредством печати будет способствовать сближению балканских государств; 2) комитета проведения конференций для обсуждения идей взаимного сближения и объединения; 3) комитета для направления членов организации в балканские страны с целью пропаганды своих идей через государственных деятелей и представителей общественности, а также создания подкомитетов внутри страны и установления контактов с подобными комитетами в других государствах²⁰. Министр иностранных дел Сербии М. Милованович наложил на донесении резолюцию: «Одобрям, но подождем».

Перспектива создания Балканской федерации, включающей Турцию, обсуждалась на заседаниях сербского парламента (скупщины) в феврале – марте 1911 г.²¹ Дебаты были горячими, поскольку речь шла в первую очередь о том, как подобный союз отразится на судьбе сербов, живущих на территории Османской империи. Против союза с Турцией резко выступил на заседаниях сербский историк и дипломат Стоян Новакович. Но эта идея продолжала разрабатываться сербскими дипломатами

¹⁹ Киселева В. И. Русско-турецкие переговоры об открытии проливов в 1911 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1958. Т. 12. С. 179.

²⁰ Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Београд: САНУ, Одељење историјских наука, 2014. Књ. 3. Свеска 5/1. Док. 280.

²¹ *Vojvodih M.* Србија и Турска. С. 245.

практически до конца 1911 г. Так, 27 октября сербский посланник в Константинополе Я. Ненадович вновь обсуждал с Чарыковым возможность создания балканского союза при участии Турции. Ненадович констатировал, что у Сербии сейчас весьма дружественные отношения с Османской империей, на что Чарыков заметил, что именно это позволит Сербии стать инициатором такого союза. Через три дня, 30 октября, Ненадович беседовал об этом плане с великим визирем²².

В период активной деятельности Чарыкова по реализации российско-турецкого договора сербский посол в Париже М. Веснич сообщил своему министру иностранных дел в октябре 1911 г.: «В связи с последней итало-турецкой войной вновь начали распространяться из Константинополя известные вам голоса о турецком расположении в отношении Балканской конфедерации. Здешний турецкий посланник Рифат-паша говорил в этом смысле и при этом очень настойчиво одному моему русскому приятелю, известному публицисту, и просил его воздействовать на Россию в этом направлении»²³.

Из черногорской столицы сербский посланник М. Гаврилович извещал в то же время, что его посетил турецкий посол Садредин-бей, заявивший, что «балканские государства должны сплотиться вокруг Турции», а «главной целью его визита была лекция о пользе Конфедерации балканских государств»²⁴. Генеральный консул в Салониках Ж. Балугджич представил в МИД Сербии в октябре 1911 г. подробный анализ отношения младотурецких лидеров к Балканской конфедерации. Он писал, что, хотя в Константинополе прошла конференция сторонников этой идеи, где был избран комитет с целью ее реализации, широкого одобрения она не получила. Балугджич полагал, что Назим-бей сдержанно относится к конфедерации, понимая, что перед угрозой австрийского продвижения на Балканы маленькие балканские государства собираются укрепиться за счет Турции, кроме того, считая, что им будет тяжело на деле отказаться от экспансионистской политики. Сербский консул сообщал далее, что, по мнению Назим-бея, Саид-паша, вероятнее всего, предпочтет дискуссиям о конфедерации заключение договоров с каждым из балканских государств по отдельности, стремясь перевести отношения с ними на твердую основу, что, возможно, приведет к созданию балканского союза²⁵.

²² Там же. С. 258.

²³ Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Књ. 3. Св. 5/1. Док. 573.

²⁴ Там же. Док. 618.

²⁵ Там же. Док. 584.

12 октября 1911 г. Чарыков представил свой проект русско-турецкого соглашения великому визирю. Россия обещала разрешить Турции железнодорожное строительство в Северной Анатолии, а турецкое правительство должно было согласиться на проход русских военных судов через проливы. Саид-паша после консультаций с представителями великих держав отказался от предложенного Чарыковым договора. Новый министр иностранных дел России С. Д. Сазонов заявил, что это была личная инициатива посла, и вскоре отозвал его в Петербург. Чарыков получил должность сенатора и к дипломатической работе больше не возвращался.

О.А. Чернов, автор фундаментальной монографии о Чарыкове²⁶, констатирует, что оценки проекта русско-турецкого договора в историографии носят крайне противоречивый, порой и диаметрально противоположный характер²⁷, а причины его неуспеха до сих пор до конца не выяснены.

Сам Чарыков в воспоминаниях так интерпретирует неудачу своего «демарша»: «По определенным важным политическим причинам Сазонов прервал эти переговоры с Турцией в 1911 году. Но три года спустя во время Великой войны он снова начал их с западными державами»²⁸.

Иной взгляд на успех плана Чарыкова был у другого представителя России на Балканах – В.Н. Штрандтмана. В 1877 г., когда Чарыков воевал на Балканах, в семье генерал-лейтенанта, коменданта Царскосельского дворца, родился сын, – Василий Николаевич Штрандтман. Крестным отцом его был сам император Александр II. Учился Штрандтман в Пажеском корпусе, затем служил в гвардии, но по состоянию здоровья в 1901 г. перешел на дипломатическую службу. Его назначение в Болгарию на должность секретаря дипломатического представительства в 1908 г. совпало с периодом Аннексионного кризиса. Осенью 1909 г. он был переведен в посольство в Константинополе и работал в течение двух лет под руководством Н. В. Чарыкова, а затем был направлен в российское посольство в Белграде, где находился до осени 1915 г.

Штрандтман работал в российском посольстве в Константинополе как раз во время «демарша Чарыкова». Однако он с откровенным недоверием относился к идее федерации балканских государств, продвигаемой Чарыковым. Он пишет в своих воспоминаниях: «По поводу предложенного Чарыковым нашему министерству иностранных дел плана образования

²⁶ Чернов О. А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н. В. Чарыкова. Самара: Издательство ПГСГА, 2010.

²⁷ Он же. «Демарш Чарыкова» в мемуарах Н. В. Чарыкова... С. 139.

²⁸ Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику. С. 266–267.

чего-то вроде союза, в первую очередь между Турцией и Болгарией, а затем и с другими балканскими государствами, пока на десятилетний срок, я опять же был вынужден высказаться в смысле полной неосуществимости такой идеи»²⁹. По словам Штрандтмана, против проекта конфедерации выступал и российский посол в Сербии Н. Г. Гартвиг, которому Н. Пашич сообщил «содержание настойчивых советов Н. В. Чарыкова сербскому посланнику в Константинополе всячески добиваться тесного соглашения с Турцией, что входило в обширный план русского посла об образовании федерации балканских государств»³⁰. Гартвиг решительно возражал против этого плана, в то время как российский МИД считал его важным и реальным³¹. Своеволие Гартвига, который «истолковывал в Белграде русскую политику по-своему», отмечал в своих мемуарах и С. Д. Сазонов³².

О возможности компромисса с Турцией и переговорах с младотурками говорит сербский ученый М. Войводич, полагая, что это могло привести к сплочению молодых балканских стран и прекращению их взаимного соперничества и вражды³³. Однако вышло так, что специфика младотурецкой национальной программы действительно способствовала сближению балканских государств, но уже на антитурецкой основе и в виде подготовки войны с Османской империей.

Штрандтман свидетельствует, что Россия активно стремилась сгладить противоречия на Балканах и нормализовать отношения балканских стран и Турции. Ей удалось уже в канун Первой балканской войны добиться от турецкого министра иностранных дел обещания предоставить грекам, сербам и болгарам на территории Турции местное самоуправление. Формирование антитурецкого балканского союза во многом означало провал русской модели мирного сосуществования балканских государств на основе конфедерации, в том числе и автономизации Европейской Турции. Понять причины этого провала позволяют мемуары Штрандтмана.

Прежде всего он возлагает ответственность на сами балканские государства. Штрандтман пишет: «Чаяния некоторых балканских народов не должны были являться решающими в смысле сроков, и их правителям надлежало согласовывать свою политику с политикой России.

²⁹ Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. М.: Книжница, 2014. С. 49.

³⁰ Там же. С. 84.

³¹ Там же. С. 86–87.

³² Сазонов С. Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. С. 85.

³³ Войводић М. Србија, српско питање и Турска крајем XIX и почетком XX века // Ислам, Балкан и Велике силе / уред. С. Терзић. Београд: Историјски институт САНУ, 1997. С. 373–384.

Без помощи России они не могли добиться осуществления своих законных прав на самостоятельное существование. В действительности же, как о том свидетельствуют разыгравшиеся события, это, казалось бы, разумное понимание жизненных интересов было нарушено самими балканскими народами, что привело к целому ряду катастрофических последствий не только для них, но и для самой России»³⁴.

Много внимания уделяет Штрандтман и личностям амбициозных балканских правителей, действовавших вопреки русским рекомендациям, явно демонстрируя свою враждебность России, но в то же время требующих и получающих русскую дипломатическую поддержку и материальную помощь. В первую очередь это касается политики черногорского короля Николы и прогермански настроенного царя Болгарии Фердинанда. При этом Штрандтман, лично встречавшийся с обоими, не рисует их одной черной краской. Так, Фердинанд предстает перед нами глубоким знатоком древнерусской культуры, литературы и особенно иконописи³⁵.

Характеризуя балканских правителей, Штрандтман объясняет также, почему самодержавная Россия поддерживала идеи и форму демократического правления в балканских странах. Он пишет: «Колебание и неустойчивость русофильских симпатий правящих династий Кобургов в Болгарии, Обреновичей в Сербии, Гогенцоллернов в Румынии и Глюксбургов в Греции побуждали Россию всячески поддерживать и укреплять в этих государствах, отчасти славянских и сплошь православных, идеи и основы демократического образа правления. Это был единственный способ, при котором голос народных представителей, отдававших себе отчет в мощи и спасительности русского заступничества от внешних врагов, мог быть услышан»³⁶.

Штрандтман свидетельствует не только о нарушении балканскими правителями русских планов и часто открытой конфронтации с Россией, но и о непрочности и фальши их собственного союза, что и продемонстрировала Вторая балканская война. Штрандтман служил в российских посольствах в Болгарии и Сербии и считал, что правительства этих соседних славянских православных стран были настроены враждебно друг к другу, и их конфронтация и вражда тревожили российское руководство.

Еще одна причина краха русской модели переустройства Балкан также хорошо просматривается в воспоминаниях Штрандтмана – это отсутствие единства и последовательности в самом русском внешнеполитическом

³⁴ Штрандтман В. Н. Балканские воспоминания. С. 35.

³⁵ Там же. С. 43.

³⁶ Там же. С. 77.

ведомстве. Полное несогласие царит в среде русских посланников на Балканах, они противоречат друг другу, а некоторые из них открыто противятся инструкциям Петербурга. Известный отечественный исследователь балканской политики России Ю. А. Писарев показал значительное расхождение мнений российских дипломатов по вопросу включения Османской империи в Балканскую федерацию. Он констатировал, что Н. Г. Гартвиг, Д. К. Сементовский-Курило, Н. А. Обнорский, Г. Н. Трубецкой «считали нереальным вовлечение Турции в Балканскую федерацию или Балканский союз и стояли за пересмотр самого принципа статус-кво, имея в виду раздел между Сербией, Болгарией и Грецией европейских владений Турции»³⁷. В противовес им посланник России в Болгарии А. В. Неклюдов был солидарен с позицией Чарыкова, полагая, что «создание Всебалканского союза с участием Турции могло бы привести к нормализации общей обстановки на Балканах и способствовало бы решению в благоприятном для России плане проблемы проливов»³⁸.

В Петербурге также не было единодушия по данному вопросу, хотя сам министр иностранных дел С. Д. Сазонов не исключал возможности создания Балканского союза с включением в него Турции. Об этих разногласиях писал в своем донесении от 27 октября 1911 г. сербский посланник в России Д. Попович, сообщая, что успешные переговоры Чарыкова с Саид-пашой «о Балканской федерации, которая охватит и Турцию», не вызывают большого воодушевления у российского правительства. В то же время он отмечал, что товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов и председатель Совета министров В. Н. Коковцев одобряют локальный сербо-болгарский союз³⁹.

И в Сербии, и в России понимали, что судьба Балканской федерации во многом зависит от позиции Австро-Венгрии и Германии и их участия в разрешении триполитанской проблемы. Политика этих стран была направлена на недопущение формирования такого союза. Характерно в данной связи цитируемое Ю. А. Писаревым донесение германского посла в Константинополе А. Маршалла фон Биберштейна, в котором утверждалось, что создание по инициативе России Всебалканского союза с участием в нем Турции «будет ошеломляющим успехом для славянства и тяжелым ударом для германизма в Турции»⁴⁰.

³⁷ Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1985. С. 64–65.

³⁸ Там же. С. 65.

³⁹ Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903–1914. Београд: САНУ; Одељење историјских наука, 2009. Књ. 4. Св. 4/2. Док. 593.

⁴⁰ Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы... С. 69.

По мнению Ю.А. Писарева, именно германский посол уговорил турецкого министра иностранных дел отклонить предложение Чарыкова о создании Балканской федерации.

Неуспех плана Чарыкова обусловлен множеством факторов, среди которых и недоверие к политике России со стороны младотурецких лидеров, и амбиции лидеров молодых славянских государств, и, конечно же, противостояние двух складывающихся военно-политических блоков, которые столкнутся в Первой мировой войне. Мемуары Н.В. Чарыкова и В.Н. Штрандтмана дают представление о том, с какими трудностями столкнулась российская дипломатия в попытках урегулировать ситуацию на Балканах накануне балканских войн.

Литература

- Арапов Д. Ю.* Русский посол в Турции Н. В. Чарыков и его «заключение» по «мусульманскому вопросу» // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): сборник статей / сост. Д. Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. С. 352–367.
- Војводић М.* Србија и Турска. 1878–1914. Политички односи. Београд: Филип Вишњић, 2019.
- Војводић М.* Србија, српско питање и Турска крајем XIX и почетком XX века // Ислам, Балкан и Велике силе / уред. С. Терзић. Београд: Историјски институт САНУ, 1997.
- Киселева В. И.* Русско-турецкие переговоры об открытии проливов в 1911 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1958. Т. 12. С. 166–207.
- Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1985.
- Фишер Л. А.* Демарш Чарыкова в 1911 г. и проблема Черноморских проливов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Научный журнал. 2009. № 93. С. 102–107.
- Чапкевич Е. И.* Проблемы русско-турецких отношений в период младотурецкой революции 1908–1909 гг. в свете новых архивных документов // Историография проблем международных отношений и национальных движений в странах Западной Европы и Северной Америки / отв. ред. М. Т. Панченкова. М.: МГИАИ, 1985. С. 75–93.
- Чернов О. А.* «Демарш Чарыкова» в мемуарах Н. В. Чарыкова // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). С. 139–140.
- Чернов О. А.* Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н. В. Чарыкова. Самара: Издательство ПГСГА, 2010.
- Чернов О. А.* Русско-турецкие переговоры 1911 года в дипломатической деятельности и взглядах Н. В. Чарыкова // Политическая культура и международные

отношения в новое и новейшее время / под ред. М. В. Белова. Нижний Новгород: ННГУ, 2009. С. 148–161.

References

- Arapov, D. Iu., 2006. Russkii posol v Turtsii N. V. Charykov i ego “zakliuchenie” po “musul'manskomu voprosu” [Russian Ambassador to Turkey N. V. Charykov and his “conclusion” on the “Muslim problem”]. In: Arapov, D. Iu., ed., 2006. *Imperatorskaia Rossiia i musul'manskii mir (konets XVIII – nachalo XX v.): Sbornik statei* [Imperial Russia and the Muslim World]. Moscow: Natalis, pp. 352–367. (in Rus.)
- Chapkevich, E. I., 1985. Problemy russko-turetskikh otnoshenii v period mladoturetskoi revoliutsii 1908–1909 gg. v svete novykh arkhivnykh dokumentov [Problems of Russian-Turkish relations during the Young Turk revolution of 1908–1909 in the light of new archival documents]. In: Panchenkova, M. T., ed., 1985. *Istoriografiia problem mezhdunarodnykh otnoshenii i natsional'nykh dvizhenii v stranakh Zapadnoi Evropy i Severnoi Ameriki* [Historiography of problems of international relations and national movements in Western Europe and North America]. Moscow: MGIAI, pp. 75–93. (in Rus.)
- Chernov, O. A., 2010. *Diplomaticheskaia deiatel'nost' i istoricheskie vzgliady N. V. Charykova* [N. V. Charykov’s diplomatic activities and historical views]. Samara: Izdatel'stvo PGSGA. (in Rus.)
- Chernov, O. A., 2009. Russko-turetskie peregovory 1911 goda v diplomaticheskoi deiatel'nosti i vzgliadakh N. V. Charykova [Russian-Turkish negotiations, 1911 in diplomatic activities and ideas of N. V. Charykov]. In: Belov, M. V., ed., 2009. *Politicheskaiia kul'tura i mezhdunarodnye otnosheniia v novoe i noveishee vremia* [Political culture and international relations in modern and contemporary times]. Nizhny Novgorod: NNGU, pp. 148–161. (in Rus.)
- Chernov, O. A., 2014. “Demarsh Charykova” v memuarakh N. V. Charykova [Charykov’s Demarche in N. V. Charykov’s Memoirs]. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 4(9), pp. 139–140. (in Rus.)
- Fisher, L. A., 2009. Demarsh Charykova v 1911 g. i problema Chernomorskikh prolivov [Charykov’s Demarche in 1911 and the problem of the Black Sea Straits]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. Nauchnyi zhurnal*, 93, pp. 102–107. (in Rus.)
- Kiseleva, V. I., 1958. Russko-turetskie peregovory ob otkrytii prolivov v 1911 g. [Russian-Turkish negotiations on opening of Straits in 1911]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta*, 1958, 12, pp. 166–207. (in Rus.)
- Pisarev, Iu. A., 1985. *Velikie derzhavy i Balkany nakanune pervoi mirovoi voiny* [Great powers and the Balkans on the eve of the First World War]. Moscow: Nauka. (in Rus.)
- Vojvodić, M., 2019. *Srbija i Turska. 1878–1918. Politički odnosi* [Serbia and Turkey. 1878–1914. Political relations]. Belgrade: Filip Višnjić.
- Vojvodić, M., 1997. Srbija, srpsko pitanje i Turska krajem XIX i početkom XX veka [Serbia, the Serbian question and Turkey at the end of the 19th and the beginning of the 20th century]. In: Terzić, S., ed., 1997. *Islam, Balkan i Velike sile* [Islam, the Balkans and the Great Powers]. Belgrade: Istorijски institut SANU. (in Serb.)

МАТЧ-РЕВАНШ МЕЖДУ Р. ФИШЕРОМ И Б. СПАСКИМ В 1992 Г. КАК ПОПЫТКА ПРОРЫВА СПОРТИВНЫХ САНКЦИЙ В ЮГОСЛАВИИ

Йована Перишич

магистр истории, Центр по изучению России
и Восточной Европы, философский факультет,
Белградский университет

Почтовый адрес: Чика Любина 18-20, Белград,
11000 Сербия

Электронный адрес: jperisic25@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрена попытка Союзной Республики Югославия преодолеть спортивные санкции, наложенные на страну 30 мая 1992 г. В результате этих санкций атлеты были вынуждены участвовать в спортивных соревнованиях без национальных эмблем и флагов. С целью прорыва международной информационной блокады руководство Союзной Республики Югославия попыталось организовать коммерческий матч Р. Фишера и Б. Спасского – шахматистов, предыдущая встреча которых, состоявшаяся в 1972 г., заслужила неформальный титул «матч столетия». Организатором турнира выступил Е. Васильевич – бизнесмен, сочетавший торговлю сигаретами и нефтью с банковскими операциями. Результаты этой дорогостоящей авантюры оказались сомнительными. В условиях диктата крупных медиакорпораций и отсутствия конкурентов традиционным СМИ замысел организаторов турнира был обречен на провал. Однако сам матч остался яркой страницей не только истории югославского кризиса 1990-х гг., но и истории шахмат.

Ключевые слова

Югославский кризис 90-х гг. в XX в., история спорта, история шахмат, Слободан Милошевич, Ездимир Васильевич, Роберт Фишер, Борис Спасский

Статья поступила в редакцию 20 октября 2020 г.

Цитирование: *Перишич Й.* Матч-реванш между Р. Фишером и Б. Спасским в 1992 г. как попытка прорыва спортивных санкций в Югославии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 170–186. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.09>

REMATCH BETWEEN ROBERT FISCHER AND BORIS SPASSKY IN 1992 AS AN ATTEMPT TO BREAK THROUGH THE SPORTS SANCTIONS IN YUGOSLAVIA

Jovana Perišić

Master of History, Center for Russian and
Eastern European Studies, Faculty of Philosophy,
University of Belgrade

Postal address: Ćika-Ljubina 18-20, Beograd,
11000 Serbia

E-mail: jperisic25@gmail.com

Abstract

The article examines the attempt of the Federal Republic of Yugoslavia to organise a breakthrough of the sports sanctions imposed on the country on 30 May, 1992. As a result of these sanctions, the country's athletes were forced to participate in sports competitions without national emblems and flags. The next step was to be a complete ban on the participation of Yugoslav sport organisations in international competitions. In order to break through the international information blockade, the leadership of the FR of Yugoslavia tried to organise a commercial match between Robert Fischer and Boris Spassky, two veteran chess players, who played in the 1972 "Match of the Century." The conference was organised by Jezdimir Vasiljević, a businessman who combined the cigarette and oil trade with the banking business. The results of this costly adventure were dubious. With the complete domination of huge international media corporations, positive results were almost impossible. However, the episode itself remains a bright page not only in the gloomy history of Yugoslavia in the 1990s, but also in the history of chess.

Keywords

Yugoslavian crisis of the 1990s, history of sports, chess history, Slobodan Milošević, Jezdimir Vasiljevich, Bobby Fischer, Boris Spassky

Received 20 October 2020

How to cite: Perišić, J., 2021. Match-revansh mezhdu R. Fisherom i B. Spasskim v 1992 godu kak popytka proryva sportivnykh sanktsii v Iugoslavii [Rematch between Robert Fischer and Boris Spassky in 1992 as an Attempt to Break through the Sports Sanctions in Yugoslavia]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 170–186. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.09>

В 1980-е гг. начался процесс постепенного «умирания» Союзной Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), которая погрузилась в тяжелый политический, экономический и общественный кризис. Его интенсивность привела к кровавому конфликту между республиками и в конечном счете к распаду федерации. 30 мая 1992 г. Совет

безопасности ООН ввел санкции в отношении Союзной Республики Югославия (СРЮ), учрежденной всего за месяц до этого. Поводом стало участие в войне, которая, разгоревшись в момент провозглашения независимости Словении и Хорватии, вскоре перекинулась на Боснию и Герцеговину и стала представлять собой угрозу безопасности в регионе и во всем мире. Резолюция № 757 устанавливала в отношении Сербии тотальное международное экономическое эмбарго¹. Это привело к экономическому кризису и гиперинфляции. Экономическими санкциями дело не ограничилось. Прекратилось авиасообщение с Белградом, сократилось число дипломатических миссий и консульств в сербской столице, был наложен запрет на научно-техническое и культурное сотрудничество, а также на участие спортивных команд и отдельных атлетов из СРЮ в международных соревнованиях.

Всеобъемлющие санкции ООН в отношении СРЮ накладывали на страны – члены ООН обязательство «предпринимать необходимые шаги, чтобы воспрепятствовать участию в спортивных мероприятиях на своей территории лиц и групп, представляющих Союзную республику Югославия (Сербия и Черногория)»². В новейшей истории спорта санкции, обусловленные декларативно политическими соображениями, применялись лишь к Южно-Африканской республике (ЮАР) и СРЮ³. Любая активность или сотрудничество в спортивной сфере оказались полностью заблокированными. Положение спортсменов и федераций дополнительно отягощалось тем, что ООН отвергло требование СРЮ признать ее правопреемницей СФРЮ как члена ООН. Всем государствам, даже тем, кто не состоял в ООН, было предложено соблюдать резолюцию, пренебрегая соглашениями и обязательствами, которые существовали до ее принятия.

Сразу по принятии ООН резолюции № 757 власти Франции и Швеции, ссылаясь на нее, отказали югославским баскетболистам и футболистам в участии в запланированных соревнованиях. Сборной СРЮ по футболу пришлось вернуться из Швеции непосредственно перед началом первенства Европы. 1 июня 1992 г. испанское правительство уведомило югославских дипломатов, что оно намерено в полном объеме выполнять резолюцию⁴.

¹ *Kovačević Ž.* Amerika i raspad Jugoslavije. Beograd: Filip Višnjić: Fakultet političkih nauka, 2007. S. 100.

² *Перишић Ђ.* Опстанак и повратак: борба за враћање у олимпијски и светски спортски покрет 1992–1996. Београд: Службени гласник, 2012. С. 25.

³ *Skembler G.* Sport i društvo: istorija, moć i kultura. Beograd: Clio, 2007. S. 106–107.

⁴ *Перишић Ђ.* Опстанак и повратак... С. 26

В соответствии с этим испанцы должны были отказать югославским спортсменам в праве участвовать в Олимпийских играх. Однако месяц спустя Международный олимпийский комитет (МОК), проведя встречу в Лозанне, принял собственную резолюцию, на основании которой югославским спортсменам все-таки разрешалось участвовать в Олимпиаде в случае выполнения определенных условий⁵. А именно атлеты, именовавшиеся «независимыми участниками Олимпийских игр», должны были носить белую форму без государственной символики и выступать под олимпийским флагом. Кроме того, им предстояло подписать обязательство, что они «не будут представлять ни СРЮ, ни любую другую форму государства, страны или нации». Им также следовало воздержаться от каких-либо политических заявлений или демонстраций. В противном случае им грозила дисквалификация. А если бы кому-нибудь из них удалось выиграть медаль, в ходе церемонии награждения в их честь подняли бы олимпийский флаг и прозвучал бы олимпийский гимн. Всего за три дня до торжественного открытия игр МОК проинформировал Белград, что накануне СБ ООН принял решение, согласно которому югославским спортсменам запрещалось участвовать в командных соревнованиях, так как «должно быть ясно и очевидно, что атлеты соревнуются исключительно в индивидуальном и личном качестве. Поэтому они ни в коем случае, даже в ходе церемонии, не могут выступать совместно как команда»⁶. Представителям СРЮ запретили участвовать в шествии делегаций во время открытия и закрытия игр. Спортсмены, которым во время соревнований не разрешалось говорить, что они из Югославии, вернулись домой раньше времени⁷. Проблема статуса югославских атлетов на Олимпийских играх в Барселоне находилась в фокусе общественного внимания⁸, что не должно удивлять, потому что, во-первых, спорт как общественный феномен всё активнее изучается и, во-вторых, такие мегасобытия, как Олимпиада, по словам социолога Мориса Роша, представляют собой ключевые явления глобальной современной повседневности, сближающие интересы политических и экономических элит⁹. Полноправное

⁵ Ćirić A. Olimpijski plamen, dim i magla // Vreme. 2012. 19 VII. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=1063420> (дата обращения: 14.11.2020).

⁶ Ibid.

⁷ Nešić M., Radenović S. Život kroz sport. Beograd: Prosveta, 2016. S. 27.

⁸ Подробнее см.: Janofsky M. OLYMPICS: Barcelona'92; Yugoslavia Agrees to Terms of Restricted Entry in Games // The New York Times. 1992. 23 VII; *Idem*. OLYMPICS; Yugoslav Complication for the I.O.C. // The New York Times. 1992. 5 V.

⁹ Lincoln A. Global Politics of Sport. The Role of Global Institutions in Sport. London: Routledge, 2005. P. 44.

участие в международных соревнованиях снова стало возможным только спустя 28 месяцев изоляции, в которой находились югославские спортсмены, команды, сборные команды и спортивные чиновники. Резолюция СБ ООН № 943, принятая 23 сентября 1994 г., на начальный период в сто дней отменяла предусмотренные резолюцией № 757 запреты на участие в спортивных соревнованиях, а также культурный обмен¹⁰.

Разумеется, шахматы не находились в центре общественного внимания, и поэтому казалось, что их можно использовать для обхода спортивных санкций. Так как не представлялось возможным организовать спортивное событие в рамках международных спортивных федераций, было решено провести коммерческий турнир, который имел бы широкий общественный резонанс. Речь шла о сиквеле «матча века», который состоялся в Рейкьявике в 1972 г.¹¹ Так называли последнюю официальную партию, которую сыграл Бобби Фишер. Он сохранял титул чемпиона мира до 1975 г., в течение которого он пропустил все международные турниры и отказался играть против Анатолия Карпова под тем предлогом, что ФИДЕ (Международная шахматная федерация; фр. *Fédération Internationale des Échecs, FIDE*) не приняла выдвинутые им условия проведения матча. Два десятилетия – с 1972 по 1992 г. – Фишер вел удивительную жизнь в США. Однако в 1992 г. он согласился сыграть с Борисом Спасским матч-реванш, который планировалось провести при поддержке сербского президента Слободана Милошевича в Белграде и на фешенебельном курорте Свети-Стефан – всего в паре десятков километров от линии фронта гражданской войны. 20 лет шахматный мир ждал его появления, а он из всех стран выбрал для этого СРЮ, находившуюся вне закона. Государственный департамент США участие Фишера в матче в обход санкций ООН назвал противоправным действием, а министерство финансов расценило его как «прямое нарушение американских законов», караемое десятью годами заключения и штрафом в 250 тыс. долларов¹². Уже 1 сентября 1992 г. в белградских «Вечерних новостях» (*Вечерње новости*) появился заголовок «Бобби ждет тюрьма»¹³. Многих такое поведение Фишера не удивило, ведь он вел войну с каждой «властью», которая встречалась ему на пути: с ФИДЕ, с Советами и даже с Югославией, когда отказался проводить матч в 1972 г. в Белграде.

¹⁰ *Перишић Ђ.* Опстанак и повратак... С. 203.

¹¹ *Steiner G.* Fields of Force: Fischer and Spassky at Reykjavik. New York: Viking Press, 1974; *Johnson D.* White King and Red Queen: How the Cold War Was Fought on the Chessboard. Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 2008. P. 184.

¹² *Vujić D.* JUGO – uspon i pad najgoreg automobila u istoriji. Beograd: Tanesi, 2014. S. 243.

¹³ Бобија чека робија // Вечерње новости. 1992. 1 IX.

В сентябре 1992 г. *Политика експрес* перепечатала передовицу российской газеты «Спорт-экспресс», анонсирувавшую матч Фишера и Спасского. Заголовок «Два грешника на святом острове»¹⁴ намекал, что за столом встретятся два «изгнанника» – внешний (Спасский) и внутренний (Фишер). Последовала реакция официального Парижа, что неудивительно, ведь Спасский имел французское гражданство. После поражения в Рейкьявике он ушел в тень, а через три года ему удалось выехать из СССР и поселиться во Франции, где он жил с двумя паспортами – советским и французским. Власти Пятой республики не считали, что матч с Фишером нарушает санкции в отношении СРЮ. ФИДЕ не участвовала в организации турнира, который следовало рассматривать как «абсолютно частную инициативу», не подпадающую под эмбарго, оговоренное резолюциями ООН¹⁵. Заняв такую позицию, Франция как член ООН и государство, участвовавшее во введении санкций в отношении СРЮ, отказывалась квалифицировать Спасского как «нарушителя» эмбарго.

Хотя в 1992 г. на кону не стояло официальное звание чемпиона мира, прошедший матч, если судить по резонансу, который он вызвал, не укладывался в рамки заурядного коммерческого соревнования. СМИ по всему миру на один день вновь заговорили о Югославии, и поводом для этого была не война. Отвечая на вопрос, почему именно Югославию Фишер выбрал для своего возвращения, следует учитывать, в каком году оно состоялось. Главная заслуга в произошедшем принадлежала Езди-миру Васильевичу – владельцу фирмы «Югоскандик», которого газета *The New York Times* называла организатором матча, загадочным торговцем, владельцем частного банка, сколь богатым, столь и бескомпромиссным в своем национализме¹⁶.

В качестве предпринимателя Ездимир Васильевич (Хозяин Ёзда) приобрел известность в начале 1990-х гг. – накануне распада страны. Будучи никому не известным, он вышел на общественную сцену и за короткий срок превратился в преуспевающего бизнесмена – владельца фирмы «Югоскандик». В распаде СФРЮ, обострении экономического кризиса, разрушении правовой системы и упадке общественной морали он усмотрел возможность личного обогащения¹⁷. С успехом развивая свой бизнес, он занимался всем – от продажи техники и автомобилей

¹⁴ *Ракун Б.* Бајка за свет // *Политика експрес*. 1992. 24 IX. С. 17.

¹⁵ Није кршење санкција // *Политика експрес*. 1992. 3 IX. С. 17. (Репортаж из Парижа).

¹⁶ Fischer and Spassky Ready to Play A Chess Match Not Far From a War // *The New York Times*. 1992. 31 VIII. P. 39.

¹⁷ *Dinkić M.* *Ekonomija destrukcije: Velika pljačka naroda (dopunjeno izdanje)*. Beograd: Stubovi kulture, 2007. S. 164.

до банковского дела. Единственная проблема состояла в том, что для этого у него не имелось никаких формальных полномочий. «Югоскандик» был зарегистрирован как торговая фирма и как сберегательно-кредитное объединение, имевшее право привлечения денежных средств, номинированных в динарах, но не в свободно конвертируемой валюте¹⁸. Что касается банковской деятельности, то она заключалась главным образом в привлечении максимального количества новых вкладчиков, что позволяло выплачивать выгодные проценты по старым вкладам. Увеличение числа вкладов вело к росту расходов на выплату дивидендов. С целью расширения торговой деятельности Васильевич заключил негласное соглашение с государством¹⁹. Первым и поначалу основным источником финансирования выплат процентов по вкладам служило полученное от государства монопольное право на продажу продуктов переработки нефти и сигарет²⁰.

Из-за претензий со стороны Народного банка Югославии (НБЮ) в апреле 1992 г. Е. Васильевич перенес центр своей финансовой деятельности в Черногорию, где заключил договор о сотрудничестве с Банком частного предпринимательства. Тот предоставил ему то, в чем отказывал НБЮ, а именно возможность осуществлять валютные операции²¹. За оказанные услуги Хозяин Ёзда подписал с правительством Черногории соглашение об аренде на пять лет элитного курорта Свети-Стефан, обязавшись выплатить 570 млн долл.²² Спустя месяц после заключения сделки было введено эмбарго в отношении СРЮ. В непростой обстановке, в которой находилась страна, Е. Васильевичу пришла в голову идея организовать в рамках финансируемого им празднования первой годовщины со дня объявления Черногории «экологическим государством» «матч века» с участием Фишера и Спасского. Белградская печать величала тогда Хозяина Ёзду «финансовым королем», который встал вровень с «шахматными королями»²³.

Немецкий гроссмейстер Лотар Шмидт, выполнявший в 1972 г. в Рейкьявике обязанности главного судьи, несмотря на предостережение, что бывшая Югославия находится на военном положении, согласился приехать на матч-реванш в привычном качестве²⁴. Для него, как и для

¹⁸ Ibid. S. 165.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid. S. 168.

²¹ Ibid. S. 169.

²² Nikolić Z. Povratak u zatvor // Vreme. 2001. 1 III. S. 22.

²³ М., К. Kraljevi šaha i finansija // Vreme. 1992. 7 IX. S. 56.

²⁴ Подробнее см.: Лазаревич М. Страх од туге // НИИ. 1992. 11 IX. С. 32–33.

Фишера со Спасским, деньги, по-видимому, были основным мотивом, что неудивительно, ведь призовой фонд составил пять млн долл. А на всю организацию матча было потрачено 15 млн²⁵. Напомним, что югославское государство в то время находилось в очень тяжелом положении с точки зрения финансов. Средняя заработная плата в августе – сентябре 1992 г. составляла 24–30 тыс. динаров²⁶, что означает, что на турнир было потрачено приблизительно от 100 тыс. до 125 тыс. зарплат граждан СРЮ. Приведенные данные подтверждают, что матч обошелся в колоссальную сумму, которая выглядела почти фантастической в ситуации, когда половина населения СРЮ буквально не могла прокормить себя²⁷.

В 1992 г., давая интервью журналу *НИН*, Е. Васильевич отказался обсуждать некоторые темы, заявив, что испытывает аллергию на вопросы о деньгах, из-за чего ему приходится избегать журналистов. Вопросы, касавшиеся средств, потраченных на организацию матча, были следующие: предоставил ли деньги Слободан Милошевич, то есть Сербия; как удалось заманить Фишера в СРЮ; кто такой на самом деле Хозяин Ёзда и как ему удастся выплачивать такие высокие проценты вкладчикам?²⁸ Несмотря на увиливание Васильевича от ответов, стало ясно, что матч Фишера – Спасского представляет собой попытку, с одной стороны, поскорее добиться отмены санкций и, с другой – продемонстрировать миру и народу СРЮ, что шахматы важнее войны. Васильевич полагал, что, привезя Фишера, ему удастся прорвать информационную блокаду. Предполагалось организовать спортивное шоу как информационный повод высшего уровня, который бы помог преодолеть блокаду, имевшую пагубные последствия для СРЮ.

Описываемое событие вызвало большой резонанс, о чем свидетельствует тот факт, что, несмотря на эмбарго, крупные мировые информационные агентства прислали своих корреспондентов, чтобы следить за ходом противостояния. Германская телекомпания «УФА» приобрела эксклюзивное право трансляции матча²⁹. В составленном агентством *France Press* обзоре событий, произошедших в мире 3 сентября, девятое место заняло сообщение о первом ходе в первой партии. Сопровождалась эта

²⁵ Согласно курсу НБЮ, в сентябре 1992 г. 1 доллар стоил 200 динаров. Поэтому организация матча обошлась в 3 млрд динаров. URL: <https://www.kursna-lista.com/istorija-kursa-dinara> (дата обращения: 10.08.2020).

²⁶ Минималац за август биће 30.100 динара // Политика експрес. 1992. 4 IX. С. 3.

²⁷ Половина гладује // Вечерње новости. 1992. 25 IX. С. 8.

²⁸ Цашић Т. Језда воли спектакле // НИН. 1992. 11 IX. С. 32.

²⁹ С., П. Црвена звезда и УФА откупљају телевизијска права // Политика. 1992. 1 IX. С. 17.

новость заголовком «Свети-Стефан, Югославия»³⁰. Газета *The New York Times* передавала слова Фишера о том, что он любит Югославию и что он 20 лет назад хотел играть здесь со Спасским, что он дружит с югославским шахматистом Глигоричем³¹. В свете сказанного его прибытие надлежало воспринимать как неожиданный, но предсказуемый поступок. Что касается Глигорича, то он в интервью *Вечерние новости* сообщил, что Фишер согласился играть в СРЮ, потому что были выполнены «определенные» условия, которые он поставил³². В их числе наряду с размерами призового фонда было и то, что матч должен был проводиться за титул чемпиона мира. То есть Фишер требовал от организаторов, чтобы они по-прежнему относились к нему как к чемпиону мира, хотя он давно утратил этот титул. Чтобы заполучить Фишера, пришлось согласиться с этим требованием. Но не полностью, так как матч нельзя было называть официальным матчем за звание чемпиона мира. Поэтому организаторы провозгласили его «матчем-реваншем XX века», то есть сиквелом «матча века», состоявшегося в 1972 г.³³ Прошедший в 1992 г. матч действительно был «реваншем», потому что Фишер, выиграв в 1972 г., сразу предложил Спасскому снова встретиться за шахматным столом. Мотивировалось это тем, что проигравшему чемпиону, то есть Спасскому, надо дать возможность отыграться³⁴. Таким образом, Фишер выполнил свое обещание, которое дал двадцатью годами ранее. Как писала газета *The New York Times*, вышеприведенные соображения могли отчасти объяснить, почему Фишер по прошествии 20 лет вернулся в шахматы именно в Югославии. Однако они едва ли могли служить оправданием того, что Фишер решил приехать в Югославию в тот момент, когда она находилась под санкциями³⁵. Произошедшее имело тяжелые последствия не только для Фишера, но и для Шахматного союза Югославии, который, пригласив его, оказался в очень затруднительном положении.

Журнал *Duga* («Радуга») из-за того, что в нем публиковались интервью с югославскими диссидентами, имел в бывшей Югославии репутацию издания, настроенного националистически и оппозиционно

³⁰ Свети Стефан – Југославија // Политика. 1992. 3 IX. С. 14.

³¹ Will the Eccentric American Genius Be as Strong as Ever? Perhaps // *The New York Times*. 1992. 31 VIII. P. 39.

³² Рајковић М. Фишера то чека // Вечерње новости. 2008. 26 I. С. 23.

³³ Chabris C. The Return of Bobby Fischer // *American Chess Journal*. Premiere Issue. 1992. 31 XII. P. 43.

³⁴ Спасский Б. Победа надо мной в Рейкьявике сгубила Фишера. URL: http://b-m.info/boris_spasskiy_pobeda_nado_mnoy_v_reykjavike_sgubila_fishera/ (дата обращения: 14.11.2020).

³⁵ Will the Eccentric American Genius Be as Strong as Ever? P. 39.

по отношению к правящему режиму. Известная журналистка Душка Йованич в своей статье в этом журнале высказала мнение, что Фишер после двадцатилетней паузы мог вернуться в шахматы только в Югославии, которая находилась в полной изоляции. Дескать, поэтому его возвращение и изменившийся внешний облик мир оценивал с идеологических позиций. По словам Йованич, недоброжелатели Фишера использовали для его дискредитации любой повод: симпатии к СРЮ, дружеские отношения с некоторыми югославами и даже тот факт, что он отрастил бороду, став похожим на «четника»³⁶.

Мировая пресса расценила приезд Фишера в Югославию как политический скандал. В США его возвращение в шахматы воспринималось шахматным сообществом с энтузиазмом, однако средства массовой информации, если судить по кратким заметкам в газетах *The New York Times* и *The Washington Post*, ему не благоволили. Американская дипломатия и в целом Запад усматривали в матче лишь нарушение санкций ООН, наложенных на СРЮ в связи с войной в Боснии и Герцеговине³⁷. Американские печатные издания упорно стремились преуменьшить шахматное значение матча, проходившего на Свети-Стефане и в Белграде. В Москве была обратная ситуация. «Правда» по сравнению с матчем в Рейкьявике теперь публиковала гораздо более обширные и объективные материалы³⁸. В 1972 г. советское официозное издание, в отличие от югославской и западной прессы, весьма немногословно освещало ход соревнования. Шахматам уделялось всё меньше внимания по мере того, как приближалось итоговое поражение Спасского. Когда Фишер победил, «Правда» опубликовала краткий комментарий под заголовком «Матч завершен», напечатанный в левом углу на шестой полосе³⁹. Во время матча, проходившего в СРЮ, реакция общественности, если судить по прессе, была противоположной той, что имела место в 1972 г. Больше всех за нарушение санкций Фишера критиковали американцы, а русские, напротив, отзывались о нем с похвалой⁴⁰. *Политика експрес* воспроизвела заявление главного судьи Л. Шмидта, по словам которого мнения в Германии относительно матча разделились. Часть СМИ объективно освещала его течение,

³⁶ Jovanić D. Kako su komunisti pojeli Fišera // Duga. 1992. 12–26 IX. S. 74.

³⁷ Fischer and Spassky Said to Sign for Chess Rematch in Yugoslavia // The New York Times. 1992. 25 VII. P. 3.

³⁸ Фадеев Е. Овации Фишеру – победа Спасскому // Правда. 1992. 2 X; Он же. Фишер побеждает, а Спасский – рекордсмен // Правда. 23 IX.

³⁹ Котов А. Матч завершен // Правда. 1972. 2 IX. С. 6.

⁴⁰ Американци критикују Фишера, Руси га хвале // Политика. 1992. 19 IX. С. 18.

а часть рассматривала его исключительно через призму пропагандистских клише⁴¹.

Матч имел огромный резонанс, однако для Фишера приезд в Югославию обернулся многочисленными неприятностями. За нарушение закона о запрете коммерческих связей с враждебными государствами министерство финансов США грозило ему штрафом до 250 тыс. долл. и тюремным заключением до 10 лет⁴². Во время пресс-конференции перед началом матча корреспондент газеты *The New York Times* первым спросил Фишера о его отношении к посланиям и угрозам со стороны министерства финансов. В ответ тот вытащил из сумки документ со словами: «Вот последнее письмо от министерства финансов, и вот как я отношусь к его угрозам»⁴³. После этого он буквально плюнул на факс, полученный из Вашингтона⁴⁴. В наступившей тишине раздались громкие аплодисменты югославских журналистов, воодушевление которых было вполне предсказуемым. Своим поступком Фишер лишил себя возможности вернуться на родину. Его осудил федеральный суд, выписавший ордер на арест. Директор Управления по контролю за иностранными активами Ричард Ньюкомб заявил, что Фишер «пренебрег нашим письменным заключением», и что приговор ему послужит предупреждением всем остальным потенциальным нарушителям закона⁴⁵. Таким образом, американец Фишер, который на глазах у всего мира победил в Рейкьявике русского, теперь в одиночестве противостоял тем самым Соединенным Штатам Америки. *American Chess Journal* («Американский шахматный журнал») сообщал, что после описанного инцидента *The New York Times* стала печатать негативные материалы о Фишере. И даже американская шахматная федерация заявила, что осуждает его политические взгляды и не имеет отношения к матчу в СРЮ⁴⁶.

Дальше по ходу пресс-конференции Фишер отказался отвечать на вопрос, что он думает о войне в бывшей Югославии. На вопрос агентства *Associated Press*, поддерживает ли он санкции и считает ли матч нарушением этих санкций, Фишер ответил, что не поддерживает и что матч, возможно, каким-то образом представляет собой нарушение

⁴¹ Подршка Лотара Шмида // Политика экспрес. 1992. 26 X. С. 16.

⁴² Fischer is Indicted Over Chess Match // *The New York Times*. 1992. 16 XII. P. 3; Fischer Said to Plan a 2nd Match in Yugoslavia // *The New York Times*. 1992. 17 XII. P. 22.

⁴³ “Trenutak, samo da pljunem...” // *Borba*. 1992. 2 IX. S. 25; *Динић В.* Фишер плюнуло на претње // *Вечерње новости*. 1992. 2 IX. С. 15.

⁴⁴ *Chabris C.* The Return of Bobby Fischer. P. 49.

⁴⁵ *Vujić D.* JUGO... S. 243.

⁴⁶ *Chabris C.* The Return of Bobby Fischer. P. 50.

оних⁴⁷. Обсуждение поступка Фишера несколько дней не сходило со страниц белградской прессы. Фотография, на которой он плевал на послание американского министерства, фигурировала на первых полосах всех белградских газет – от «Политики» и «Политики-экспресс»⁴⁸ до «Вечерних новостей»⁴⁹ и «Борьбы». Как писала «Политика-экспресс», некоторые иностранные обозреватели якобы оценивали матч как важнейшее событие в бывшей Югославии после смерти Тито, что подтверждалось заголовками вроде «После Тито – Бобби и Зита» (Зитой звали его подругу-шахматистку, под влиянием которой он вернулся в шахматы спустя 20 лет)⁵⁰. Восторг югославских журналистов вызвал и Спасский, который на тот же вопрос о том, почему он не соблюдает санкции, спокойно ответил, что матч служит не его личным интересам, а интересам шахмат⁵¹. Таким образом он дал понять, что, как и Фишер, хотел как-то помочь СРЮ выбраться из тени и прорвать блокаду, в которой она оказалась. В ходе следующей пресс-конференции, состоявшейся два дня спустя, Фишер заявил, что не собирается извиняться перед министерством финансов и что его не беспокоят угрозы, которые озвучиваются в США в его адрес⁵².

Одной из наиболее демонстративных форм использования политиками спорта в своих корыстных интересах является их появление на многочисленных приемах и церемониях, на которых чествуют участников соревнований. Политики пытаются заработать очки на том, что «обычные люди» идентифицируют себя со спортивными идолами. Чаще всего политика и спорт пересекаются во время празднования спортивных побед. Спустя месяц после описанного эпизода с участием Фишера начали выходить статьи о его встрече с Милошевичем. Описывая ее, *Политика* (7 октября) рассуждала, что шахматы и спорт в целом менее всего нуждаются в границах, которые устанавливают политики. В ходе беседы Милошевич подчеркнул, что приезд Фишера и сам матч имеют для СРЮ тем большее значение, что они состоялись во время изоляции и тяжелых санкций⁵³. После этого в прессе стали появляться заголовки, вроде «Силен, как Милошевич», намекавшие, что Фишер такой же

⁴⁷ Динић В. Фишер плуноу на претње. С. 15.

⁴⁸ Боби плуноу на америчко писмо // Политика експрес. 1992. 2 IX. С. 3, 18.

⁴⁹ Фишер плује на санкције // Вечерње новости. 1992. 2 IX. С. 14, 15.

⁵⁰ Ракић Б. После Тита – Боби и Зита // Политика експрес. 1992. 2 IX. С. 18.

⁵¹ Џаџић Т. Претње које не узнемирују // НИН. 1992. 4 IX. С. 33.

⁵² Ракић Б. Без страха // Политика експрес. 1992. 8 IX. С. 17.

⁵³ Милошевић примио Фишера // Политика. 1992. 7 X. С. 16.

выдающийся шахматист, как Милошевич – правитель⁵⁴. Затем последовала встреча с премьером СРЮ Миланом Паничем, который откликнулся на предложение Фишера сыграть пару партий⁵⁵. Их результат, конечно, не имел значения. Оба визита служат иллюстрацией того, как успешно белградская пресса использовала то или иное событие в пропагандистских целях. На одних фотографиях Милошевич и Фишер пожимали друг другу руки, на других Фишер и Панич с улыбками на лицах сидели за шахматной доской. Факт остается фактом, политики всегда пытались «примазаться» к спорту, используя его для собственного продвижения и для повышения национального престижа.

Одержав победу над Спасским в матче-реванше, Фишер некоторое время пользовался гостеприимством Венгрии и затем Японии, предоставивших ему убежище. При этом он не прекращал публично выступать с антиамериканскими и антисемитскими заявлениями. Беглый шахматист поддержал террористическую атаку на Всемирный торговый центр, совершенную «Аль-Каидой»* 11 сентября 2001 г.: «Итак, Америка получила по заслугам». Затем, давая интервью филиппинскому радио, он прорычал: «Смерть Америке!»⁵⁶ Каким-то образом имманентно присутствующий Фишеру антикоммунизм в течение 1990-х гг. – в первые годы XXI в. переродился в антиамериканизм. В конце 2003 г. Государственный департамент официально аннулировал его американский паспорт. Стало ясно, что США будут добиваться выдачи Фишера. Спустя год его арестовали в Японии за незаконное пребывание в стране. Предстояла экстрадиция в Штаты и, вероятно, суд за нарушение эмбарго в отношении СРЮ в 1992 г. Обсуждались варианты предоставления Фишеру югославского и германского гражданства. Фишер теоретически мог претендовать на последнее, так как был наполовину немцем по отцу, которого никогда не видел. Однако антисемитские высказывания Б. Фишера помешали реализации этого сценария. Проведя восемь месяцев в тюрьме для нелегальных мигрантов, Фишер получил разрешение отправиться в Исландию, где он приобрел гражданство и прожил остаток жизни⁵⁷.

Когда был анонсирован матч-реванш Фишера – Спасского, его организатора Е. Васильевича спросили, имеет ли целью это событие скорректировать имидж режима Слободана Милошевича. Хотя Васильевич

⁵⁴ Шаховић Д. Јак као Милошевић // НИН. 1992. 13 XI. С. 32.

⁵⁵ Fišer – Panić 1,5:0,5! // Borba. 1992. 26 X. S. 17

* Запрещенная в России террористическая организация. – *Прим. ред.*

⁵⁶ Edmonds D., Eidinow J. Bobby Fischer ide u rat: istinita priča o tome kako su Sovjeti izgubili najneobičniji šahovski dvoboj svih vremena. Zagreb: Algoritam, 2005. S. 297.

⁵⁷ Ibid. S. 299.

отрицал это, сам вопрос свидетельствует о том, насколько прочно в общественном сознании укоренилась история политической мобилизации спорта⁵⁸. Не вызывало сомнений, что турниру предстояло стать рекламой сербской власти, которая таким образом стремилась улучшить собственную дурную репутацию, а также привлечь к себе внимание с помощью масштабного спортивного события. Кроме того, правящие круги надеялись отвлечь народ от ужасов войны и унижения, вызванного международными санкциями. Как и турнир в Рейкьявике, матч-реванш послужил примером того, что шахматам и в эпоху холодной войны, и в первое время после ее окончания придавалось большее значение, чем просто спортивному или интеллектуальному соревнованию.

Оба матча, разделенные двумя десятилетиями, мгновенно оказались на вершине новостного рейтинга, разделяя первенство с важнейшими политическими событиями. В 1992 г. белградская пресса сообщала, что Рейкьявик переместился или, преодолев эмбарго, «проник контрабандой» на Свети-Стефан, что подразумевало равнозначность обоих матчей⁵⁹. Действительно, Фишер в некоторой степени нарушил информационную блокаду СРЮ. Ему удалось привлечь многочисленных журналистов-международников в Югославию, которая впервые за долгое время упоминалась в новостях не только как место боевых действий. Кроме того, благодаря приезду Фишера ФИДЕ разрешила югославской женской и мужской сборной участвовать под ее флагом в соревнованиях, проходивших в Венгрии в ноябре того же года.

Со своей стороны участники матча воспринимали его как символ окончания холодной войны и примирения бывших противников. В своих воспоминаниях Б. Спасский писал: «Матч игрался в очень красивом месте Адриатики, в средневековом замке, с огромным призовым фондом, надо мной не довели никакие обязательства и никакой Спорткомитет. Я был чересчур счастливым. Можно было играть свободно <...> По желанию Фишера был установлен транспарант: “Матч на первенство мира”. Он считал, что я продолжал оставаться его главным соперником. Победа в Рейкьявике сгубила Фишера как шахматиста. Он взвалил на себя чемпионский груз, с которым не смог справиться. В последующие 20 лет не смог убедить себя снова сесть за доску. Да и после нашего второго матча больше нигде не играл. Наши личные отношения с Бобби всегда были

⁵⁸ *Vonnard P. et al. Beyond Boycotts: Sport during the Cold War in Europe (Rethinking the Cold War). Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018. P. 183.*

⁵⁹ *Milan I. Šahovski zemljotres na Svetom Stefanu // Borba. 1992. 1 IX. S. 25.*

доброжелательными. До 1992 г. несколько раз я встречался с ним в Америке, он знакомил меня со своими друзьями в Калифорнии. В последний год своей жизни (2008. – *Прим. ред.*) он регулярно мне звонил по телефону из Рейкьявика в Париж»⁶⁰. К сожалению, примирение двух соперников, символизировавшее окончание глобального противостояния, не отражало положения на международной арене.

Нельзя обойти вниманием еще одну сторону интересующего нас события. Оно бы привлекло большее внимание, если бы в то время существовал интернет, который гораздо менее подвержен цензуре, чем средства массовой информации начала 1990-х гг. Даже если бы матч состоялся в первое десятилетие XXI в. или в 2010-е гг., виртуальный резонанс был бы выше по причине более активного использования Всемирной сети в то время. С помощью интернета – доминирующего и всё более значимого СМИ – информация о матче охватила бы более широкую аудиторию, и только так появился бы реальный шанс прорвать информационную блокаду. В силу своей сложной неоднородной сущности спорт лучше, чем многие другие формы культуры, пригоден для пропагандистского транслирования субъективных черт, ценностей, особенностей менталитета и даже верований, присущих разным социумам и государствам. Но только в том случае, если существуют средства массовой информации, которые транслируют спортивные события⁶¹.

Информационную блокаду Югославии так и не удалось прорвать с помощью шахматного матча, который в долгосрочной перспективе остался на периферии внимания мировой общественности. Оказалось невозможным разрушить стену наложенных Западом санкций, прибегнув к однократному вложению средств, полученных сомнительным путем, или подкупу нескольких иностранных актеров, политиков и спортсменов. Символом безуспешности всего предприятия служит судьба самого Е. Васильевича, который в ночь с 7 на 8 марта 1993 г. сбежал из СРЮ в Венгрию. На тот момент его долг составлял 312 млн немецких марок, которых не дождались 18 млн обманутых вкладчиков. В 2009 г. Васильевича арестовали в Голландии. В следующем году его экстрадировали в Сербию, где он отбывал заключение до 6 марта 2013 г.⁶²

Перевод с сербского А. А. Силкина

⁶⁰ Спасский Б. Победа надо мной в Рейкьявике сгубила Фишера.

⁶¹ Edelman R., Young C. The Whole World Was Watching: Sport in the Cold War. Stanford, CA: Stanford University Press, 2019.

⁶² Mlakar A. Fenomen Gazda Jezde: Prevarant kakvog Srbija nije pamtila // Nova. 2020. 20 VIII.

Литература

- Перишић Ђ.* Опстанак и повратак: борба за враћање у олимпијски и светски спортски покрет 1992–1996. Београд: Службени гласник, 2012.
- Dinkić M.* *Ekonomija destrukcije: Velika pljačka naroda (dopunjeno izdanje)*. Beograd: Stubovi kulture, 2007.
- Edelman R., Young C.* *The Whole World Was Watching: Sport in the Cold War*. Stanford, California: Stanford University Press, 2019.
- Edmonds D., Eidinow J.* *Bobby Fischer ide u rat: istinita priča o tome kako su Sovjeti izgubili najneobičniji šahovski dvoboj svih vremena*. Zagreb: Algoritam, 2005.
- Johnson D.* *White King and Red Queen: How the Cold War Was Fought on the Chessboard*. Boston; New York: Houghton Mifflin Company, 2008.
- Kovačević Ž.* *Amerika i raspad Jugoslavije*. Beograd: Filip Višnjić; Fakultet političkih nauka, 2007.
- Lincoln A.* *Global Politics of Sport. The Role of Global Institutions in Sport*. London: Routledge, 2005.
- Nešić M., Radenović S.* *Život kroz sport*. Beograd: Prosveta, 2016.
- Skembler G.* *Sport i društvo: istorija, moć i kultura*. Beograd: Clio, 2007.
- Steiner G.* *Fields of Force: Fischer and Spassky at Reykjavik*. New York: Viking Press, 1974.
- Vonnard P. et al.* *Beyond Boycotts: Sport during the Cold War in Europe (Rethinking the Cold War)*. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2018.
- Vujić Dž.* *JUGO – uspon i pad najgoreg automobila u istoriji*. Beograd: Tanesi, 2014.

References

- Dinkić, M., 2007. *Ekonomija destrukcije: Velika pljačka naroda (dopunjeno izdanje)*. Belgrade: Stubovi kulture.
- Edelman, R., Young, C., 2019. *The Whole World Was Watching: Sport in the Cold War*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Edmonds, D., Eidinow, J., 2005. *Bobby Fischer ide u rat: istinita priča o tome kako su Sovjeti izgubili najneobičniji šahovski dvoboj svih vremena*. Zagreb: Algoritam.
- Johnson, D., 2008. *White King and Red Queen: How the Cold War Was Fought on the Chessboard*. Boston; New York: Houghton Mifflin Company.
- Kovačević, Ž., 2007. *Amerika i raspad Jugoslavije*. Belgrade: Filip Višnjić; Fakultet političkih nauka.
- Lincoln, A., 2005. *Global Politics of Sport. The Role of Global Institutions in Sport*. London: Routledge.
- Nešić, M., Radenović, S., 2016. *Život kroz sport*. Beograd: Prosveta.

- Perišić, Đ., 2012. *Opstanak i povratak: borba za vraćanje u olimpijski i svetski sportski pokret 1992–1996*. Beograd: Službeni glasnik.
- Skembler, G., 2007. *Sport i društvo: istorija, moć i kultura*. Beograd: Clio.
- Steiner, G., 1974. *Fields of Force: Fischer and Spassky at Reykjavik*. New York: Viking Press.
- Vonnard, P., et al, 2018. *Beyond Boycotts: Sport during the Cold War in Europe (Rethinking the Cold War)*. Berlin: De Gruyter Oldenbourg.
- Vujić, Dž., 2014. *JUGO – uspon i pad najgoreg automobila u istoriji*. Beograd: Tanesi.

ИНТЕРВЬЮ С Л. Я. ГИБИАНСКИМ. 17 СЕНТЯБРЯ 2020 Г. МОСКВА, ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР*

Аннотация

По просьбе редакции журнала «Славянский мир в третьем тысячелетии» о своей жизни рассказывает Леонид Янович Гибианский, старейший сотрудник Института славяноведения РАН (р. 1936). Леонид Янович окончил в 1960 г. исторический факультет МГУ по кафедре истории южных и западных славян, в Институте славяноведения работает с 1966 г., учился в аспирантуре Института. Он является крупным специалистом по истории Югославии и проблемам международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в Новейшее время. Основными направлениями его исследовательской работы стали история Югославии во время и после Второй мировой войны, история образования коммунистических режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе, организации Совета экономической взаимопомощи, изучение международных отношений и политики великих держав в регионе в 1940–1950-е гг. Леонид Янович стал одним из первых российских историков, начавших разрабатывать проблематику формирования советского блока, истории Коминформа и конфликта между Сталиным и Тито на основе архивных материалов, ставших доступными для исследователей с конца 1980-х – начала 1990-х гг. Л. Я. Гибианский является автором нескольких сотен научных трудов, опубликованных во многих странах мира, и организатором и участником ряда международных проектов и конференций по изучению истории холодной войны. Леонид Янович рассказал о своем детстве, учебе на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, работе в Институте славяноведения и своем участии в международных исследовательских проектах.

Ключевые слова

Институт славяноведения РАН, история Югославии, история международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, холодная война, конфликт Сталин – Тито, Коминформ, историография

Статья поступила в редакцию 22 марта 2021 г.

Цитирование: *Гибианский Л. Я.* Интервью. 17 сентября 2020 г. Москва, Тверской бульвар // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 187–242. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.10>

* Запись, расшифровка беседы и комментарии: Александр Сергеевич Стыкалин и Борис Сергеевич Новосельцев (Институт славяноведения РАН).

INTERVIEW WITH LEONID IA. GIBIANSKI. 17 SEPTEMBER 2020. MOSCOW, TVERSKOY BOULEVARD

Abstract

At the request of the editorial board of the journal *Slavic World* in the Third Millennium, the eldest researcher of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Leonid Ianovich Gibianskii (born 1936), recounts his life. Leonid Ianovich graduated from the Department of Southern and Western Slavs of the History Faculty of Moscow State University in 1960 and began working at the Institute in 1966, when he commenced a graduate course there. He is the prominent specialist in the history of Yugoslavia and in the problems of international relations in contemporary Central and South-Eastern Europe. The principal lines of his investigations included the history of Yugoslavia during and after World War II, the history of the formation of communist regimes in Central and South-Eastern Europe, the organization of the Council for Mutual Economic Assistance, and the study of foreign relations and the politics of the great powers in the region in the 1940s and 50s. Leonid Ianovich was one of the first Russian historians to elaborate the problem of the formation of the Soviet bloc, the history of the Cominform, and the conflict between Stalin and Tito using archive materials which became accessible to researchers from the end of 1980s. Gibianskii is the author of several hundred academic works, which have been published in many countries all over the world, as well as the organiser of and a participant in a number of international projects and conferences on the Cold War. Leonid Ianovich describes his childhood, his studies at the Department of Southern and Western Slavs of the History Faculty of Moscow State University, and his work at the Institute of Slavic Studies.

Keywords

Institute of Slavic Studies of RAS, history of Yugoslavia, history of international relations in Southern and South-Eastern Europe, Cold war, Stalin – Tito conflict, Cominform, historiography

Received 22 March 2021

How to cite: Gibianskii, L.Ia., 2021. Interv'iu. 17 oktiabria 2020 g. Moskva, Tverskoi bul'var [Interview 17 September 2020. Moscow, Tverskoy Boulevard]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 187–242. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.10>

А.С. Стыкалин: *Давайте с начала. Вы родились в августе 1936 г. в арбатских переулках.*

Л.Я. Гибианский: Да, 12 августа в Большом Афанасьевском переулке.

А.С.: *Каковы ваши корни? Откуда родители?*

Л.Г.: Отец родился в 1891 г. в Варшаве, а мама – в 1895 г. во Пскове. Их родители с обеих сторон происходили из семей еврейской

этноконфессиональной интеллигенции. Своих бабушек и дедушек я в глаза не видал. Их не было в живых уже тогда, когда родился мой брат, на 12 лет старше меня.

Отец и мама оба окончили русские классические гимназии: он в Варшаве – казенную, то есть государственную мужскую, а она в Пскове – частную женскую, так называемую Агаповскую, по фамилии возглавлявшего ее известного в тогдашней России педагога Марии Ивановны Агаповой, о которой мама всю жизнь вспоминала с восхищением.

После гимназического мои родители получили и высшее образование. Отец окончил медицинский факультет университета, но в Германии, ибо в Российской империи ему это было сделать сложно ввиду действовавшей в то время ограничительной конфессионально-этнической процентной нормы поступления в университеты. Учебу в Германии оплачивал его отец, к тому времени живший в Лондоне, отдельно от оставшейся в Варшаве семьи, которую он, однако, содержал. А мама окончила юридический факультет Высших женских курсов в Петербурге / Петрограде, известных как Бестужевские, это было единственное тогда в России женское учебное заведение университетского типа.

Леонид Янович Гибианский на презентации книги Арнольда Зуппана. Институт славяноведения РАН, 16 июня 2015 г. *Фотография О. В. Хавановой*

А.С.: *И они потом работали по приобретенным специальностям?*

Л.Г.: Мама – нет. Полученные ею профессиональные знания она в наступившую советскую эпоху применить фактически не могла. А выйдя замуж, стала прежде всего заниматься домом и детьми. Она была очень образованной, с широким культурным кругозором и оказала в этом смысле большое влияние на детей, в частности и на мое знакомство с литературой, искусством, на формирование взгляда на мир.

Отец же всю жизнь работал врачом. А начал свою профессиональную деятельность как военный врач в Первую мировую войну. Начало войны застало его в Лондоне, куда он, окончив университет летом 1914 г., приехал показать своему родителю полученный диплом. Чтобы попасть домой в Варшаву, ему пришлось отправиться морем до Швеции, откуда он перешел через российскую границу в Финляндию, являвшуюся тогда частью Российской империи. Он должен был подтвердить немецкий диплом в одном из российских университетов. Для чего направлен в Юрьевский, бывший Дерптский, университет, где преподавание велось на немецком языке (Дерпт, ныне Тарту, к тому времени вновь именовался старым русским названием – Юрьев). В 1915 г. отец успешно сдал там заново экзамены за всю учебную программу медицинского факультета и получил российский диплом. Поскольку с этого момента он, как человек с официально подтвержденным высшим образованием, перестал подпадать под конфессионально-национальные ограничения, его тут же мобилизовали, присвоили ему офицерский чин и отправили военврачом на Балтийский флот. Он служил на военно-морских базах сначала в Либаве (Лиепая), затем в Гельсингфорсе (Хельсинки), откуда в 1917 г. переведен в Кронштадт.

А.С.: *Интересная история! И потом обосновался в Москве...*

Л.Г.: Они с мамой познакомились еще во время войны, в поезде, когда отец ехал из Либавы куда-то в командировку, а мама со своей сестрой – в какой-то санаторий в Прибалтике. И после этого мои будущие родители снова увиделись уже после Февральской революции совершенно случайно, на каком-то митинге в Петрограде. Стали встречаться. В 1918 г. его с флота перевели в Центрпленбеж, советское ведомство по делам пленных и беженцев. Оно функционировало с апреля 1918 г. в составе наркомата по военным делам, а с мая 1919 г. – в составе НКВД, и эта служба приравнивалась к военной. В начале 1920 г. мои родители поженились, и была удовлетворена просьба отца о демобилизации. После нее они переехали в Москву, где он стал работать врачом уже на гражданской службе.

Б. С. Новосельцев: *В Гражданскую войну он в действующей армии не находился?*

Л. Г.: Нет.

Б. Н.: *Но его политические убеждения... Вы говорите, он ходил на митинги?*

Л. Г.: Все ходили на митинги. Это ничего не значило. Все на разные митинги ходили, слушали ораторов разной политической ориентации. Но большинство интеллигенции, естественно, приветствовало Февральскую революцию...

Б. Н.: *А Октябрьскую?*

Л. Г.: Октябрьскую... Я не очень хорошо себе представляю, как ее восприняли мои будущие родители. Но, как я понял, они, подобно значительной части молодой интеллигенции из разночинцев, если не были вдохновлены, то, во всяком случае, у них вызывали удовлетворение лозунги социального равенства. Это было им близко всю жизнь. К тому времени, когда я что-то стал соображать, родители, конечно, уже не были поклонниками советской власти. Тем более после всех репрессий, насильственной коллективизации, а особенно инсценированных судебных процессов 1930-х гг. Им уже всё стало ясно. В том числе и по личным причинам. Так, немало их родственников, прежде всего по отцовской, но и по маминой линиям, оказались за границей, и сначала с ними поддерживались связи, а потом, по мере ужесточения советского режима, все связи прервались. Когда началось гитлеровское нападение на Польшу, оттуда бежали в СССР племянник отца, то есть мой двоюродный брат, Янек с женой Ирэной, которым сначала дали жилье и работу в Москве, но через некоторое время арестовали, якобы за шпионаж. Янек в итоге погиб, а Ирэну, беременную, сослали в район Караганды, и родившийся там младенец умер. Наконец, уже после войны, в 1948 г., моего брата Мишу, студента Московской консерватории, высказавшего там на собрании некоторые критические замечания по поводу тогдашней кампании «против формализма в музыке», тут же, несмотря на признанную высокую оценку его успехов как музыканта, исключили из консерватории за несколько месяцев до ее окончания, фактически сломав всю его дальнейшую жизнь.

А. С.: *Начало Отечественной войны помните?*

Л. Г.: У меня нет каких-то систематических воспоминаний о довоенном времени, помню лишь отдельные картинки, детские впечатления: солнце светит в окна квартиры, я сижу с мамой на диване, гуляю по Гоголевскому бульвару с няней Елизаветой, которая прожила у нас почти всю жизнь и стала просто членом семьи. Но с 22 июня 1941 г.

я помню по дням, что происходило. Это было воскресенье, выходной. Передали по радио: в 12 часов дня будет важное правительственное сообщение. Тогда в Москве у очень многих дома висел на стене такой круглый черный репродуктор проводного радио. В обиходе назывался «радиоточка». И все члены семьи вместе с пришедшим к нам знакомым столпились вокруг нее. Я, естественно, ничего не понимал. Затем некий дядя стал что-то по радио говорить, от первых его слов мама закрыла лицо руками, все были страшно взволнованы, встревожены. Вот так для меня началась война. Потом – впечатления в основном от, как их называли, «воздушных тревог» или «налетов», когда мы бегали в бомбоубежища.

А.С.: *Театр Вахтангова был разрушен.*

Л.Г.: Вблизи нас были и другие разрушения: большой дом на углу Арбатской площади и тогдашней улицы Коминтерна, часть дома в Мерзляковском переулке... От воздушных тревог особенно страшно было не столько днем, сколько по ночам, в ожидании, будет ли опять очередная бомбежка.

А.С.: *А эти панические настроения середины октября 1941 г.?*

Л.Г.: Мамы, меня и брата тогда уже не было в Москве. Мы уехали в конце августа в эвакуацию. Отец, занятый на службе, остался в Москве. Мы втроем эвакуировались в поселок Инза, тогда это была Куйбышевская область. Один отцовский знакомый, чьи родители жили там, сказал, что мы можем у них пожить. Мы пробыли в Инзе несколько месяцев, правда, осенью, когда их сын сам туда приехал со своей семьей, нам пришлось снять жилье в другом доме на той же улице. А потом отец уехал из Москвы вместе со своей старшей сестрой, и они оказались в Сызрани (тоже Куйбышевская область). Оттуда он прислал письмо с адресом, чтобы мы переехали к нему. Ехать по железной дороге было невозможно, ибо билеты не продавались, а никакого так называемого литера, необходимого для поездки, у нас не было. Но выручил директор местного леспромхоза, с чудесной семьей которого мама и брат случайно познакомились: в этой семье было фортепьяно для дочери, учившейся музыке, и моему брату, окончившему весной 1941 г. музыкальное училище и принятому в июне в Московскую консерваторию, любезно предоставили возможность приходить туда и играть. Этот директор предложил маме воспользоваться грузовиком, который он отправлял в Сызрань. Таким манером мы и добрались к отцу.

Прожив некоторое время в Сызрани, все вместе поехали в Таджикистан, в тыловой госпиталь, куда отцу дали направление. Это было единственным светлым эпизодом в нашей эвакуации. Госпиталь находился

в селении, если правильно помню название, Костакоз (Ленинабадской области), и местные жили так, как если бы не было войны. Там было, по нашим тогдашним понятиям, много еды. Большими детскими впечатлениями были проходившие мимо караваны верблюдов; затем – видневшиеся вокруг горы, до этого я не видел гор; и, конечно, стрельба из винтовки: иногда охранник госпиталя ходил со мной за пределы селения и там, на пустом пространстве, «мы стреляли»: он держал винтовку, а я нажимал на спусковой крючок. Госпиталь в итоге уехал к фронту. Отец был уже в непризывном возрасте и получил направление в Ташкент. Мы ехали туда больше месяца, чуть не померли с голода. Нас высадили из поезда на маленькой станции то ли в Казахстане, то ли в Узбекистане, ибо на дальнейшую дорогу не оказалось у отца какой-то бумажки. Денег не было, купить было ничего нельзя: там всё было по карточкам. Ели похлебку, которую мама варила из травы, лебеды. Очень помог случай, когда отец, прицепившись к остановившемуся поезду, доехал до ближайшей большой станции, чтобы обменять что-то из нашей одежды на продукты. Услышав польскую речь из стоявшего эшелона, как оказалось, увозившего из СССР военнослужущих армии Андерса¹, он подошел, разговорился с ними по-польски, и они накидали ему чуть ли не мешок съестного. Это мама растягивала потом на много дней. В итоге отцу выдали нужную бумажку, и мы оказались в Ташкенте. Там он работал в медсанчасти авиазавода, мы жили то в одном, то в другом из заводских общежитий. Из Ташкента вернулись в Москву к концу 1943 г. Новый 1944 год уже встречали дома. Для меня это было диво: я не узнавал квартиру. Всё было заново.

А. С.: *Май 1945 г. как-то запомнился?*

Л. Г.: Еще как! Но дело в том, что я был не в Москве в это время. Еще в Ташкенте я заболел, обнаружился тяжелейший туберкулез. Докторша в городском тубдиспансере положила меня в тамошний стационар. Причем, поскольку я был маленький, то вместе с теткой, сестрой отца. Здание диспансера окружал довольно большой сад с виноградником, и мы с теткой жили прямо в саду, под сводами виноградника – он частично защищал от дождя, и было совершенно тепло. Так провели месяца три. Доктор меня привела в приличное состояние без всяких лекарств, если не считать аскорбиновой кислоты да еще рыбьего жира. И, конечно,

¹ Вооруженные формирования Польской республики под командованием генерала В. Андерса. Созданы в 1941 г. на территории СССР по соглашению между советским правительством и польским правительством в изгнании. Весной – летом 1942 г. выведены из СССР в Иран, после переформирования вошли в состав британской армии, в 1944 г. принимали активное участие в боевых действиях на итальянском фронте (прорыв в районе Монте-Кассино и т. д.).

круглосуточного пребывания на воздухе вместе с определенным режимом питания, сна, активности. Но позже, уже в Москве, возникли рецидивы болезни, и весной 1944 г. меня отправили в Центральный туберкулезный институт на станции Яуза, где я провел почти полтора года. Там я и встретил 9 мая 1945 г. У нас в детском отделении, находившемся в старой усадьбе английского типа, окруженной лесопарком, было шумное веселье и детей, и персонала. Вот это я помню.

А в конце августа 1945 г. меня привезли домой. И я пошел в первый класс. С опозданием: в тот год ввели обучение с семи лет, а мне уже было девять.

А.С.: *Какая это была школа?*

Л.Г.: 59-я школа, в Староконюшенном переулке (бывшая гимназия Медведниковых, существовавшая с начала XX в.), с 1952 г. стала имени Гоголя. Была тогда на очень хорошем счету. Что касается моих впечатлений, то помимо, конечно, прекрасного здания для меня это была школа как школа. Я ведь не знал, как было в других школах...

А.С.: *Учителя, одноклассники?*

Л.Г.: Учителя были разными. Однако еще школьником и становясь старше, я стал осознавать, что профессиональный и общекультурный уровень большинства из них достаточно, а в ряде случаев и чрезвычайно высок. Что же касается одноклассников, это было тогдашнее общество в разрезе: мешанина детей из разной среды – от интеллигенции арбатских переулков до тех, кто в период коллективизации бежал из деревни в Москву.

Б.Н.: *И тоже много кто из них жил на Арбате: их подсаляли в коммунальные квартиры, жили в подвалах, на чердаках.*

Л.Г.: При пестроте социального происхождения, культурного уровня и просто моральных устоев поведения, присущих разным семьям, чьи дети учились в нашей мужской школе, среди учеников оказывались и те, которым даже на уроке, при учителе, трудно было говорить, воздерживаясь от употребления известных слов.

Б.Н.: *Знаменитая послевоенная шпана.*

Л.Г.: Школу не только окружали кварталы с арбатской шпаной. Вблизи были и переулки с множеством таких ребят, примыкавшие к Кропоткинской (Пречистенка) и особенно к Метростроевской (Остоженка) улицам. И, например, Сережа Аверинцев², который жил в районе

² Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004) – филолог, историк философии и культуры, переводчик. Академик РАН (2003). Мировую известность получили его работы по истории античной и византийской литературы, философии, культуры.

Метростроевской, в Бутиковском переулке, пришел к нам в пятый класс потому, что в школе, в которой он там учился, шпана просто физически угрожала ему, очень слабому и болезненному мальчику. Малолетнее хулиганье особенно злилось, когда Сережа говорил что-то им непонятное: о Гомере и тому подобном. Его родителям пришлось добиваться, чтобы сына перевели в школу, где ситуация была более приличной. Он и в нашей школе, в частности у нас в классе, куда был определен, резко выделялся, но почувствовал себя довольно комфортно, потому что преобладающая часть класса вполне нормально его приняла. И какие-либо выпады против него не допускались. Да и наиболее шпанистые ребята из класса постепенно, по разным причинам, покидали школу (к седьмому и особенно к восьмому классу их не осталось).

Б. Н.: *Аверинцев – филолог, вы – историк. Значит ли это, что в вашей школе были сильные учителя именно гуманитарных дисциплин? На них делался акцент?*

Л. Г.: Такого акцента не было. Были очень хорошие учителя по предметам и гуманитарным, и естественнонаучным. Например, некоторые преподаватели математики и физики пользовались общесоветской известностью. Мне трудно оценить, какую роль сыграли учителя в моем выборе профессии. Во всяком случае, основной фактор формирования моих интересов был все-таки дома – родители и старший брат, а также круг чтения, который складывался в огромной мере тоже под их влиянием. А у Аверинцева это было еще более выражено: ведь он очень болел и потому в гораздо большей мере воспитывался дома. Я знал его в домашней обстановке, с родителями, поскольку мы дружили и ходили друг к другу.

Б. Н.: *На ваше обучение в школе пришлись последние годы Сталина...*

А. С.: *«Дело врачей» начала 1953 г. ...*

Л. Г.: Да, многих наших знакомых, особенно из коллег отца, арестовали в связи с «делом врачей». Каждый день мы узнавали о новых арестованных. После смерти Сталина их освободили, но кто-то и погиб в заключении. Какая во время этого «дела» была общая атмосфера, можно судить по случаю с моим отцом. Однажды он, будучи на работе, получил указание явиться следующим утром в Мосгорздрав. О причине вызова не сообщалось, был назван лишь номер комнаты, куда нужно прибыть. И отец, и мама, когда он ей, придя с работы, об этом сказал, подумали, что его там арестуют. Тем более что подобное проведение арестов бывало. Они не спали всю ночь и тайком от остальных домочадцев собирали для отца пакет с вещами. Что им пришлось при этом пережить! И только

придя наутро в горздрав, отец узнал, что его вызвали для консультации по какому-то медицинскому случаю.

Ну а сама повседневность была тогда сильно окрашена подъемом антисемитизма. Не только в официальной пропаганде, но часто и в разговорах вокруг – на улице, в магазине, в транспорте. И даже в школе.

Пожалуй, я впервые столкнулся с антисемитизмом в Инзе. На рынке некоторые местные жители, случалось, нам кричали про евреев, вернее, они называли иное слово, употребляемое как оскорбительное. Я тогда не понимал, что значит это слово, да и вообще не знал, кто такие евреи. До того у нас дома, в Москве, я об этом не слышал. Вообще ничего не знал о национальности. Отец и мама, кончив классические русские гимназии, были сильно ассимилированными. Их родным языком стал русский, абсолютно правильный литературный, которому их там научили. Ни дома, ни вне дома они никогда не говорили на идиш, который был родным языком в семьях их родителей. Да и вся духовная и бытовая культура, которая стала присуща отцу и маме, не отличалась от той, что была свойственна кругу их друзей и знакомых из русской интеллигенции. С моими родителями фактически происходила своего рода смена этнической принадлежности, хотя сами они этого не осознавали.

Б.Н.: *Именно благодаря школе.*

Л.Г.: Думаю, да. Школа, просвещение играют невероятно важную роль в ассимиляции. Возвращаясь же к услышанному мной в 1941 г. в Инзе, помню, как мама и брат на это не отвечали, а хватали меня и уходили.

Б.Н.: *Но это антисемитизм бытовой, а в конце 1940-х гг. он стал политическим.*

Л.Г.: Конечно, у этих людей в Инзе он был бытовым, но вместе с тем и политическим. Ибо смысл того, что они кричали нам, сводился примерно к одному и тому же: «Подождите, сейчас немцы придут и всех вас порешат» (я тогда не понимал такого смысла, но ряд лет спустя мне рассказывали мама и брат). Думаю, здесь были следствие, отрывка коллективизации. Эти безумные люди думали, что придут немцы, советскую власть уничтожат и просто всё вернется к доколхозным временам.

А.С.: *А потом уже? 1949 год, когда это обострилось, и затем «дело врачей».*

Л.Г.: Тут было другое, антисемитизм сознательно раздувался властью по политическим причинам, что способствовало и обострению бытового антисемитизма. Подобная конструкция происходившего была довольно многим понятна. Помню, к нам приходили знакомые, друзья

моих родителей, некоторые соседи по дому и все об этом говорили, обсуждали убийство Михоэлса и всё такое прочее.

Это сказывалось и в школе. Шпана тут же активно подхватила антисемитскую кампанию. Были скандалы. Однажды это непосредственно коснулось и меня. Парень из нашего класса пристал ко мне, оскорблял, всячески угрожал. За меня вступились некоторые одноклассники. В результате было по этому поводу даже собрание родителей всех, кто учился в нашем классе.

А. С.: *Когда умер Сталин, вы учились в восьмом классе. Вы помните похороны Сталина?*

Л. Г.: Еще бы! Я тогда чудом не погиб. 6 марта, когда было объявлено о смерти Сталина и о том, что гроб с телом будет во второй половине дня выставлен в Колонном зале Дома союзов для прощания, многие ребята в школе стали после уроков обсуждать, как попасть в Колонный зал. Как я помню, это не было у нас выражением чувств или каких-то политических настроений. Просто смерть Сталина была сверхчрезвычайным событием, и у подростков, юношей возникало понятное желание самим посмотреть на то главное, что происходило. В результате некоторые решили попробовать это сделать, кто небольшими компаниями, кто в одиночку. В том числе я и двое одноклассников, от большого ума, договорились втроем туда пробиваться. Все улицы, по которым из школы и вообще района, где мы жили, можно было добраться до Дома союзов, уже были перекрыты милицией и войсками. От Арбата мы дошли по бульварам до Пушкинской площади, а дальше пройти было нельзя. И тогда, по примеру многих из образовавшейся там толпы, мы полезли по пожарной лестнице на крышу дома и дальше двинулись с крыши на крышу, то спускаясь по таким же лестницам, когда доходили до края очередного дома, то поднимаясь по ним на крышу следующего. Теперь даже не могу себе представить, как я на это решился. И так, по крышам, мы добрались до Петровских ворот. Оттуда по Петровке в коридоре, образованном с двух сторон военными машинами и плотными цепями милиции и солдат, шла уже организованная очередь тех, кто имел на это право: делегации предприятий, учреждений, организаций. В толпе пытавшихся туда прорваться мы попали в страшную толчею, сжимавшуюся со всех сторон. Многим, в том числе и мне, становилось плохо, некоторые падали и оказывались под ногами напиравшей толпы. Мне угрожало то же самое, но спасли одноклассники. Оба более высокого роста и физически сильнее развитые, они сумели удержать меня на ногах, пробиться втроем к военному грузовику и влезть в его пустой кузов,

вытянув туда и меня. Они выпрыгнули из грузовика с другой стороны, так миновав цепь милиции и военных, и смешались с колонной, шедшей по Петровке к Дому союзов (им удалось попасть в Колонный зал). А я был не в состоянии идти с ними. Заметивший меня солдат помог мне слезть тоже на Петровку и отправил в больницу, находившуюся тут же, у Петровских ворот. Там я пришел в себя и потихоньку двинулся домой.

Б.Н.: *Почему вы в итоге решили стать историком?*

Л.Г.: Вы будете сильно смеяться: повлиял пресловутый «Краткий курс истории ВКП(б)». Я его прочитал на летних каникулах между седьмым и восьмым классами. Всё было очень интересно. В том числе и глава «О диалектическом и историческом материализме», авторство которой приписывалось Сталину и которая произвела на полудетский ум большое впечатление. Это был мой первый опыт знакомства с такой литературой. И я стал читать разные книжки по марксизму-ленинизму и истории компартии. По выходным – ходить в МГУ на публичные, для всех желающих, лекции по такого рода проблематике. Посещение лекций я начал с цикла по политэкономии, вынеся из «Краткого курса», а отчасти и из изучения истории в школе, что экономическое развитие является основополагающим. В итоге всего этого я стал склоняться к мысли получить после школы высшее образование в области общественных наук. Правда, в своих планах я колебался между историей, политэкономией и отчасти даже философией. Но к окончанию школы остановил выбор все-таки на истории.

Б.Н.: *Вы готовились к поступлению как-то специально? Сейчас дети занимаются с репетиторами...*

Л.Г.: Нет, никаких репетиторов не было. Я учился в школе почти на все «отлично». При поступлении на истфак МГУ возникли, однако, сложности. Поскольку я окончил школу с серебряной медалью, мне нужно было сдавать не все вступительные экзамены, а только один письменный по литературе (сочинение на заданную тему) и пройти собеседование по истории. Результат собеседования был прекрасным. Но за сочинение я получил «хорошо», а проходным баллом для серебряных медалистов в том году оказалось лишь «отлично». И я был поставлен перед альтернативой: либо тут же приступить к сдаче всех экзаменов, положенных для немедалистов, и зависеть от результатов общего конкурса, либо по уже имеющимся у меня показателям быть зачисленным на заочное отделение. Я предпочел второе, тем более что, как я узнал, при получении на первом курсе высоких оценок бывала возможность последующего перевода на дневное отделение. Хотя моя учеба на заочном, которое

вскоре стало для москвичей вечерним, была успешной, в течение двух лет деканат истфака отказывал мне в переводе на дневное, ссылаясь на отсутствие мест. И лишь когда после окончания второго курса я обратился к ректору МГУ академику И. Г. Петровскому³, его распоряжением меня тут же перевели.

Если вернуться к вопросу о моем выборе профессии, то более конкретный выбор уже внутри исторической проблематики – специализацию на кафедре истории южных и западных славян, сделанный во время учебы на истфаке, – был продиктован тем, что мне это казалось наиболее интересным из-за тогдашних политических событий, касавшихся Восточной Европы.

Югославский случай вообще представлялся загадочным. Пока была версия о фашистском режиме Тито, всё укладывалось в определенную схему. Но когда после смерти Сталина началось то, что называлось нормализацией советско-югославских отношений, и стали появляться в наших газетах материалы с упоминанием «социалистического строительства в Югославии», это выглядело невероятно. И конечно, огромное впечатление произвело «хождение в Каноссу» руководящих советских лиц во главе с Хрущевым – их прилет на рубеже мая – июня 1955 г. в Югославию. Впрочем, не меньше впечатлил и ответный визит Тито в СССР в июне 1956 г., особенно потому, что я стал непосредственным свидетелем и, можно сказать, участником того, как он «въехал в Москву». Об этом чуть подробнее.

Было заранее объявлено о времени, когда должен прибыть поезд с Тито и возглавляемой им делегацией, и мы с несколькими приятелями, чтобы посмотреть на встречу, двинулись сильно загодя к Киевскому вокзалу. Когда мы дошли, вокзал и площадь вокруг него уже оказались оцеплены, пройти туда было нельзя. Но так как до ожидаемого события оставалось еще много времени, а народ только постепенно собирался, то нам удалось встать на ближнем к вокзалу конце Бородинского моста прямо перед расставленными там милиционерами. Когда после официальной встречи, происходившей на вокзале, колонна машин с руководящими советскими деятелями и югославскими гостями стала от вокзала въезжать на мост, стоявшая там по обе стороны от проезжей части уже большая людская масса смяла довольно жидкую цепь милиции и окружила передние автомобили. Колонна машин вынужденно остановилась. Поскольку мы стояли впереди, непосредственно перед милицейской

³ Иван Георгиевич Петровский (1901–1973) – математик, деятель высшего образования. Ректор МГУ (1951–1973). Академик АН СССР.

цепью, то были буквально вынесены толпой к самым автомобилям. Я оказался прямо у открытой машины с Хрущевым, Тито и Ворошиловым (тогда председатель Президиума Верховного совета СССР). Не мог себе и представить, что буду просто рядом с ними. Я стоял вплотную к машине, несколько нагнувшись через ее борт над головой низенького Ворошилова, и глядел во все глаза на Тито. Абсолютная необычность этой ситуации, как и всего совершенно неожиданного порыва множества собравшихся людей, были для меня очень впечатляющими. Тем более что, когда через несколько минут стараниями милиции колонна автомобилей смогла продолжить движение, оно было крайне медленным и всё время прерывалось такими же остановками, ибо и дальше толпы народа плотно окружали машины, мешая ехать. Я наблюдал это, пока кортеж продвигался через мост и затем вверх до Садового кольца. По сей день мне трудно с уверенностью сказать, чего в этой спонтанной манифестации, которая выглядела триумфом Тито, было больше: то ли острого любопытства, то ли чуть ли не восхищения массы тех, кто стремился поближе посмотреть на коммунистического лидера Югославии, выигравшего в противостоянии со Сталиным. Но сама манифестация вызывала очень сильные эмоции.

Второе [событие] в Восточной Европе, что серьезно повлияло на мое решение выбрать для специализации кафедру истории южных и западных славян, – это «польский Октябрь» 1956 г. Он произвел даже еще большее впечатление, потому что Югославия выпала из телеги «социалистического лагеря» много раньше. А в Польше, являвшейся частью «лагеря», речь шла о произошедшем только что – массовых выступлениях, на волне которых была без санкции Кремля, даже вопреки ему, произведена смена партийно-государственного руководства.

А.С.: *Потом события в Венгрии...*

Л.Г.: Нет, Венгрия – иное дело, ведь там очень быстро, уже в ноябре 1956 г., начавшаяся революция была подавлена в результате советской военной интервенции. И стало очевидно, что ничто не возможно. А в Польше еще некоторое время не было ясности относительно дальнейшей перспективы, путь нового руководства во главе с Гомулкой⁴ только начался. И решив, что пойду на кафедру славян, я колебался между Польшей и Югославией. Еще в течение года до специализации я учился

⁴ Владислав Гомулка (1905–1982) – деятель польского коммунистического движения. В 1943–1948 гг. лидер Польской рабочей партии, обвинен в «правонационалистическом уклонизме», в 1951–1954 гг. находился под арестом. Вернулся к власти на волне общественного подъема 1956 г. В 1956–1970 гг. первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии.

польскому языку. Мне это было удобно: в университете занимался с преподавателем, а дома мог разговаривать с отцом.

Б. Н.: *Забыли спросить вас про 1948 год, ведь советско-югославский конфликт вы застали в уже сознательном возрасте. Какие-то ваши впечатления, воспоминания...*

Л. Г.: В более чем сознательном, потому что в тех семьях, к кругу которых принадлежала наша семья, степень политизации детей была совершенно невероятной. Это, например, проявлялось в наших детских и затем подростковых играх летом на даче. Естественно, мы играли в совсем недавнюю Великую Отечественную войну, разыгрывали целые представления, скажем, о Сталинградской битве. Но темами игр были и политические события первых послевоенных лет. В югославский 1948 год мы, понятное дело, играли по тому сценарию, который предлагался нашими СМИ. И по такого же рода сценариям играли в тогдашние инсценированные судебные процессы в Восточной Европе – «дело» Райка⁵ и другие.

А. С., Б. Н.: *Ого!*

Л. Г.: Вообще тема заговоров и шпионов в наших играх занимала очень большое место. Иногда затрагивались даже такие события, как берлинский кризис 1948 г. или провозглашение КНР. Ведь мы каждый день слышали о подобного рода вещах по радио, читали в газетах. Я очень рано, как и ряд моих сверстников, перестал читать «Пионерскую правду» и перешел на «Правду». Да и все эти события обсуждались в наших семьях.

А. С.: *И значит, вот мы дошли до третьего курса, когда вы должны были выбирать специализацию.*

Л. Г.: И я, как уже сказал, колебался между Польшей и Югославией.

А. С.: *В итоге сделали выбор в пользу Югославии...*

Л. Г.: Да, просто потому, что к тому времени, когда надо было выбирать, а это уже осень 1957 г., стало понятно, что «польский Октябрь» выдохся. Пришел Гомулка к власти, но кардинально ничего не меняется.

А. С.: *Вы насчет Венгрии начали говорить... Там ведь большой временной дистанции на самом деле не было. «Польский Октябрь» и сразу потом венгерский.*

Л. Г.: Да, Венгрия была главным событием... Хотя, конечно, на самом деле главным событием был XX съезд КПСС, который воспринимался,

⁵ Инсценированный судебный процесс, прошедший в сентябре 1949 г. в Будапеште, на котором были предъявлены сфальсифицированные обвинения ряду высокопоставленных венгерских коммунистов во главе с Л. Райком. Имел международный резонанс и был использован советским руководством для дальнейшей эскалации конфликта с титовской Югославией.

во всяком случае у нас дома, как возможное начало некоей эволюции. Но Венгрия – не восстание, а его подавление – всё это перечеркнула. После чего стало, в общем, понятно, что вряд ли что-то может сдвинуться. Обнаружившаяся затем бесперспективность «польского Октября» это лишь подтвердила. Отсюда интерес к Югославии возрос, это усилило иллюзии, что есть некий другой социализм, настоящий. Только позднее, когда я уже всерьез занимался Югославией, понял, что это абсолютная липа, что там аналогичный режим, с некоторыми отличиями, очень частичными, а то и вообще преимущественно внешними.

А.С.: *Это скорее уже после окончания университета, когда вы стали всерьез наукой заниматься...*

Л.Г.: Да, само собой, но еще в университете это постепенно начало проясняться по мере того, как я знакомился с югославской историографией: как она описывала установление так называемой народной власти и так далее.

А.С.: *То есть разницы большой не видели. А с секретным докладом Хрущева вы знакомились в какой форме?*

Л.Г.: Так ведь проводились по всей стране партийные собрания и комсомольские, на которых о нем устно информировали, но закрытым порядком. Кроме того, о нем можно было в том или ином объеме узнать, однако лишь тоже на слух, из зарубежных «голосов» – «Би-Би-Си», «Голос Америки», некоторых других. Правда, было глушение, но его при желании обходили путем переделки приемников на диапазоны ниже 20 метров. Действовала целая индустрия умельцев, негласно предлагавших такую услугу. Некоторые западные радиостанции не глушились либо глушились не в такой мере, например «Радио Канады», которое я вообще мог слушать не по-русски, а по-украински, без глушения. Не глушилось и «Радио Белград». Текст доклада у нас не печатался вплоть до 1989 г. Но в той или иной мере представление о нем можно было как-то уточнить, вновь подумать над оценками, над какими-то его положениями, читая, например, югославские центральные газеты *Борба* (серб. «Борьба») и *Политика*, которые стали у нас продаваться.

А.С.: *И ведь когда слушали белградское радио, слышали трактовки многих событий, отличавшиеся от советских трактовок, например, венгерских событий 1956 г.*

Л.Г.: Да, и это, между прочим, усиливало иллюзии. Как вы знаете, я потом посвятил некоторые свои работы как раз тому, насколько югославское руководство сыграло в итоге довольно гнусную роль в отношении

венгерской революции⁶. Но тогда, осенью 1956 г., мне, не знавшему за-
кулисья, казалось, что это руководство выступает против подавления ре-
волюции.

Б. Н., А. С.: *Кто были ваши учителя, профессора, однокурсники? Что можете вспомнить? Кого-нибудь из профессоров? Что запомнилось?*

Л. Г.: Что касается преподавателей, то по прошествии стольких лет мне довольно трудно дифференцировать мои тогдашние впечатления о разных лекторах, читавших общие курсы. Хотя, конечно, среди них были и те, чьи лекции воспринимались мной в то время как более интересные, и те, чьи лекции вызывали меньшую удовлетворенность. Это могло касаться содержания услышанного, а могло – лекторской манеры. Если говорить в общем, то помню свое почти постоянное чувство заинтересованности в отношении всего услышанного на лекциях.

Куда больше запомнились, конечно, преподаватели на кафедре славян. Да они были и намного ближе в общении, фактически повседневном. Если говорить, к кому я был крепче привязан и кто оказал на меня наибольшее влияние, то это такие крупные фигуры отечественного славяноведения и университетского историко-славистического образования, как Сергей Александрович Никитин⁷ и Виктор Георгиевич Карасев⁸. Оба особо запомнились и лекциями, и семинарскими занятиями, и, что для меня еще важнее, просто индивидуальной работой со мной, их почти постоянным воспитанием меня как историка. Они на годы вперед стали играть очень значимую роль в моей жизни.

А. С.: *У вас сразу интерес, как я понимаю, обозначился к более поздней истории.*

Л. Г.: С одной стороны, да. С другой стороны, начало моего – еще студенческого – вступления на исследовательскую стезю было связано с историей югославянских народов в XIX в. Так решила кафедра,

⁶ См., например: *Гибянский Л. Я.* Венгерская революция 1956 г. и искушение «антисталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / отв. редактор А. С. Стыкалин. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 62–91.

⁷ Сергей Александрович Никитин (1901–1979) – историк, специалист по истории зарубежных славянских народов в новое время, по истории России XIX в., доктор исторических наук, профессор. В 1947–1970 гг. зав. сектором Института славяноведения (с 1968 г. Института славяноведения и балканистики) АН СССР. В 1947–1961 гг. зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ.

⁸ Карасев Виктор Георгиевич (1922–1991) – историк, славист, специалист по истории югославянских народов в новое время. Профессор МГУ, зав. кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ (1973–1991).

определяя для меня темы курсовых работ на третьем и четвертом курсах и затем дипломной работы.

А.С.: *Кто, кстати говоря, был вашим научным руководителем?*

Л.Г.: С научными руководителями у меня случилась любопытная история. Всё началось с курсовой работы третьего курса, которая была посвящена Свято-Андреевской скупщине 1858 г. Руководителем мне определили И.Н. Частухина, который занимался историей Болгарии, но мало чем мог помочь в тематике по истории Югославии. Как я быстро понял, он советовался по всем вопросам, касающимся моей работы, с Карасевым: какую литературу мне читать, какие источники изучать. И тогда я начал сам обращаться к Виктору Георгиевичу, который стал много заниматься мною. Так сложились мои тесные отношения с ним, превратившиеся в последующем в дружбу. А эта курсовая работа была, в сущности, написана под его руководством. И явилась основой моей первой научной публикации – статьи в вышедшем в 1960 г. сборнике научного студенческого общества истфака МГУ. Затем – и тут, я думаю, Карасев тоже сыграл свою роль – меня официально взял под свое крыло Никитин, заведовавший кафедрой. Он руководил написанием моей курсовой работы четвертого курса и затем дипломной работы. Позже, когда я уже работал в Институте славяноведения АН СССР, та и другая были использованы в первой из моих статей, помещенных в изданиях института (Ученые записки, т. 30, 1966 г.). Работа под руководством Никитина дала мне чрезвычайно много. Но и Карасев продолжал интересоваться моими делами, мы обсуждали некоторые возникавшие у меня вопросы. Фактически он в какой-то мере тоже участвовал в руководстве моей работой. К тому же он ездил в Югославию и, привозя оттуда разную литературу, давал ее мне, рассказывал о явлениях в тамошней историографии.

Б.Н.: *Вы ведь студентом не ездили в Югославию? Позже, в 1970-е гг., насколько я знаю, уже была практика ознакомительных поездок в страны изучения.*

Л.Г.: У нас ничего подобного не было. Я вам больше скажу, первый раз я, уже работая в институте, попал в Югославию в 1971 г., но не в научную командировку. Тогда в Белграде проводилась советско-американско-югославская космическая выставка, куда меня послали переводчиком.

А.С.: *И в этой связи вы овладели языком, а ваши учителя кто? Вы у Ильи Ильича Толстого⁹ учились?*

⁹ Толстой Илья Ильич (1897–1970) – филолог, внук Л.Н. Толстого. После 1917 г. в эмиграции, долгие годы прожил в Королевстве сербов, хорватов и словенцев

Л.Г.: Да, я учился у него. Из преподававших на кафедре – как ее сотрудников, так и тех, кто приходил со стороны (он работал на филологическом факультете), – с Ильей Ильичем я был, наряду с Никитиным и Карасевым, особенно близок. Он не только учил меня языку, но и вводил в мир сербской литературной классики и вообще культуры, сербских традиций.

А.С.: *Тем более и страну знал, он ведь и рассказать мог что-то о Югославии.*

Л.Г.: Да, он знал ее, правда довоенную.

А.С.: *Они сразу после войны вернулись, я даже видел в архиве, в РГАСПИ¹⁰, документ, кажется, 1946 г.: разрешить вернуться с семьями двум внукам Л. Н. Толстого – Илье Ильичу и Владимиру Ильичу.*

Л.Г.: Илья Ильич, конечно, очень много вложил, чтобы я овладел сербским языком. У него был замечательный метод: учить стихи. Я этих стихов, причем классиков сербской поэзии XIX в.: Любомира Ненадовича¹¹, Джурю Якшича¹², Йована Йовановича-Змая¹³, Алексы Шантича¹⁴ и других – выучил тогда уйму... Кстати, благодаря этой учебе моим первым местом работы оказалась югославская редакция Московского радио.

А.С.: *Интересный период как раз в это время. И такие в советско-югославских отношениях перепады – то дружим, то ругаемся.*

Л.Г.: Я попал на радио потому, что за несколько месяцев до окончания университета югославская редакция решила подготовить (записать) передачу о пятикурсниках нашей кафедры, специализировавшихся по истории Югославии. Мы пришли в редакцию, несколько человек. Кроме меня остальные были девочки, которые на задававшиеся им вопросы почему-то робели говорить по-сербски, отвечали по-русски. Я стал единственным, отвечавшим по-сербски: поскольку чувствовал себя уверенным, что могу, то так и делал. Это оказалось важным, когда я окончил университет.

(с 1929 г. Югославии), вернулся на родину в 1946 г., преподавал сербскохорватский язык в МГУ. Составитель одного из самых полных сербскохорватско-русских словарей.

¹⁰ РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

¹¹ Любомир Ненадович (1826–1895) – сербский писатель, дипломат и политик.

¹² Джура (Георгий) Якшич (1832–1878) – сербский художник, поэт, прозаик. Яркий представитель романтизма в национальной культуре.

¹³ Йован Йованович-Змай (1833–1904) – сербский поэт-романтик, переводчик, детский писатель. Классик национальной литературы.

¹⁴ Алекса Шантич (1868–1924) – сербский (боснийский) поэт.

Тогда – был 1960 год – действовало правило: отправлять нас по распределению, минимум на два года, учителями школ в отдаленные районы страны. Меня рекомендовала кафедра в аспирантуру, но в тот год вышло распоряжение, что не отслужившие в армии могут поступать в аспирантуру, только имея двухлетний стаж работы по специальности. Я отнюдь не горел желанием куда-то ехать, а главное – представлял себе, что будет с моими весьма пожилыми родителями, если я уеду на довольно долго. Они, будучи против этого, обратились к хорошо знавшим их врачам в Центральном туберкулезном институте, которые в свое время лечили меня и под чьим наблюдением я потом долго оставался. Там выдали справку, по которой меня освободили от обязательного распределения. Но встал вопрос, где работать. Я получил два предложения о работе в научных учреждениях. Одно возникло как результат договоренности С. А. Никитина о возможности моего зачисления в созданную тогда при Молдавской академии наук группу по изучению истории болгарской колонизации юга России. Он сказал мне: поезжайте, через два года вернетесь и поступите в аспирантуру. Другое предложение возникло как инициатива Марины Михайловны Громыко¹⁵, в период моего студенчества работавшей на кафедре истории Средних веков и хорошо меня знавшей по научному студенческому обществу истфака, которое она курировала. Она уехала, кажется, к концу 1959 г. в недавно созданный новосибирский Академгородок, куда был направлен ее муж, известный физик (впоследствии и она стала известным ученым). Марина Михайловна сообщила, что есть договоренность о возможности, если я готов, моей работы там по историко-славянистической проблематике, включая, например, на первых порах и такую тему, как участие югославы в Гражданской войне в Сибири. Поскольку оба предложения были тоже связаны с отъездом, пришлось отказаться. Я был в недоумении, что делать дальше. Вдруг позвонили из югославской редакции радиокомитета с предложением работы. У них возникла свободная ставка, они вспомнили, что был такой студент, который отвечал по-сербски, и подумали – давайте его возьмем. И я стал там работать.

А.С.: Какие-то инструкции получали: как надо освещать, учитывая непростые советско-югославские отношения?

Л.Г.: Это всё было очень просто. Инструкций никаких письменных, естественно, не было. Это была текущая работа, каждый день начинался с планерки. Всем всё было ясно, что требуют в этот момент. Я сначала

¹⁵ Марина Михайловна Громыко (1927–2020) – этнограф, историк-медиевист. Доктор исторических наук, профессор.

вообще был принят на самую низшую должность – выпускающим редактором. И очень быстро случилось так, что поскольку я был с языком, то стал писать какие-то сначала заметки, потом репортажи и выступать с ними на языке в радиопередачах на Югославию. А через год уже выступал с политическими комментариями. Меня хвалили, это кружило молодую голову, и возможно, я бы так и остался там работать. Такой исход мог увлечь столь далеко по стезе «бойца идеологического фронта», что я рисковал бы оказаться в просто непристойной роли. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Меня сильно прихватило с сердцем, и врач сказал, что такой режим работы, как там, абсолютно мне не подходит.

Б. Н.: *Напряженная работа?*

Л. Г.: О да. Ненормированный рабочий день, вечно одна и та же фраза: горит эфир, давай чем-то затыкать!

Прошло уже больше полутора лет после окончания университета. Позвонил Никитину, который к тому времени перестал заведовать кафедрой и сосредоточился только на руководстве сектором в Институте славяноведения Академии наук СССР. Спросил его, есть ли какие виды на поступление в аспирантуру института. Он ответил, что, если я готов, то к очередному приему, который будет через несколько месяцев, постарается получить для сектора место в аспирантуре, имея в виду меня. Речь шла о возглавляемом им секторе «истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма». И о том, что я продолжу начатую еще студентом под руководством Сергея Александровича работу по проблематике XIX в.

Место для приема в аспирантуру сектор получил. И осенью 1962 г., сдав все вступительные экзамены на «отлично», я попал в институт. Но случилось совершенно непредвиденное. Когда в назначенный день я явился за документом о моем зачислении в аспирантуру, мне предложили пройти в кабинет директора. Сидевший там незнакомый мужчина сказал, что меня зачислят при условии согласия быть аспирантом не в секторе «феодализма и капитализма», а в секторе «истории зарубежных славянских народов в эпоху строительства социализма». Я совершенно растерялся и говорю: «Как же так, я ведь сдал все экзамены по тематике сектора Никитина, по XIX веку...» На что он ответил: «У нас же не учебное заведение, у нас исследовательский институт, а значит, мы берем только тех и на те темы, которые нам нужны. А иначе мы можем вас и не зачислить». Он, конечно, взял меня на пушку. Тем более что я не имел понятия, кто со мной говорит, думал – директор. Теперь

не помню, был ли директором еще И.И. Удальцов¹⁶ или уже стал И.А. Хренов¹⁷ – примерно в то время как раз происходила смена. Но я тогда не знал в лицо ни того, ни другого. Лишь позже я выяснил, что со мной говорил Иван Иванович Костюшко¹⁸, который временно исполнял обязанности зам. директора. Причем он-то был в секторе у Никитина, по XIX веку, но я ни о чем этом не был осведомлен. Как раз тогда Никитин уехал куда-то в командировку, что-то дней на десять, и я не мог прибегнуть к его помощи. В такой ситуации я в ответ, по сути, на ультиматум, поставленный мне в директорском кабинете, тут же с ужасом согласился. Сергей Александрович, по возвращении узнавший о произошедшем, меня очень ругал: «Что же вы сразу дали согласие, ведь могли сказать, что вам надо подумать». Ну не было у меня такого опыта, не сообразил, что можно потянуть время. Таким образом я попал в сектор «строительства социализма», которым руководил Любомир Борисович Валев¹⁹. Хотя потом я понял, что мне сильно повезло. Потому что заниматься XIX веком, конечно, очень интересно, но, хотя при университетской специализации вышло так, что я поехал именно по этой колее, моя душа-то лежала, конечно, к иному – к современным событиям. И оно вышло лучше.

А.С.: *Но ведь в то время невозможно было объективно изучать Новейшую историю? Вплоть до второй половины 1980-х гг.*

Л.Г.: Да, но я вам скажу и другое. Большое количество тем по XIX веку тоже нельзя было изучать объективно.

А.С.: *Это понятно, но ведь с Новейшей историей было еще хуже, и не только в плане каких-то трактовок, но и с точки зрения доступа к источникам.*

Л.Г.: Да, безусловно, всё это было. Я сразу столкнулся с подобными трудностями, как только занялся в секторе Валева югославской проблематикой, а тем более став позже расширять сферу моих исследований за счет других стран Восточной Европы. Сначала славянских, в отношении которых мне было легче с языками, затем в той или иной мере

¹⁶ Иван Иванович Удальцов (1918–1995) – партийно-государственный функционер, дипломат, историк. В 1959–1962 гг. был директором Института славяноведения АН СССР. Доктор исторических наук. Автор работ по чешской истории.

¹⁷ Иван Александрович Хренов (1906–1975) – историк-полонист, доктор исторических наук. В 1962–1969 гг. директор Института славяноведения (с 1968 г. Института славяноведения и балканистики) АН СССР.

¹⁸ Иван Иванович Костюшко (1919–2018) – историк-полонист, доктор исторических наук. Первый главный редактор журнала «Советское славяноведение» (1965–1987).

¹⁹ Любомир Борисович Валев (1915–1981) – историк-болгарист, доктор исторических наук.

включая и неславянские страны, особенно когда институт преобразовали в «...славяноведения и балканистики». Не говоря уж о начавшихся несколько позже моих занятиях международными отношениями в регионе, из-за чего я потом перешел в сектор истории международных отношений, возглавлявшийся Владимиром Константиновичем Волковым²⁰ (когда впоследствии Волков, чуть ли не первым в АН СССР, стал директором, избранным общим голосованием в институте, я некоторое время руководил этим сектором).

Что касалось источников, то со временем у меня вырабатывался навык некоторого расширения возможностей их использования. Во-первых, путем максимально тщательной компаративистской проработки как можно большего числа документов по теме исследования, в том или ином виде публиковавшихся или излагавшихся в различных изданиях, которые выходили в разных странах, и их критического сопоставления со сведениями, фигурировавшими в историографии опять-таки разных стран. Причем не только восточноевропейских и СССР, но, насколько возможно, и западных, прежде всего Англии и США. Во-вторых, тоже со временем, путем все-таки ознакомления с некоторыми интересовавшими меня архивными материалами. Пока я не получал для этого командировок за рубеж, речь шла только о советских архивах. При поддержке института мне удалось попасть, правда только уже в 1970-е гг., в мидовский Архив внешней политики СССР и в Центральный архив Министерства обороны СССР. Кроме того, я сразу же мог в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов власти и органов государственного управления СССР воспользоваться документами ТАСС, ВОКС²¹ и некоторых советских так называемых общественных организаций. Что же касалось зарубежных архивохранилищ, то первым был югославский Архив рабочего движения, где у меня оказалась возможность совсем немного, урывками, поработать во время уже упомянутого пребывания в Белграде в качестве переводчика на выставке в 1971 г. Когда вслед за тем мне выпало пару раз поехать в командировки для сбора материала в Болгарии, то прибавились и документальные находки в софийских архивах. Причем, что очень важно, я получил там возможность изучения в том числе и большой коллекции копий британских документов по балканским проблемам периода Второй мировой войны: копии

²⁰ Владимир Константинович Волков (1930–2005) – историк-славист, специалист по истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе в новейшее время. Директор Института славяноведения и балканистики АН СССР (Института славяноведения РАН) в 1987–2004 гг. Член-корреспондент РАН (2000).

²¹ Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

были сделаны в Лондоне и привезены в Софию после того, как с начала 1970-х гг. английскую архивную документацию, относящуюся к названному периоду, в значительной части открыли для исследователей. Из всех архивных материалов, с которыми мне давали познакомиться, я с самого начала стремился извлечь максимум данных, в них содержащихся, исходя из соображения, что рано или поздно всё может пригодиться. Впоследствии это не раз оправдывалось.

Если же говорить о сложностях с трактовками, что в ту пору сводилось, в сущности, к необходимости как-то совместить конкретную историческую картину, складывавшуюся у меня в результате работы по изучаемой теме, с тогдашними обязательными идеологическими установками, то мне, конечно, очень помог опыт работы на радио – помог писать так, чтобы, насколько было возможно в тогдашних условиях, изложить то, что вытекало из моего исследования, но избегать лобового столкновения с официальным каноном, используя более гибкие формулировки и обходя те или иные наиболее опасные моменты. Конечно, нередко было неизбежным в большей мере приноравливаться к существовавшим рамкам. Во всяком случае, что касалось югославских сюжетов, занимавших мое основное внимание, то, когда я начал активно контактировать с югославскими коллегами, которые читали уже опубликованное мною к тому времени, выяснилось, что они меня резко выделяли на фоне остального выходявшего у нас по тематике, которой я занимался.

А.С.: *Тематика была Вторая мировая война?*

Л.Г.: Не совсем. Меня посадили на тему «Установление народной власти и переход к строительству социализма». В югославском случае это охватывало и войну, и первые послевоенные годы.

Б.Н.: *То есть самое актуальное. То, что можно назвать современной историей.*

Л.Г.: Да, тогда это относилось к современной истории.

Б.Н.: *Это была тема вашей диссертации?*

Л.Г.: Да. Но я ее в период аспирантуры написал как ряд статей, а не общий текст, и не защищал.

Б.Н.: *Институт этого требовал от вас?*

Л.Г.: Институт отчасти требовал, но случилась такая вещь... Когда я был принят в аспирантуру, институт как раз начал, по заданию ЦК КПСС²², работать над двумя, как тогда формулировалось, «обобщающими трудами». В сущности, был задуман, говоря современным языком, большой комплексный проект из двух частей. Первая –

²² Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.

«Народно-демократические и социалистические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», вторая – «Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Предполагалось, что всё будет опубликовано. В этом участвовали многие сотрудники института и большое число разных людей из других научных институтов, вузов, из партийного и пропагандистского аппарата.

А.С.: *Это вышло уже в 1970-е гг.*

Л.Г.: Оно никогда не вышло. В том или ином виде была написана некая основа обоих трудов. Меня сразу же привлекли к участию в том, который назывался «Народно-демократические и социалистические революции». Шли нескончаемые дискуссии об особенностях этих революций, с переливанием из пустого в порожнее... В большинстве европейских соцстран существовала официальная позиция, что у них были две революции или два этапа революции: сначала – с «народно-демократическим», а затем – с «социалистическим» содержанием. В Югославии официальная позиция была другой: что в их стране революция с самого начала была социалистической. На югославскую установку нам было тогда в немалой мере наплевать. Но не наплевать было на то, что такова была и болгарская установка: что революция в Болгарии была с самого начала социалистической. Вот по этому поводу ломались копья, выдумывались разные компромиссные формулировки, и я в подобной муре тоже участвовал и писал статьи по моей теме, предназначенные, помимо прочего, для использования в тех или иных разделах труда о революциях. В итоге из всей работы над обоими трудами фактически ничего не вышло, остались две здоровые и, по сути, неоконченные рукописи. Не знаю, куда они потом делись.

А.С.: *Позже сделали однотомник, это уже вторая половина 1970-х. Он назывался «Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Вы тоже там были в числе авторов.*

Л.Г.: Да, я был одним из авторов и членом редколлегии. Этот однотомник вышел в 1977 г., к очередному юбилею Октябрьской революции в России. Но в нем использовались лишь единичные из материалов того большого труда, который делался в 1960-е гг. И они были очень сильно переработаны. А остальное и вовсе написано заново. У вышедшей книги формально не было ответственного редактора, а просто редколлегия из четырех человек, но из их числа на меня возложили организационно-координирующую функцию. Мне же помимо югославской

темы выпало писать и общее предисловие к книге, носившее, по тогдашним меркам, теоретический характер. Помещенный в этом однотомнике мой весьма обширный раздел о революции в Югославии объединил в себе преобладающую часть написанного мною на эту тему прежде, в том числе когда, будучи аспирантом, я старался определенным образом совместить участие в подготовке вышеназванного большого труда 1960-х гг. с работой по теме диссертации. Текст, опубликованный в книге, вышедшей в 1977 г., по существу, и представлял собой основную часть того, что планировалось для диссертации. Получилось, что я это реализовал в такой форме.

А.С.: *Потом во многих своих работах, конечно.*

Л.Г.: Так что, если возвращаться к периоду аспирантуры, то я, хотя тогда не написал единого текста диссертации, тем не менее в определенной мере себя зарекомендовал. К тому же тяжело болел, год был в академическом отпуске, и в итоге моя аспирантура официально закончилась только в 1966 г. В результате, когда аспирантский срок закончился, в дирекции мне просто сказали: напишите заявление о зачислении в штат. Я написал и был зачислен. Потом, правда, Д. Ф. Марков²³, будучи директором, однажды требовал, чтобы я защищался. Но у меня было уже много работы, разных обязательств, тем более что примерно с рубежа 1960–1970-х гг. я параллельно с продолжением исследований по проблематике сектора Валева стал всё больше заниматься историей международных отношений, и это, как я уже упомянул, привело к переходу в сектор Волкова...

Б.Н.: *Это была ваша принципиальная позиция: вы не хотели на формальности размениваться?*

Л.Г.: Различной работы у меня в самом деле было много. К тому же если специально заняться диссертационными делами, то возникал вопрос о некоторых вещах, которые мне не хотелось писать, а они в этом случае были обязательны. В какой-то мере их все же приходилось частично писать в публиковавшихся работах, потому что тогда этого просто невозможно было вовсе обойти. Помню, в издательстве «Наука» завредакцией Н.П. Бобрик, человек очень пугливый, бдительно следил, чтобы всё идеологически абсолютно соответствовало положенному, требовал оснащать написанное разными цитатами из «классиков марксизма-ленинизма», из Брежнева и так далее.

²³ Дмитрий Федорович Марков (1913–1990) – литературовед-болгарист. Директор Института славяноведения и балканистики РАН (1969–1987). Академик АН СССР (1984).

А.С.: Сама атмосфера Института славяноведения... Ведь там много было таких диссидентствующих, особенно в филологических секторах, и это сказывалось в разные моменты, например в 1968 г.

Л.Г.: Вообще-то была разница между людьми, которые публично выступали как диссиденты, и теми, кто был таких же или почти таких же взглядов, но не выступал публично, а обсуждал между собой, среди тех, кому, как считали, можно доверять. Если, скажем, брать тот же упомянутый 1968 год, то я помню очень многих, кто в доверительных разговорах выражал возмущение советской интервенцией в Чехословакии, вообще рядом аспектов советской политики и внешней, и внутренней. Конечно, прежде всего так было в общении с теми, по поводу которых не было никаких сомнений по части доверия. Нет возможности их перечислять даже в пределах одного сектора Л. Б. Валева, где я тогда был. Не говоря уж обо всем институте. А если упомянуть о примерах особенно запомнившихся доверительных бесед, в которых не только выплескивались эмоции, но мы пытались серьезно осмыслить как актуально-политическую, так и исторически значимую суть происходящего, то отмечу хотя бы многие обсуждения с моим наиболее близким институтским другом, уже не раз упомянутым Володей (Владимиром Константиновичем) Волковым. Или обмен мнениями с талантливым литературоведом Борей (Борисом Федоровичем) Стахеевым²⁴, который еще при моем приходе в институт был одним из первых, кто ввел меня в неформальную институтскую жизнь.

Впрочем, бывало, что люди, между которыми не было уж такой тесной личной связи, тем не менее в иные моменты вдруг высказывались друг перед другом очень откровенно. Не забуду, как однажды Владимир Анатольевич Дьяков²⁵, который был тогда замдиректора института, в каком-то разговоре с глазу на глаз со мной, когда мы коснулись вопросов, связанных с тогдашней общей ситуацией, неожиданно для меня сказал: «Мы всё говорим об общем кризисе капитализма, а пора, кажется, осознать, что наступил общий кризис социализма». И этот случай стал началом новых, гораздо более тесных отношений между нами. Впоследствии, при перестройке, мы, договорившись, выступили инициаторами начатого в институте выхода из КПСС.

Так что, если касаться того, какой была институтская атмосфера, по сути – политическая, в том числе в связи с такими событиями, как,

²⁴ Борис Федорович Стахеев (1924–1993) – литературовед-полонист, переводчик польской литературы. Кандидат филологических наук.

²⁵ Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995) – историк, доктор исторических наук, профессор, автор многочисленных работ по истории России, Польши, русско-польских связей в новое время. Зарубежный член Польской академии наук.

например, катаклизмы в соцлагере, подобно чехословацкому 1968 году, то, пожалуй, можно говорить о довольно ощутимых тогда разделительных линиях внутри института. На очень небольшое число диссидентов, выступавших открыто, публично; на тех, кто был с ними заодно или им сочувствовал, но так открыто не выступал; тех, кто, хотя и с разной степенью активности, выступал сторонником политики тогдашней власти; и, наконец, в той или иной мере колеблющихся либо относившихся к происходившему довольно отстраненно. Конечно, никаких конкретных подсчетов я никогда не делал, но, вспоминая мои тогдашние впечатления, думаю, что первые две из обозначенных позиций в совокупности составляли, по крайней мере, не меньше чем половину в реальном институтском общественном мнении. А возможно, и преобладали. Во всяком случае, они очень значительно окрашивали настроения в институте. Хотя приверженцы традиционно-советской позиции, особенно наиболее воинствующие, вроде, скажем, А. И. Недорезова, долго заведовавшего сектором современных проблем, а одно время и замдиректора, могли создавать осложнения и даже немалые неприятности тем, у кого усматривали отклонения от ортодоксального идейно-политического канона.

А. С.: *Хотя мы об этом и не поговорили, но ведь были и на историческом факультете МГУ разные неформальные кружки и группы в ваши студенческие годы.*

Л. Г.: Нет, была всего одна такая группа, Льва Краснопевцева²⁶. Своего рода нелегальная организация или кружок, если можно так сказать. Они стремились изучить, разобраться в подлинной советской истории, особенно истории партии, в истории социализма, коммунистического движения. Всё их практическое действие непосредственно политического характера – выпуск и попытка распространения единственной листовки по поводу венгерской революции 1956 г. и ее подавления советскими войсками.

Б. Н.: *Вы были знакомы с участниками этого кружка?*

Л. Г.: Ядро было с истфака, и руководил секретарь факультетского бюро комсомола упомянутый Краснопевцев. Это были в основном аспиранты и студенты старших курсов. Ряд из них посадили, когда организация была выявлена после выпуска листовки. Впоследствии у меня были знакомства с некоторыми бывшими участниками. С одним из них я очень близко сошелся несколько лет спустя. Когда-то он начинал

²⁶ Лев Николаевич Краснопевцев (1930 г. р.) – историк, диссидент, глава подпольного кружка независимых марксистов (1956–1957). Политзаключенный (1957–1967). После освобождения занимался музейной работой.

учиться на истфаке, но потом вместе с группой других студентов оказался в созданном Институте восточных языков при МГУ. Это был Леня (Леонид Абрамович) Фридман²⁷, впоследствии очень известный экономист, профессор МГУ, мы с ним на протяжении многих лет были в самых тесных приятельских отношениях.

А.С.: Возвращаясь к 1968 году. В Институте славяноведения, когда вы уже были, подписывали разные письма – Вяч. Вс. Иванов²⁸ и так далее.

Л.Г.: Да, та часть института, которая открыто выступала в качестве диссидентов, это были сотрудники сектора структурной типологии славянских языков. Им с основания сектора в 1960 г. заведовал Владимир Николаевич Топоров²⁹, а с 1963 г. – Вячеслав Всеволодович Иванов. По ряду причин, в огромной мере из-за их политической позиции, этих выдающихся ученых и их талантливейших коллег стремились всячески прижать, организовать их травлю. Особенно Иванова. Сектор, возможно, вообще бы закрыли, если бы у них не было поддержки академика А.И. Берга³⁰ и возглавлявшегося им Совета по кибернетике при Президиуме АН СССР.

А.С.: Дирекция института как-то достаточно проблемно на это смотрела...

Л.Г.: Ничего подобного.

А.С.: Не выгоняли почему? Потому что была команда сверху?

Л.Г.: Насколько я помню по тогдашним разговорам, именно позиция Берга и его Совета не давала их выгнать или закрыть. В 1968 г. еще И. А. Хренов, тогдашний директор института, был очень не прочь от них избавиться. А тем более против них был Д. Ф. Марков, ставший директором в 1969 г. Он вообще ненавидел Иванова лично. Потому что Иванов где-то публично сказал, что Марков ничего не понимает ни в литературоведении, ни вообще в науке.

А.С.: Это да, было. И не раз. Тем не менее они продолжали работать.

²⁷ Леонид Абрамович Фридман (1930–2019) – экономист, востоковед. Доктор экономических наук, профессор.

²⁸ Вячеслав Всеволодович Иванов (1929–2017) – всемирно известный лингвист-компаративист, семиотик, антрополог. Переводчик, литературовед, общественный деятель. Академик РАН (2000), член ряда иностранных академий.

²⁹ Владимир Николаевич Топоров (1928–2005) – всемирно известный лингвист, семиотик, литературовед, культуролог, фольклорист. Академик АН СССР (1990), академик РАН с 1991 г.), член ряда иностранных академий.

³⁰ Аксель Иванович Берг (1893–1979) – ученый-радиотехник, кибернетик, военно-морской инженер. Академик АН СССР (1946). Адмирал-инженер (1955).

Л.Г.: Да, но их всячески ущемляли, как только могли. Их работы сплошь и рядом приходилось издавать независимо от института.

А.С.: *Может, установка какая-то была – пусть они будут именно в Институте славяноведения.*

Л.Г.: В реальной действительности в любой системе, даже самой что ни на есть тоталитарной, всё делается конкретными людьми. Есть, конечно, рамки – что можно и чего нельзя. Но внутри этих рамок, если есть люди, которые обладают достаточным авторитетом, а то и властью, потому что они нужны данному режиму, то они могут обеспечить довольно многое. Вот Берг и ряд других, работавших в сфере кибернетики, важность которой осознало руководство страны, значительно помочь могли. И делали это в интересах науки.

А.С.: *То есть они, по сути, спасли.*

Л.Г.: Конечно.

А.С.: *Потом 70-е – начало 80-х, вся эта эпоха застоя. И вот с середины 80-х стала постепенно складываться несколько иная политическая обстановка в стране. Стало больше возможностей заниматься вашей темой.*

Б.Н., А.С.: *И в Югославию стало возможным теперь ездить, и вообще за границу. Вы же до этого почти не бывали за границей.*

Л.Г.: Бывал, но мало.

А.С.: *Научные командировки? Конференции?*

Л.Г.: Первый раз, как уже сказал, в 1971 г. я поехал в Югославию на выставку переводчиком. В 1973 г. ездил на Международный съезд славистов в Варшаву, в 1974 г. – на международный съезд по изучению Юго-Восточной Европы в Бухарест, в обоих случаях выступал с докладами. Потом, как тоже говорил, пару раз был в Болгарии в командировках для сбора материала. Еще ездил в Венгрию по частному приглашению.

Б.Н.: *Почему так? Были сложности потому, что непростые отношения с Югославией были? Почему не пускали ученых?*

Л.Г.: Нет, пускать – пускали, весь вопрос, кого пускали. Из институтских специалистов по Новейшей истории ездили тогда в Югославию, если не ошибаюсь, в основном два человека. Это Григорий Моисеевич Славин³¹, он там вообще год пробыл как стажер, и, конечно, Майя (Майя Михайловна) Сумарокова³².

³¹ Григорий Моисеевич Славин (1917–1994) – историк-югославист, кандидат исторических наук.

³² Майя Михайловна Сумарокова (1939 г.р.) – историк-югославист, доктор исторических наук. Дочь виднейшего советского государственного деятеля М. А. Сулова.

А. С.: *По понятным причинам. Инвалид войны ездил и дочь М. А. Сушлова.*

Л. Г.: Не уверен, что причиной могла быть инвалидность. Ездил, кажется, и Владимир Владимирович Зеленин³³, но, если правильно помню, не по институтской линии. Из специалистов по XIX веку ездил Сергей Александрович Никитин, позже стали, насколько помню, пускать также Ксению Леонидовну Струкову³⁴, специалистку по Македонии, и Нину Ивановну Хитрову³⁵, она занималась Черногорией. Связи были, безусловно, ограниченные. Чаще ездили люди университетские. Виктор Георгиевич Карасев бывал там относительно часто, и я уже упомянул, что еще со студенческих времен много пользовался его помощью по части ознакомления с литературой.

Б. Н.: *Все-таки очень мне интересно ваше восприятие Югославии в 1971 г. Вы были в Югославии и видели Белград. На что обратили внимание? Что вас поразило и как это всё отличалось от тогдашних советских реалий? Я догадываюсь, что отличалось сильно.*

Л. Г.: Сильно – не то слово. Для меня это был другой мир. Позднее, когда я стал чаще ездить в Югославию в разные места, я увидел уже другие стороны тамошней жизни, а тогда это был только Белград.

Б. Н.: *То есть парадная сторона.*

Л. Г.: Тогда я себе представлял, что так живет Запад. Вся эта система обслуживания, магазины, общепит и так далее – ничего похожего у нас даже отдаленно не было. Другое дело, я в то время не очень хорошо понимал, сколь доступно то или другое обычному, рядовому человеку. С улицы, что называется. Кстати, белградская интеллигенция, люди, с которыми я познакомился и общался, их стандарт жизни, что касалось жилья, автомобилей, абсолютно от нашего отличался. У нас так жила бюрократия, а у них так жила основная научная элита и писатели, с которыми я был знаком.

А. С.: *Писатели, вы знаете, и у нас иногда жили по высоким материальным стандартам. Официальные писатели.*

Л. Г.: Да-да, но у нас это были режимные писатели, а у них это были и вовсе не режимные. Даже Радован Зогович³⁶, с которым меня тогда

³³ Владимир Владимирович Зеленин (1920–1998) – историк-югославист, доктор исторических наук.

³⁴ Ксения Леонидовна Струкова (1922–1984) – историк-югославист, кандидат исторических наук.

³⁵ Нина Ивановна Хитрова (1925–2015) – историк-югославист, доктор исторических наук.

³⁶ Радован Зогович (1907–1986) – черногорский поэт. Из-за просоветской позиции, занятой во время советско-югославского конфликта 1948 г., подвергался преследованиям, а потом долгие годы ограничениям в титовской Югославии.

познакомили и который был опальным. Просто стандарты у них уже другие были.

А.С.: *Ведь это было непростое время, когда вы первый раз туда приехали. «Хорватская весна» 1971 г.³⁷ События бурные.*

Л.Г.: Да, конечно, но дело в том, что там-то, в Хорватии, я не был и этого не видел. И на всё мог смотреть только через официальную пропаганду, а она, конечно, не соответствовала действительности.

Б.Н.: *В Белграде речь не шла о событиях в Хорватии?*

Л.Г.: Ну почему не шла? Просто с разными людьми шла по-разному. В зависимости от степени доверия. Я приехал и общался с теми, с кем до этого был знаком по их приездам в Москву или по переписке. Из людей, с которыми я стал там общаться тесно, я был заочно знаком – только по переписке – с Бранко Петрановичем³⁸, уже тогда большим мэтром в югославской историографии. Переписка возникла потому, что Виктор Георгиевич Карасев мне передал книгу Петрановича «Политическое и правовое положение Югославии в период Временного правительства ДФЮ³⁹» (серб. *Političke i pravne prilike za vreme privremene vlade DFJ*), а я написал на нее рецензию. Бранко был совершенно ошарашен тем, что в советском журнале появилась рецензия на его работу. Когда я приехал в качестве переводчика, то позвонил ему по телефону. Он тут же мне назначил свидание на Скадарлии⁴⁰, от которой я был под большим впечатлением: у нас, в Москве, конечно, ничего подобного не было. С этого началась наша дружба, которая много лет длилась, не раз прерываясь по разным причинам, а потом возобновляясь. Позднее, на рубеже 1980–1990-х гг., у нас появилась и общая работа – подготовка сборника документов по советско-югославским отношениям 1941–1945 гг.

А.С.: *Помимо того, что вы работали по своим плановым темам, на каком-то этапе вас стали подключать к написанию разного рода справок? Я так понимаю, что вы довольно рано к этому стали привлекаться, во всяком случае, в 1970-е гг. уже активно.*

Л.Г.: О да, ну потому что тот, кто один раз выполнил некое задание хорошо...

³⁷ Речь идет об общественно-политическом подъеме в Хорватии на рубеже 1960–1970-х гг., развернувшимся прежде всего под лозунгами национальной эмансипации.

³⁸ Бранко Петранович (1927–1994) – ведущий сербский историк, автор многочисленных работ по Новейшей истории Югославии.

³⁹ Демократическая Федеративная Югославия.

⁴⁰ Скадарлия – квартал в старой части Белграда, считается центром богемной жизни города.

Б. Н., А. С.: *Навешивают снова. На хорошем счету.*

Л. Г.: Да. Это мне отчасти помогало, потому что когда возникали спорные вещи и меня не хотели публиковать...

А. С.: *Зато вы работали для инстанций.*

Л. Г.: ...То было к кому обратиться и поговорить, чтобы каким-то образом такие сложности преодолеть. Иногда это помогало, хотя порой и сопровождаясь определенными редакционными потерями.

А. С.: *Ваша книга конца 1980-х гг. о советско-югославских отношениях 1941–1947 гг. вышла с огромным трудом, сколько вас заставляли ее переделывать, переписывать*⁴¹.

Л. Г.: Да, ну так она бы и не вышла, если бы в то время уже не стала постепенно фактически рушиться советская система.

Б. Н.: *Когда вы писали справки, аналитические материалы, вам давали пользоваться какими-то документами, какими-то данными, которые иначе вы бы не получили?*

Л. Г.: Нет, ничего этого не было. Заказы подобного рода, помимо таких тем, как, скажем, македонский вопрос или какие-то актуально-политические аспекты развития тогдашней югославской историографии, либо корни тех или иных межэтнических проблем, сводились преимущественно к причинам советско-югославского конфликта 1948 года. Тут у меня была под рукой югославская документация очень большая, опять же официальная, публичная.

А. С.: *Не имели возможностей доступа в спецхраны?*

Л. Г.: Не то что я не имел. Почти никто не имел. Ни в Югославии, ни у нас. Из наших, о ком я слышал, что он вроде бы что-то видел по поводу конфликта, я знал только одного человека, Д. А. Севьяна, работавшего в аппарате ЦК КПСС, а в течение ряда лет и в нашем посольстве в Белграде. Трудно понять, в какой мере то, что он смотрел архивного у нас, ему помогало. Нередко выглядело так, что я знал больше, чем он. Видите ли, ведь в этих инстанциях, заказывая нам те или иные справочные материалы, интересовались не конкретными вещами, а оценками. Да, оценки должны были подкрепляться какими-то якобы фактами, но сами-то заказчики этих фактов толком не знали. Так что нужно было дать им некую картину. А для этого можно было обойтись и без какой-то особо подробной, основательной фактуры, недоступной в архивах, скорее нужна была сообразительность в формулировании неких выводов, по тем временам считавшихся аналитическими.

⁴¹ См. список основных трудов Л. Я. Гибианского: URL: <https://inslav.ru/people/gibianskiy-leonid-yanovich> (дата обращения: 22.03.2021), а также в конце интервью.

Леонид Янович Гибиянский на конференции «Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты и ученые-путешественники между Западом и Востоком в XVIII–XX вв.» Институт славяноведения РАН, 16 октября 2018 г. *Фотография Л. Ю. Пахомовой*

Как ни странно, писание таких материалов было для меня полезным. По двум причинам. Одна – чисто деловая. Оттачивалась возможность говорить гораздо больше, чем допускалось в открытой печати. То есть там я мог писать в том числе об ошибках в советской политике, достаточно прямо, только в пристойных выражениях. Что, конечно, позволяло набить руку и потом пользоваться приобретенной методикой, когда надо было что-то написать таким образом, чтобы было проходимо, по возможности – даже в открытой печати. Нужен был навык, на моем опыте знаю, что просто так это не сваливается с неба, а постепенно вырабатывается. Второй причиной, почему эта работа была для меня полезной, являлось само обстоятельство, что можно было на бумаге, да еще в высокую инстанцию, выразить то, чего нельзя себе позволить в обычной повседневности. Возможность писать так (или почти так), как есть, рождала некоторое психологическое удовлетворение.

В аппарате ЦК приходилось контактировать с разными людьми. С одними совершенно нельзя было иметь дела, они сразу начинали поучать, а то и повышать голос. Но были и другие, которые и сами очень многое понимали, и относились с пониманием и уважением к людям, которые им давали эти справочные материалы, необходимые для чего-то. Для чего – я не очень конкретно понимал.

А.С.: *Может быть, скажем, Брежнев ехал в Белград, какая-то очередная поездка, готовились разные справки под это дело.*

Л.Г.: Вот такое я знаю только про один раз, и это был не Брежнев, а М.С. Горбачев, когда он в марте 1988 г. поехал в Белград, и с этого началась новая нормализация отношений между СССР и Югославией. В МИДе перед поездкой готовился большой справочный материал о конфликте «Сталин – Тито». В справке история конфликта освещалась преимущественно по ряду чрезвычайно важных, но на тот момент еще недоступных документов мидовского архива. И я оказался до некоторой степени причастен к подготовке справки. Это случилось потому, что как раз незадолго до того я был от института включен в работу по составлению уже мною вскользь упомянутого документального сборника о советско-югославских отношениях 1941–1945 гг., только что начатую совместно МИД СССР и Союзным секретариатом по иностранным делам (сербская аббревиатура – ССИП) СФРЮ⁴². Занимаясь сборником, я проводил много времени в Историко-дипломатическом управлении (ИДУ) МИДа, тесно взаимодействовал с рядом его сотрудников, а особенно с И.В. Бухаркиным, непосредственно организовывавшим подготовку сборника с советской стороны. И он доверительно сообщил мне о возложенном тогда на него же составлении справки о конфликте 1948 года. Узнав, что я писал материалы по данной теме, как было принято говорить, «для инстанции», он стал консультироваться со мной по некоторым возникавшим у него вопросам. Я, насколько мог, стремился более основательно ввести его в общий курс проблемы: в освещение ее в историографии, в то, какие и где публиковались за прошедшее время источники, какие сведения из них можно было извлечь. И отчасти непосредственно помогал ему в написании вводной части справки. Одновременно он обсуждал со мной ряд важных аспектов новой, до того не известной фактологии, содержащейся в тех материалах, с которыми он знакомился в архиве МИД и которые были главной основой подготовки составляемой справки. В этих обсуждениях, в ходе которых выкристаллизовывались ее содержание и структура, я, таким образом, знакомился в определенной мере с существенно иными сведениями о возникновении конфликта.

А.С.: *Это уже другая эпоха начинается.*

Л.Г.: Кстати, тогда я впервые совершенно по-другому взглянул на 1948 год, на его конкретные причины и пружины. Почему именно и как всё происходило. Тому потом были посвящены все мои публиковавшиеся работы по этой теме.

⁴² Социалистическая Федеративная Республика Югославия.

А.С.: *Проходит еще какое-то время, не так много, и вы уже получили доступ к документам.*

Л.Г.: Да. Правда, отдельные из этих материалов я напрямую, то есть непосредственно сам, так и не получил никогда. Но то, что готовилось для Горбачева, стало стартом в моем дальнейшем, основанном на документах исследовании подлинной истории конфликта.

Б.Н.: *Книга, которая у вас вышла в 1987 г., «Советский Союз и новая Югославия»...*

Л.Г.: С книгой было совсем по-другому. Она вся написана в условиях предшествовавшего времени, ибо была закончена еще в начале 1983 г. Она строилась на весьма большом и разностороннем материале источников и историографии: советском, югославском, западном, в подавляющем большинстве опубликованном, но частично и с использованием архивных документов. Однако это был лишь тот материал, который оказался доступным к началу 1980-х гг. А опубликована книга была только через четыре года после завершения рукописи. Ибо, согласно тогдашней практике, издательству «Наука» для публикации работы на такую тему требовалась санкция из ЦК КПСС. Мою рукопись, утвержденную к печати Ученым советом Института, отправили в Отдел ЦК по связям с компартиями зарубежных соцстран, в тамошний югославский сектор.

Его работники читали ее и, хотя в целом высказались за издание, тем не менее стали давать мне множество критических замечаний и указаний по внесению разного рода изменений. Будучи всякий раз какого-то конкретного характера, они в конечном счете сводились к двум основным направлениям. Во-первых, к тому, чтобы написанное мною максимально согласовывалось с текущей политической конъюнктурой состояния советско-югославских отношений того периода, середины 1980-х годов. Поскольку конъюнктура менялась ввиду почти постоянных колебаний в отношениях двух стран, то всё время возникали дополнительные или вовсе новые соображения о необходимости корректировок по поводу тех или иных сюжетов либо формулировок в тексте рукописи. Во-вторых, многие замечания были направлены на то, чтобы монографии, написанной мною, насколько в то время было возможно, в академическом ключе, придать более привычную этим работникам публицистичность с заметной политико-идеологической окраской. Не забуду одной из претензий на полях моей рукописи: «Сухо, бесстрастно, академично». С точки зрения науки подобная оценка могла бы восприниматься как похвала. Но сделавший эту помету вкладывал в нее, наоборот, отрицательный смысл.

Я был вынужден маневрировать, внося коррективы, выглядевшие как учет замечаний. В основном они сводились к той или иной структурной перекомпоновке каких-то частей рукописи, к вводу в ряде мест разного рода страховочных положений, к переносу некоторых фрагментов из основного текста в примечания. Наиболее важным и наиболее сложным было нахождение во многих случаях более гибких формулировок, однако сохранявших прежний смысл написанного. Вся эта очень трудоемкая и все усложнявшаяся новыми и новыми пожеланиями / требованиями тактическая эквилибристика отнимала много времени и сил. Но у меня не было иного пути, чтобы довести дело до публикации (хотя, как я уже сказал, вряд ли бы до нее дошло, если б не перемены, ставшие происходить у нас в стране). Я ходил на Старую площадь⁴³ почти как на работу. Приходил, садился, мне давали очередные замечания и указания, что и как надо переделать, откорректировать, вовсе убрать. Непосредственно их давал работавший там Ю. С. Гиренко.

Б. Н.: *Да, небезызвестный.*

А. С.: *На его книгу «Сталин – Тито» ссылается довольно активно и известный словенский историк Й. Пирьевец в недавно вышедшей и на русском монографии «Тито и товарищи».*

Л. Г.: Книга Гиренко «Сталин – Тито» вышла в 1991 г., в совершенно иной, стремительно менявшейся политической ситуации в СССР. Это в основном биография Тито под углом зрения связи и отношений его самого и югославских коммунистов с советской стороной начиная со времени революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Книга в немалой степени была построена на весьма противоречивом материале: с одной стороны, на данных тогдашнего югославского официоза – историографии и тщательно отбирившихся опубликованных источников, а с другой стороны, частично на немногочисленных сведениях из отдельных югославских и наших архивных документов. Между прочим, обратившись в этой книге и к истории конфликта «Сталин – Тито», автор ввел в нее некоторый материал, имевшийся в справке МИДа, сделанной для поездки Горбачева. Хотя Гиренко не участвовал в подготовке справки, он получил ее как сотрудник ЦК. В книге справка не упоминалась, а сведения, заимствованные из нее, сопровождались ссылками, оформленными так, что всё выглядело, будто автор сам работал в архиве с документами, в которых содержались эти сведения.

А. С., Б. Н.: *Он просто использовал этот материал.*

⁴³ На Старой площади располагался комплекс зданий, в котором размещался аппарат ЦК КПСС (сейчас находится Администрация Президента РФ).

Л.Г.: Однако вернемся к рубежу 1987–1988 гг., когда в МИДе подготовили справку, о которой шла речь выше. Как раз в то время В.К. Волкову и мне поручили в ЦК написать статью о советско-югославских отношениях после Второй мировой войны для опубликования в тогдашнем особо политически значимом журнале «Вопросы истории КПСС». И важнейшей задачей было дать пока лишь частично – в определенных пределах – обновленный взгляд на конфликт 1948 г. В связи с этим нас обоих познакомили с полным текстом той мидовской справки. Но тогда нам еще не разрешалось никакого упоминания о ряде новых сведений, которые в ней излагались. С задачей мы как-то справились, мобилизовав тот имевшийся у нас материал, который использовать было можно. Однако нашу статью в редакции журнала «Вопросы истории КПСС» сочли, в отличие от работников аппарата ЦК, слишком радикальной. Так мы на собственном опыте столкнулись с проявлением противоречий среди партноменклатуры. Тогда мы сами обратились к хорошо нам знакомому И.В. Созину, заместителю главного редактора журнала «Вопросы истории», и в итоге с согласия цеховских заказчиков статьи она была опубликована в этом журнале уже в середине 1988 г.

Параллельно всё большее место занимала у меня работа над сборником документов о советско-югославских отношениях 1941–1945 гг.: и по части отбора документов, и по части комментирования, которое с нашей стороны делалось в основном мною, а с югославской – преимущественно Петрановичем. Для меня это дело оказывалось более трудным, поскольку в СССР складывалась ситуация переходного периода – о многом уже можно было написать, но еще оставалось и очень много того, о чем писать не рекомендовалось. Из-за этого между мной и Петрановичем иногда возникали скандалы, но ведь в известной степени я являлся более подневольным, чем он. Комментариев было много, причем и весьма обширных, потому что многие вещи упоминались у нас впервые, и их надо было объяснять.

А.С., Б.Н.: *Уже в ходе работы над сборником вы получили возможность более частых поездок в Югославию и контакты стали активнее?*

Л.Г.: Да, в это время я начал ездить часто – и по академической, и иногда непосредственно по мидовской линии. Мы попеременно проводили рабочие обсуждения по сборнику то в Москве, то в Белграде.

А.С.: *В Белграде только с историками обсуждали или также с людьми, активно участвовавшими в политической жизни, ветеранами партии и так далее?*

Л.Г.: Там, помимо коллег-историков, многие вопросы обсуждали и решали, например, в общении, порой неформальном, чуть ли не за ужином где-то, со Станиславом Стояновичем, в то время секретарем Президиума ЦК СКЮ⁴⁴... Кстати, у него была определенная известность и как ученого-обществоведа.

Надо особо сказать, что начавшиеся поездки, в том числе не только на несколько дней, но, если по академической линии, то и более длительные, так же как ставшее интенсивным мое взаимодействие с югославскими историками, архивистами и официальными лицами, – всё это сыграло для меня очень большую роль с точки зрения не только работы над сборником о советско-югославских отношениях в годы войны, но и одновременно получения возможности приступить в белградских архивах к исследованию документации по вопросу о причинах и механизме возникновения конфликта «Сталин – Тито». Уже в 1988 г. данный сюжет приобрел характер самостоятельной темы, начавшей обсуждаться как советскими историками и политологами, так и совместно с югославскими коллегами. Первым обсуждением явился проведенный в середине того года круглый стол в нашем институте с участием ряда его сотрудников и некоторых приглашенных из других институтов АН СССР. Несколько месяцев спустя, в начале декабря, по договоренности между ЦК КПСС и ЦК СКЮ, в Москве состоялась на ту же тему советско-югославская, как было сформулировано, «партийно-научная консультация» историков и политологов из обеих стран. Материалы того и другого обсуждений, в которых я активно участвовал, были опубликованы. Результаты с очевидностью свидетельствовали о необходимости серьезного исследования этой проблематики на основе до того недоступных документов. Власти обеих стран, однако, не торопились, и я попытался ускорить дело. В ходе работы по сборнику о советско-югославских отношениях военных лет у меня установились очень тесные дружеские отношения с руководительницей Центра информации и документации ССИП СФРЮ Косарой Вукасович. И в ответ на мой вопрос, может ли она в чем-то поспособствовать в ознакомлении с интересовавшими меня материалами по конфликту, она чрезвычайно помогла. Прежде всего она обеспечила мне доступ к широкому кругу касающихся этого документов в подведомственном ей архиве ССИП. Кроме того, пробила для меня и возможность работы в Архиве Тито, где находились еще более важные источники по указанной теме. Следом я смог начать исследование в Архиве ЦК СКЮ, вскоре ставшем частью Архива Югославии.

⁴⁴ Центральный комитет Союза коммунистов Югославии.

В результате у меня скапливалась довольно значительная масса архивных данных по тематике конфликта, которые до того не были известны. Этот материал из югославских архивов стал с 1989–1990 гг. существенно дополняться советскими архивными документами, из которых отдельные начали и публиковаться, а другие постепенно становиться мне в той или иной мере доступными. В такой ситуации я, параллельно с архивными изысканиями, приступил к написанию – что называется, с колес – работы о возникновении конфликта. Она в виде серии из семи продолжавших друг друга документальных очерков стала тут же, по мере готовности каждого, публиковаться с весны 1990 г. по весну 1992 г.: первые три – в журнале «Рабочий класс и современный мир» (с 1991 г. «Политические исследования»), следующие четыре – в «Советском славяноведении» (с 1992 г. «Славяноведение»). С этой серии очерков, фактически книги, вышедшей частями, началось для меня как историка вступление в совершенно новую эпоху – с отсутствием обязательной идеологии, цензуры, с открытием (хотя и не всегда последовательным) доступа к прежде абсолютно недоступным источникам. Жаль, однако, что это произошло лишь в середине шестого десятка лет моей жизни. И что еще через три десятилетия приходится сталкиваться с усилиями вернуть порядки, напоминающие те, в которых мне пришлось жить свои первые 55 лет.

Б.Н.: *На рубеже 1980–1990-х гг. вы стали часто ездить в Югославию и чаще общались с разными людьми. Например, Джилас⁴⁵, ведь он был жив до 1995 г. Вы с ним тоже были знакомы. В этой связи вопрос: как вы относитесь к такому историческому источнику, как интервью? Ведь Джилас был в свое время одним из высших руководителей Югославии.*

Л.Г.: Видите ли, какая штука. Вообще даже к историческому документу в архиве надо относиться очень аккуратно и осторожно. Потому что вопрос заключается в том, кем, для кого и для чего это пишется. Тем более необходимость осторожного отношения касается интервью. Я с Джиласом довольно много общался, в каждый приезд ему звонил и приходил домой. Меня с ним познакомил, привел к нему Александар

⁴⁵ Милован Джилас (1911–1995) – югославский политик, публицист. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. входил в узкое руководство компартии Югославии (Союза коммунистов Югославии), в 1954 г. критиковал внутреннюю политику режима, вступив в острый конфликт с Тито и его окружением. На протяжении многих лет был виднейшей фигурой оппозиционного движения в Югославии, неоднократно подвергался арестам. Популяризировал концепцию «нового класса» – партийно-бюрократической номенклатуры, правящей в странах с коммунистическими режимами.

Спасоевич-Кале, работавший в белградском Институте современной истории. Он был вхож в дом Джиласа и однажды мне сказал: «Хочешь с ним встретиться?» Я отвечаю: «Конечно, хочу!» И мы пошли. После этого я уже сам бывал у Джиласа. Потом, в январе 1990 г. Джилас приезжал в Москву, когда «Литературная газета» пригласила его на организованный ею круглый стол советских и югославских историков и политологов о конфликте «Сталин – Тито». Я был там единственным из наших, кто с Джиласом был знаком. Скажу вам, что у него в голове была своя картина причин возникновения конфликта. Картина, присущая человеку, который, с одной стороны, стал диссидентом и, в общем, самым сильным критиком – из бывших коммунистов – коммунистической системы, включая в первую очередь югославскую. При этом то, что образовалось в Югославии, было его детищем. Хотя он понимал и сам много об этом писал, что есть определенные закономерности подобных режимов и они проявляются сходным образом, однако считал, что речь шла о противоречии между молодой югославской революцией и забюрократизированным советским режимом. В действительности же к тому времени, когда произошел конфликт, югославский режим был уже подобен советскому. И действовал так же. Не было того водораздела, о котором говорил Джилас. Но очень важно и другое: он к тому времени просто не всё хорошо помнил. Был такой период, когда я в Белграде провел месяца два с половиной, если не три. И вот почти каждый день после окончания работы в архиве – а архив закрывался рано, где-то в три часа дня – я шел домой к Джиласу, он жил на улице рядом со Скупщиной, и рассказывал ему – таково было его желание – что за этот день я посмотрел из архивных документов. Иногда это были документы, им написанные, но, случалось, он так удивлялся: «Да? Я это написал? Вы уверены?» Я говорю: «Там ваша подпись стоит, а многое просто вашей рукой написано».

А. С.: Из того, что Джилас рассказывал, вы что-то записывали? Вы планировали что-то опубликовать на основании его воспоминаний?

Л. Г.: Да понимаете, всё то из говорившегося им, что было действительно ново и интересно, по сути, уже мною использовано. Это были его ответы на некоторые мои вопросы о совершенно конкретных вещах, по которым мне были важны те или иные детали. И ряд таких ответов был ценен, ибо помог мне уточнить то, о чем я не знал. А многое, что он вообще рассказывал, было уже до того опубликовано в его мемуарах: это несколько книг, которые он написал раньше, когда гораздо лучше помнил время своей деятельности в югославском коммунистическом руководстве.

А.С.: *Потом, с начала 1990-х, у вас возникают активные связи и с западными историками?*

Л.Г.: Это уже другая эпоха. И началось интенсивное сотрудничество в международных проектах с западными коллегами и научными центрами. Наиболее важную стартовую роль сыграл в этом отношении очень большой проект по международной истории холодной войны, организованный вашингтонским центром Вудро Вильсона – *Cold War International History Project*. Основной целью проекта являлось исследование происхождения и хода холодной войны на базе сопоставительного изучения документов всех государств-участников. Конечно, наибольшее внимание было направлено на изучение относящейся к этому архивной документации бывших соцстран, до того совершенно закрытой и фактически не исследовавшейся, в отличие от западной. Особый интерес представляла собой такого рода документация в бывших советских архивах, центральные из которых после распада СССР стали российскими. Надо сказать, что наряду с нашими и западными историками в этом проекте активно участвовали и коллеги из восточноевропейских стран, со многими из которых мы были знакомы и сотрудничали еще со времени нашей и их жизни при коммунистических режимах. Проект продолжался много лет, была длинная серия конференций, разного рода публикаций.

А.С.: *Помню, в 1993-м мы с вами ездили на одну такую конференцию в Прагу.*

Л.Г.: Да, я оказался активно включенным в этот проект начиная с конференции в Москве в январе 1993 г. и вышедшей в 1995 г. по ее результатам книги «Холодная война: новые подходы, новые документы». Участвовал там с докладом / статьей «Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е гг.». Затем был участником многих конференций и публикаций в рамках проекта. В организации всего этого дела с российской стороны надо отдать должное А.О. Чубарьяну⁴⁶, который был тогда директором Института всеобщей истории [АН СССР, затем – РАН]. С американской стороны первым это организационно возглавлял Джеймс Хершберг, он с пониманием подходил, помогал, чтобы в той очень нелегкой экономической ситуации, которая тогда была в России, мы здесь могли работать по проекту, финансировал, оплачивал поездки.

⁴⁶ Александр Оганович Чубарьян (род. 1931) – историк, специалист по истории международных отношений в Новейшее время. Организатор исторической науки. Директор Института всеобщей истории РАН (1988–2015), затем его научный руководитель.

Кстати, если касаться проблем финансирования исследовательской работы, вспоминаю и о важной для многих из нас роли, которую сыграл в то время Фонд Сороса, распространивший на российских ученых свою программу грантов на конкурсной основе. Знаю по собственному опыту. Грант, полученный для моего индивидуального проекта, дал серьезные возможности для командировок, копирования документов, приобретения книг, не говоря уж о житейских надобностях, особенно при случавшихся задержках зарплаты. Это было очень значимо, пока не появились наши отечественные гранты – от РГНФ и РФФИ⁴⁷.

А.С.: Весной 1994-го вы проводили масштабную международную конференцию в Москве по проблемам Восточной Европы. Я помню, большая команда приехала из-за рубежа.

Л.Г.: Да, это был самостоятельный проект, хотя тематически и примыкал к *Cold War International History Project*. Проект возник как следствие договоренности между мной и профессором Стэнфордского университета Норманом Неймарком. Нас связал коллега и приятель Неймарка, известный специалист по истории Югославии, профессор Йельского университета Иво Банац⁴⁸, с которым я вступил в переписку относительно возможных форм сотрудничества. В результате я с Неймарком, вскоре приехавшим в Москву для архивных исследований, выступили с инициативой проведения конференции российских, американских и восточно-европейских ученых по широкой проблематике истории установления коммунистических режимов в Восточной Европе. Предложенный проект был принят и совместно осуществлен нашим Институтом и Стэнфордским университетом при финансовой поддержке некоторых научных организаций и фондов в США. Непосредственными организаторами всего предприятия стали мы с Неймарком. С этого началась очень близкая дружба между нами, между нашими семьями, продолжающаяся по сей день. Мы успешно провели конференцию, а затем значительную часть ее материалов, переработанных для опубликования, подготовили в виде книги «Установление коммунистических режимов в Восточной Европе, 1944–1949» (англ. *The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949*), изданной под нашей редакцией в США в 1997 г. Она привлекла значительное внимание коллег в разных странах.

⁴⁷ РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд; РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований.

⁴⁸ Иво Банац (1947–2020) историк, политик. Специалист по истории Югославии. Почетный профессор Йельского университета. Директор Института Юго-Восточной Европы Центрально-европейского университета в Будапеште (1994–1999). Председатель хорватской Либеральной партии, депутат парламента, министр по охране природы (2003–2004).

К этому добавлю, что в работе по данному проекту я мог частично опереться на опыт, приобретенный чуть раньше при подготовке другой инициированной мною коллективной работы, целиком посвященной важнейшему международному аспекту перемен в Восточной Европе конца Второй мировой войны и первых послевоенных лет. Речь о книге, выпущенной под моей редакцией в 1995 г.: «У истоков “социалистического содружества”: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг.». Изданная под грифом нашего Института, она была создана российскими авторами, в большинстве институтскими, вместе с чешским коллегой.

Эти две книги, в которых я активно участвовал и как автор, наряду со значительным числом моих статей и публикаций источников, вышедших в различных отечественных и зарубежных изданиях, обозначили одно из главных направлений моей работы в постсоветское время: история установления коммунистического правления и одновременно формирования советского блока в Восточной Европе. Причем с особым вниманием к сравнительному исследованию типологии того и другого из этих взаимосвязанных процессов применительно к разным странам региона или их группам. В частности, проблематике типологии были специально посвящены написанные мною обширные части в коллективных трудах: «Советизация и независимость в советской зоне оккупации / ГДР» (нем. *Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953)*), (подготовлен потсдамским Центром по изучению современной истории и опубликован в 1999 г.) и «Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива» (подготовлен Институтом всеобщей истории РАН, вышел в 2003 г.).

А.С.: *Что еще, кроме того, о чем вы уже сказали, сделано вами в науке начиная с 1990-х гг.? Какие еще проекты, помимо названных, вам кажутся наиболее значимыми, над чем вы продолжаете трудиться?*

Л.Г.: Если коротко, то целесообразнее перечислить главным образом темы, указывая на проекты лишь в единичных случаях. Ибо в реальной практике разные работы по одной теме нередко выполнялись в рамках различных проектов, тот или иной из которых мог включать в себя исследование лишь какого-то из аспектов этой темы. Тем более что проекты со столь широким тематическим охватом, как *Cold War International History Project*, или тоже широким, но не настолько, подобно, например, проекту итальянских Фонда Фельтринелли и Института Грамши «Советский Союз и Европа в холодной войне, 1943–1953», осуществленному в середине 1990-х (я в нем также участвовал), организовывались

сравнительно реже. Чаще были в ходу проекты тематически – и подчас хронологически – относительно более компактные. Знаю по опыту своего участия, что некоторые проекты, инициировавшиеся научными центрами той или иной из стран Восточной Европы, порой привязывались преимущественно, а то и целиком к событиям именно в этой стране.

Итак, что касается тематики, по которой я работал в обозначенный вами период, то прежде всего назову круг тем, которые в определенной мере соприкасались с уже названным мною основным направлением моих исследований – установление коммунистических режимов и формирование советского блока в Восточной Европе, но представляли собой самостоятельные объекты изучения. Одна из тем – история планов и даже непосредственно попыток создания федераций тех или иных восточноевропейских «народных демократий» в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Другая, частично с ней связанная, – территориальные проблемы в Балкано-Дунайском регионе в годы войны и вслед за ее окончанием, включая особенно македонский вопрос и территориальные противоречия Югославии с Австрией и Италией. По каждой из этих тем мною написано значительное число работ, опубликованных в различных наших, восточноевропейских и западных изданиях. В данной связи следует специально упомянуть и два проекта о Балканах в холодной войне, которые в рамках сотрудничества между РАН и Сербской академией наук и искусств были совместно осуществлены нашим институтом и академическим Институтом балканистики в Белграде. Я был с российской стороны руководителем обоих проектов (с сербской стороны – Воислав Павлович из названного белградского института). Объединенным результатом этих проектов явился коллективный труд «Балканы в эпоху холодной войны: балканские федерации, Коминформ, югославско-советский конфликт» (англ. *The Balkans in the Cold War: Balkan Federations, Cominform, Yugoslav-Soviet Conflict*), вышедший в 2011 г.

Особое место заняла в моей работе тема образования и первых лет деятельности Коминформа (1947–1949 гг.). Стержнем изучения данной проблематики явилось мое участие в большом российско-итальянском проекте, совместно осуществленном Российским центром хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), который стал позднее Российским государственным архивом социально-политической истории, и Фондом Фельтринелли. Основным результатом проекта, в работе над которым у меня установились очень тесные дружеские отношения с известным нашим историком Грантом Михайловичем

Адибековым⁴⁹ и с итальянскими коллегами Сильвио Понсом и Франческой Гори, стал том, содержащий документы, до того секретно хранившиеся в наших архивах, и ряд сопутствовавших исследовательских статей. Он представлял собой важнейший шаг в создании подлинно научной истории Коминформа и был в 1994 г. издан в смешанном англо- и русскоязычном варианте в Италии, а в 1998 г., с несколько расширенным документальным составом, – в России. Я был членом редколлегии, одним из составителей, как и автором обширных примечаний и исследовательских статей. Кроме того, в разные годы был опубликован в наших и зарубежных изданиях ряд моих статей по различным аспектам этой проблематики.

Из других тем, касавшихся международного коммунистического движения и его подконтрольности советской политике, упомяну также о моем участии в издании обширного тома, который представлял собой часть хранившегося в архиве дневника Г. Димитрова⁵⁰, относящуюся к периоду 1934–1945 гг. Том был опубликован в 2002 г. в Италии, и я вместе с Сильвио Понсом являлся соредактором тома и соавтором примечаний.

Еще в период перестройки я начал заниматься проблематикой советско-германских отношений 1939–1941 гг. в связи с Восточной Европой. Для меня это была абсолютно новая тема, и в работе над ней мне очень оказалось важно взаимодействие с опытными в исследовании истории германской внешней политики Владимиром Константиновичем Волковым и Сергеем Зиновьевичем Случом, с которым я тоже очень сдружился. На рубеже 1980–1990-х гг. у нас и частично за рубежом стали выходить как первые мои публикации на эту тему, так и посвященные ей два сборника статей под моей редакцией (один – вместе со Случом), выпущенные нашим институтом. Впоследствии появился еще ряд моих статей по этой теме, но главным стало участие в большом проекте института – коллективной монографии «Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг.», изданной в 1999 г. Помимо того что я вместе с Волковым был автором ряда разделов, мы с ним были также ответственными редакторами книги. Отмечу и мое довольно значительное авторское участие в коллективном труде «Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских

⁴⁹ Грант Михайлович Адибеков (1934–2002) – специалист по истории международного коммунистического движения, доктор исторических наук.

⁵⁰ Георгий Михайлов Димитров (1882–1949) – деятель мирового коммунистического движения. Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна (1935–1943). Руководитель Международного отдела ЦК ВКП(б) (1943–1945). Председатель Совета министров Болгарии (1946–1949).

договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР», который вышел в 2006 г. как результат большого российско-латвийско-германского научного проекта.

Из других совершенно новых для меня тем, к которым я обратился на уровне ряда статей, используя до того неизвестную и неизученную архивную документацию, упомяну такие, как секретная история образования СЭВ⁵¹ в 1949 г. или, например, Югославия и советско-югославские отношения в качестве фактора в венгерской революции 1956 г. и ее подавлении.

И конечно, в течение всего тридцатилетия, начатого с 1990-х гг., я не прекращаю основанного на всё новом архивном материале, становившемся доступным, более углубленного исследования важнейших аспектов истории бывшей Югославии во время Второй мировой войны и вслед за ее окончанием. В этом исследовании, продолжающемся и по сей день, особо важное место заняло мое участие в двух значительных проектах. Один – инициированный мною проект Института новейшей истории в Любляне и университета Торонто. Его итогом стал коллективный труд «Югославия в эпоху холодной войны» (словен., англ. *Jugoslavija v hladni vojni – Yugoslavia in the Cold War*), который был издан в 2004 г. и в котором я участвовал как один из ответственных редакторов и автор ряда разделов. А другим стал такой крупный проект нашего института, как подготовка объемистого тома «Югославия в XX веке: Очерки политической истории», вышедшего в 2011 г. В нем мною написаны девять глав, охватывающие период 1939–1949 гг. В последнее время мое внимание особенно привлекает проблема оценки историографии, рассматривавшей этот период, в сравнении с той источниковой базой, которой мы теперь располагаем.

И в заключение – чуть-чуть о личном. Без малого шесть десятилетий наш институт является моим, если можно так сказать, научным домом, средоточием моей профессиональной жизни. Но он стал особо важным местом и в моей, что называется, личной жизни. Здесь я встретил Нину Павловну Иванову, которая стала моей женой.

Список важнейших работ Л. Я. Гибянского

1. Публикации документов

Гибянский Л. Я. Секретная советско-югославская переписка 1948 года // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 119–136; № 6–7. С. 158–172; № 10. С. 141–160 (публикатор, автор вступительной статьи и примечаний).

⁵¹ Совет экономической взаимопомощи.

- Гибианский Л. Я., Мурин Ю. Г.* Последний визит Й. Броза Тито к И. В. Сталину: советские и югославские записи беседы 27–28 мая 1948 г. // Исторический архив. 1993. № 2. С. 16–35 (один из публикаторов, автор вступительной статьи и примечаний).
- The Cominform: Minutes of the Three Conferences 1947/1948/1949 / ed. by G. Proccacci; co-editors G. M. Adibekov et al. Milano: Feltrinelli, 1994 (один из редакторов, составителей, авторов исследовательских статей и примечаний).
- Волков В. К., Гибианский Л. Я.* На пороге первого раскола в «социалистическом лагере»: Переговоры руководящих деятелей СССР, Болгарии и Югославии, 1948 г. // Исторический архив. 1997. № 4. С. 92–123 (один из публикаторов, автор вступительной статьи и примечаний).
- Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949: Документы и материалы / ред. Г. М. Адиебеков, А. Ди Бьяджо, Л. Я. Гибианский, Ф. Гори, С. Понс. М.: РОССПЭН, 1998 (один из редакторов, составителей, авторов исследовательских статей и примечаний).
- Отношения России (СССР) с Югославией, 1941–1945 гг.: Документы и материалы / ред. И. В. Бухаркин, Б. Петранович и др. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998 (один из составителей, авторов примечаний). Издано также на сербском языке: Односи Југославије и Русије (СССР), 1941–1945: документи и материјали / приређивачи Б. Петрановић и др. Београд: Савезно министарство за изнострани послове: Војноисторијски институт, 1996.
- Dimitrov G.* Diario: Gli anni di Mosca (1934–1945) / a cura di S. Pons. Torino: Einaudi, 2002 (один из редакторов, авторов примечаний).
- Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. / гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М.: Международный фонд «Демократия» (МФД), 2014. (Серия «Россия. XX век. Документы»). Т. 1: 1946–1964 (член редколлегии, автор предисловия). Имеется также издание на сербском языке: Југославија – СССР: сусрети и разговори на највишем нивоу руководиоца Југославије и СССР / одгов. приређивач Љ. Димич. Београд: Архив Југославије, 2014. Т. 1: 1946–1964.
- ## 2. Сочинения
- Проблемы балканских стран на Потсдамской конференции // Международные отношения на Балканах / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: Наука, 1974. С. 176–215.
- Юго-Восточная Европа в межсоюзнических отношениях на заключительном этапе Второй мировой войны (январь – май 1945) // Études balkaniques. 1976. 12. № 1. Р. 42–64.
- Подготовка Крымской конференции и позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии // Советское славяноведение. 1981. № 4. С. 15–28.
- Позиции СССР, Англии и США в отношении Болгарии, Румынии и Венгрии накануне Крымской конференции // Советское славяноведение. 1981. № 3. С. 14–28.

- Вопрос о Болгарии, Румынии и Венгрии на Крымской конференции // Советское славяноведение. 1982. № 2. С. 9–22.
- Советский Союз и соглашения о перемирии с Румынией, Болгарией и Венгрией // *Études balkaniques*. 1983. 19. № 1. P. 3–26.
- Stanowisko ZSRR i aliantów zachodnich w kwestii jugosłowiańskiej (1941–1942) // *Z dziejów rozwoju państw socjalistycznych*. 1983. T. 1. № 4. S. 19–40.
- Советский Союз и новая Югославия, 1941–1947 гг. М.: Наука, 1987.
- Отношения между Советским Союзом и социалистической Югославией: опыт истории и современность // Вопросы истории. 1988. № 7. С. 3–22 (*в соавторстве с В. К. Волковым*).
- Некоторые неизученные проблемы истории Коминтерна // Коминтерн: опыт, традиции, уроки / ред. Ф. И. Фирсов. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1989. С. 157–169.
- Поворот в советско-германских отношениях в 1939 г. и восточноевропейские проблемы (некоторые аспекты) // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. И. И. Поп. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1989. С. 75–95.
- Novi pogledi na sovjetsko-nemački sporazum 1939 godine: Problemi ocene i sadašnje diskusije u sovjetskoj istoriografiji // *Istorija 20. veka*. Beograd, 1989. Br. 1–2. S. 7–33.
- К вопросу исследования причин и характера советско-югославского конфликта 1948 года // *Zbornik radova povodom 75-godišnjice života akademika Envera Redžića* / ured. P. Mandić. Sarajevo: Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1990. S. 77–98.
- Открытый архив: к истории советско-югославского конфликта 1945–1953 гг. // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 2. С. 171–185; № 5. С. 152–163 (*в соавторстве с И. В. Бухаркиным*).
- Вызов в Москву // Политические исследования. 1991. № 1. С. 195–207.
- Пресвртот во советско-германските односи во 1939 година и источноевропски аспект (Прилог кон дискусијата во советската историографија) // Институт за национална историја: Гласник. 1991. Бр. 1–2.
- К истории советско-югославского конфликта 1948–1953 гг.: секретная советско-югославо-болгарская встреча в Москве 10 февраля 1948 года // Советское славяноведение. 1991. № 3. С. 12–23; № 4. С. 27–36; 1992. № 1. С. 42–55; Славяноведение. 1992. № 3. С. 35–51.
- Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 – июнь 1941): сборник статей / отв. ред. Л. Я. Гибианский, С. З. Случ. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992.
- Magyarország, 1956: Hruscsov és Tito titkos Levelezése // *Köztársaság*. 1992. 25 sz. 74–81. old.; 26 sz. 74–81. old.; 27 sz. 29–32. old.
- Как возник Коминформ. По новым архивным материалам // Новая и Новейшая история. 1993. № 4. С. 131–152.

- La costituzione del Cominform (alla luce di nuovi materiali d'archivio) // Storia Contemporanea. Roma, 1993. Fasc. 4. P. 489–516.
- The Hungarian-Yugoslav Territorial Problem in Soviet-Yugoslav Political Contacts 1945–1946 // History & Politics. III. Bratislava Symposium Held on November 12–15, 1992 / ed. by D. Kováč. Bratislava: Czecho-Slovak Committee on the European Cultural Foundation, 1993. P. 109–114.
- Донесения югославского посла в Москве об оценках руководством СССР Потсдамской конференции и положения в Восточной Европе (август – ноябрь 1945 г.) // Славяноведение. 1994. № 1. С. 3–13.
- Az 1948-as szovjet-jugoszláv konfliktus és a Kominform // Multunk. 1994. 4 sz. 111–144. old.
- Informbyro a východní Evropa: Vzájemný poměr vnitřních a vnějších faktorů v procesu sovětizace // Soudobé dějiny. 1994. Roč. 1. Č. 4–5. S. 463–472.
- Le trattative segrete sovietico-jugoslave e la repressione della rivoluzione ungherese del 1956 // Storia Contemporanea. 1994. Fasc. 1. P. 57–82.
- The 1948 Soviet-Yugoslav Conflict and the Formation of the 'Socialist Camp' Model // The Soviet Union in Eastern Europe, 1945–89 / ed. by S. G. Holtmark, I. B. Neumann, O. A. Westad. London: Palgrave Macmillan; New York: St. Martin's press, 1994. P. 26–46.
- Балканский узел // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М.: РГБ, 1995. С. 86–109.
- У истоков «социалистического содружества»: СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. / отв. ред. Л. Я. Гибианский. М.: Наука, 1995 (*соавтор, отв. редактор*).
- Холодная война: новые подходы, новые документы / ред. М. М. Наринский, И. В. Гайдук, М. Л. Коробочкин и др. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1995 (*автор разделов «Проблемы международно-политического структурирования Восточной Европы в период формирования советского блока в 1940-е гг.» и «Форсирование советской блоковой политики»*).
- U.R.S.S. și câteva aspecte ale formării blocului sovietic în Europa Orientală // 6 Martie 1945: începuturile comunizării României / ed. V. Achim. București: Editura Enciclopedică, 1995. P. 254–256.
- Zur sowjetischen Außenpolitik im Herbst 1956 // Tauwetter ohne Frühling: Das Jahr 1956 im Spiegel blockinterner Wandlungen und internationaler Krisen / hrsg. von I. Kircheisen. Berlin: Berliner Debatte, 1995. S. 26–44 (*в соавторстве с А. С. Стыкалинным и В. Ю. Афиани*).
- Коминформ в действии. 1947–1948 гг. По архивным документам // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 149–170; № 2. С. 157–172.
- Кризис в советско-югославских отношениях в 1948 г. // Осмысление истории / гл. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Просвещение: Учебная литература, 1996. С. 123–134.
- Sovjetsko-jugoslovenski odnosi i mađarska revolucija 1956 godina // Jugoslovenski istorijski časopis. 1996. Br. 1–2. S. 151–170.

- Sovjetska zveza in Jugoslavija leta 1945 // Slovenija v letu 1945. Zbornik referatov / ured. A. Gabrič. Ljubljana: Zveza zgodovinskih društev Slovenije, 1996.
- The Soviet-Yugoslav Conflict and the Soviet Bloc // The Soviet Union and Europe in the Cold War, 1943–53 / ed. by F. Gori, S. Pons. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan; New York: St. Martin's Press, 1996. P. 222–245.
- A szovjet–jugoszláv kapcsolatok és az 1956-os magyar forradalom // Az 1956-os Magyar Forradalom Történetének Dokumentációs és Kutatóintézete-Közalapítvány / szerk. H. B. András et al. Budapest: 1956-os Intézet, 1997. 137–151. old.
- Die Bildung des Sowjetblocks in Osteuropa: Ziele, Strukturen, Mechanismen (1944–1949) // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 1997. H. 2. S. 205–226.
- La questione di Trieste tra i comunisti italiani e jugoslavi // L'altra faccia della luna: I rapporti tra PCI, PCF e Unione Sovietica / a cura di E. Agli-Rossi e G. Quagliariello. Bologna: Il Mulino, 1997. P. 173–208.
- Moskva a východní Evropa: Některé aspekty vzniku sovětského bloku // Soudobé dějiny. 1997. Roč. 4. Č. 1. S. 26–41.
- The Establishment of Communist Regimes in Eastern Europe, 1944–1949 / ed. by N. Naimark and L. Gibianskii. Boulder (Colorado); Oxford: Westview Press, 1997 (*соавтор и один из отв. редакторов*).
- Подготовка создания Коминформа и проблемы «социалистического лагеря» // Istorija 20. veka. 1998. Br. 2. S. 103–127.
- Советский Союз и территориальные проблемы южнославянских государств после второй мировой войны // Acta Contemporanea: K pětadesátinám Viléma Prečana / red. M. Janišová, D. Paton. Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 1998. S. 32–45.
- Сталин и триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998. С. 44–62.
- Mosca, il PCI e la questione di Trieste (1943–1948) // Dagli Archivi di Mosca: L'URSS, il Cominform e il PCI (1943–1951) / a cura di F. Gori, S. Pons. Roma: Carocci, 1998. P. 173–208.
- Восточная Европа между Гитлером и Сталиным, 1939–1941 гг. / отв. ред. В. К. Волков, Л. Я. Гибиянский. М.: Индрик, 1999 (*соавтор, один из отв. редакторов*).
- Н. С. Хрущев, Й. Броз Тито и венгерский кризис 1956 г. // Новая и Новейшая история. 1999. № 1. С. 10–29.
- Проблема Македонии и вопрос о федерации на Балканах в отношениях между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в 1941–1945 гг. // Македония: проблемы истории и культуры / отв. ред. Р. П. Гришина. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 203–261.
- Югославский кризис начала 1941 г. и Советский Союз // Война и политика. 1939–1941: сборник статей / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 1999. С. 207–225.

- Dokumenty k Zorinově pražské misi v únoru 1948: K interpretaci sovětských pramenů o sovětizaci východní Evropy // Soudobé dějiny. 1999. Roč. 6. Č. 4. S. 534–544.
- Sowjetisierung Osteuropas – Charakter und Typologie // Sowjetisierung und Eigenständigkeit in der SBZ/DDR (1945–1953) / hrsg. von M. Lemke. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1999. S. 31–79.
- Tito and Regional Balkan Arrangements (Attempts at Integration of the Balkans) // Self-Determination: From Versailles to Dayton Its Historical Legacy / ed. by H. Huttenbach, F. Privitera. Ravenna: Longo, 1999. P. 107–120.
- Кремль и создание советского блока в Восточной Европе: некоторые проблемы исследования и интерпретации новых документов // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента РАН В. К. Волкова / отв. ред. Б. В. Носов. М.: Индрик, 2000. С. 381–411.
- Политика Сталина в Восточной Европе, Коминформ и первый раскол в советском блоке // Советское общество: будни холодной войны. Материалы «круглого стола» / ред. В. С. Лельчук, Г. Ш. Сагателян. М.: б. и; Арзамас: Изд-во Арзамасского государственного педагогического университета (АГПИ), 2000. С. 152–179.
- СССР и отношения между коммунистами Болгарии и Югославии по поводу Македонии и федерации на Балканах (1943–1945) // България и Русия през XX век: Българо-руски научни дискусии / ред. кол. В. Тошкова и др. София: Гутенберг, 2000. С. 352–377.
- Идея балканского объединения и планы ее осуществления в 40-е годы XX века // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 38–56.
- Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944–1945) // Славяноведение. 2001. № 3. С. 3–26; № 4. С. 3–30.
- Советские цели в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы: споры в историографии и проблемы изучения источников // Russian History = Histoire russe. 2002. Vol. 29. № 2/4. P. 197–215.
- СССР, Восточная Европа и формирование советского блока // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Наука, 2002.
- Herausbildung des sowjetischen Blocks und Projekte osteuropäischer Föderationen in den vierziger Jahren des 20. Jahrhunderts // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2002. H. 2. S. 11–48.
- Mosca – Belgrado, uno scisma da ripensare. Il conflitto sovietico-jugoslavo del 1948: cause, modalità, conseguenze // Ventunesimo Secolo: Rivista di studi sulle transizioni. 2002. № 1. P. 45–59.
- Балканските компартии, СССР и федеративните проекти в Югоизточна Европа в края на Втората световна война и първите следвоенни години // Турция, Балканите, Европа. История и култура: Изследвания в чест на професор Д. Хаков / ред. А. Гарабедян и др. София: Парадигма, 2003. С. 62–91.
- Холодная война, 1945–1963 гг.: историческая ретроспектива / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003 (соавтор).

- Исследования политики СССР в Восточной Европе в конце Второй мировой войны и в первые послевоенные годы // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 148–160.
- Югославия в советской политике на Балканах в начале Второй мировой войны // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы (Тирана, 30.08 – 03.09 2004) / отв. ред. В. К. Волков, А. Ю. Русаков. СПб.: Наука, 2004. С. 66–89.
- Jugoslavija v hladni vojni = Yugoslavia in the Cold War. Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2004 (*соавтор и один из отв. редакторов*).
- Osteuropa: Sicherheitszone der UdSSR, sowjetisiertes Protektorat des Kreml oder Sozialismus “ohne Diktatur des Proletariats”? Zu den Diskussionen über Stalins Osteuropa-Politik am Ende des Zweiten Weltkrieges und am Anfang des Kalten Krieges: Frage der Quellen und ihrer adäquaten Interpretation // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2004. Н. 2. S. 113–138.
- СССР и «первая Югославия» накануне и в момент ее гибели // Двести лет новой сербской государственности: к юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб.: Алтейя, 2005. С. 279–299.
- The Trieste Issue and the Soviet Union in the 1940s // *Vojna in mir na Primorskem / zbrali in uredili J. Pirjevec, G. Bajc, B. Klabjan*. Koper: Univerza na Primorskem. Znanstveno-raziskovalno središče. Založba Annales; Zgodovinsko društvo za južno Primorsko, 2005. S. 357–390, 494–496.
- Балканский кризис и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР / сост. М. А. Липкин. М.: Права человека, 2006. С. 481–528.
- The Soviet-Yugoslav Split // *Revolution and Resistance in Eastern Europe: Challenges to Communist Rule* / ed. by K. Mcdermott, M. Stibbe. Oxford; New York: Berg, 2006. P. 17–36.
- СССР и некоторые проблемы мирного урегулирования с Румынией на завершающем этапе Второй мировой войны // Материалы Двусторонней комиссии историков России и Румынии (X научная конференция. Москва, октябрь 2005 года) / отв. ред. Л. Е. Семенова. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. С. 17–54.
- Столкновение Сталин – Тито: мифы и историческая реальность // *Зборник radova sa međunarodnog okruglog stola Tito – Staljin* / гл. и одгов. уред. М. Милошевић. Београд: Архив Србије и Црне Горе, 2007.
- Насаждение идеомифов как средство общественной легитимизации власти и ее политики: опыт мифологизации конфликта Сталин – Тито // *Власть и общество: непростые взаимоотношения. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Сборник статей* / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 240–262.
- Общественные противоречия и вопрос об изменении государственной модели в Югославии в начале Второй мировой войны // *STUDIA SLAVICA – POLONICA* (К 90-летию И.И. Костюшко) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 177–201.

- Военный переворот в Югославии 27 марта 1941 года: Общественные устремления и внешнеполитические условия // Славяноведение. 2010. № 5. С. 36–52.
- К истории возникновения коллективных структур советского блока: образование Совета экономической взаимопомощи // Славянство, растворенное в крови... : В честь 80-летия со дня рождения члена-корреспондента РАН В. К. Волкова (1930–2005) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 325–348.
- Югославия в балканской и европейской политике в начале Второй мировой войны: попытка лавирования и ее крах // 65 лет Великой Победы. В 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2010. Т. III: Победа. С. 62–81.
- Многонациональная Югославия в Апрельской войне 1941 года: позиции этносов, этнических движений и их элит (некоторые аспекты истории и историографии) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Алетей, 2011. С. 266–286.
- Советский Союз и Югославия в начале Второй мировой войны (1940–1941) // Призвание и всеотдайность: В честь 70-го юбилея и 40-го юбилея научной деятельности проф. д. и. н. Витка Тошкова / ред. кол. Л. Ревякина и др. София: Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2011.
- Триестский вопрос в комиссии Литвинова (осень 1943 г. – весна 1945 г.) // Slovenica II: Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. К юбилею И. В. Чуркиной / гл. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2011.
- Югославия в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индик, 2011 (*соавтор*).
- A Szovjetunió elleni hitleri agresszió küszöbén – a nemzetközi politikai válság utolsó fázisa a Balkánon és a Szovjetunió // Háború és nemzeti önismeret: 70 éve támadta meg a náci Németország a Szovjetuniót / szerk. B. Eszter, K. Tamás. Budapest: Russica Pannonicana, 2011. 44–70. old.
- Die Gründung des Rates für gegenseitige Wirtschaftshilfe // Stalins Wirtschaftspolitik an der sowjetischen Peripherie: Ein Überblick auf der Basis sowjetischer und osteuropäischer Quellen. Innsbruck: Studien Verlag, 2011. S. 21–44.
- Federative Projects of the Balkan Communists, and the USSR Policy during Second World War and at the Beginning of the Cold War // The Balkans in the Cold War: Balkan Federations, Cominform, Yugoslav-Soviet Conflict / ed. by Vojislav G. Pavlović. Belgrade: Institute for Balkan Studies of the Serbian Academy of Sciences and Arts, 2011. P. 43–60.
- Pirjevčev zbornik. Poti zgodovine med severnim Jadranom, srednjo in vzhodno Evropo: ob 70. obletnici akad. prof. dr. Jožeta Pirjevca / ured. G. Bajc, B. Klabjan. Koper: Univerzitetna založba Annales, 2011 (*автор разделов «Some Aspects of the Soviet Policy towards Eastern Europe in 1940s: From the Cominform's Formation to Stalin – Tito Split» и «Soviet-Yugoslav Relations, the Cominform, and Balkan Communist Parties: Documentary Sources and Some Aspects of Its Research»*).

- Балканские страны в перекрестье политики Гитлера и Сталина в начале Второй мировой войны: от поражения Франции до установления господства «оси» на Балканах // *Славяноведение*. 2013. № 1. С. 24–42.
- Die Entwicklung in Südosteuropa in den Jahren 1940–1941 im Kontext der sowjetisch-deutschen Beziehungen = Развитие ситуации в Юго-Восточной Европе в 1940–1941 гг. в контексте советско-германских отношений // *Die Tragödie Europas: Von der Krise des Jahres 1939 bis zum Angriff auf die UdSSR = Трагедия Европы. От кризиса 1939 года до нападения на СССР* / ред. А. Чубарьян, Х. Мёллер. München: Oldenbourg Verlag, 2013. S. 185–204.
- Uniunea Sovietică și unele aspecte privind reglementarea pașnică a problemelor cu România, în faza finală a celui de-Al Doilea Război Mondial // *In memoriam acad. Florin Constantiniu: Smerenie. Pasiune. Credință / volum îngrigat de dr. L. Constantiniu*. București: Editura Enciclopedică, 2013. P. 237–271.
- Проблема Бессарабии и противоречия между СССР и Румынией в общем контексте территориальных переделов и советско-германских отношений в Юго-Восточной Европе на начальном этапе Второй мировой войны // *Basarabia – 1812. Problemă națională, implicații internaționale. Materialele Conferinței Științifice Internaționale 14–16 mai 2012, Chișinău – Iași* / coord. G. Cliveti, G. Cojocaru. București: Editura Academiei Române, 2014. P. 793–817.
- Проекты федераций на Балканах в годы Второй мировой войны и в начале холодной войны // *Балканы в европейских политических проектах XIX–XXI вв.: сб. статей / отв. ред. Р.П. Гришина*. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 293–330.
- Советская политика в отношении Югославии перед апрельской катастрофой 1941 г. // *Срби и рат у Југославији 1941. године: тематски зборник радова / уред. Д. Алексић*. Београд: Институт за новију историју Србије; Музеј жртва геноцида, Институт за славистику Руске академије наука, 2014. С. 141–163.
- La mitizzazione del conflitto Stalin – Tito come esperimento di diffusione di un mito ideologico per la legittimazione pubblica del potere e della sua politica // *Ventesimo Secolo: Rivista di studi sulle transizioni* (Roma). 2014. Anno 13. № 33 – Febbraio. P. 115–131. <https://doi.org/10.1400/223711>.
- Сталин, Тито, Павелич при завершении разгрома гитлеровской Германии и ее европейских сателлитов: документы, противоречащие голословным версиям // *Вместе в столетии конфликтов. Россия и Сербия в XX веке: сб. статей / отв. ред. К.В. Никифоров*. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 256–278.
- Венгерская революция 1956 г. и искушение «антисталинского сталинизма»: руководство Югославии между стремлениями к подрыву блокового гегемонизма Кремля и к сохранению коммунистического господства в Восточной Европе // *Венгерский кризис 1956 г. в контексте хрущевской оттепели, международных и межблоковых отношений / редколлегия: А. Костриц, А. С. Стыкалин (отв. редактор), О. В. Хаванова*. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 62–91.
- Продолжение 1917-го: типология установления коммунистических режимов в Восточной Европе в результате Второй мировой войны // *Славянский*

альманах. 2018. Вып. 1–2. С. 157–175. <https://doi.org/10.31168/2073-5731.2018.1-2.1.12>.

Ялта и устремления СССР при создании послевоенного международного порядка: между исторической реальностью и интерпретациями в советской и российской историографии // *Gra o świat: w stronę nowej Jałty?* / Pod redakcją naukową J.M. Fiszera. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018. S. 93–120.

The Soviet Union and the Emergence of Yugoslav Communist Territorial Claims against Italy and Austria, 1941–1945 // *The Alps-Adriatic Region, 1945–1955: International and Transnational Perspectives on a Conflicted European Region* / ed. W. Mueller, K. Ruzicic-Kessler, Ph. Greilinger. Wien: New Academic Press, 2018. P. 201–232.

“...Consfătuirea este convocată la inițiativa guvernelor U.R.S.S. și României”. Cum a apărut Consiliul de Ajutor Economic Reciproc // *Arhivele Totalitarismului (București)*. 2018. № 98–99 (1–2). P. 109–132.

Некоторые наблюдения и размышления посланника Югославии в Москве Милана Гавриловича о советской политике и положении СССР в канун Великой Отечественной войны // *Взгляд чужеземца: дипломаты, публицисты, ученые-путешественники между Востоком и Западом в XVIII – XXI вв.* / отв. ред. О. В. Хаванова. М.: Ин-т славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 226–250. <https://doi.org/10.31168/4469-1767-9.14>.

«О ПОПЫТКАХ СТАТЬ ИСТОРИКОМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»: ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ИТОГ С МИГРАЦИОННЫМИ ОСЛОЖНЕНИЯМИ. ЧАСТЬ 1*

Штефан Трёбст

доктор наук, профессор, заведующий кафедрой истории культуры Восточной Европы, Лейпцигский университет; заместитель директора, Институт истории и культуры Восточной Европы имени Лейбница (1999–2021)
Почтовый адрес: ул. Цинсвайлервег 22, Берлин, 14163 Германия
Электронный адрес: stefan.troebst@snaflu.de

Аннотация

Автобиографическое (и потому в известной степени субъективистское) эссе отвечает на вопрос, что мотивировало молодого человека не из Восточной Европы, родившегося в 1955 г. в Западной Германии, стать историком – специалистом по Восточной Европе. Ответом, с одной стороны, служат интерес к языкам (славянским) и политике (холодная война), в меньшей степени семейное происхождение, с другой – ряд случайных совпадений и, что немаловажно, возможности стажировок и стипендий. В первой части речь идет о биографии автора от гимназических лет в Баден-Вюртемберге до университетов и научно-исследовательских институтов в Тюбингене, Западном Берлине, Софии, Скопье и Блумингтоне (Индиана) с 1969 по 1981 г., включая сведения о первых скромных научных достижениях. Вторая часть будет посвящена профессиональной деятельности вплоть до выхода на пенсию в 2021 г.

Ключевые слова

Восточная Европа, Восточно-Центральная Европа, Юго-Восточная Европа, Хью Сетон-Уотсон, Матиас Бернат, Чарльз и Барбара Елавич, Дёрдь Ранки, Свободный университет в Берлине, Институт национальной истории в Скопье, Индианский университет, Софийский университет имени Климента Охридского

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2021 г.

Цитирование: *Трёбст Ш.* «О попытках стать историком Восточной Европы»: промежуточный итог с миграционными осложнениями. Часть 1 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 243–265. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.11>

* Статья написана для сборника в честь юбилея Биргит Харрес под редакцией Н. Менцеля и К.-Д. Штрауха. На момент выхода журнала из печати библиографические данные публикации неизвестны.

“ON TRYING TO BE A HISTORIAN OF EASTERN EUROPE”: A MIGRATORY INTERIM BALANCE. PART 1

Stefan Troebst

Doctor, Professor, Chair of East European Cultural History, Leipzig University; Deputy Director, Leipzig Institute for the History and Culture of Eastern Europe (GWZO) (1999–2021)
Postal Address: Zinsweilerweg 22,
Berlin, 14163 Germany
E-mail: stefan.troebst@snaifu.de

Abstract

This autobiographic (and thus highly subjective) text asks what motivated a non-East European, born in 1955 in West Germany, to become a historian of Eastern Europe. The answers are, on the one hand, an interest in (Slavic) languages and (Cold War) politics, and, to a lesser extent, family background, and on the other, coincidence and, not the least, fellowship opportunities. Part 1 of the article traces the author’s biography from his high-school years in Baden-Württemberg to universities and research institutions in Tübingen, West Berlin, Sofija, Skopje, and Bloomington, Indiana, from 1969 to 1981 – including his first modest academic achievements. Part 2 covers his professional path till retirement in 2021.

Keywords

Eastern Europe, East-Central Europe, South-Eastern Europe, Hugh Seton-Watson, Matthias Bernath, Charles and Barbara Jelavich, György Ránki, Free University of Berlin, Institute of National History in Skopje, University of Indiana, Sofia University “St. Kliment Ohridski”

Received 15 April 2021

How to cite: Troebst, S., 2021. “O popytkakh stat’ istorikom Vostochnoi Evropy”: promezhutochnyi itog s migratsionnymi oslozhneniiami. Chast’ 1 [“On Trying To Be a Historian of Eastern Europe”: A Migratory Interim Balance. Part 1]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 243–265. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.11>

ВВЕДЕНИЕ. ДВЕ ПОПЫТКИ СТАТЬ ИСТОРИКОМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

«**О** попытках стать историком Восточной Европы» – так называлось эссе британского историка, специалиста по Восточной Европе Хью Сетон-Уотсона (1916–1984), включенное в сборник, вышедший под редакцией его учеников в 1988 г. в память о нем. Там автор подводил итог своей долгой профессиональной деятельности в Школе славистических и восточноевропейских исследований (англ. *School*

of *Slavonic and East European Studies*) Лондонского университета. Эссе начиналось словами: «Более тридцати лет я пытался понять и все-таки по-прежнему не уверен, что значит “историк” или “Восточная Европа”»¹. Среди причин своих сомнений он назвал, с одной стороны, то влияние, которое драматические события в Европе XX в. оказали на его мышление как историка, а с другой стороны – тот факт, что парадигма «славянства» всё больше утрачивала смысл, лишая своего значения и прилагательное *Slavonic* в названии его института².

Сам я старался стать и быть историком Восточной Европы, двигаясь по следам великого Сетон-Уотсона, однако его сомнения в парадигме «славянства», хоть я и сам славист, мне вполне понятны³. Меньше трудностей у меня возникает в связи с его сомнениями в самой профессии историка. То, что эта профессиональная группа отвечает за прошлое, его анализ и – в определенном смысле – за его толкование, сомнений у меня не вызывает. Столь же бесспорным кажется мне, что профессиональные задачи цеха историков в последние десятилетия ощутимо расширились, вобрав в себя анализ современных культур памяти и исторической политики, реализуемой правительственными и парламентскими инстанциями, а также неправительственными организациями (общественными, культурными, профсоюзными, профессиональными, церковными и предпринимательскими), а также не в последнюю очередь СМИ, включая блогеров. Прежде всего благодаря этому историческая наука (как минимум отчасти) отвоевала свое приоритетное право на толкование прошлого в условиях попыток перечисленных конкурирующих акторов инструментализировать историю⁴. Родившийся в 1916 г. Сетон-Уотсон скончался слишком рано – в 1984 г. – и потому не мог распознать эту тенденцию.

¹ *Seton-Watson H.* On Trying to be a Historian of Eastern Europe // *Historians as Nation-Builders. Central and South-East Europe* / ed. by D. Deletant, H. Hanak. London: Palgrave Macmillan, 1988. P. 1. Ср. также: *Idem.* Reflections of a Learner // *Government and Opposition. An International Journal of Comparative Politics.* 1980. Vol. 15. Issue 3–4. P. 512–527.

² *Seton-Watson H.* On Trying to be a Historian of Eastern Europe. P. 2–3, 5–6.

³ *Troebst S.* Slavizität. Identitätsmuster, Analyserahmen, Mythos // *Gemeinsam einsam. Die Slawische Idee nach dem Panslawismus* / hrsg. von A. Gąsior, S. Troebst. Berlin: Berliner-Wissenschafts-Verlag, 2009. S. 7–19 (Themenheft von Osteuropa; Bd. 59. H. 12). См. также: *Idem.* Post-Pan-Slavism? Political Connotations of Slaviness in 21st Century Europe // *Approaches to Slavic Unity. Austro-Slavism, Pan-Slavism, Neo-Slavism, and Solidarity Among the Slavs Today* / ed. by K. Makowski, F. Hadler. Poznań: Instytut Historii UAM, 2013. P. 169–175.

⁴ *Diner D.* Von Gesellschaft zu Gedächtnis. Überlegungen zu einem Paradigmenwechsel // *Veränderte Weltbilder* / hrsg. von D. Claussen, O. Negt, M. Werz. Frankfurt am Main: Neue Kritik, 2005. S. 152–166. (Hannoversche Schriften; 6).

EASTERN EUROPE VS ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Не удивляют также трудности, отмеченные Сетон-Уотсоном в связи с обозначением региона – Восточная Европа, или, в британской академической и политической среде, *Eastern Europe*. Англоязычный термин лишь кажется эквивалентом немецкоязычного понятия *Osteuropa* (нем. ‘Восточная Европа’), поскольку он во времена Сетон-Уотсона, как правило, не включал в себя московские, российские и советские государственные образования, соответствуя скорее немецкому *Ostmitteleuropa* (нем. ‘Восточно-Центральная Европа’) или австрийскому (постгабсбургскому) *Zentraleuropa* (нем. ‘Центральная Европа’), иногда охватывая еще и «Юго-Восточную Европу», то есть Балканы. Когда Сетон-Уотсон был одним из ведущих профессоров и публицистов, Советский Союз, по организационной структуре британского Форин Офис, относился к ведению Северного департамента, в то время как государства от Польши до Албании распределялись между департаментами «Центральной Европы» и «Южной Европы». Что же касается Восточного департамента, то в его компетенции во внутренней структуре министерства находились государства, которые относят к Ближнему и Среднему Востоку. Однако термин *Eastern Europe* (англ. ‘Восточная Европа’) в трактовке Сетон-Уотсона включал в себя Российскую империю и СССР; иного нельзя было ожидать от ученого, с 1951 г. заведовавшего в *SSEES* кафедрой истории России⁵. Таким образом, он в восприятии публики «переместил» Россию из Северной Европы в Восточную⁶.

Но (и это «но» весьма весомо) ученики и последователи Х. Сетона-Уотсона назвали том, посвященный учителю, «Историки как строители наций» (англ. *Historians as Nation-Builders*). Иными словами, речь здесь не шла о транснациональном и надрегиональном историческом контексте (то, что можно было бы связать с понятием *Eastern Europe*) либо о культурной или лингвистической общности (под термином «славянство»), а об однозначно национальных концепциях (завязанных на национальные государства), на становление которых – что можно вывести из названия книги – профессиональная деятельность историков оказала определяющее влияние. «Изобретение» Восточной Европы как

⁵ Подробнее см.: *Obolensky D. George Hugh Nicholas Seton-Watson 1916–1984 // Proceedings of the British Academy. 1987. Vol. 73. P. 631–642.*

⁶ Ср.: *Lemberg H. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom “Norden” zum “Osten” Europas // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1985. Jg. 33. S. 48–91.*

«исторического мезорегиона»⁷ – инновация, дающая основу для научных выводов и пригодная к глобальному распространению, которая (что интересно) в последнее время находит позитивный отклик прежде всего у социологов, а не у историков (как это можно было бы предположить),⁸ – роли не играло. Термин «Восточная Европа», или, как обозначено в названии сборника, посвященного памяти Сетон-Уотсона, «Центральная и Юго-Восточная Европа», здесь был использован лишь как собирательное понятие для «лоскутного одеяла», состоящего из малых и средних национальных государств, возникших на обломках империй и, как правило, враждующих между собой.

НЕ С РАННЕГО ДЕТСТВА – НО ПОСЛЕ...

Зачем же я вбил себе в голову, что я, как Сетон-Уотсон (о существовании которого я тогда не знал⁹), хочу стать специалистом по истории Восточной Европы, причем сразу, в первый же семестр обучения в Университете имени Эберхарда и Карла в Тюбингене? Тут нужно назвать некоторые автобиографические факторы, которые меня подталкивали. Факторы семейного или (тем более) личного характера отсутствовали просто по возрасту: не было статуса так называемого позднего переселенца из дунайских швабов, из Трансильвании, России или Казахстана, вторичного статуса перемещенного лица, и уж точно не было опыта советского плена или заключения в ГУЛАГе – как у многих германских специалистов по истории Восточной Европы старших

⁷ *Трёбст Ш.* Особый путь к концепции исторического мезорегиона: учебный предмет «История Восточной Европы» в немецкоязычном пространстве 1892–2016 гг. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: к 60-летию Константина Владимировича Никифорова / редкол.: С. И. Данченко, К. А. Кочегаров, Б. С. Новосельцев, Е. С. Узенева, О. В. Хаванова (отв. ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 512–530.

⁸ *Delanty G.* The Historical Regions of Europe: Civilizational Backgrounds and Multiple Routes to Modernity // *Historická sociologie = Historical Sociology*. 2012. Vol. 3. Issue 1–2. P. 9–24; *Giordano Ch.* Interdependente Vielfalt: Die historischen Regionen Europas // *Europa und die Grenzen im Kopf* / hrsg. von K. Kaser, D. Gramshammer, R. Pichler. Klagenfurt: Wieser, 2003. P. 113–135. (*Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens*; 11); *Troebst S.* Sonderweg zur Geschichtsregion. Die Teildisziplin Osteuropäische Geschichte // *Osteuropa*. 2013. Jg. 63. H. 2–3. S. 55–80.

⁹ Лишь в 1983 г., в год его выхода на пенсию, мне представилась возможность увидеть Хью Сетона-Уотсона, хотя и издали. Он выступал с докладом в Институте Восточной Европы Свободного университета Западного Берлина. Если память мне не изменяет, он тогда представил квинтэссенцию своего эпохального основополагающего труда об образовании наций, национализме и национальных государствах не только в Восточной Европе, но и во всем мире. См.: *Seton-Watson H.* Nations and States: An Enquiry Into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. London: Methuen, 1977.

поколений¹⁰. Прибалтийская немка, двоюродная бабушка Мари фон Людер (которую все называли Мей), дочь помещика и торговца древесиной из окрестностей Ревеля (название города она произносила «РеФаль»), нынешнего Таллина, столицы Эстонии, также, помимо фонологии, не оказала значительного влияния на решение. Тем не менее у моих родителей и у бабушки с дедушкой с отцовской стороны хранилось много вещей моего прапрадеда Готтлоба Трёбста из тюрингского города Апольда, который изучал русский язык в Йенском университете, а также участвовал в первых переводах прозы Пушкина на немецкий (совместно с протоиереем русской православной церкви в Веймаре Степаном К. Сабининым)¹¹. В 1840 г. он, как и многие другие безработные выпускники университетов его поколения, отправился в Россию, чтобы стать там домашним учителем¹². С первым работодателем в Москве, генерал-майором в отставке Отто-Фридрихом бароном фон Шёппингом, отношения у него не сложились, и он перешел в семью графа Александра Николаевича Соймонова (1780–1856), где давал уроки его дочери Екатерине Александровне. Однако учителя и ученицу связывали не только уроки, и, как только сей факт открылся, ему пришлось немедленно покинуть дом Соймоновых и уехать из России домой в Тюрингию. Случилось это в 1846 г. С профессиональной точки зрения он не проиграл, став директором реальной гимназии в Веймаре. До конца жизни он активно переписывался со своей бывшей ученицей на смеси французского, русского и немецкого. Она даже как-то приезжала к нему в гости в Веймар. Правда, у его жены, моей прапрабабушки Элизабет, это большого восторга не вызвало. Больше она обрадовалась приезду в Веймар Льва Толстого. Тот побывал у них в Веймаре в 1861 г. по пути в Баден-Баден. С ним Готтлоб Трёбст познакомился еще в России, когда писателю было всего тринадцать лет, во время его приезда в Теплое, имение Соймонова¹³. От Готтлоба Трёбста мне в наследство достались коллекция табакерок

¹⁰ См., например: *Geyer D.* Reußenkrone, Hakenkreuz und Roter Stern. Ein autobiographischer Bericht. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999; *Markov W.* Wie viele Leben lebt der Mensch. Eine Autobiographie aus dem Nachlaß. Leipzig: Faber & Faber, 2009.

¹¹ *Cappeller F.* Erste deutsche Übersetzung von Puschkins Novellen. Eine deutsch-russische Gemeinschaftsarbeit aus Jena – Weimar 1840 // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe* 8. 1958/1959. H. 1. S. 161–176.

¹² *Troebst C. C.* Gottlob Tröbst. Gelehrter zwischen Weimar und Moskau. Weimar: WV – Weimarer Verlagsgesellschaft, 2011.

¹³ *Tolstoi L.* Tagebücher. Berlin (Ost): Rütten & Loening, 1978. Bd. 1. 1847–1884. S. 279. Ср.: *Seifert R.* Leo Tolstois Besuche in Weimar und Jena 1861 // Weimar – Jena. Die große Stadt. Das kulturhistorische Archiv. 2012. Jg. 5. H. 3. S. 170–181.

из тульского серебра, самовар цвета золота из того же города, переписка с *Catherine de Soumonoff*, длившаяся десятилетия, а также большой портрет его с женой. Таким образом, можно говорить о моей связи с восточной половиной Европы в детском и подростковом возрасте, но вряд ли этот факт оказал существенное влияние на выбор профессии.

Иной была ситуация после девятого класса гимназии, находившейся в Гёппигене в северной части Вюртемберга. Гимназия была лингвистической, с уклоном в изучение иностранных языков, и тогда передо мной встал выбор, какой язык учить после латыни и английского – французский или русский. Напомню, это был 1970 год, когда премьер-министром федеральной земли Баден-Вюртемберг был Ханс Фильбингер (1913–2007), принадлежавший к правому крылу партии ХДС, а пост министра культуры занимал ультраконсерватор и его товарищ по партии Вильгельм Хан (1909–1996). Именно Хан, а не Фильбингер олицетворял собой тогда врага для протестующих студентов в Гейдельберге, Фрайбурге и Тюбингене в 1968 г. Соответственно звучали и их лозунги, в которых обыгрывалась фамилия политика (*Hahn* – нем. «петух»): *Hi, ha, ho – sperrt den Hahn ins Klo!* («Тили-тили-тили, Хану место в сортире!»), *Gebt dem Hahn ein Huhn, dann hat er was zu tun!* («Дайте Хану курицу, чтоб было, чем заняться») и *Brecht dem Hahn die Gräten, alle Macht den Räten!* («Переломаем Хану кости, вся власть советам!»).

Несмотря на то что Фильбингер, которого драматург Рольф Хоххут (1931–2020) разоблачил как безжалостного судью нацистского военно-морского флота, даже весной 1945 г. выносившего смертные приговоры, яростно боролся с «Новой восточной политикой» Вилли Брандта (1913–1992) и Эгона Бара (1922–2015) в отношении Советского Союза, его соратнику Хану тем не менее явно разумным казался школьный эксперимент, реализованный в пяти гимназиях федеральной земли и состоявший в создании параллельных классов с преподаванием русского языка. Не имея никаких документальных подтверждений, я предполагаю, что это было связано с его биографией. Дело в том, что В. Хан родился в 1909 г. в Дерпте, входившем тогда в состав Российской империи (ныне Тарту, Эстония), и лишь в десятилетнем возрасте попал на историческую родину в Германию (как тогда говорили, *heim ins Reich*). Видимо, он, ребенок из семьи прибалтийских немцев, учился в русскоязычной начальной школе, сам владел русским и, вероятно, считал, что знание этого языка может оказаться полезным, не в последнюю очередь для развития уже существовавших тогда активных экономических связей металлообрабатывающей промышленности Северного Вюртемберга,

прежде всего станкостроительных предприятий, с советскими металлургическими комбинатами. Но это, как уже было отмечено, лишь предположение.

Оглядываясь на минувшие 50 лет, я могу с уверенностью констатировать, что министр Хан оказал решающее влияние на мою профессиональную карьеру, поскольку я выбрал для изучения русский язык вместо французского. Наш преподаватель русского в гимназии знал язык в совершенстве. Он был строг, держал дистанцию в общении с учениками и, вероятно, был военнотружущим вермахта, побывавшим в плену в СССР. За два учебных года при пяти уроках русского в неделю он сумел успешно вдолбить в нас тогдашний стандартный учебник русского языка издательства *Hueber* вместе с грамматическим пособием. (Надо отметить, что в университетах ФРГ на прохождение этого учебника отводилось то же время – четыре семестра.) Благодаря этому я позже сэкономил два семестра в университете. К сожалению, после его ухода на пенсию у нас появилась учительница русского, выросшая в ГДР, не владевшая живым языком и заставлявшая нас исключительно писать диктанты и вдобавок мучившая нас в лингафонном классе магнитофонными записями для постановки интонации. Поскольку почти все родители учеников нашей параллели – так же, видимо, как и руководство школы – опасались, что при таких условиях выпускной экзамен по русскому никто из нас не сдаст, летом 1973 г. большинство из нас через бюро путешествий Христианской ассоциации молодых мужчин (*СИММ*)¹⁴ в Касселе отправили на курс русского языка в Государственный педагогический институт имени А. С. Серафимовича в Волгоград (бывший Сталинград) – разумеется, за свой счет.

Тамошнее преподавание языка было настолько дремуче-советским, что я, как и многие мои одноклассники, начиная со второго дня прогуливал уроки. Но сертификат нам всё равно выдали. Однако мы сразу же подружились со студентами института: калмыками, русскими, украинцами и представителями других национальностей. Мы встречались ежедневно, ходили купаться на пологий восточный пляж Волги (предположительно несшей в своих водах тяжелые металлы и другие малоприятные ингредиенты), осматривали мемориальный комплекс «Мамаев курган» (при этом выяснилось, что для наших местных друзей «фашисты» были сродни марсианам и никак не были связаны с западными немцами), вместе готовили, ели, слушали музыку и – что

¹⁴ Христианская ассоциация молодых мужчин (с 1985 г. – Юношеская христианская ассоциация) – международная молодежная волонтерская организация.

неизбежно – выпивали по вечерам на квартирах, поскольку большинство родителей были в отпуске.

Институт тоже организовывал экскурсии – на Дон, лишь внешне казавшийся тихим, поскольку из-за малой глубины при плавании почти невозможно было бороться с течением; путь лежал прямо через поле битвы 1942–1943 года, чего мы тогда не знали. Кроме того, на десять дней нас отправили в студенческий стройотряд в палаточный лагерь на волжский остров в направлении Астрахани; комаров там было страшное количество. Вместе с комсомольцами мы по утрам копали ямы, которые после обеда надлежало снова закапывать. Несмотря на отвратительное питание, антисанитарию и, прежде всего, комаров и других насекомых, нам там очень понравилось: мы приобрели много друзей. При возвращении в Вюртемберг мы сносно владели русским, включая большой запас анекдотов и ругательств, но общаться с нашей учительницей на этом языке мы не могли. Выпускной экзамен по русскому мы всё же сдали, хоть и не на высшие оценки, потому что мы понятия не имели, когда использовать совершенный, а когда несовершенный вид глагола, а также когда и тем более где ставить мягкий знак...

Из ТЮБИНГЕНА В (ЗАПАДНЫЙ) БЕРЛИН

В 1974 г. в ходе с трудом сданных выпускных экзаменов ребром встал вопрос: «Куда теперь?» Логичным ответом было: «Понятия не имею!» Поэтому сначала я устроился подсобным рабочим на лесопилку в нашей деревне, чтобы собрать денег на поездку автостопом по Франции, Италии, Мальте, Греции, Болгарии, Румынии и Венгрии. Тогда это, кстати, было весьма недорогим удовольствием: в режиме «всё включено» в день (помимо морских переездов) я в среднем тратил по две немецких марки, что на нынешние деньги составило бы, наверное, около четырех евро. Райские были времена...

Большинство моих одноклассников, изучавших русский, подали документы в университет Тюбингена на филологический факультет (специализация – преподаватель русского), и я без большого желания поступил так же. Но пузырь неуверенности в том, какую профессию выбрать, лопнул в первый же день зимнего семестра 1974/1975 гг.: нас, первокурсников, согнали в аудиторию факультета новых языков (иначе говоря – в «Корпус Бертольда Брехта»), где руководитель семинара славянских языков Ильзе Кунерт (1923–2016), лингвист, родившаяся в Гданьске, кратко и доступно объяснила нам, что потребность федеральной земли Баден-Вюртемберг в учителях русского языка покрыта на годы вперед,

так что в обозримом будущем рабочих мест для преподавателей русского не предвидится.

Меня как громом поразило! Ведь это значило, что мне совсем *не обязательно* было становиться учителем русского, я теперь мог делать то, что *хотел*. Это был шаг в сторону академической свободы. Я сразу же перешел на магистерский курс «История» со второй основной специализацией «Славистика». Первую свою лекцию я прослушал у чрезвычайно компетентного, но столь же надменного и недоступного специалиста по истории России Дитриха Гейера (род. в 1928 г.). Совершенно иначе проходили занятия по славянскому литературоведению. Там гораздо более доступный и общительный Людольф Мюллер (1917–2009) из Западной Пруссии на примере антологии русской лирики, изданной *Penguin Press* (оригинальный текст с литературным переводом на английский), терпеливо учил нас искусству интерпретации поэзии¹⁵. Ильзе Кунерт тоже прилагала все усилия, стараясь познакомить нас с церковнославянским языком на основе грамматики Августа Лескина (1840–1916). Позже я снова столкнулся с его работами по (безуспешному) поиску праславянского языка и трудами, которые легли в основу Лейпцигской школы младограмматиков.

Уже во втором своем семестре в Тюбингене я решил покинуть идиллическую Швабию и подал заявку на перевод в Свободный университет Западного Берлина, где действовал большой Институт Восточной Европы с 11 отделами и 25 профессорами. (Сегодня профессоров там всего пять.) Причиной был проснувшийся у меня интерес к истории Балкан, которой в Свободном университете Берлина занимался тогда Матиас Бернат (1920–2013), эдакий постгабсбургский вельможа из лотарингской семьи, переселившейся в многонациональный румынский Банат. В университетах ФРГ он был единственным профессором, специализировавшимся на истории Юго-Восточной Европы. Наряду со своими четырьмя «родными языками» (немецким, румынским, венгерским и сербским) он прекрасно владел французским, итальянским и (что удивительно) русским¹⁶. После первого разговора с ним в Институте Восточной Европы на улице Гариштрассе в квартале Далем мне стало ясно: у него ты можешь начать учиться тому, чему ты всегда хотел учиться! Так я и сделал, хотя вначале это продлилось лишь два семестра, поскольку

¹⁵ The Penguin Book of Russian Verse with Plain Prose Translations of Each Poem / introduced and edited by D. Obolensky. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1974.

¹⁶ Troebst S. Südosteuropäische Geschichte als gesonderte Disziplin: Mathias Bernath in Berlin und München // Südosteuropäische Hefte. 2012. Jg. 1. H. 2. S. 19–23.

одновременно усилился «Дранг нах Остен». Результатом стали три года переездов (Болгария, Югославия, США) с перерывом на четыре семестра в Западном Берлине, находившемся на переднем крае холодной войны, с возможностью посещения Восточного Берлина, тогдашней столицы ГДР.

Кроме того, в Далеме я учился у чрезвычайно эксцентричного, но весьма компетентного – и довольно добродушного – Норберта Райтера, лингвиста, специалиста по балканским языкам. От него я узнал много о языковых наслоениях на Балканах. Например, о том, что название далматинского города Цавтат восходит к латинскому *civitas* (город). В результате, когда я гораздо позже наткнулся на немецкое название Риеки – Санкт-Файт-ам-Флаум, я понял, что это наименование восходит к латинскому *flumen*, означающему просто «река». Отсюда возникло итальянское (и венгерское) название города Фиуме, и, конечно, хорватское Риека (река). Таким образом, изучение основ лингвистики славянских языков на младших курсах может принести довольно неожиданную пользу...

ИЗ ЗАПАДНОГО БЕРЛИНА ЧЕРЕЗ БАД-ГОДЕСБЕРГ В СОФИЮ И СКОПЬЕ

Мое желание провести годичную заграничную стажировку в Советском Союзе, переживавшем тогда «золотые годы застоя», разбилось о требования Германской службы академических обменов (нем. *Deutscher Akademischer Austauschdienst*), предполагавшие предоставление стипендий для такой стажировки только после получения диплома. Однако такие, как я, еще не получившие диплом, могли подать заявку на стипендию для обучения в странах Восточно-Центральной и Юго-Восточной Европы, входивших в единый блок с «Союзом республик свободных» (который тогда казался нерушимым). Эти страны-сателлиты я разделил для себя так: Польша и ЧССР – это Центральная Европа, то есть они недостаточно экзотичны; в Венгрии и Румынии не говорят на славянских языках, то есть они отпадают; в Югославии я был в отпуске – уже неинтересно; в Албании язык тоже неславянский, да и стипендии ДААД туда нет, поскольку нет соглашения о культурных связях; соответственно, остается только одна страна – Болгария. В ней я, как уже говорилось, побывал после окончания школы: в Софии, Пловдиве и Видине, а также (по не вполне уже понятным причинам) в Толбухине (теперь снова Добрич), Карнобате и Кнеже. Там для общения мне всегда хватало русского. Так что моей целью теперь стала Болгария, точнее Софийский университет имени св. Климента Охридского.

Собеседование в ДААД в Бад-Годесберге проводилось комиссией, состоявшей из 20 человек. Председателем был Альфред Раммельмайер (1909–1995), славист из Франкфуртского университета имени Гете, родившийся в дореволюционной России. Я знал, что кандидатов, входящих в зал, приветствовали на языке страны, в которую они собирались, и ждали от них ответа на том же языке. Чего я не знал – так это того, что стандартную анкету кандидата на стипендию ДААД профессор Раммельмайер подробно размечал карандашами разных цветов. В моем формуляре я увидел, что один из разделов густо раскрашен красным. Это был пункт «Профессиональная цель». Решительно и беспощадно он задал мне вопрос по нему. В своей юношеской наивности я написал там «преподаватель вуза»; еще хуже было то, что в своем ответе на его вопрос я заявил: на основании своего богатого университетского опыта – как-никак, целых три семестра – я пришел к выводу, что преподаватель вуза – достаточно привлекательная и вполне прилично оплачиваемая профессия. Я не заметил язвительных ухмылок остальных девятнадцати человек, присутствовавших в зале, и не понял, чем они были вызваны, только ли моей наглостью или отчасти также особым профессорским остроумием председателя комиссии.

До принятия решения о стипендии нужно было подождать некоторое время. Но тогда я само приглашение на собеседование воспринял как успех. Дело в том, что для собеседования кандидату предоставлялся авиабилет из западноберлинского аэропорта Тегель в Кёльн-Ван и обратно (это был первый перелет в моей жизни), а также, что было еще большей удачей, суточные от ДААД в размере 50 немецких марок. Внутреннюю часть суммы я совместно с моим товарищем по Свободному университету инвестировал в говяжье филе на гриле в аргентинском ресторане в центре Бонна – это тоже было первым подобным опытом, который, как теперь видно, навсегда остался в памяти.

Кстати, тогдашний референт ДААД по Юго-Восточной Европе, японист Дирк Штукеншмидт (род. в 1939 г.), который в октябре 1976 г., почти сразу после моего прибытия в Болгарию, приехал в Софию, чтобы, как он выразился, следить за порядком, сказал мне, что я мог выглядеть на собеседовании сколь угодно глупо, но всё равно в любом случае получил бы стипендию. Причиной было то, что на основании соглашения о культурных связях, заключенного между Болгарией и ФРГ в 1973 г., несколько сотен болгар стремились приехать в Западную Германию по обмену, но не могли, поскольку соглашение должно было осуществляться на двусторонней основе. А я был первым западным немцем,

желавшим поехать в эту балканскую страну, остававшуюся в глазах запада мрачной сталинистской диктатурой.

Моя годичная стажировка сначала на факультете для иностранных студентов, а затем на историко-философском факультете Университета имени св. Климента Охридского имела важные для моей дальнейшей биографии последствия. Попав в 21 год в чужую страну, где говорят на языке, которого ты (пока) толком не знаешь, взрослеешь в рекордно короткие сроки; здесь я нашел тему для своей магистерской работы¹⁷, которая позже в значительно расширенном виде превратилась в диссертацию, я понял, что для меня, не имевшего права на выплаты согласно Закону о содействии образованию ФРГ, ДААД стала решением финансовых проблем на время учебы в вузе, и там я нашел друзей на всю жизнь – из Болгарии, Румынии и, прежде всего, из тогдашней ГДР. Отнюдь не случайно имена некоторых из них – в качестве осведомителей – всплывают в моем 700-страничном деле в Комитете госбезопасности МВД Народной Республики Болгария, которое я получил в 2016 г. Тематически досье было озаглавлено весьма точно: «Македонец».

На историко-философском факультете, в Институте истории академии наук Болгарии и даже в Институте истории Болгарской компартии (при ее же Центральном комитете) мне помогли многие именитые историки, невзирая на то, что я был представителем «несоциалистического зарубежья». Двое самых известных из них – Николай Тодоров (1921–2003) и Илчо Димитров (1931–2002), а также Цветана Тодорова, Милчо Лалков (1944–2000), Васил Ат. Василев и Костадин Палешутски (род. в 1939 г.). Учитывая интерес ко мне комитета госбезопасности, пристально наблюдавшего за мной, все они шли на немалый риск, но ни одно из перечисленных имен в моем деле среди осведомителей не значится. Правда, надо отметить, что там встречаются имена некоторых других историков, с которыми я тесно общался.

Насколько готовы были оказать мне помощь известные болгарские историки, настолько же несговорчивым было руководство необходимых мне архивов, находившихся в подчинении Главного архивного управления при Совете министров Народной Республики Болгария. В 1977 г. я через историко-философский факультет подал официальное заявление на использование десяти архивов. Лишь через несколько лет, в 1984 г.,

¹⁷ Troebst S. Die “Innere Makedonische Revolutionäre Organisation” als Objekt der Einheitsfrontstrategie von Komintern und sowjetrussischer Diplomatie in den Jahren 1923/24. Magisterhausarbeit, Fachbereich Geschichtswissenschaften der Freien Universität Berlin 1979 (рукопись).

я получил на него весьма немногословный ответ в том смысле, что лишь несколько из интересующих меня архивных дел удалось обнаружить только в Центральном историческом государственном архиве. То, что я почти сразу после получения этой новости объявился в читальном зале архива, не стало приятным сюрпризом для его работников и вызвало заметную суету. Однако то, что удалось получить, имело лишь второстепенное значение. Совсем иначе сложилась ситуация осенью 1989 г. – незадолго до демократического поворота в Болгарии. Тогда я получил из Софии совсем другое известие: после 12 лет обработки моего поданного в 1977 г. заявления всё удалось прояснить, и я могу получить неограниченный доступ ко всем архивным материалам, включая описи. На месте, правда, всё выглядело по-другому, поскольку Главное управление, как и раньше, ушло в глухую защиту. Однако обходными путями до меня дошло сообщение, что Центральный партийный архив Болгарской коммунистической партии готов предоставить мне доступ ко всем хранящимся в нем материалам, чему я поверил, только когда после беседы с директором архива Слави Георгиевым за кофе, сигаретами и анисовой водкой в читальном зале обнаружил подготовленную для меня внушительную стопку фантастических документов, от содержания которых у меня перехватило дух. Когда я попросил объяснить мне, почему государственные архивы по-прежнему отказывают мне в доступе, а партийный архив теперь вдруг его мне предоставляет, директор Георгиев подмигнул мне и сказал: «Ведь партия всегда идет в первых рядах социального прогресса!» Так кто-то инстинктивно почувствовал ветер перемен, которому суждено было несколькими днями позже пронестись через политбюро ЦК болгарской компартии...

Однако вернемся в 1970-е годы ДААД, как уже было сказано, решила все мои финансовые проблемы во время обучения в университете, что стало возможным благодаря двусторонним международным договорам ФРГ о научном и культурном сотрудничестве. В то время как в Болгарии я получал щедрую болгарскую стипендию в 120 левов, соответствующую среднему месячному доходу большинства болгарского населения (студенты из ГДР получали лишь 40 левов), на мой счет в Западном Берлине ежемесячно поступала часть стипендии ДААД в размере 650 немецких марок, в которых я не нуждался, да и снять эти деньги из Софии не имел никакой возможности. Иными словами: после возвращения из Болгарии я был обладателем солидного банковского счета, средств с которого мне хватило на целый год учебы в Берлине.

В результате мне пришла в голову идея повторить опыт, и я подал заявку еще на одну стипендию для обмена, на этот раз постдипломного, однако для поездки не в Советский Союз, а в Социалистическую Федеративную Республику Югославию, точнее в ее южную часть – Македонию. И это снова получилось, причем принесло не только планируемые научные результаты, но и желаемый финансовый эффект. Год в Институте национальной истории в Скопье имел долгосрочные последствия как с профессиональной, так и с личной точки зрения, не в последнюю очередь благодаря поддержке руководителей отделов Александара Матковского (1922–1992) и Блаже Ристовского (1931–2018), общение с которыми происходило чаще в неформальной обстановке за кофе и сигаретой в институтском буфете, а также (прежде всего) благодаря директору Государственной университетской библиотеки Ивану Катарджиеву (1926–2018), с которым я познакомился еще раньше и с которым, как и с его супругой Надой, поддерживал тесный контакт и в последующие годы. Одним из итогов стало то, что между неопубликованной магистерской работой 1979 г. и диссертацией, завершенной в 1984 г., я в 1983 г. выпустил монографию, посвященную македонско-югославской и болгарской тематике¹⁸. В 1997 г. она вышла и в переводе на македонский. Случилось это благодаря тому, что германистка из Скопье, прежде работавшая переводчицей в югославских спецслужбах, тайно сохранила машинописную копию перевода, которую она позже передала Институту национальной истории. Поскольку расходов на перевод нести не пришлось, публикация книги обошлась недорого¹⁹. Тут впору задуматься о том, для чего могут быть полезны спецслужбы...

...И в США

Успех в получении второй годовой стипендии от ДААД настолько окрылил меня, что я подал заявку на постдипломную стипендию в США, причем сразу со списком приоритетов, в котором на первом месте стоял Колумбийский университет в Нью-Йорке, на втором – Стэнфордский (Калифорния), а на третьем – Индианский. Вопреки всем ожиданиям, эту стипендию я тоже получил, правда, для пребывания

¹⁸ Troebst S. Die bulgarisch-jugoslawische Kontroverse um Makedonien 1967–1982. München: R. Oldenbourg, 1983. (Untersuchungen zur Gegenwartskunde Südosteuropas; 23).

¹⁹ Трeбст С. Бугарско-југословенската контроверза за Македонија 1967–1982 / прев. од герм. јазик С. Поповска; ред. И. Катарџиев, Н. Велјановски. Скопје: Институт за национална историја, 1997.

в третьем университете по моему списку – Индианском университете в Блумингтоне. Впоследствии это оказалось счастливым стечением обстоятельств, поскольку уже упомянутый Матиас Бернат, который был научным руководителем моей диссертации, имел там обширные контакты и хорошо знал историка хорватского происхождения, специалиста по Юго-Восточной Европе Чарльза Елавича (1922–2013) и его супругу Барбару Елавич (1923–1995), также бывшую там профессором восточноевропейской истории. В результате по прибытии в этот, без сомнения, самый красивый университетский кампус в США я почувствовал себя VIP-персоной, что, правда, не означало особого отношения ко мне как к обучающемуся со стороны обоих Елавичей, когда я посещал их курсы по истории Габсбургов и советской истории, сопровождавшиеся многочисленными контрольными работами (*essay tests* и *map quizzes*). Однако премию Дана Армстронга «За лучшую дипломную работу в 1981 г.» по кафедре истории, составившую 100 долларов, мне принесла работа, написанная в рамках курса, который читали не Елавичи, а профессор Тодд Эндельман (род. в 1946 г.), специалист по еврейской истории, под руководством которого я подготовил подробное исследование о начале развития антисемитизма в Болгарии²⁰. Удивительно, но Центральная библиотека Индианского университета имени Германа Б. Уэллса оказалась настоящей сокровищницей материалов по этой теме.

Двое ученых из Блумингтона произвели на меня особенно глубокое впечатление. Один из них был турком, другой – венгром. Профессор Ильхан Башгёз (1921–2021), специалист по Центральной Евразии и преподаватель турецкого языка, с первого взгляда показался скромным и милым человеком. Книга для чтения, использовавшаяся на его семинарах, представляла собой антологию фольклора под его редакцией и содержала главным образом истории о бекташи с многочисленными саркастическими шутками в адрес суннитского варианта ислама²¹. Педагогом он был прекрасным: за несколько месяцев благодаря его занятиям я смог самостоятельно писать открытки на турецком. К сожалению, впоследствии, даже в Западном Берлине с его многочисленной турецкой диаспорой, мне никогда более не приходилось применять этот навык, так

²⁰ Troebst S. Some Aspects of Anti-Semitism in Bulgaria, 1878–1912. Indiana University, Department of History, Bloomington, IN, 1980 (рукопись). В расширенном варианте: *Idem*. Antisemitismus im “Land ohne Antisemitismus”: Staat, Titularnation und jüdische Minderheit in Bulgarien 1878–1993 // *Juden und Antisemitismus im östlichen Europa* / hrsg. von M. Hausleitner, M. Katz. Berlin; Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. S. 109–125. (Multidisziplinäre Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin; 5).

²¹ *Başgöz İ.* Turkish Folklore Reader. Bloomington: Indiana University Press, 1971.

что мои скромные познания в турецком сейчас остаются исключительно пассивными.

Другим особенно запомнившимся мне ученым был исследователь истории экономики из Будапешта и бывший узник Освенцима Дёрдь Ранки (1930–1988), первый руководитель созданной в Блумингтоне кафедры венгерских исследований, прибывший в Индианский университет к началу летнего семестра 1981 г.²² Его семинар по истории Венгрии от битвы при Мохаче 1526 г. до революции 1956 г. помимо меня посещал лишь мой товарищ-полиглот Джеймс (Джим) Нийсен, который сейчас руководит библиотекой Ратгерского университета в Нью-Джерси. Столь малочисленный состав слушателей объясняется тем, что Ранки, произнося слова американского английского, руководствовался их письменной формой (*the great powers* превращались в «зе грет поверс»). В результате профессор предложил перенести занятия из аудитории в Баллантайн-Холл к нему на квартиру на территории кампуса. Это имело то преимущество, что его супруга и дочь во время каждого занятия готовили обильный центральноевропейский ужин, которым затем мы с Джимом вместе с семейством Ранки могли насладиться за разговором о прошлом и настоящем Карпато-Дунайского региона. Не могу припомнить, какие вина подавали к столу. Явно это не был кекфранкош, но, возможно, зинфандель, его калифорнийский аналог.

По предложению Ранки я подготовил семинарскую работу на тему «Научные связи Венгрии с Третьим рейхом», где большое место отводилось ДААД, от которой я получил стипендию. Удивительно, но в библиотеке Индианского университета имелась обширная литература и на эту тему, в том числе все периодические издания ДААД за период с 1933 по 1945 г.²³

Оглядываясь назад, я могу сказать, что один только год заграничной стажировки, проведенный в США, дал мне интеллектуальный импульс, сравнимый с тремя годами учебы в Германии и двумя на Балканах

²² О Дёрде Ранки и его влиянии на венгерскую и международную историографию см.: *Pach Zs.P. Hommage à György Ránki // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1988. Vol. 34. N 4. P. 353–357.*

²³ *Troebst S. Some Observations on Hungary's Academic Relations with the Third Reich. Indiana University, Uralic-Altaic Department, Bloomington (IN), 1981 (рукопись). См. публикацию: Idem. Hungary's Academic Relations with the "Third Reich" // Mitropa. Jahresheft des Leibniz-Instituts für Geschichte und Kultur des östlichen Europas (GWZO). 2017. P. 16–23. Ср. также: Idem. "Braune" DAAD-Geschichte im Land der Rotnacken. Zum akademischen Frühwerk eines exzessiven Stipendiaten // Johanni Golombek Servitori Scientiarum Nobilissimo / hrsg. von K. Ruchniewicz, M. Zybura. Wrocław: CSNE im. Willy'ego Brandta UWr, 2013. P. 90–95.*

вместе взятыми, если не более сильный. На американском Среднем Западе, в краю реднеков, я впервые познакомился с основополагающими трудами Карла Э. Шорске²⁴, Фрица Штерна²⁵, Юджина Вебера²⁶ и Роберта К. Мертон²⁷, которые оказали большое влияние и на мою личность, и на научную деятельность²⁸. С одной стороны, это произошло благодаря увлеченным и открытым для дискуссий профессорам и чрезвычайно мотивированным и при этом немногочисленным студентам магистерской программы как из США, так и из других стран; с другой стороны, большую роль сыграли *Howard's Bookstore* – киоск с газетами и журналами в кафе *Runcible Spoon* (англ. «Текучая ложка»), библиотека *Lilly Library*, созданная благодаря одноименному фармацевтическому концерну, одной из специализаций которой была тема холодной войны, и, конечно, открытая круглосуточно библиотека кампуса с находящимся в свободном доступе книгохранилищем. Иными словами, здесь наукой занимались 24 часа в сутки семь дней в неделю, лишь с небольшими перерывами на посещение бара *Fred's Beerhouse*, на игру в американский бильярд в клубе *Bullwinkle's* и на пробежки, не получившие тогда еще широкого распространения в Европе.

Перевод с немецкого М. С. Фирстова

Список сокращений

ДААД – Германская академическая служба обменов (*Deutscher Akademischer Austauschdienst*)

ХДС – Христианско-демократический союз Германии

CSNE – Centrum Studiów Niemieckich i Europejskich im. Willy'ego Brandta Uniwersytetu Wrocławskiego

CVJM – Christliche Verein Junger Männer (Христианская ассоциация молодых мужчин)

²⁴ *Schorke C. E.* Fin-de-siècle Vienna: Politics and Culture. New York: Alfred A. Knopf, Inc, 1979; ср.: *Шорске К. Э.* Вена на рубеже веков: Политика и культура. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2001. (Австрийская библиотека).

²⁵ *Stern F.* Gold and Iron: Bismarck, Bleichröder and the Building of the German Empire. New York: Alfred A. Knopf, 1977.

²⁶ *Weber E.* Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford: Stanford University Press, 1976.

²⁷ *Merton R. K.* On the Shoulders of Giants. A Shandean Postscript. New York: The Free Press, 1965.

²⁸ *Troebst S.* Kryptomnesie, Koinzidenz und Kelvin-Diktum: Korrespondieren mit Robert K. Merton. Eine Autoedition // Rocznik Centrum Studiów Niemieckich i Europejskich im. Willy Brandta Uniwersytetu Wrocławskiego. 2005. Vol. 3. S. 223–244.

GWZO – Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur des östlichen Europa [до 2017 г. – Ostmitteleuropas] an der Universität Leipzig
 SSEES – School of Slavonic and East European Studies
 UAM – Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
 UWŕ – Uniwersytet Wrocławski

Литература

- Требст С.* Бугарско-југословенската контроверза за Македонија 1967–1982 / прев. од герм. јазик С. Поповска; ред. И. Катарциев, Н. Велјановски. Скопје: Институт за национална историја, 1997.
- Трѣбст Ш.* Особый путь к концепции исторического мезорегиона: учебный предмет «История Восточной Европы» в немецкоязычном пространстве 1892–2016 гг. // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте: к 60-летию Константина Владимировича Никифорова / редкол.: С. И. Данченко, К. А. Кочегаров, Б. С. Новосельцев, Е. С. Узенева, О. В. Хаванова (отв. ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 512–530.
- Шорске К. Э.* Вена на рубеже веков: Политика и культура. СПб.: Издательство им. Н. И. Новикова, 2001. (Австрийская библиотека).
- Başgöz İ.* Turkish Folklore Reader. Bloomington: Indiana University Press, 1971.
- Cappeller F.* Erste deutsche Übersetzung von Puschkins Novellen. Eine deutsch-russische Gemeinschaftsarbeit aus Jena – Weimar 1840 // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe 8. 1958/1959. H. 1. S. 161–176.
- Delanty G.* The Historical Regions of Europe: Civilizational Backgrounds and Multiple Routes to Modernity // *Historická sociologie = Historical Sociology*. 2012. Vol. 3. Issue 1–2. P. 9–24.
- Diner D.* Von Gesellschaft zu Gedächtnis. Überlegungen zu einem Paradigmenwechsel // *Veränderte Weltbilder* / hrsg. von D. Claussen, O. Negt, M. Werz. Frankfurt am Main: Neue Kritik, 2005. S. 152–166. (Hannoversche Schriften; 6).
- Geyer D.* Reußenkrone, Hakenkreuz und Roter Stern. Ein autobiographischer Bericht. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1999.
- Giordano Ch.* Interdependente Vielfalt: Die historischen Regionen Europas // *Europa und die Grenzen im Kopf* / hrsg. von K. Kaser, D. Gramshammer, R. Pichler. Klagenfurt: Wieser, 2003. P. 113–135. (Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens, 11).
- Lemberg H.* Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom “Norden” zum “Osten” Europas // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1985. Jg. 33. S. 48–91.
- Markov W.* Wie viele Leben lebt der Mensch. Eine Autobiographie aus dem Nachlaß. Leipzig: Faber & Faber, 2009.

- Merton R. K.* On the Shoulders of Giants. A Shandean Postscript. New York: The Free Press, 1965.
- Obolensky D.* George Hugh Nicholas Seton-Watson 1916–1984 // Proceedings of the British Academy. 1987. Vol. 73. P. 631–642.
- Pach Zs. P.* Hommage à György Ránki // Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1988. Vol. 34. № 4. P. 353–357.
- Schorske C. E.* Fin-de-siècle Vienna: Politics and Culture. New York: Alfred A. Knopf, 1979.
- Seifert R.* Leo Tolstois Besuche in Weimar und Jena 1861 // Weimar – Jena. Die große Stadt. Das kulturhistorische Archiv. 2012. Jg. 5. H. 3. S. 170–181.
- Seton-Watson H.* Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism. London: Methuen, 1977.
- Seton-Watson H.* On Trying to be a Historian of Eastern Europe // Historians as Nation-Builders. Central and South-East Europe / ed. by D. Deletant, H. Hanak. London: Palgrave Macmillan, 1988. P. 1–14.
- Seton-Watson H.* Reflections of a Learner // Government and Opposition. An International Journal of Comparative Politics. 1980. № 15. Issue 3–4. P. 512–527.
- Stern F.* Gold and Iron: Bismarck, Bleichröder and the Building of the German Empire. New York: Alfred A. Knopf, 1977.
- Troebst C. C.* Gottlob Tröbst. Gelehrter zwischen Weimar und Moskau. Weimar: WV – Weimarer Verlagsgesellschaft, 2011.
- Troebst S.* Antisemitismus im “Land ohne Antisemitismus”: Staat, Titularnation und jüdische Minderheit in Bulgarien 1878–1993 // Juden und Antisemitismus im östlichen Europa / hrsg. von M. Hausleitner, M. Katz. Berlin; Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. S. 109–125. (Multidisziplinäre Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin; 5).
- Troebst S.* “Braune” DAAD-Geschichte im Land der Rotnacken. Zum akademischen Frühwerk eines exzessiven Stipendiaten // Johanni Golombek Servitori Scientiarum Nobilissimo / hrsg. von K. Ruchniewicz, M. Zybur. Wrocław: CSNE im Willy’ego Brandta UWr, 2013. P. 90–95.
- Troebst S.* Die bulgarisch-jugoslawische Kontroverse um Makedonien 1967–1982. München: R. Oldenbourg, 1983. (Untersuchungen zur Gegenwartskunde Südosteuropas; 23).
- Troebst S.* Die “Innere Makedonische Revolutionäre Organisation” als Objekt der Einheitsfrontstrategie von Komintern und sowjetrussischer Diplomatie in den Jahren 1923/24. Magisterhausarbeit, Fachbereich Geschichtswissenschaften der Freien Universität Berlin, 1979 (рукопись).
- Troebst S.* Hungary’s Academic Relations with the “Third Reich” // Mitropa. Jahresheft des Leibniz-Instituts für Geschichte und Kultur des östlichen Europa (GWZO). 2017. P. 16–23.
- Troebst S.* Kryptomnesie, Koinzidenz und Kelvin-Diktum: Korrespondieren mit Robert K. Merton. Eine Autoedition // Rocznik Centrum Studiów Niemieckich

- i Europejskich im. Willy Brandta Uniwersytetu Wrocławskiego. 2005. Vol. 3. S. 223–244.
- Troebst S. Post-Pan-Slavism? Political Connotations of Slaviness in 21st Century Europe // Approaches to Slavic Unity. Austro-Slavism, Pan-Slavism, Neo-Slavism, and Solidarity Among the Slavs Today / ed. by K. Makowski, F. Hadler. Poznań: Instytut Historii UAM, 2013, P. 169–175.
- Troebst S. Slavizität. Identitätsmuster, Analyserahmen, Mythos // Gemeinsam einsam. Die Slawische Idee nach dem Panslawismus / hrsg. von A. Gąsior, S. Troebst. Berlin: Berliner-Wissenschafts-Verlag, 2009. S. 7–19 (Themenheft von Osteuropa; Bd. 59, H. 12).
- Troebst S. Some Observations on Hungary's Academic Relations with the Third Reich. Indiana University, Uralic-Altaic Department, Bloomington (IN), 1981 (рукопись)
- Troebst S. Sonderweg zur Geschichtsregion. Die Teildisziplin Osteuropäische Geschichte // Osteuropa. 2013. Jg. 63. H. 2–3. S. 55–80.
- Troebst S. Südosteuropäische Geschichte als gesonderte Disziplin: Mathias Bernath in Berlin und München // Südosteuropäische Hefte. 2012. Jg. 1. H. 2. S. 19–23.
- Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914. Stanford: Stanford University Press, 1976.

References

- Başgöz, İ., 1971. *Turkish Folklore Reader*. Bloomington: Indiana University Press.
- Cappeller, F., 1958/1959. Erste deutsche Übersetzung von Puschkins Novellen. Eine deutsch-russische Gemeinschaftsarbeit aus Jena – Weimar 1840. *Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche*. Reihe 8, 1, pp. 161–176.
- Delanty, G., 2012. The Historical Regions of Europe: Civilizational Backgrounds and Multiple Routes to Modernity. *Historická sociologie = Historical Sociology*, 3 (1–2), pp. 9–24.
- Diner, D., 2005. Von Gesellschaft zu Gedächtnis. Überlegungen zu einem Paradigmenwechsel. In: Claussen, D., Negt, O., Werz, M., eds., 2005. *Veränderte Weltbilder*. Frankfurt am Main: Neue Kritik, 2005, pp. 152–166. (Hannoversche Schriften; 6).
- Geyer, D., 1999. *Reußenkrone, Hakenkreuz und Roter Stern. Ein autobiographischer Bericht*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Giordano, Ch., 2003. Interdependente Vielfalt: Die historischen Regionen Europas. In: Kaser, K., Gramshammer, D., Pichler, R., eds., 2003. *Europa und die Grenzen im Kopf*. Klagenfurt: Wieser, pp. 113–135. (Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens, 11).
- Lemberg, H., 1985. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom “Norden” zum “Osten” Europas. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 33, pp. 48–91.

- Markov, W., 2009. *Wie viele Leben lebt der Mensch. Eine Autobiographie aus dem Nachlaß*. Leipzig: Faber & Faber.
- Merton, R. K., 1965. *On the Shoulders of Giants. A Shandean Postscript*. New York: The Free Press.
- Obolensky, D., 1987. George Hugh Nicholas Seton-Watson 1916–1984. *Proceedings of the British Academy*, 73, pp. 631–642.
- Pach, Zs. P., 1988. Hommage à György Ránki. *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 34 (4), pp. 353–357.
- Schorske, C. E., 1979. *Fin-de-siècle Vienna: Politics and Culture*. New York: Alfred A. Knopf.
- Schorske, C. E., 2001. *Vena na rubezhe vekov: Politika i kul'tura* [Fin-de-siècle Vienna: Politics and Culture]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo imeni N. I. Novikova. (Avstriiskaia biblioteka).
- Seifert, R., 2012. Leo Tolstois Besuche in Weimar und Jena 1861. *Weimar–Jena. Die große Stadt. Das kulturhistorische Archiv*, 5 (3), pp. 170–181.
- Seton-Watson, H., 1977. *Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. London: Methuen.
- Seton-Watson, H., 1988. On Trying to be a Historian of Eastern Europe. In: Deletant, D., Hanak, H., eds., 1988. *Historians as Nation-Builders. Central and South-East Europe*. London: Palgrave Macmillan, pp. 1–14.
- Seton-Watson, H., 1980. Reflections of a Learner. *Government and Opposition. An International Journal of Comparative Politics*, 15 (3–4), pp. 512–527.
- Stern, F., 1977. *Gold and Iron: Bismarck, Bleichröder and the Building of the German Empire*. New York: Alfred A. Knopf.
- Troebst, C. C., 2011. *Gottlob Tröbst. Gelehrter zwischen Weimar und Moskau*. Weimar: WV –Weimarer Verlagsgesellschaft.
- Troebst, S., 1995. Antisemitismus im “Land ohne Antisemitismus”: Staat, Titularnation und jüdische Minderheit in Bulgarien 1878–1993. In: Hausleitner, M., Katz, M., eds., 1995. *Juden und Antisemitismus im östlichen Europa*. Berlin; Wiesbaden: Harrassowitz, pp. 109–125. (Multidisziplinäre Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts der Freien Universität Berlin; 5).
- Troebst, S., 2013. “Braune” DAAD-Geschichte im Land der Rotnacken. Zum akademischen Frühwerk eines exzessiven Stipendiaten. In: Ruchniewicz, K., Zybur, M., 2013. *Johanni Golombek Servitori Scientiarum Nobilissimo*. Wrocław: CSNE im. Willy'ego Brandta UWr, pp. 90–95.
- Troebst, S., 1997. *Bugarsko-jugoslovenskata kontroverza za Makedonija 1967–1982* [Bulgarian-Yugoslavian controversy over Makedonia 1967–1982]; translated by S. Popovska; edited by I. Katardžiev and N. Veljanovski. Skopje: Institut za nacionalna istorija. (in Maced.)
- Troebst, S., 1983. *Die bulgarisch-jugoslawische Kontroverse um Makedonien 1967–1982*. München: R. Oldenbourg, 1983. (Untersuchungen zur Gegenwartskunde Südosteuropas; 23).

- Troebst, S., 1979. *Die "Innere Makedonische Revolutionäre Organisation" als Objekt der Einheitsfrontstrategie von Komintern und sowjetrussischer Diplomatie in den Jahren 1923/24*. Magisterhausarbeit, Fachbereich Geschichtswissenschaften der Freien Universität Berlin (manuscript).
- Troebst, S., 2017. Hungary's Academic Relations with the "Third Reich". *Mitropa. Jahresheft des Leibniz-Instituts für Geschichte und Kultur des östlichen Europa (GWZO)*, pp. 16–23.
- Troebst, S., 2005. Kryptomnesie, Koinzidenz und Kelvin-Diktum: Korrespondieren mit Robert K. Merton. Eine Autoedition. *Rocznik Centrum Studiów Niemieckich i Europejskich im. Willy Brandta Uniwersytetu Wrocławskiego*, 3, pp. 223–244.
- Troebst, S., 2016. Osobyi put' k kontseptsii istoricheskogo mezoregiona: uchebnyi predmet "Istoriia Vostochnoi Evropy" v nemetskoiazыchnom prostranstve 1892–2016 gg. [Special way to the concept of historical Mezo-Region: the subject "History of Eastern Europe" in the German-speaking space, 1892–2016]. In: Danchenko, S.I., Kochegarov, K.A., Novosel'tsev, B.S., Uzeneva, E.S., Khavanova, O.V. (Ed.-in-Chief), eds., 2016. *Istoriia, iazyk, kul'tura Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v natsional'nom i regional'nom kontekste: k 60-letiiu Konstantina Vladimirovicha Nikiforova* [History, language and culture of Central and South-Eastern Europe in national and regional context: to the 60th anniversary of Konstantin Vladimirovich Nikiforov]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 512–530. (in Rus.)
- Troebst, S., 2013. Post-Pan-Slavism? Political Connotations of Slaviness in 21st Century Europe. In: Makowski, K., Hadler, F., eds., 2013. *Approaches to Slavic Unity. Austro-Slavism, Pan-Slavism, Neo-Slavism, and Solidarity among the Slavs Today*. Poznań: Instytut Historii UAM, 2013, pp. 169–175.
- Troebst, S., 2009. Slavizität. Identitätsmuster, Analyserahmen, Mythos. In: Gaşior, A., Troebst, S., eds., 2009. *Gemeinsam einsam. Die Slawische Idee nach dem Panlawismus*. Berlin: Berliner-Wissenschafts-Verlag, pp. 7–19. (Themenheft von Osteuropa; 59, 12).
- Troebst, S., 2013. Sonderweg zur Geschichtsregion. Die Teildisziplin Osteuropäische Geschichte. *Osteuropa*, 63 (2–3), pp. 55–80.
- Troebst, S., 1981. Some Observations on Hungary's Academic Relations with the Third Reich. Indiana University, Uralic-Altaic Department, Bloomington (IN). (manuscript).
- Troebst, S., 2012. Südosteuropäische Geschichte als gesonderte Disziplin: Mathias Bernath in Berlin und München. *Südosteuropäische Hefte*, 1 (2), pp. 19–23.
- Weber, E., 1976. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press.

**ЗЛАТАНОВИЋ С. ЕТНИЧКА ИДЕНТИФИКАЦИЈА
НА ПОСЛЕРАТНОМ ПОДРУЧЈУ:
СРПСКА ЗАЈЕДНИЦА ЈУГОИСТОЧНОГ КОСОВА. БЕОГРАД:
ЕТНОГРАФСКИ ИНСТИТУТ САНУ: ЧИГОЈА ШТАМПА, 2018.
364 С. (ПОСЕБНА ИЗДАЊА; КЊ. 89).**

**[ЗЛАТАНОВИЧ С. ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА
ПОСТКОНФЛИКТНОЙ ТЕРРИТОРИИ: СЕРБСКОЕ СООБЩЕСТВО
ЮГО-ВОСТОЧНОГО КОСОВА. БЕЛГРАД: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ САНИ: ТИПОГРАФИЯ ЧИГОЯ, 2018. 364 С.
(СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ; КН. 89).]**

Георгий Николаевич Энгельгардт

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, Москва,
119334 Россия
E-mail: georgi.engelhardt@gmail.com

Аннотация

Рассматриваемая книга Сани Златанович дает ценное описание сербской общины Косовского Поморавья (юго-восток Косова с центром в г. Гнилане) в первые годы XXI века. В ее основе лежит полевая работа автора в 2003–2006 гг. как на описываемой территории, так и в местах проживания беженцев отсюда в южной и центральной Сербии. Особенно интересны выявленные разделения по линии «косовские старожилы» – «потомки колонистов» межвоенного времени, выходцы из Косова – жители остальной Сербии, восприятие косовскими сербами «сербских цыган». С. Златанович показывает специфику отношений косовских сербов с соседями – косовскими хорватами и прежде всего с косовскими албанцами, демонстрирует и прочность, и пределы *комишулка* как традиционного института соседской взаимопомощи, выявляет элементы культурной близости с албанцами. Примечателен и анализ роли и влияния Рашко-Призренской епархии Сербской православной церкви (СПЦ) на свою паству, в том числе и в деле вытеснения традиционно бытовавших элементов религиозного синкретизма. Монография будет полезна как профессиональным историкам, политологам и культурологам, так и всем, интересующимся современной и/или недавней этнографией и социальной антропологией Балкан. Хотя конкретная ситуация в Косове и Метохии в целом и в Косовском Поморавье в частности после одностороннего провозглашения независимости

края от Сербии 17 февраля 2008 г. заметно изменилась не в пользу сербской общины края, описанные в работе С. Златанович формы идентичности косовских сербов, их внутренние подразделения и культурные стереотипы в обозримом будущем будут сохраняться.

Ключевые слова

Этнология, идентичность, косовские сербы, косовские хорваты, сербско-албанские отношения в Косове, косовская война 1999 г., беженцы, Косовское Поморавье

Статья поступила в редакцию 1 июня 2021 г.

Цитирование: *Энгельгардт Г.Н. Златановић С.* Етничка идентификација на послератном подручју: српска заједница југоисточног Косова. Београд: Етнографски институт САНУ: Чигоја штампа, 2018. 364 с. (Посебна издања; књ. 89). [*Златановић С.* Этническая идентичность на постконфликтной территории: сербское сообщество юго-восточного Косова. Белград: Этнографический институт САНУ: Типография Чигоя, 2018. 364 с. (Специальные издания; кн. 89).] // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 266–273. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.12>

ZLATANOVIĆ S. ETNIČKA IDENTIFIKACIJA NA POSLERATNOM PODRUČJU: SRPSKA ZAJEDNICA JUGOISTOČNOG KOSOVA. BEOGRAD: ETNOGRAFSKI INSTITUT SANU: ČIGOJA ŠTAMPA, 2018. 364 P. (POSEBNA IZDANJA; KNJ. 89).

[ZLATANOVIĆ S. ETHNICITY IN A POST-WAR REGION: THE SERBIAN COMMUNITY OF SOUTHEAST KOSOVO. BELGRADE: ETNOGRAFSKI INSTITUT SANU: ČIGOJA ŠTAMPA, 2018. 364 P. (SPECIAL EDITIONS; BOOK 89).]

Georgi N. Engelhardt

Ph.D., Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

Postal address: Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
119334 Russia

E-mail: georgi.engelhardt@gmail.com

Abstract

Sanja Zlatanović's book *Etnička identifikacija na posleratnom području: Srpska zajednica jugoistočnog Kosova* (Ethnicity in a Post-War Region: The Serbian Community of Southeast Kosovo) provides a valuable picture of the Serbian community of Kosovsko Pomoravlje (South-East Kosovo around Gnilane) during the first years of international rule in the disputed area. The book is based on field research carried out between 2003 and 2006 both in the area and in Southern Serbia with persons displaced from the area. S. Zlatanović describes the subdivisions between “Kosovo old-dwellers” and “Colonists”

(of 1920s and 30s); between Serbs and Serbian Gypsies in Kosovo; and between Kosovo Serbs and the population of Central Serbia. She also demonstrates the complexity of the Kosovo Serb perception of their neighbours – Kosovo Croats and Kosovo Albanians. The author reviews both the efficiency and limits of the *komšiluk* (traditional practice of neighbourhood solidarity), cultural similarities with the Kosovo Albanians, and the role of the Raška-Prizren Diocese of the Serb Orthodox Church and its influence upon the community, e.g., by the overcoming of traditional practices of religious syncretism. This ethnological study will be of use both for ethnologists and social anthropologists of the Balkans, as well as for historians and political scientists. The Kosovo Serb identity, their internal subdivisions, and the cultural stereotypes described by S. Zlatanović will exist as a part of the broader Serbian social texture for the foreseeable future.

Keywords

Ethnology, identity, Kosovo Serbs, Kosovo Croats, Serb-Albanian relations in Kosovo, Kosovo, Kosovo War 1999, refugees, Kosovsko Pomoravlje

Received 1 June 2021

How to cite: Engelhardt, G. N., 2021. Zlatanović S. Etnička identifikacija na posleratnom području: srpska zajednica jugoistočnog Kosova. Beograd: Etnografski institut SANU: Čigoja štampa, 2018. 364 s. (Posebna izdanja; knj. 89). [Zlatanović S. Ethnicity in a Post-War Region: The Serbian Community of Southeast Kosovo. Belgrade: Etnografski institut SANU: Čigoja štampa, 2018. 364 p. (Special editions; book 89).]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 266–273. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.12>

На рубеже XX–XXI вв. проблема Косова была и до сих пор остается главным нерешенным политическим вопросом Балкан. Косовский кризис, агрессия НАТО против Союзной Республики Югославия в 1999 г., постконфликтное урегулирование, борьба вокруг определения статуса этой спорной территории являются предметом изучения и полемики ученых многих специальностей.

Важным элементом исследования остается анализ обстановки непосредственно на территории Косова и Метохии (КиМ), в том числе и развития основных этнических общин региона. Монография сотрудницы Этнографического института Сербской академии наук и искусств (СНИ) Сани Златанович «Этническая идентичность на постконфликтной территории: сербское сообщество юго-восточного Косова»¹ вносит ценный вклад в разработку этого вопроса.

Работа основана на полевых исследованиях С. Златанович, проводившихся в 2003–2006 гг., то есть до одностороннего провозглашения независимости Косова 17 февраля 2008 г., заметно повлиявшего на

¹ Златановић С. Етничка идентификација на послератном подручју: српска заједница југоисточног Косова. Београд: Етнографски институт САНУ: Чигоја штампа, 2018. 364 с.

положение сербских общин, оказавшихся в статусе этнического меньшинства на подконтрольной властям Приштины территории. Изучаемый район – Косовское Поморавье с центром в г. Гнилане, в отличие от непосредственно связанного с центральной Сербией Северного Косова, относится именно к таким зонам. Дополнительную ценность работе придает расширение базы исследования и на беженцев/переселенцев из Косовского Поморавья, осевших в южной Сербии – во Вране, Враньской Бане, Смедереве, что позволило автору точнее представить характеристики локальной идентичности сербов Косовского Поморавья.

Основные выявленные С. Златанович характеристики идентичности этой части косовских сербов интересны тем, что явно носят устойчивый, традиционный характер и не могут в короткое время радикально измениться даже под влиянием столь значимых политических событий, как изменение статуса региона.

Монография, основанная на докторской диссертации автора, состоит из введения, шести глав и заключения. Первая глава (с. 19–40) посвящена применявшимся методам полевого исследования, описанию специфики работы в зоне постконфликтного урегулирования и метода анализа дискурса. Вторая (с. 41–60) – теоретической базе исследования, концепции этничности в ее взаимосвязи с другими формами групповой идентичности и национализмом.

В третьей главе (с. 61–107) дан очерк новейшей истории Косова как пограничного региона между сербским и албанским ареалами. Автор подчеркнуто нейтрально излагает основные вехи политической истории края и их трактовку албанской, сербской и западной историографией, явно стремясь избежать даже тени подозрения в пристрастности «своей стороне». Также в этой главе дан краткий географический и этнодемографический очерк региона.

Последние три главы монографии, где, собственно, и изложены основные результаты исследований С. Златанович, представляют особый интерес.

Четвертая глава (с. 107–202) посвящена «постконфликтной жизни», повседневности первого периода внешнего управления, отмеченного «насилием, отсутствием безопасности, хаосом, ограничением свободы передвижения, самим форматом международного управления, массовым бегством сербского и цыганского населения из этнически смешанных поселений, сопровождавшимся продажей недвижимости» (с. 108). Отмечается, что постепенная нормализация ситуации была прервана вспышкой насилия 17 марта 2004 г., вызвавшей новую, «еще большую

волну выселения сербского населения» (с. 113). Автор указывает, что в «дискурсе респондентов протекторат выглядит мучительным и неопределенным состоянием, когда человек находится ни здесь ни там и потому не может строить сколько-нибудь долгосрочных планов» (с. 118). Она отмечает «четкую границу в периодизации: до 1999 г. и после», «деление времени на “наше” и “их” (албанцев) <...>». «Часто говорили, что им тяжело, но ничего не поделать – пришло “их” время» (с. 118). Этнограф полагает, что одними из важнейших характеристик сербов Косовского Поморавья являются «глубокая привязанность к дому, родным и образу жизни в Косове <...>, мнение, что всего лучше на малой родине, что непросто оставить “очаг” и уехать в “чужие” края» (с. 119). С. Златанович описывает важность, придаваемую в этой среде сохранению традиций и ритуалов, включая локальные варианты народного костюма («сербского» и «турецкого»), кухни, соседского общения и гостеприимства (с. 138, 153–172), ностальгию по патриархальной модели семьи, «поразительно близкой» модели семьи их албанских соседей (с. 143), акцент на относительную многодетность и на стремление к мужскому потомству, желательное в максимальном количестве (с. 147).

В качестве отдельного фактора, оказавшего ключевое влияние на специфику косовских сербов в целом и жителей Косовского Поморавья в частности, выделяется деятельность Сербской православной церкви и действующей в Косове и Метохии ее Рашко-Призренской епархии, выступившей «как оплот национальной безопасности, как единственная структура, защищающая народ и остающаяся с ним во времена испытаний» (с. 91), «после ухода войск и полиции Сербии и Югославии из Косова в июне 1999 г. <...> институциональное присутствие там свелось к Церкви» (с. 92). «В сербской общине Косова процессы внутренней гомогенизации привели к слиянию этнической и религиозной идентичности. Принадлежность к сербской нации предполагает православное вероисповедание и определяется прежде всего и практически исключительно через него». Ранее «глубоко укоренившаяся практика гибридной религиозности вытесняется в сферу скрытой приватности», благодаря в том числе и последовательной проповеднической и социальной работе Рашко-Призренской епархии и возглавлявшего ее в 1991–2010 гг. епископа Артемия (Радосавлевича) (с. 172, 178, 180–191).

Очень интересна и пятая глава работы (с. 203–268), посвященная субэтническому подразделению сербского сообщества. С. Златанович подробно описала его деление на «старожилов» и «колонистов».

«Старожилы» – те, чьи предки жили в Косове со времен османского господства, а «колонисты» – потомки семей, получивших льготные наделы в Косове в межвоенный период. Автор показывает сохранившиеся до сих пор различия и противоречия двух этих групп, выраженные даже в определенных брачных границах. По ее наблюдениям, «старожилы» считают «шопцев» (как они называют «колонистов») людьми легкомысленными и слабыми, «перекати-поле», лишенными привязанности к «своей» земле и потому «легко ее продающими албанцам» или «сбежавшими» от опасности, тогда как «колонисты» в свою очередь склонны презрительно относиться к соседям как слишком «некультурным» и «обалбанившимся» (с. 205–234).

Рассмотрены в монографии и отношения между поморавскими сербами и сербскими цыганами (с. 236–252). С. Златанович отмечает, что общие страдания способствовали некоторому размыванию границ между этими группами и постепенному, но не завершившемуся снятию с сербских цыган социальной стигмы. «Объективные культурные формы (язык, религия, обычаи), равно как и их собственное самоопределение» (с. 242), сближают сербских цыган с сербами, что делает их в глазах последних «другими», но «близкими другими» (с. 245), «не ромами». При этом автор отмечает иронию судьбы: «...именно когда они почти совсем сблизились – именно тогда и сербских цыган, и сербов всё меньше и меньше остается в Косове» (с. 253).

Третий и также весьма важный рассматриваемый социальный аспект – отношения косовских сербов с «сербиянцами», то есть жителями центральной Сербии (с. 253–268). С. Златанович выделяет обширный блок взаимных претензий, начиная от недовольства беженцев «отсутствием сочувствия к их горю» (с. 255) до культурных отличий: «косовцы» воспринимают жителей остальной части страны как «оторвавшихся от корней», «бездушных индивидуалистов», тогда как те зачастую считают их самих «чрезмерно традиционными», «близкими албанцам» и даже «называют их шиптарами», что вызывает особенное негодование выходцев из Косова. «Их диалект жители Сербии воспринимают как непонятный и близкий к албанскому выговору <...>, их негативно стереотипизируют и дискриминируют даже уроженцы юга Сербии, которых и самих <...> стигматизируют носители стандартного сербского языка» (с. 256). Всё это осложняет интеграцию переселенцев с Косова и способствует сохранению ими прочных сетей взаимопомощи на новых местах (с. 263).

Шестая глава работы (с. 269–322) посвящена восприятию других и межэтническим границам. В качестве примера близких других

рассмотрены отношения с косовскими хорватами (с. 269–290), показано позитивное отношение к этой группе, включая традицию паломничества к местным католическим святыням (Богородица Летницкая). Вытеснение хорватов албанцами представляется как фактор сближения сербов с первыми (с. 287–289). Исследовательница показывает, что для жителей соседних с хорватскими селений «хорваты выступают ближайшими друзьями» (с. 290).

Разумеется, в восприятии сербов важнейшими другими выступают албанцы (с. 291–322). «В дискурсе о других группах <...> всегда присутствуют албанцы, они всегда третья сторона любого взаимодействия» (с. 291). При этом если для жителей Сербии албанцы «самые далекие другие», то для жителей Косовского Поморавья они непосредственные соседи. «Пожилые говорят об албанцах позитивнее, а молодые воспринимают их через призму конфликта» (с. 293). Автор отмечает, что ее респонденты стремились увидеть истоки конфликта не в «сербско-албанских отношениях, особенно не на локальном уровне <...>, а в интересах локальных элит и великих держав»: «народы не виноваты, ни один, ни другой». Также С. Златанович фиксирует возложение ответственности за эскалацию насилия на военизированные отряды из Сербии, грабившие и убивавшие албанцев, разрушавшие их дома, что привело к мести в отношении местных сербов после вывода войск (с. 296). Автор отмечает распространенность позитивных отзывов «старожилов» о добрососедских отношениях с албанцами, взаимопомощи, положительной деловой практике. Очевидно, можно говорить обо всех аспектах практики «комшилука» в смешанных сообществах (с. 314). «Совместная жизнь с албанцами приводила к культурному сближению, сходству культурных практик и моделей существования» (с. 315), выразившемуся и в практике гибридной религиозности.

При этом С. Златанович не строит иллюзий – «граница между сербским и албанским населением юго-восточного Косова многогранна. Сотрудничество, личная дружба, разные формы обмена (вниманием, дарами, услугами, информацией) смягчают ее, но не ставят под вопрос ее прочность» (с. 319). Обе стороны просто стараются избегать политических дискуссий, по умолчанию исходя из полярности своих позиций и естественности такой полярности.

Являясь мультидисциплинарной работой, монография С. Златанович полезна как этнографам и историкам, так и работающим в Сербии практикам, так как ярко освещает важные элементы внутреннего устройства сербского общества.

Литература

Златановић С. Етничка идентификација на послератном подручју: српска заједница југоисточног Косова. Београд: Етнографски институт САНУ: Чигоја штампа, 2018.

References

Zlatanović, S., 2018. *Etnička identifikacija na posleratnom području: srpska zajednica jugoistočnog Kosova* [Ethnicity In a Post-War Region: The Serbian Community of Southeast Kosovo]. Belgrade: Etnografski institut SANU: Čigoja štampa. (in Serb.)

ПАДЯК В. ІСТОРІЯ КАРПАТОРУСИНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО ТЕАТРА І ДРАМАТУРГІЇ. ВИСОКОШКОЛЬСЬКИЙ УЧЕБНИК. ПРЯШІВ: ВИДАВЕТЕЛЬСТВО ПРЯШІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТА, 2018. 344 С.

[ПАДЯК В. ИСТОРИЯ КАРПАТОРУСИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА И ДРАМАТУРГИИ. УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ. ПРЕШОВ: ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРЕШОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 2018. 344 С.]

Михаил Юрьевич Дронов

кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук

Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А, Москва, 119334 Россия

Электронный адрес: mikhaildronov@rambler.ru

Аннотация

В публикации представляется учебное пособие известного закарпатского и словацкого русиниста Валерия Падяка «История карпаторусинского национального театра и драматургии». Русины (более точно – карпаторусины) – автохтонное восточнославянское население Карпатского региона: украинского Закарпатья и прилегающих к нему районов Польши, Словакии, Венгрии и Румынии. Существует и русинская диаспора: в Сербии, Хорватии, США, Канаде и других государствах. Численность русинов в мире является дискуссионным вопросом, в том числе из-за их поливариантной идентификации. В настоящее время значительная часть этнических русинов считает себя представителями самостоятельного народа, не являющегося частью украинцев или русских. В. Падяк, убежденный сторонник русинской этнонациональной самобытности и при этом серьезный академический ученый, предпринял попытку описать развитие драматургии и театра в русинской среде – параллельно с процессами национального самоопределения русинов. Автор проследил эволюцию от фольклорных театральных действий до современного русинского национального театра, активно развивающегося в разных государствах, жителями которых являются русины. Повышенное внимание было уделено В. Падяком театру и драматургии во второй половине XIX – начале XX в., а также в период вхождения Подкарпатской Руси (Закарпатья) в состав межвоенной Чехословакии и хортистской Венгрии. И напротив, автор почти не рассматривает послевоенную театральную жизнь в Закарпатской области, считая, что ее изучение более уместно в контексте украинистики, а не русинистики. Учебник В. Падяка, адресованный в первую очередь студентам-русинистам Прешовского университета (Словакия), представляет несомненный интерес для всех, кто интересуется историей и культурой русинов.

Ключевые слова

В. Падяк, драматургия, карпаторусины, Лемковщина, Подкарпатская Русь, Пряшевщина, театр

Статья поступила в редакцию 22 июня 2021 г.

Цитирование: Дронов М.Ю. Падяк В. Історія карпаторусинського національного театра і драматургії. Высокшкільський учебник. Пряшів: Видавельство Пряшівського університета, 2018. 344 с. [Падяк В. История карпаторусинского национального театра и драматургии. Учебник для вузов. Прешов: Издательство Прешовского университета, 2018. 344 с.] // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 274–282. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.13>

PADYAK V. ISTORIIA KARPATORUSYNS'KOHO NATSIONAL'NOHO TEATRA Y DRAMATURGIÏ. VYSOKOSHKOLS'KYI UCHEBNYK. PRIASHIV: VYDAVATEL'STVO PRIASHIVS'KOHO UNIVERZITETA, 2018. 344 S.

[PADYAK V. THE HISTORY OF THE CARPATHO-RUSYN NATIONAL THEATRE AND DRAMA. UNIVERSITY TEXTBOOK. PREŠOV: PREŠOV UNIVERSITY PRESS, 2018. 344 P.]

Mikhail Yu. Dronov

Ph.D., Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

Postal address: Leninsky Prospect, 32A, Moscow,
119334 Russia

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

Abstract

This article presents the textbook of the famous Transcarpathian and Slovak Rusinist Valery Padyak *Istoriia karpatorusyns'koho natsional'noho teatra y dramaturgii* [*History of the Carpatho-Rusyn National theatre and drama*]. The Rusyns (more precisely, the Carpatho-Rusyns) are the autochthonous East Slavic population of the Carpathian region: Ukrainian Transcarpathia and the adjacent regions of Poland, Slovakia, Hungary, and Romania. There is also a Rusyn diaspora present in Serbia, Croatia, the USA, Canada, and other states. The number of Rusyns in the world is a controversial issue, one reason for this being their polyvariant identification. At present, a significant proportion of ethnic Rusyns consider themselves representatives of an independent people, who are not Ukrainian or Russian. Padyak, a staunch supporter of the Rusyn ethno-national identity and at the same time a serious academic scientist, made an attempt to trace the development of drama and theatre in the Rusyn environment in parallel with the processes of Rusyn national self-determination. The author traces the evolution of folk theatre performances to the modern Rusyn national theatre, which is actively being developed in different states with Rusyn inhabitants. V. Padyak pays increased attention

to theater and drama in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries, as well as during the period when Subcarpathian Rus (Transcarpathia) entered the structure of interwar Czechoslovakia and Horthy Hungary. In contrast, the author hardly examines post-war theater life in the Transcarpathian region, believing that its study is more appropriate in the context of Ukrainian, rather than Rusyn, studies. This textbook by V. Padyak, addressed primarily to Rusynist students at the University of Prešov (Slovakia), is of undoubted interest to anyone interested in the history and culture of the Rusyns.

Keywords

V. Padyak, drama, Carpatho-Rus, Lemkivschina, Subcarpathian Rus, Pryashivschina, theatre

Received 22 June 2021

How to cite: Dronov, M. Yu., 2021. Padyak V. Istoriia karpatorusyns'koho natsional'noho teatra y dramaturgii. Vysokoshkols'kyi uchebnyk. Priashiv: Vydavatel'stvo Priashivs'koho univerziteta, 2018. 344 s. [Padyak V. The history of the Carpatho-Rusyn National Theatre and Drama. University textbook. Prešov: Prešov University Press, 2018. 344 p.]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 274–282. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.13>

Ужгородский филолог Валерий Иванович Падяк (род. 1959) известен далеко за пределами родного Закарпатья и Украины. Многие знают его благодаря «Издательству В. Падяка» (укр. «Видавництво В. Падяка»), которое ученый возглавляет более 20 лет. Однако, кроме этого, он более десяти лет является одним из ведущих специалистов Института русинского языка и культуры Прешовского университета в соседней Словакии. Именно в этом двойном качестве, филолога (к тому же преподавателя) и издателя, В. Падяк недавно представил русинистической общественности новый вузовский учебник «История карпаторусинского театра и драматургии». Если в случае больших наций появление подобных изданий, как правило, представляет интерес лишь для учащихся и преподавателей, то в случае русинов выход учебника Падяка – важное событие для всех русинистов. Информация об этой книге будет небезынтересной и для более широкой славистической общественности, интересующейся проблемами становления национального самосознания и его отражения в культурной жизни.

Русины (более точно – карпатские русины или карпаторусины) – народ с непростой судьбой, долгое время остававшийся в тени близкородственных русского и украинского народов. Собственно, и в наши дни этнонациональная самостоятельность русинов в славянском мире всё еще иногда подвергается сомнению – особенно на Украине, где русины официально трактуются лишь как «ветвь» украинцев. При этом

в соседних государствах с автохтонным русинским населением их национально-культурная деятельность свободна от подобных идеологических препятствий. Существование и развитие русинского национального театра может также служить одним из многочисленных аргументов «за» в полемике о самостоятельном статусе русинов в контексте восточного славянства.

Но вернемся к автору книги. В научном багаже В. Падыка многие сотни статей и десятки отдельных публикаций¹. Одним из важнейших трудов автора является «Очерк истории карпаторусинской литературы», выдержавший уже несколько изданий – на Украине, в Словакии и Канаде². Неудивительно, что в рамках дальнейшего изучения и популяризации русинской культуры плодovitый исследователь сосредоточил свое внимание на театроведческих аспектах.

В. Падык взял на себя труд отдельно проанализировать развитие театра и драматургии русинов во всех регионах их проживания – как на «воображаемой» Карпатской Руси в Центральной Европе (то есть на Подкарпатской Руси или в Закарпатье на Украине, на Пряшевщине в Словакии и на Лемковщине в Польше), так и за пределами их исторической родины (в Воеводине и Северной Америке). При этом внимание исследователя привлекают театральные наработки всех национально-языковых ориентаций в русинской среде, то есть не только русинофилов, сторонников карпаторусинской самостоятельности, но также русофилов, отстаивавших идею единого «русского» (общевосточнославянского) народа, и украинофилов – протагонистов украинской национальной идеи. Избранные хронологические, географические и идеологические рамки учебника, безусловно, делают его незаурядным и не имеющим аналогов. Так, ранее вышедшие работы, например самые известные – русофила Евгения Недзельского (1894–1961) «Угро-русский театр»³ и украинофила Юрия-Августина Шерегия (1907–1990) «Очерк истории украинских театров Закарпатской Украины до 1945 года»⁴, не охватывают ни Лемковщину, ни театральную историю русинской диаспоры.

¹ См.: *Ільченко Л.* Валерій Падык, кандидат філологічних наук. Бібліографічний покажчик. Пряшів: Видавництво Пряшівського університету, 2019.

² См. наиболее полное издание: *Падык В.* Нарис історії карпаторусинської літератури. Торонто: Кафедра українознавчих студій Торонтського університету, 2016.

³ *Недзельскій Е.* Угро-русскій театр. Ужгородь: [б. и.], 1941.

⁴ *Шерегій Ю.* Нарис історії українських театрів Закарпатської України до 1945 року / редакція і вступні статті В. Маркуса та В. Ревуцького. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто; Пряшів; Львів: Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі, Відділ української літератури в Пряшеві, 1993. (Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Історично-філософська секція; т. 218).

Подход автора традиционен: он базирується на хронологическом принципе. Основу книги В. Падяка образуют семь разделов, посвященных разным историческим периодам. Генезис театра у русинов рассматривается в широком контексте культурного развития как тех государственных образований, в которых проживали русины, так и всей Европы. Каждый раздел состоит из фундированного авторского текста, снабженного обширной библиографией, и наиболее наглядных примеров оригинальных произведений (чаще всего фрагментов из них). Язык, графическая система и стилистика цитат оставлены без изменений; исправлены лишь явные ошибки и опечатки.

Первый раздел автор посвятил дохристианским и первым христианским народным традициям русинов, в частности действиям, проигрывавшимся в Карпатах еще в недавнем прошлом после кончины человека (так называемая лопатка) и в рамках празднования Рождества Христова (так называемый бетлегем, то есть вертеп). Автор отмечает сильное культурное влияние на русинов – униатов или греко-католиков (изначально православных) – со стороны западного христианства (с. 13–57).

Второй раздел, «Начало карпаторусинской драмы (XVIII – первая половина XIX столетия)», посвящен конкуренции народной традиции со схоластической литературой. Схоластическое направление в русинской драматургии было представлено начиная с эпохи Просвещения исключительно творчеством греко-католического духовенства, в связи с ростом образованности всё более отдалявшегося от своей простонародной паствы (с. 59–83).

В третьем разделе, «Весна славянских народов, эпоха будительства и формирование национальной драматургии (1848–1918)», анализируются особенности литературного движения русинов с середины XIX в. до окончания Первой мировой войны. Автор прослеживает переход русинской интеллигенции от радикального русофильства к так называемому народничеству, бывшему, по мнению В. Падяка, предтечей современного карпаторусинства. Особое внимание в разделе уделено творчеству главного русинского «будителя» (просветителя) Александра Духновича (1803–1865), которого автор считает «основателем карпаторусинской драматургии» (с. 85–136).

Четвертый раздел посвящен русинскому театру в период между двумя мировыми войнами. В. Падяк прослеживает эволюцию русинской драматургии от легких водевилей до сложных драматических форм. Кроме любительского театрального движения, особенное внимание автор уделяет ужгородскому театру общества «Просвіта» [*Руський театр*

Товариства «Просвѣта» в Ужгородѣ] и Земскому подкарпаторусскому народному театру [*Земскій Подкарпаторусскій народный театр*] (с. 137–189).

В небольшом пятом разделе представлены сведения о русинском театре в хортистской Венгрии в годы Второй мировой войны. Автор отмечает, что, как ни парадоксально, именно в этот трагический период русинская культура на южных склонах Карпат пережила наибольший расцвет. Это было связано с элиминацией русофильских и украинофильских тенденций. В. Падык подробно представляет историю Угро-русского национального театра [*Угро-руський національний театр*] (позднее – *Руський народный театр*) (с. 191–218).

Крайне интересен шестой раздел книги, построенный на уникальных для Европы источниках, – «История театральной жизни карпаторусинов США (конец XIX – середина XX столетия)» (с. 219–263). Здесь же дан обширный перечень русинских любительских театров в разных американских штатах (с. 241–249).

Заключительный раздел – «Эпоха советского тоталитаризма и уничтожение карпаторусинского национального театра (1945–1989)» – посвящен послевоенным десятилетиям. Интересно, что, хотя формально повествование оканчивается 1989 годом, автор, критически относясь к присоединению («аннексии») Подкарпатской Руси и «экспорту» советской культуры, практически не освещает театральную жизнь русинов во второй половине XX в., считая ее не русинской, а украинской (с. 265–275). Таким образом, в книге сознательно мало внимания уделено новейшей истории русинского театра, который получил новый импульс для развития как раз на волне так называемого «Третьего русинского возрождения» конца 80-х – начала 90-х гг. XX в.

Вообще, хотя В. Падык посвятил свое учебное пособие карпаторусинскому театру в целом, в книге всё же заметен превалирующий интерес к территории южных склонов Карпат и, конкретно, малой родины автора – Закарпатью или Подкарпатской Руси (в современном, узком, смысле термина). На наш взгляд, можно было бы уделить несколько больше внимания театральной жизни на Лемковщине. Хотя основной текст книги содержит массу ценнейшей информации, например, о драматургии русинов в Северной Америке, в кратком заключении учебника (с. 277–279) широкими мазками рисуется картина русинского театра на Украине, в Сербии и Словакии. Впрочем, нет предела совершенству: дорабатывать и шлифовать тексты по настолько широкой проблематике можно в течение долгих лет, тогда как учебный процесс в университете

требует учебника сейчас. Поэтому следует признать, что В. Падяк, принявший колоссальные усилия по поиску и систематизации разрозненных материалов по избранной теме, достойно справился со своей задачей.

Особую ценность представляют приложения к книге: богатый иллюстративный материал на мелованных вклейках (с. 292–326) и списки оригинальных пьес и переводов, а также детских пьес русинской драматургии межвоенного времени, которые были опубликованы (с. 327–335) или остались в рукописи (с. 336–340). Информацию к этой части книги В. Падяк собирал по крупицам. Книгу украшают редкие фото, афиши и титулы изданий. При взгляде на эти страницы невольно обращает на себя внимание удивительное языковое разнообразие русинской литературы. Правда, в списках пьес и переводов указаны лишь «подкарпаторусинские» позиции – относящиеся к Подкарпатской Руси и Пряшевшине. Думается, что в следующих изданиях учебника было бы логично расширить указанные перечни, включив в них аналогичные сведения об опубликованных и неопубликованных произведениях лемков, бачкско-сремских русинов и русинских переселенцев в Северной Америке.

Конечно, с акцентами автора иногда хочется поспорить. Российскому читателю некоторые пассажи учебника, возможно, покажутся несколько публицистичными и категоричными. Так, В. Падяк, один из интеллектуальных лидеров русинофилов и гражданин Украины, не раз критически отзывается не только о Советском Союзе, но и о Российской империи. В то же время автора (к слову, специалиста по русскому языку и литературе) ни в коем случае нельзя считать русофобом: в книге нет ни малейшего следа ненависти к конкретным представителям какого бы то ни было народа, включая русских. В позитивном ключе упоминается творчество отдельных театральных деятелей из среды русской эмиграции. Идейным читателям-украинофилам, как правило нетерпимым к идее самобытности русинов, вряд ли придется по душе оптика Падяка, в рамках которой в историю русинского (при этом национального!) театра включены также те театральные постановки, в которых участвовали люди, сознательно игнорировавшие концепцию самостоятельного русинского народа. Впрочем, вряд ли в рассуждениях о такой априори сложной и многовекторной теме, как русинская этническая общность, возможно достижение полного консенсуса даже в академической среде. Кроме того, совсем не удивительно, что в идейных построениях В. Падяка, живущего и работающего между Ужгородом и Прешовом, Закарпатьем и

Словакией, невольно отражаются актуальные социально-политические тренды указанных регионов.

В качестве рецензентов книги выступили заокеанские русинисты – не нуждающийся в представлениях классик современной русинистики проф. Пол Роберт Магочи, который четырежды принимал В. Падяка во время работы над книгой в Торонтском университете, и проф. Элайн Русинко из Мэриленда.

Вне зависимости от высказанных размышлений хочется искренне поздравить Валерия Падяка и Институт русинского языка и культуры с выходом ценного учебного пособия, которое будет полезно не только студентам Прешовского университета, но и всем, кто интересуется русинистической проблематикой (и не только им). Учебник содержит огромный фактический материал по истории русинской театральной жизни, а также множество любопытных замечаний, пускай порой и дискуссионных. Профессиональным же театроведам книга будет интересна как добротный обзор истории театра одного отдельно взятого малого славянского народа.

Литература

- Ільченко Л.* Валерій Падяк, кандидат філологічних наук. Бібліографічний покажчик. Пряшів: Видавництво Пряшівського університету, 2019.
- Недзьільській Е.* Угро-руссій театр. Ужгородь: [б. и.], 1941.
- Падяк В.* Історія карпаторусинського національного театру і драматургії. Высокошкольський учебник. Пряшів: Видавництво Пряшівського університету, 2018.
- Падяк В.* Нарис історії карпаторусинської літератури. Торонто: Кафедра українознавчих студій Торонтського університету, 2016.
- Шеретій Ю.* Нарис історії українських театрів Закарпатської України до 1945 року. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто; Пряшів; Львів: Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі. Відділ української літератури в Пряшеві, 1993. (Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Історично-філософічна секція; т. 218).

References

- Il'chenko, L., 2019. *Valerii Padyak, kandydat filolohichnykh nauk. Bibliohrafichnyi pokazhchyk* [Valery Padyak, Ph.D. in Philology. Bibliographical index]. Prešov: Vydavnytstvo Priashivs'koho universytetu. (in Rusyn)
- Nedziel'skii, E, 1941. *Uhro-russkii teatr* [Ugro-Russian theatre]. Uzhhorod: [s. n.].

- Padyak, V., 2018. *Istoriia karpatorusyns'koho natsional'noho teatra y dramaturgii. Vysokoshkols'kyi uchebnyk* [The history of the Carpatho-Rusyn National Theatre and Drama. University textbook]. Prešov: Vydavatel'stvo Priashivs'koho univerziteta. (in Rusyn)
- Padyak, V., 2016. *Narys istorii karpatorusyns'koї literatury* [A history of Carpatho-Rusyn literature]. Toronto: Kafedra ukraїnoznavchyykh studii Toronts'koho universytetu. (in Ukr.)
- Sheregii, Iu., 1993. *Narys istorii ukraїns'kykh teatriv Zakarpats'koї Ukraїny do 1945 roku* [Essay on the history of the Ukrainian theaters of the Carpathian Ukraine before 1945]. New York, Paris, Sydney, Toronto, Prešov, Lviv: Slovats'ke pedagogichne vydavnytstvo v Bratislavi. Viddil ukraїns'koї literatury v Priashevi. (Zapysky Naukovoho tovarystva im. T. Shevchenka. Istorychno-filosofichna sektsiia [Papers of The T. Shevchenko Scientific Society. Historico-philosophical section, vol. 218]). (in Ukr.)

ШКОЛА-КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ, ДИСКУССИИ, НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ». МОСКВА, 24–25 НОЯБРЯ 2020 Г.

Олеся Анатольевна Плев

кандидат исторических наук, научный
сотрудник, Институт российской истории
Российской академии наук
Почтовый адрес: ул. Дмитрия Ульянова, 19,
Москва, 117292 Россия
Электронный адрес: plekh@mail.ru

Аннотация

В статье представлен обзор школы-конференции молодых ученых, состоявшейся 24–25 ноября 2020 г. в Институте российской истории РАН. Ежегодное проведение научного форума направлено на развитие научной коммуникации между молодыми исследователями России, ближнего и дальнего зарубежья, а также призвано продолжить традицию общения заслуженных исследователей и молодого поколения, являющуюся ключевым элементом сохранения преемственности поколений в исторической науке. В 2020 г. школа-конференция была приурочена к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Проблематика военной истории заняла центральное место в программе научного форума: с пленарными докладами выступили ведущие специалисты по военной истории, состоялась презентация сборника документов по истории освобождения Крыма и круглый стол «Человек и война (к 75-летию Победы)». В рамках секционных заседаний молодые исследователи затронули широкий спектр вопросов и актуальных проблем истории России с древнейших времен до наших дней.

Ключевые слова

Институт российской истории РАН, история России, история Российской империи, история СССР, Великая Отечественная война, 75-летие Победы

Статья поступила в редакцию 2 марта 2021 г.

Цитирование: Плев О.А. Школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды». Москва, 24–25 ноября 2020 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 283–291. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.14>

SCHOOL-CONFERENCE OF YOUNG SCHOLARS “THE HISTORY OF RUSSIA FROM ANCIENT TIMES TO THE TWENTY-FIRST CENTURY: PROBLEMS, DISCUSSIONS, NEW APPROACHES.” MOSCOW, 24–25 NOVEMBER 2020

Olesya A. Plekh

Ph.D., Researcher, Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences

Postal address: Dmitriya Ul'yanova st., 19,
Moscow, 117292 Russia

E-mail: plekh@mail.ru

Abstract

This article presents an overview of the school-conference of young scholars, held on 24–25 November, 2020 at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. The aims of the forum for scholars are to establish communication between young researchers from Russia and other countries, and to maintain links between the generations of experienced historians and junior scholars, which is a key element in preserving the continuity of generations in historical science. In 2020, the school-conference was dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Problems of military history took central place during the forum: keynote speeches were held by leading researchers; a collection of documents on the history of the liberation of the Crimea was presented during a special session; and a round table “Man and war (to the 75th anniversary of the Victory)” took place. During sectional sessions, young researchers highlighted a wide range of issues devoted to the history of Russia from ancient times to the present day.

Keywords

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, history of Russia, history of the Russian Empire, history of the USSR, Great Patriotic War, 75th Anniversary of Victory

Received 2 March 2021

How to cite: Plekh, O.A., 2021. Shkola-konferentsiia molodykh uchenykh “Istoriia Rossii s drevneishikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzgliady”. Moskva, 24–25 noiabria 2020 g. [School-Conference of Young Scholars “The History of Russia from Ancient Times to the Twenty-First Century: Problems, Discussions, New Approaches.” Moscow, 24–25 November 2020]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 283–291. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.14>

24–25 ноября 2020 г. в Институте российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН) состоялась очередная школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», ежегодно организуемая Советом молодых ученых ИРИ РАН.

Конференцию открыл директор ИРИ РАН, д.и.н., профессор Ю. А. Петров, который отметил, что проведение школы-конференции, уже восьмой по счету, к настоящему времени стало заметным событием в научной жизни России. Он также подчеркнул, что современная историческая наука нуждается в притоке свежих сил, и при этом очень важно сохранять преемственность, создавать условия для общения между маститыми и молодыми учеными. С приветственным словом к участникам форума обратился ответственный секретарь Комиссии по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям А. Н. Худолеев. Он выступил с предложением организовать проведение школы-конференции молодых историков в рамках проекта, связанного с историей Крыма.

В 2020 г. школа-конференция была приурочена к знаменательному событию – 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. В связи с этим обсуждение проблем военной истории заняло центральное место в программе научного форума.

На пленарном заседании с докладом «Первая мировая война как феномен военной истории» выступил руководитель Центра военной истории России ИРИ РАН, д.и.н. Д. Ю. Козлов. Он справедливо отметил, что Первая мировая война стала событием, определившим облик военных конфликтов XX в., и попытался сформулировать проблемные вопросы, сохраняющие актуальность в исторической науке до сегодняшнего дня, среди них: вклад России в коалиционные усилия Антанты и победу над Германией и ее союзниками; потери русской армии, в том числе безвозвратные; деятельность Николая II как руководителя государства и целесообразность возложения им на себя обязанностей верховного главнокомандующего; научная интерпретация причин поражения России; роль военно-технической и финансово-технологической помощи союзников и др. По словам докладчика, актуальной задачей современной исторической науки является синтез существующих историографических концепций и положений, подтвердивших свою научную состоятельность:

Такой подход находится в тренде современной мировой историографии, в которой в последние годы заметно сближение катастрофической и адаптационной моделей трактовки событий Первой мировой войны. Катастрофическая рассматривает войну как одну из всеобъемлющих катастроф XX в., адаптационная – как мощный ускоритель ранее проявившихся тенденций развития.

Продолжил пленарное заседание ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, д.и.н. М. Ю. Мухин. В докладе «Авиапромышленность СССР в годы Великой Отечественной войны» он обратился к истории военной экономики и тем ее проблемам, которые до сих пор остаются на периферии интереса историков. Главный тезис докладчика – «без победы в тылу была бы невозможна победа на фронте» – потребовал ответа на вопрос: а за счет чего удалось добиться выдающихся достижений в оборонной промышленности? Современные отечественные исследования опровергают тезис о планомерной эвакуации промышленности:

Вся эвакуация 1941 г. проводилась в режиме одной грандиозной импровизации <...> Плана не было вообще <...> В ходе такой эвакуации не могла не возникнуть масса нестыковок, ошибок, накладок.

К концу 1941 г. удалось вывезти 2/3 оборудования эвакуируемых авиационных заводов и только 1/3 квалифицированного персонала. Для решения кадровой проблемы была разработана система индивидуально-бригадного ученичества, которая позволила не только «поставить к станку вчерашних домохозяек и старшекласников», но и в сжатые сроки приблизить качество их труда к уровню квалификации довоенного времени. По мнению докладчика, выработка правильной стратегии подготовки новой рабочей силы наряду с грамотным подходом к определению модельного ряда выпускаемой продукции, когда делалась ставка на производство универсальных машин, позволили СССР в целом и авиапромышленности в частности решить поставленные задачи и добиться выдающихся результатов.

В рамках пленарного заседания состоялась презентация сборника документов «“Здесь кровью полит каждый метр...”: рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 гг.». Ответственный редактор издания, заместитель директора ИРИ РАН по научной работе, д.и.н. С. В. Журавлев представил коллектив составителей сборника, рассказал о ходе и трудностях работы над проектом. Характеризуя особенности публикуемых документов, он подчеркнул уникальность издания, включающего рассказы участников операции по освобождению Крыма, записанные сразу после боев:

Война из окопа выглядела не так, как война из командного пункта.

Особое внимание присутствующих было приковано к работе круглого стола «Человек и война (к 75-летию Победы)» (ведущие – в.н.с. ИРИ РАН, д.и.н. Е. С. Сенявская; н.с. ИРИ РАН, к.и.н. С. П. Ким). Один из крупнейших исследователей в области военно-исторической антропологии и психологии Е. С. Сенявская выступила с докладом «От военной истории к военной антропологии: проблемное поле и междисциплинарные подходы в изучении “человека на войне”», посвященным становлению и развитию новых междисциплинарных отраслей науки – военно-исторической антропологии, обращающейся к человеческому опыту как основному источнику знаний о человеке на войне, и военно-исторической психологии, изучающей человека воюющего как особое социально-психологическое явление:

Историко-психологический подход к проблематике позволяет раскрыть мысли, чувства, механизмы поведения людей в экстремальных военных условиях, а историко-антропологический – комплексно изучать человеческий ракурс войны, включая ценностные, социокультурные аспекты. Сочетание этих подходов представляет системный анализ войны в человеческом измерении.

По мнению докладчика, развитие этих исследовательских дисциплин является объективной потребностью не только науки, но и общественной практики, поскольку без учета человеческого измерения войн и вооруженных конфликтов невозможно адекватное научное осмысление новейшей отечественной истории в целом и использование исторического опыта в современных условиях.

В ходе круглого стола были также затронуты вопросы, связанные со взаимодействием русских эмигрантов и советских граждан во французском движении Сопротивления (1942–1945 гг.) (С. В. Решетников, ИРИ РАН), проблемы возвращения и адаптации бывших военнопленных СССР к жизни в послевоенном советском обществе (А. А. Дерюгина, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)), проблемы восприятия советской пропаганды японскими военнопленными в лагерях МВД (С. П. Ким, ИРИ РАН). Два доклада основывались на материалах Комиссии И. И. Минца: Н. Э. Анисимова (ИРИ РАН) охарактеризовала конфликты в среде подростков, занятых в промышленности СССР в 1941–1945 гг.; В. Н. Круглов (ИРИ РАН) попытался реконструировать события, происходившие во время боестолкновения группы советских пехотинцев с превосходящими силами противника в ходе Крымской наступательной операции в апреле 1944 г.

Оживленные дискуссии при обсуждении широкого спектра проблем исторической науки сопровождали секционные заседания. В ходе работы секции «История России до конца XVIII в.» (ведущие – с.н.с. ИРИ РАН, к.и.н. И. А. Устинова; н.с. ИРИ РАН, к.и.н. А. А. Голубинский) докладчики уделили внимание разным вопросам, касавшимся церковных сюжетов: процесса складывания и развития культа трех московских святителей Петра, Алексия и Ионы в XVI–XVII вв. (Л. А. Ерамова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)), практики выбора кандидатов в епископы в России периода патриаршества (И. А. Устинова, ИРИ РАН); аспектов дипломатического сотрудничества: долговых обязательств трех московских посольств, находившихся в Крыму на рубеже 1630–1640-х гг. (В. Д. Жуков, Российский государственный архив древних актов), дипломатической инициативы молдавского господаря Георгия Дуки, направившего в качестве посланника в Москву в марте 1679 г. капитана Я. Белевича (М. Р. Яфарова, ИРИ РАН); роли личных отношений представителей высшей элиты в практике государственного администрирования, в частности взаимоотношений генерал-губернатора А. Д. Меншикова и генерал-полицмейстера А. М. Девиера в контексте системы управления Санкт-Петербургом (М. Т. Накишова, Уральский федеральный университет (УрФУ)); положения офицерского корпуса в XVIII в.: правового статуса горных офицеров в России в 1720–1740-е гг. (М. А. Киселев, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН), службы на флоте военных моряков во второй трети XVIII в. (И. М. Котов, Ярославский государственный университет); особенностей деятельности и правительственной политики в отношении различных категорий иностранных выходцев: неформальных связей и методов в практике управления иностранными колонистами в России 1760-х гг. (О. К. Ермакова, УрФУ); поручительства у московских купцов иностранного происхождения во второй половине XVIII – первой половине XIX в. (О. В. Ларюшкин, ИРИ РАН); взглядов российских монархов на историю России на примере художественных произведений Екатерины II (Д. А. Сосницкий, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)). Выступления Н. Ю. Гребенникова (НИУ ВШЭ), К. В. Вершинина (ИРИ РАН), А. В. Воробьева (ИРИ РАН), А. А. Казакова, А. Л. Новоселова (Казанский (Приволжский) федеральный университет) привлекли внимание молодых ученых к историко-ведческим сюжетам.

Не менее насыщенной оказалась программа секции «История России XIX – начала XX в.» (ведущие – н.с. ИРИ РАН, к.и.н. О. А. Плех;

н.с. ИРИ РАН, к.и.н. В. А. Болтрукевич). Ряд исследователей представил доклады, характеризующие деятельность государственного аппарата Российской империи. В частности, освещались проблемы реализации программы казенного домостроения Министерством императорского двора (А. А. Ефимов, Санкт-Петербургский Институт истории РАН (СПБИИ РАН)), отношения к гражданской службе чиновничества (О. А. Плех, ИРИ РАН), проведения городской реформы 1870 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве (С. А. Юсупова, Государственный академический университет гуманитарных наук), эффективности работы земских учреждений в сфере народного здравоохранения (Е. М. Чигирева, Воронежский государственный университет), развития системы помощи голодающим (Е. В. Белокуров, СПБИИ РАН), функционирования органов сыскной полиции и жандармерии на местах в 1904–1906 гг. (А. Е. Власов, Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского), осуществления правительственных мероприятий в отношении немцев, проживавших в Енисейской губернии в годы Первой мировой войны (Д. Ю. Хоменко, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева). Тема развития сети сухопутных дорог между Олонецкой губернией и Финляндией была затронута в докладе Г. В. Рывкиной (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН)). Воспитательная деятельность в Императорском училище правоведения в 1835–1861 гг. стала предметом научного рассмотрения М. С. Шишкиной (Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева). Вопросам, касавшимся организации работы иностранных журналистов в действующей армии во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., было посвящено выступление А. В. Манаховой (МГУ имени М. В. Ломоносова). К проблемам истории общественной мысли, публицистики и прессы обратились В. А. Болтрукевич (ИРИ РАН), Е. А. Волкова (СПбГУ) и И. В. Печенин (Российская государственная библиотека). Доклад К. В. Мельчаковой (Институт славяноведения РАН) был связан с малоизвестными страницами биографии слависта А. Ф. Гильфердинга. Кроме того, на секции обсуждались результаты источниковедческих (А. К. Мордовин-Залесский, ИРИ РАН) и историографических исследований (С. А. Иконников, Воронежский государственный аграрный университет).

В рамках секции «Отечественная история XX в.: государство, власть и политика» (ведущие – н.с. ИРИ РАН, к.и.н. С. П. Ким; н.с. ИРИ РАН, к.и.н. Е. Ю. Начарова) молодые ученые проанализировали формирование органов власти Временного правительства на Северном

Кавказе в 1917 г. (С. А. Орешин, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН), представительство левых партий на губернских съездах советов в 1918 г. (И. А. Концевой, Государственный архив Российской Федерации), деятельность Р. Ф. Унгерн-Штернберга на Дальнем Востоке и в Монголии (А. К. Лагунов, РГГУ), положение православного духовенства в первые годы Советской власти (В. И. Подлеснов, Тамбовский государственный технический университет), роль студенческой молодежи во внутрипартийной дискуссии РКП (б) в 1923–1924 гг. (Е. М. Якушкина, РГГУ), результаты проверки деревенских партийных организаций Сибири в 1926–1927 гг. (Т. И. Морозова, Институт истории Сибирского отделения РАН), проблемы добровольной и принудительной миграции в 1920–1930-е гг. (Чжин Сил, ИРИ РАН), развитие института личной охраны руководителей СССР в 1945–1982 гг. (А. Н. Гребенкин, А. В. Левда, Академия Федеральной службы охраны России), политическую биографию маршала Советского Союза Г. К. Жукова (А. В. Абрамов, МГУ имени М. В. Ломоносова), Продовольственную программу М. С. Горбачева (Чжуан Шици, Пекинский университет) и сложности перехода государственных предприятий на хозрасчетную основу (Р. Г. Кирсанов, ИРИ РАН). С особым интересом были заслушаны доклады, затрагивавшие аспекты военной истории: о положении военнопленных во время Советско-польской войны 1919–1921 гг. (И. И. Родионов, Смоленский государственный университет), о подготовке среднего и младшего командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии в 1920–1930-е гг. (А. М. Ситдинов, Российский университет дружбы народов), о проблемах организации и планирования мобилизации «гражданской» промышленности в 1938–1939 гг. (С. П. Ким, ИРИ РАН), об опыте взаимодействия военно-политических структур СССР и США в условиях холодной войны (Е. Ю. Начарова, ИРИ РАН).

Секция «Социально-антропологические проблемы отечественной истории XX в.» (ведущие – с.н.с. ИРИ РАН, к.и.н. В. Н. Круглов; м.н.с. ИРИ РАН Ю. С. Филина) объединила молодых ученых, интересующихся социальной историей. В выступлении В. Н. Сергеева (Научно-исследовательский институт медицины труда имени академика Н. Ф. Измерова) речь шла о профессиональных заболеваниях лиц свободных профессий, В. В. Слисковой (РГГУ) – о повседневной жизни ученого в 1920-е гг., Ю. С. Филиной (ИРИ РАН) – о теоретических взглядах художников революционного поколения, А. В. Чебаковской (ИЯЛИ КарНЦ РАН) – о жизнеобеспечении воспитанников детских домов

Карелии в 1918–1930-е гг., В. О. Неруш (РГГУ) – о Северном рабфаке в Ленинграде, В. Б. Романовой (Самарский государственный университет) – о жизни эмиграции «первой волны», В. В. Тихонова (ИРИ РАН) – о репрезентации теории нации в послевоенном советском обществоведении, Е. А. Вороновой (ИРИ РАН) – об изменении нормативной модели отцовства в советском законодательстве 1940–1960-х гг., Р. Ю. Червякова (МГУ имени М. В. Ломоносова) – о репрезентации фестивалей молодежи и студентов в Москве на страницах журнала «Крокодил», В. С. Плетникова (Уральский государственный юридический университет) – об участии общественности в обсуждении проекта Конституции периода «Оттепели», В. С. Фадиной (Кемеровский государственный университет) – об отражении особенностей службы в разведывательных подразделениях в годы Афганской и Первой чеченской войн в воспоминаниях ветеранов.

По итогам конференции опубликован сборник материалов «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (24–25 ноября 2020 г.)» (М., 2020).

**КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ».
МОСКВА, 25–26 МАЯ 2021 Г. СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»**

Александр Михайлович Дронов

кандидат исторических наук, научный
сотрудник, Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334 Россия
Электронный адрес: dronov839@gmail.com

Аннотация

В нынешнем году в работе секции «История» принимали участие молодые ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Ростова-на-Дону, Тюмени, Тираны (Албания) и города Яссы (Румыния). В качестве модераторов подсекций выступили сотрудники Института славяноведения РАН, авторитетные специалисты по истории славянских народов и их соседей в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. Особое внимание участников конференции, приуроченной к Дню славянской письменности и культуры, было посвящено кругу вопросов, связанных с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном и международном контекстах. Молодые ученые не только представили результаты своих исследований, но и обогатились новыми знаниями, получили возможность знакомства с коллегами, диалога, обмена опытом. Многие выступления вызвали оживленный интерес, а иногда и бурную дискуссию, что свидетельствует об актуальности затронутых тем. Ежегодное участие в конференции способствует дальнейшему укреплению сотрудничества между учеными-славистами. По итогам конференции будет выпущен сборник тезисов.

Ключевые слова

Конференция, молодые ученые, славяноведение, история идей, источниковедение, политическая история

Статья поступила в редакцию 12 июня 2021 г.

Цитирование: *Дронов А. М.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 25–26 мая 2021 г. Секция «История» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 292–300. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.15>

**YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”.
MOSCOW, 25–26 MAY 2021. SECTION “HISTORY”**

Aleksandr M. Dronov

Ph.D., Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow,
119334 Russia
E-mail: dronov839@gmail.com

Abstract

The annual conference *Slavic World: Community and Diversity* is a good platform for young researchers from different universities and research centers, both domestic and foreign, where they can share their scholarly achievements with colleagues and talk about their own vision of a particular problem related to the study of the diversity of the Slavic world. This year was no exception, and the historical section of the conference was held on 25–26 May in a mixed format: full-time participation and on the ZOOM platform owing to coronavirus restrictions. The speakers at the conference dedicated to the history of Slavic Writing and Culture again discussed a wide range of issues related to the history of the Slavic peoples from the Middle Ages to the present day in national, regional, and international contexts. Following the conference, a collection of abstracts will be published. Researchers not only showed the results of their research, but also enriched themselves with new knowledge, were given a platform to express their opinions and discuss them with colleagues, and shared their experience. Many speeches aroused lively interest, and sometimes a heated discussion, which indicates the relevance of the topics addressed at the event. Annual participation in the conference contributes to the strengthening of further cooperation between scholars.

Keywords

Conference, young scholars, Slavic studies, history of ideas, source studies, political history

Received: 12 June 2021

How to cite: Dronov, A. M., 2021. Konferentsiia molodykh uchenykh “Slavianskii mir: obshchnost’ i mnogoobrazie”. Moskva, 25–26 maiia 2021 g. Sektsiia “Istoriia” [Young Scholars Conference “Slavic World: Community And Diversity”. Moscow, 25–26 May 2021. Section “History”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 292–300. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.15>

Ежегодная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» служит хорошей площадкой для молодых исследователей разных вузов и научных центров как отечественных, так и зарубежных, где они могут поделиться с коллегами своими научными достижениями,

рассказать о собственном видении той или иной научной проблемы, связанной с изучением многообразия славянского мира. В 2021 году не была исключением и историческая секция конференции, проходившей 25–26 мая в смешанном формате: очно и на платформе *ZOOM*, в связи с эпидемиологическими ограничениями.

Заседание исторической секции открыл модератор первой подсекции «Вопросы веры и церковной организации у славянских народов в Средние века и раннее Новое время» Г.П. Мельников. Подсекция состояла из трех докладов. Выступавший первым Н.В. Евстафьев (МГУ имени М.В. Ломоносова) попытался ответить на целый ряд вопросов, связанных с болгарско-римской церковной унией 1204 г. Докладчик пришел к выводу, что уния была скорее «политическим инструментом», чем эkkлесиологическим событием. Следующий доклад также был посвящен политическому аспекту религиозной жизни. Н.Р. Белова (МГУ имени М.В. Ломоносова) в своем выступлении на основе разбора средневекового чешского источника – «Христослав» Матея Виериуса, попыталась ответить на вопрос, почему ересь рассматривается не только как религиозное, но и как политическое преступление. Третий доклад секции касался уже не политической, а социально-этической стороны богословских дискуссий, а именно антиномистского спора польских протестантов. Докладчик К.С. Коноплянко (Институт славяноведения РАН (ИСл РАН), Москва) в качестве сути спора назвал «различную интерпретацию сторонами библейских текстов».

Вторую подсекцию «Историография и история славяноведения» модерировала О.В. Хаванова. А.А. Лапунов (Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)) в докладе «Классификации славянских языков в XVIII в.» выделил три подхода: этнический (язык является проявлением этноса / народности), территориальный (региональный или национальный) и научный (лингвистический). Докладчик обратил внимание, что вопреки устоявшемуся в историографии мнению, Й. Добровский был не первым ученым, предложившим лингвистическую классификацию славянских языков. Одну из первых таких классификаций составил лужицкий ученый К.Г. фон Антон. Доклад А.А. Лапунова, представляющий пример междисциплинарного исследования на стыке истории и филологии, вызвал оживленную дискуссию, активным участником которой стал присутствовавший на заседании подсекции лингвист М.Н. Саенко.

Выступавшая второй С.А. Жабрева (СПбГУ) рассказала о выставке «П.А. и Ю.А. Кулаковские: коллеги и братья», открывшейся 16 октября

2019 г. в Библиотеке Российской академии наук. Следующий докладчик Т. В. Гимадеев (Казанский (Приволжский) федеральный университет) осветил суть «спора о смысле чешской истории» между сторонниками концепции Т. Г. Масарика и исторической школой Я. Голла. В докладе было уделено внимание в основном полемике накануне Первой мировой войны между сторонниками взглядов Т. Г. Масарика (школьный учитель И. Ванчура и журналист Я. Гербен) с одной стороны и представителями школы Голла (К. Крофта и Й. Пекарж) – с другой. По словам докладчика, спор утих с началом войны, а перед этим стороны попытался примирить З. Неёдлы. Завершил работу подсекции доклад В. А. Кретова (Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва) «Современная российская и украинская историография процессов самоопределения восточных славян в Габсбургской монархии». Молодой ученый рассказал об основных подходах к изучению русофильского и украинофильского политических движений Восточной Галиции XIX – начала XX в. в современных отечественной и украинской историографиях, а также предшествовавших им дореволюционной, эмигрантской и советской историографических традициях.

После перерыва работа конференции продолжилась в подсекции «Восприятие иног дипломатами, чиновниками и путешественниками», которую модерировал Н. С. Гусев. М. Т. Накишова (Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург) в докладе «Град Святого Петра глазами польского посольства 1720 г.: образ столицы по материалам личной канцелярии князя А. Д. Меншикова» рассказала, как перед членами посольства умело создавался образ нового столичного города, способного встать в ряд с крупнейшими европейскими центрами. О неудачной попытке русских крестьян торговать иконами, хоругвями и лампадами в Боснии в 1870 г. рассказала следующая докладчица, К. В. Мельчакова (ИСЛ РАН, Москва). Причиной такого неуспеха русских торговцев исследовательница назвала несогласованность их перемещений и торговли с местным русским консульством, а также враждебную позицию дабробосанского митрополита Дионисия, на которого оказывали давление местные османские власти.

Д. К. Богомоллова (МГУ имени М. В. Ломоносова) в докладе «Русский военный агент в Черногории Н. М. Потапов о ситуации на Балканах накануне и в годы Балканских войн» отметила просербскую позицию военного агента по итогам двух войн. В частности, по словам докладчицы, он считал Черногорию обреченной на скорое падение

монархии и неминусовое объединение с Сербией. Выступление вызвало ряд вопросов и оживленную дискуссию. Завершил подсекцию доклад Д. Э. Частухина (МГУ имени М. В. Ломоносова) «Офицеры Русского отряда – Л. П. Сукачев и В. В. Берестовский – о причинах переворота в Албании в 1924 г.». В начале доклада Д. Э. Частухин вкратце рассказал об особенностях населения и истории Албании, а также о сути двух государственных переворотов 1924 г. Далее речь шла о сравнении взглядов двух русских офицеров-белоэмигрантов на события 1924 г., в которых оба они принимали непосредственное участие.

Следующую подсекцию «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в системе международных отношений XIX – начала XXI в.» модерировали А. С. Стыкалин и П. В. Мошечков. Подсекцию открыл доклад И. А. Бабоши (МГУ имени М. В. Ломоносова) «Польская эмиграция 1830–1860-х гг. как фактор развития агентурной деятельности Третьего отделения». Автор обратил внимание на то, что пока «так и не появилось работ, в которых бы комплексно изучалась деятельность Третьего отделения в отношении польской эмиграции и польского вопроса». И. А. Бабоша пришел к выводу, что «польская эмиграция стала важным испытательным полигоном для организации заграничной агентуры Третьего отделения и внедрения методов провокации в практику российских спецслужб». Второй выступающий, Д. В. Родин (МГУ имени М. В. Ломоносова), в докладе «Международная борьба вокруг проектов “Балканского Локарно” во второй половине 1920-х гг.» пришел к выводу, что «к концу 1920-х гг. на Балканах сложились условия для дальнейшего развития идеи “Балканского Локарно”, которая в 1930 г. трансформировалась в идею Балканских конференций». С. С. Маклашкин (РГГУ, Москва) затронул политические и экономические аспекты югославо-американского военного сотрудничества в 1952–1957 гг., сам факт которого, по его мнению, стал «прямым сигналом для СССР о возможности установления в Белграде просоветского режима силой».

Представительница Румынии Л. А. Йорга (Ясский университет имени А. И. Кузы, Яссы) рассказала о положительном, в ее понимании, опыте нейтралитета Румынии в период арабо-израильской Шестидневной войны 1967 г. Пятый докладчик, Б. С. Новосельцев (ИСл РАН, Москва), познакомил аудиторию с историей подготовки конференции движения неприсоединения в Лусаке 1970 г., на которой, по его мнению, это движение окончательно оформилось. Следующей выступала Т. В. Рутковская (МГУ имени М. В. Ломоносова), которая в докладе «Международные контакты Хартии-77 в отражении западноевропейской прессы»

при помощи количественных методов сравнила освещение деятельности чешских диссидентов в британской газете *The Times* и французской *Le Monde*. Завершал сессию доклад албанской исследовательницы Н. Махмутай (Университетский колледж Висдом, Тирана) о современных российско-албанских культурно-гуманитарных контактах.

Работа исторической секции возобновилась на следующий день, 26 мая, открытием подсекции «Национальные и этноконфессиональные факторы в истории славянских народов», которой руководили М. В. Лескинен и Г. Н. Энгельгардт. Первой в подсекции выступила Е. И. Митина (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва) с докладом «Народный костюм как символ “русскости” в дворянской культуре России второй половины XVIII – первой половины XIX в.». Докладчица продемонстрировала презентацию, в которой наглядно показала вариации и трансформацию «русского» костюма в исследуемый период в среде русской знати. Доклад А. С. Донцовой (Санкт-Петербург) был посвящен попытке В. Д. Спасовича (1829–1906) примирить историческую память русских и поляков на основе либеральных установок, в первую очередь эгалитаризма и мелиоризма, гуманистических ценностей, идеи культурной конвергенции, а также собственной теории «многонационализма». И. К. Петрович (МГУ имени М. В. Ломоносова) рассказал про религиозную составляющую программ таких польских либеральных партий начала XX в., как Национально-демократическая партия Польши (эндэция) и Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси (ККПЛиБ).

Следующим стало выступление В. И. Короневского (СПбГУ): ученый рассказал о политической и пропагандистской стороне перенесения мощей св. Евфросинии. Доклад вызвал многочисленные вопросы слушателей и модераторов. Н. И. Нечаева (МГУ имени М. В. Ломоносова) осветила столкновение двух национальных концепций, в ядре которых лежат две особые религиозные идентичности – гусизм у Т. Г. Масарика и католицизм у А. Глинки. А. А. Чибисова (МГУ имени М. В. Ломоносова) в докладе «Переговоры польских властей со священноначалием Русской православной церкви (РПЦ) по поводу статуса Варшавской епархии (май – декабрь 1918 г.)» показала разницу позиций польского представителя в РСФСР А. Р. Ледницкого, более лояльно настроенного к Русской Церкви, и польского министерства религиозных исповеданий и народного образования, занявшего жесткую позицию в отношении РПЦ, а уступки со стороны последней считавшего проявлением слабости и само собой разумеющимися в ситуации появления независимой Польши.

Завершил работу подсекции доклад Е. А. Косован (РГГУ, Москва) «Спорт в украинских лагерях для перемещенных лиц в Западной Германии и Австрии (1945–1951 гг.)». Исследовательница пришла к выводу, что «украинский пример свидетельствует не просто о высоком значении спорта в жизни перемещенных лиц, но и о том, что он часто выполнял витальные функции по отношению к сообществу “ди-пи”, способствуя как физическому, так и этнонациональному выживанию».

После перерыва конференция продолжилась заседанием подсекции «Интеграционные процессы в империях» под председательством Л. М. Аржаковой. А. М. Дронов (ИСЛ РАН, Москва) выступил на тему «Меджимурье в обмен на Валповский округ: попытка венгеро-хорватского церковного разграничения 1876 г. (по материалам корреспонденции Й. Штросмайера и Ф. Рачкого)». В докладе разбирались попытка совмещения церковных и административно-территориальных границ двух композитных частей многонациональной Габсбургской монархии, которая не увенчалась успехом для венгерской стороны из-за упорного сопротивления со стороны хорватского клира, защищавшего хорватские национальные интересы.

Вторым докладчиком стал С. А. Орешин (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва), рассказавший про попытки освоения российскими властями Карсской области в конце XIX – начале XX в. путем переселения на ее территорию русских крестьян, значительную часть которых составляли сектанты (молокане и духоборы), а также малороссов и поляков. Выступление сопровождало активное обсуждение участниками конференции. В частности, был задан вопрос, не было ли попыток верстать новоприбывшее из внутренних губерний население в казаки. Автор обратил внимание на малочисленность славянского населения и преобладание в его составе сектантов, отказывавшихся от службы в армии.

А. Ю. Перетячко (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) рассказал о восприятии в казачьей среде назначенных в регион атаманов нерусского происхождения: П. Х. Граббе и Н. И. Святополк-Мирского. Ученый пришел к выводу, что на восприятие казаками атамана большее влияние оказывала проводимая им политика, чем его происхождение. В рамках дискуссии модератор Л. М. Аржакова задала А. Ю. Перетячко вопрос, действительно ли для казаков не было важным лютеранское вероисповедание П. Х. Граббе. По ответу докладчика, казаками «немец» был принят лучше, чем некоторые атаманы великорусского или даже казачьего происхождения.

Последней в подсекции выступила О. А. Плех (Институт российской истории РАН, Москва) с докладом «“Время от времени далее двигаемся по Америке с превеликими трудностями...”: письма главного правителя российских колоний в Америке А. А. Баранова», в котором она рассказала об освоении русскими Аляски, жизни и быте колонистов, в том числе и самого Баранова.

Завершила работу конференции подсекция «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы на рубеже XX–XXI вв.: образы, отображения, интерпретации», которую вела А. Р. Лагно. Выступавшая первой А. К. Александрова (ИСл РАН, Москва) рассказала о политических династиях современной Греции, из которых, по словам докладчицы, состоит политическая элита страны. Также исследовательница отметила феномен А. Ципраса, греческого политика, не принадлежащего к какой-либо политической династии, но являющегося представителем «новой элиты». Вторым в подсекции выступил А. А. Пивоваренко (ИСл РАН, Москва) с докладом «Колебания этнического состава населения Истрии в конце XIX – начале XXI в. и проблема их исторической и статистической интерпретации», в котором обратил внимание на «серьезную дискуссию между югославско-хорватской и итальянской историографией о составе населения Истрии, причинах и масштабах происходивших там этнополитических изменений, связанных с ассимиляцией либо вытеснением тех или иных групп населения». Кроме того, докладчик отметил желание современных хорватских властей заменить самоназвание жителя Истрии с «истриянин» на «истраинин».

Третьим выступил А. С. Ходунов (РГГУ, Москва) с докладом «Война в Хорватии 1991–1995 гг. во взглядах сербских историков: факты и мифы», осветив, помимо сербских, также и хорватские мифы, касающиеся числа пострадавших и беженцев среди сербского населения Хорватии, оказания раненым медицинской помощи и т. п. Следующим был доклад М. Ю. Ломоносова (Тюменский государственный университет, Тюмень) «На путях к националистической “симфонии”: косовский миф и сербские историки Средневековья в период югославского кризиса», в котором докладчик рассказал о «скрытом противостоянии» в 1980–1990-х гг. «трех нормативно-ценностных сообществ: партийно-югославистского, национально-патриотического и скептического», охарактеризовав каждое из них.

Работа подсекции и конференции в целом закончилась выступлением К. О. Долголаптевой (МГУ имени М. В. Ломоносова) «Роль сетевых медиа Республики Беларусь в конструировании национальной

идентичности (по материалам 2020 г.)». Докладчица показала презентацию сравнения тематики государственных и оппозиционных СМИ в Белоруссии. Исследовательница обратила внимание на формируемые оппозиционными массмедиа и интернет-ресурсами смыслы и компоненты новой белорусской национальной идентичности.

В заключение следует сказать, что докладчики, выступавшие на ежегодной научной конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры, как и в прежние годы, обсудили широкий круг вопросов, связанных с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном и международном контексте. По итогам конференции выпускается сборник тезисов. Участники не только представили результаты своих исследований, но также обогатились новыми знаниями, получили площадку для высказывания мнений и обсуждения их с коллегами, обмена опытом. Многие выступления вызвали оживленный интерес, а иногда и бурную дискуссию, что свидетельствует об актуальности обсуждавшихся на конференции тем. Ежегодное проведение научного мероприятия способствует укреплению сотрудничества между учеными-славистами.

**КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
«СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ».
МОСКВА, 25–26 МАЯ 2021 Г. СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

Максим Андреевич Гаврилков

аспирант, Институт славяноведения Российской академии наук

Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334 Россия

Электронный адрес: reven1995@gmail.com

Аннотация

Ежегодная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» служит хорошей площадкой для молодых исследователей разных вузов и научных центров как отечественных, так и зарубежных, где они могут поделиться с коллегами своими научными достижениями, рассказать о собственном видении той или иной научной проблемы, связанной с изучением многообразия славянского мира. Работа секции «Языкознание» проходила в четырех тематических блоках: «Перевод и межъязыковая эквивалентность в славянских языках», «Славянские языки в прошлом и настоящем», «Язык и традиционная культура», «Язык памятников Средневековья и Нового времени». На конференции выступили молодые ученые из Москвы (Институт славяноведения РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, Российский государственный гуманитарный университет), Санкт-Петербурга (СПбГУ), Софии (Институт болгарского языка имени Л. Андрейчина Болгарской академии наук) и Хельсинки (Хельсинкский университет). Подсекциями руководили научные сотрудники Института славяноведения РАН С. А. Борисов, М. Н. Саенко, М. В. Ясинская, Г. П. Пилипенко. Практически каждый доклад сопровождался дискуссией, в ходе которой слушатели давали авторам советы, рекомендовали внести определенные дополнения и предлагали возможные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова

Славянские языки, переводоведение, диалектология, социолингвистика, этнолингвистика, палеославистика

Статья поступила в редакцию 24 июня 2021 г.

Цитирование: *Гаврилков М. А.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 25–26 мая 2021 г. Секция «Языкознание» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 301–307. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.16>

**YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”
MOSCOW, 25–26 MAY 2021. SECTION “LINGUISTICS”**

Maksim A. Gavrilkov

PhD Student, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Postal address: Leninsky Prospect 32A, Moscow, 119334 Russia

E-mail: reven1995@gmail.com

Abstract

The annual conference “Slavic World: Community and Diversity” is a good platform for young researchers from different universities and research centers, both domestic and foreign, where they can share their scholarly achievements with colleagues and talk about their own vision of a particular problem related to the study of the diversity of the Slavic world. The work of the “Linguistics” section was divided into four thematic blocks: “Translation and interlanguage equivalence in Slavic languages”, “Slavic languages in the past and present”, “Language and traditional culture”, and “The language of texts of the Middle Ages and Modern times”. Young scholars from Moscow (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University, Russian State University for the Humanities), St. Petersburg (St. Petersburg State University), Sofia (Andreichin Bulgarian Language Institute, Bulgarian Academy of Sciences), and Helsinki (University of Helsinki) spoke at the conference. The subsections were moderated by researchers from the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences: Sergej A. Borisov, Mikhail N. Saenko, Maria V. Yasinskaya, and Gleb P. Pilipenko. Almost every report was accompanied by a discussion, during which the audience gave the authors advice, recommended certain additions, and suggested possible directions for further research.

Keywords

Slavic languages, Translation studies, Dialectology, Sociolinguistics, Ethnolinguistics, Palaeoslavistics

Received 24 June 2021

How to cite: Gavrilkov, M. A., 2021. Konferentsiia molodykh uchenykh “Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie”. Moskva, 25–26 maia 2021 g. Sektsiia “Iazykoznanie” [Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 25–26 May 2021. Section “Linguistics”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 301–307. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.16>

Работа секции «Языкознание» проходила в четырех тематических блоках, в рамках которых выступили молодые ученые из Москвы (Институт славяноведения РАН, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова, Российского

государственного гуманитарного университета (РГГУ)), Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ)), Софии (Институт болгарского языка имени Л. Андрейчина Болгарской академии наук) и Хельсинки (Хельсинкский университет). Подсекциями руководили научные сотрудники Института славяноведения РАН С. А. Борисов, М. Н. Саенко, М. В. Ясинская, Г. П. Пилипенко.

Первый тематический блок «Перевод и межъязыковая эквивалентность в славянских языках» открыл доклад «О некоторых наречиях в русском и сербском языках» В. В. Каприеловой (МГУ имени М. В. Ломоносова), которая рассматривала контекстуальные несоответствия сербских и русских наречий *лепо // красиво, хорошо; много // много; више // больше*, обусловленные различием объема понятия (экстенционала) каждой лексемы и их разной контекстуальной сочетаемостью, что при переводе требует поиска эквивалента, адекватного контексту, и особого внимания при преподавании русского как иностранного в аудитории носителей близкородственного языка.

С теоретических позиций функционально-коммуникативной грамматики проблема межъязыковой эквивалентности нашла продолжение в докладе Т. И. Кузиной (МГУ имени М. В. Ломоносова) «Русский глагол “делать” и его функциональные эквиваленты в сербском языке». Докладчица выявила четыре лексико-семантических варианта глагола *делати* (знаменательный, местоименный, экспликатор, каузативный), при этом в русском и сербском языках наблюдается несоответствие участков лексических систем, что обуславливает необходимость учитывать особенности функционирования глаголов в переводческой и преподавательской деятельности.

В докладе «Глаголы *подценявам* “недооценивать” и *надценявам* “переоценивать”: семантическая структура и проблемы перевода» А. В. Еремченко (СПбГУ) сконцентрировала внимание на разграничении семантико-грамматических признаков болгарских глаголов, находящихся на стыке двух классов предикатов – интерпретаций и устойчивых ментальных состояний, выявила валентности глаголов и предложила варианты перевода рассматриваемых глаголов на русский.

А. А. Коношенкова (Институт славяноведения РАН (ИСл РАН), Москва), выступившая с докладом «Имена латинского происхождения в романе “Гарри Поттер” при передаче на славянские языки», сопоставила стратегии передачи имен собственных в переводах художественного текста («Гарри Поттер» Дж. Роулинг) на русский, белорусский и польский языки, соотнеся их с традицией передачи латинских существительных,

в том числе имен собственных, в соответствующем языке. Докладчица особенно выделила проблему передачи «говорящих» антропонимов и отметила непоследовательность переводчиков на польский и русский языки.

В начале тематического блока «Славянские языки в прошлом и настоящем» Х. Кукова выступила с докладом «Концептуальные рамки исследования предикатов класса состояния в русском и болгарском языках», в подготовке которого также приняли участие И. Стоянова и С. Лесева (Институт болгарского языка имени Л. Андрейчина Болгарской академии наук, София). Изучение межъязыковых соответствий в близкородственных языках проводилось на материале лингвистических баз данных и параллельных корпусов. В перспективе планируется разработка единой классификации глаголов состояния в русском и болгарском языках.

В докладе «Антропонимы в составе городских названий: социокультурный аспект урбанонимии столицы (на примере Софии)» М.М. Масальская (МГУ имени М.В. Ломоносова) выделила четыре хронологических этапа включения имен собственных в городское пространство столицы Болгарии: 1) 1879–1914 гг.; 2) 1914–09.09.1944 гг.; 3) 09.09.1944–1989 гг.; 4) с 1989 г. по настоящее время. Докладчица отметила преобладание группы антропонимов, обозначающих болгарских деятелей (87%), над группой антропонимов, обозначающих личностей мирового масштаба, оказавших значительное влияние на Болгарию (12%). Среди иностранных имен наибольшую группу составляют российские деятели (свыше 30 наименований). В современной Софии преобладает тенденция к использованию национально-ориентированных антропонимов.

А.А. Широкова (МГУ имени М.В. Ломоносова) представила доклад «Фитонимическая лексика в сборнике стихов *Samosiejki* (“Самосейки”) Тересы Радзевич», в котором перечислила встречающиеся в текстах польской поэтессы фитонимы и флоронимы, обозначающие обобщенные названия растений (например, *плод*; эта группа является преобладающей), конкретные виды растений и их части.

И.И. Кабанен (Хельсинкский университет) в докладе «Русский язык в Одессе: взгляд извне» показала динамику изменений в представлениях об одесском региолекте, затронув его отличительные черты на уровне фонетики (передвижение ударения, смягчение согласных) и синтаксиса (влияние украинских диалектов, идиша), а также характер его функционирования: в противопоставлении литературному языку, в качестве тайного языка, в виде конструкта в кинематографе и литературе.

Завершил тематический блок доклад Д.М. Зеленского (МГУ имени М.В. Ломоносова) «Фонологическая граница в русских сложных словах с соединительным гласным», в котором была продемонстрирована полемика с рядом существующих фонологических трактовок. Исследователь предложил авторское объяснение расстановки и сдвига ударений в сложных словах.

Тематический блок «Язык и традиционная культура», посвященный проблемам этнолингвистики, открыл доклад «Праздник Богоявления в одной архаической зоне Славии» А.И. Чиварзиной (ИСл РАН, Москва). Автор описала праздничные обряды в зоне пограничья запада Северной Македонии и Албании и продемонстрировала иллюстративный материал. Доклад основан на результатах этнолингвистической экспедиции сентября 2020 г., предпринятой в рамках проекта по изучению архаических ареалов южной Славии.

Е. Павлова (РГГУ, Москва) в докладе «Македонская семья в традиции и в современности (на материале фразеологии и паремий)» поставила вопрос о том, насколько актуальны в современном мире традиционные представления о семье, отраженные в фразеологизмах.

А. П. Якимова (ИСл РАН, Москва) выступила с докладом «Рождение вестонима на примере болгарских наименований предметов одежды с праславянскими корнями», предметом которого стала этимология номинаций предметов одежды в болгарском языке в сопоставлении с другими славянскими языками.

О. С. Румянцева (МГУ имени М.В. Ломоносова) в докладе «Богородица и мир природы в польских народных легендах» обратила внимание на расширение приписываемых Богородице функций в народных представлениях, рассматривающих Богородицу в тесной связи с природой: она предстает как часть мира природы (садовница), поощряет ее и наказывает (например, благословляет лещину для защиты от грозы), влияет на природу и управляет погодой, одушевленность природы бывает обусловлена взаимодействием с ней Богородицы.

Типология представлений о коммуникативных практиках между живыми и мертвыми, разработанная на материале собранных в ходе фольклорных экспедиций в Саратовскую область нарративов, была представлена в докладе «Коммуникация живых и умерших в традиции украинского анклава Саратовской области» Д.Г. Чубуковой (РГГУ, Москва). Докладчица выделила три возможности общения с мертвыми: во сне (четыре типа снов: сон-просьба, сон-недовольство, сон-предсказание, сон-диалог), через другого умершего (положение предметов в гроб),

путем закапывания предметов в землю. Коммуникация тесно связана с оградительными обрядами и предметами: мытьем полов после выноса покойника, оберегами (луковица в гробе), откупом и др.

Чжэн Янтун (ИСл РАН, Москва) выступила с докладом «Понятия “одномесячники” и “однодневники” в этнолингвистическом словаре “Славянские древности”», в рамках которого был представлен обзор народных верований, связанных с людьми, которые родились в один месяц или в один день. Одномесячники и однодневники представляют концепт, специфический для балканских славян и воспринимаемый ими в основном негативно.

В заключение тематического блока был представлен доклад Лю Ху (ИСл РАН, Москва) «Вампироподобные персонажи народной мифологии (на материале китайской и сербской традиций)». Докладчик выделил виды «вампиров», показал их генеалогию и сопоставил народные представления двух культур.

Завершающий лингвистическую секцию по принципу кольцевой композиции тематический блок «Язык памятников Средневековья и Нового времени» вновь был посвящен проблемам перевода, теперь на материале памятников славянской книжности.

Е. Д. Метлова (МГУ имени М. В. Ломоносова) в докладе «О некоторых особенностях функционирования конструкции *хотѣти+инфинитив* как эквивалента греческих инфинитивных конструкций с *μέλλω* в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (на материале Толкового Евангелия от Иоанна)» проанализировала грамматическую семантику и обратила внимание на закономерности функционирования церковнославянских конструкций *хотѣти+инфинитив* с футуральной референцией в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского. Докладчица выявила в переводе несоответствие временных форм оригиналу и сделала вывод об их независимом от оригинала употреблении. Конструкция имеет предестинативное значение, а в некоторых случаях – значение будущего в прошедшем, грамматически, однако, нивелированное при переводе вследствие замены греческого имперфекта на презенс.

В. К. Скрипка (Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Москва) в докладе «Употребление указательного местоимения-атрибутива *тъ* (тот) с именами собственными в деловой письменности XIV–XV вв.» показала, как ранее не употреблявшееся с именами собственными местоимение с середины XV в. приобретает новые функции (экспрессивную, артиклевую) и начинает использоваться при именах

собственных, что отражено в памятниках деловой письменности этого периода.

С. А. Афанасьева (МГУ имени М. В. Ломоносова) продолжила тему имен собственных в докладе «Диалектные черты системы консонантизма в белорусско-литовских летописях». Докладчица проанализировала проявление литовских диалектных черт в области консонантизма, в частности, на материале встречающихся в летописях антропонимов и заключила, что белорусско-литовские летописи являются важным для исторической лингвогеографии источником.

В докладе «К вопросу о грамматическом значении сослагательного наклонения в независимом употреблении в старорусском языке (на материале текстов смоленского происхождения первой половины XVII в.)» Н. П. Иордани (МГУ имени М. В. Ломоносова) подчеркнула, что в XVII в. оптативное значение отсутствовало, а формы сослагательного наклонения 2-го и 3-го лица выражали побудительность. При этом формы сослагательного наклонения 2-го лица были довольно редкими, так как соответствующее грамматическое значение выражалось иными конструкциями, а формы 1-го лица в памятниках не зафиксированы. В современном русском языке формы сослагательного наклонения 2-го лица сохраняют побудительное значение, тогда как формы 1-го и 3-го лица выражают оптативное значение, отсутствовавшее в XVII в.

Завершил последний тематический блок доклад «Рукопись “Phaebus poeticus...” (РГБ, фонд 173.I, № 529) как пример “семинарского” дискурса середины XVIII в.: русский и церковнославянский языки» З. А. Червонной (МГУ имени М. В. Ломоносова), который перебрал мост от книжности к литературе Нового времени. В докладе была рассмотрена проблема формирования языка нового типа. Докладчица подчеркнула определяющую роль функционального критерия использования языковых единиц и распространение теории поэтических вольностей, сторонником которой выступал Тредиаковский.

Практически каждый доклад сопровождался дискуссией, в ходе которой слушатели давали авторам советы, рекомендовали внести определенные дополнения и предлагали возможные направления дальнейших исследований.

**КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ». МОСКВА, 25–26 МАЯ 2021 Г.
СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»**

Наталья Александровна Лунькова

младший научный сотрудник, Институт
славяноведения Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334 Россия
Электронный адрес: lunkova_n@mail.ru

Аннотация

Ежегодная конференция «Славянский мир: общность и многообразие» служит хорошей площадкой для молодых исследователей из разных вузов и научных центров, так как они могут поделиться с коллегами своими научными достижениями, рассказать о собственном видении той или иной научной проблемы, связанной с изучением многообразия славянского мира. В 2021 г. секция «Литературоведение. История культуры» объединила три тематических блока: «Культурные и литературные связи», «Поэтика литературы» и «Литература и искусство Польши». Модераторами выступили А. Ф. Багаева, Н. А. Лунькова, Е. В. Шатько и Д. Г. Вирен. Представленные на секции доклады и состоявшиеся дискуссии – свидетельство живого интереса научной аудитории к заявленной проблематике. И слушатели, и организаторы выразили надежду, что вне зависимости от формата конференций исследования литературы и искусства славянских стран будут и дальше проходить на достойном международном уровне.

Ключевые слова

Славянские литературы, славянский фольклор, польская литература, польский кинематограф, искусство Польши, чешская литература, поэтика, славянские культурные связи

Статья поступила в редакцию 3 июля 2021 г.

Цитирование: *Лунькова Н. А.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». Москва, 25–26 мая 2021 г. Секция «Литературоведение. История культуры» // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2021. Т. 16. № 1–2. С. 308–313. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.17>

YOUNG SCHOLARS CONFERENCE
“SLAVIC WORLD: COMMUNITY AND DIVERSITY”.
MOSCOW, 25–26 MAY 2021.
SECTION “LITERARY STUDIES. THE HISTORY OF CULTURE”

Natalia A. Lunkova

Junior Researcher, Institute of Slavic Studies,
 Russian Academy of Sciences
 Postal address: Leninsky Prospekt 32A, Moscow,
 119334 Russia
 E-mail: lunkova_n@mail.ru

Abstract

The annual conference “Slavic World: Community and Diversity” is a good platform for young researchers from different universities and research centers, both domestic and foreign, where they can share their scholarly achievements with colleagues and talk about their own vision of a particular problem related to the study of the diversity of the Slavic world. In 2021, the section “Literary Studies. The History of Culture” comprised three thematic blocks: “Cultural and Literary Relations”, “Poetics of Literature”, and “Literature and Art of Poland”. The moderators were Anetta F. Bagaeva, Natalia A. Lunkova, Evgeniia V. Shatko, and Denis G. Viren. The reports presented and their subsequent discussions are evidence of the lively interest of the scholar audience in the stated problems. Both the audience and the organisers expressed the hope that regardless of the online and in-person format of the conference, high-quality, international-level research on the literature and art of Slavic countries will continue.

Keywords

Slavic literature, Slavic folklore, Polish literature, Polish cinema art, Polish art, Czech literature, poetics, Slavic cultural ties

Received 3 July 2021

How to cite: Lun'kova, N.A., 2021. Konferentsiia molodykh uchenykh “Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie”. Moskva, 25–26 maiia 2021 g. Sektsiia “Literaturovedenie. Istoriiia kul'tury” [Young Scholars Conference “Slavic World: Community and Diversity”. Moscow, 25–26 May 2021. Section “Literary studies. The History of Culture”]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 16, no. 1–2, pp. 308–313. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.1-2.17>

В 2021 г. секция «Литературоведение. История культуры» объединила три тематических блока: «Культурные и литературные связи», «Поэтика литературы» и «Литература и искусство Польши». Модераторами выступили А. Ф. Багаева, Н. А. Лунькова, Е. В. Шатько и Д. Г. Вирен.

Заседание подсекции «Культурные и литературные связи» открыл доклад М. В. Каплун (Институт мировой литературы имени А. М. Горького

РАН, Москва) «О возможных источниках “Комедии о Бахусе с Венусом” С. Чижинского: к проблеме реконструкции». Исследовательница, опираясь на сохранившуюся монтировочную запись, изучила жанровые и сюжетные особенности произведения, а также провела сопоставительный анализ образа Бахуса в комедии Чижинского и европейских постановках. Внимание слушателей привлекли рассуждения о близости данной комедии к польским, а именно к пьесам рыбалтов, в связи с чем докладчице было задано несколько вопросов.

Доклад А. Ф. Багаевой (МГУ имени М. В. Ломоносова) на тему «Южнославянские фольклорные мотивы в русской поэзии 1860–1870-х гг.» касался конструирования образа юнака в таких произведениях, как «Сербская песня» А. С. Хомякова и «Сон королевича Марка» А. Н. Майкова, и его роли в национальном освобождении южнославянских народов. Вопросы, адресованные докладчику, были связаны с бытованием западнославянских фольклорных мотивов в русской литературе данного периода и дальнейшей традицией обращения отечественных авторов к инославянской поэзии.

О том, как русский читатель открывал для себя словенский фольклор, шла речь в сообщении М. М. Громовой (МГУ имени М. В. Ломоносова) «Издания словенских народных сказок на русском языке (1956–1991)». Представленный обзор сопровождался иллюстративным материалом, в качестве которого были использованы красочные обложки опубликованных переводов. Важным, по мнению автора, является тот факт, что многие переводы были выполнены с языков-посредников. Также было отмечено отсутствие в советском литературном пространстве народных сказок словенцев, живущих в долине Резия.

К. Б. Егорова (Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)) подготовила презентацию «К истории русско-чешских культурных взаимосвязей: А. Врзал и А. М. Скабичевский» и убедительно показала, что фигура Алоиса Врзала, монаха-бenedиктинца, переводчика и популяризатора русской литературы, была очень важной в контексте русско-чешских культурных связей. В своей работе Егорова обращалась к архивным материалам Рукописного Отдела Института русской литературы РАН и в ходе выступления познакомила участников конференции с некоторыми из них.

Подсекция «Поэтика литературы» объединила трех участников, первым из которых стал А. Ю. Колянов (Санкт-Петербургской государственной электротехнической университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина)), прочитавший доклад на тему «Ранние прозаические

произведения Иржи Карасека из Львовиц». Внимание автора было главным образом сосредоточено на таких произведениях, как «Легенда о меланхоличном принце» и «Готическая душа». По мысли Колянова, в раннем творчестве Иржи Карасека из Львовиц наиболее полно отразились черты чешского национального декаданса, тогда как в поздних работах они представлены не так ярко.

В докладе «Роль города в романах Д. Годровой и И. Кратохвила» С. А. Кожина (ИСл РАН, Москва) обратилась к особенностям эволюции городского пространства в произведениях двух чешских писателей. Опираясь на труды структуралистов, исследовательница проследила, как осуществляется механизм мифологизации города (Праги – у Годровой, Брно – у Кратохвила) и какова функция данного топоса на уровне композиции в отобранном художественном материале.

Е. В. Шатько (ИСл РАН, Москва) в докладе «Фотография в романе И. Токина “Самый нормальный человек в мире”» остановила свое внимание на дебютном романе (2014) современного сербского писателя, который в первую очередь описывает повседневное существование обычных людей. Отличительной особенностью композиции, по мнению Шатько, является разделение каждой главы произведения на две части, в первой из которых подробно описывается некая фотография (чаще всего – из личного архива рассказчика). Докладчица считает ее визуальным эпиграфом, значение которого должно в дальнейшем раскрыться в тексте.

Следующий день работы секции «Литературоведение. История культуры» был вновь начат с тематического блока «Культурные и литературные связи». Доклад А. М. Ланцевой (Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, Москва) «Почитание святой Людмилы в Древней Руси: к вопросу о чешско-русских связях» представлял собой детальный анализ динамики культа святой Людмилы с опорой на тексты средневековой книжности, в частности на Проложное житие святой Людмилы Чешской. Особенно стоит отметить компаративистский подход, примененный исследовательницей, в изучении «Слова о преставлении святой Ольги» и латинской гомилии на память святой Людмилы.

А. В. Амелина (ИСл РАН, Москва) выступила с докладом «Русские писатели в чешской среде второй половины 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (газета “Руде право”)». Продолжая разрабатывать уже намеченную ранее тему, Амелина обратила внимание на то, что после 1925 г. литературные критики «Руде право» в первую очередь писали о советских авторах, хотя заметки о русских классиках также продолжали публиковаться. О формировании устойчивого интереса

к культуре СССР свидетельствует и появление соответствующей постоянной рубрики в 1926 г. Вопросы слушателей касались дальнейшей рецепции классической русской литературы в «Руде право» и других чешских периодических изданиях.

Продолжая разговор о русско-чешских культурных связях, А. В. Грасько (МГУ имени М. В. Ломоносова) представила свое исследование на тему «Советский мир как предмет осмысления в романе Иржи Вайля “Москва-граница”». Анализируя трехчастную композицию произведения, Грасько с помощью конкретных примеров показала, как автором по-разному изображается жизнь в советской России, выявила особенности системы точек зрения в романе.

Последний блок «Литература и искусство Польши» открыл доклад Т. Р. Семакиной (МГУ имени М. В. Ломоносова) «Искусство не ради искусства: польский публицист о пролетарской культуре 1930-х гг.», в рамках которого шла речь о заметках Станислава Цат-Мацкевича «Мысль в клещах. Исследования по психологии общества Советов», где нашли отражение вопросы культуры, личные впечатления автора от посещения музеев, выставок, его критическое отношение к социалистическому реализму. В ходе дискуссии Д. Г. Вирен высказал мнение, что Цат-Мацкевич подходил к описанию кинематографа довольно субъективно и публицистически, а не научно; так, вызывает вопросы его критика «Обломка империи» – одного из лучших советских авангардных фильмов – за недостаточно глубокое содержание.

Д. Г. Вирен (Государственный институт искусствознания) выступил на тему «Социальность и психологизм в польском кино рубежа 1970–1980-х гг.» и сосредоточился на анализе поэтики таких кинокартин, как «Голоса» Я. Киёвского, «Меньшее небо» Я. Моргенштерна, «Ночной мотылек» Т. Зыгадло. Киновед рассказал, как герои этих фильмов переживают отчуждение и одиночество и какие этапы экзистенциального кризиса они проходят.

В докладе «Литературные влияния в польской легенде “Пан Твардовский” (из собрания К. В. Вуйчицкого)» А. В. Юрова (СПбГУ), опираясь на труды как отечественных, так и польских литературоведов, осветила историю вопроса и подробно остановилась на сравнении «Фауста» и «Пана Твардовского». Магистрантка продемонстрировала сюжетно-композиционные параллели между этими произведениями, а также сходства на уровне системы образов. В ходе обсуждения Е. В. Байдалова и Д. Г. Вирен порекомендовали исследовательнице несколько ценных для ее работы библиографических источников.

В своем выступлении «Образы России в дневниках Ярослава Ивашкевича. Путешествия» К. Граевски (Белостокский государственный университет, Польша) говорил о восприятии польским писателем русской природы и культуры, приводя любопытные цитаты Ивашкевича о бытовых неудобствах во время поездок по России. Отвечая на вопросы слушателей, Граевски подчеркнул, что отношение Ивашкевича к архитектуре России не было однозначным, и это нашло отражение в его заметках: с одной стороны, было очевидно неприятие им сталинского монументализма Москвы, с другой – ощущалось восхищение провинциальной архитектурой, древнерусским наследием.

Р.В. Зиновьева (Балтийский федеральный университет имени И. Канта) подготовила доклад-презентацию «Игровой дискурс и место традиции в пьесе С. Мрожека “Мученичество Петра Охея”». Проследивая элементы абсурдистского дискурса и отмечая аллегоричность текста ранней пьесы писателя, аспирантка говорила не столько о сюжете произведения, сколько о его философском смысле. Предпринятая попытка анализа «Мученичества Петра Охея» доказывает негативное отношение писателя к сложившейся романтической традиции в польской литературе. Во время оживленной дискуссии обсуждались особенности поэтики Мрожека, последние постановки его пьес в Польше и России.

В.И. Федорова (ИСл РАН, Москва) сделала краткое сообщение на тему «Жанровое своеобразие повести Януша Корчака “Лето в Вильгельмувке”» и выделила некоторые особенности поэтики выбранного произведения. В переводе докладчицы в издательстве «Самокат» впервые на русском языке вышли повесть «Лето в Вильгельмувке» и восьмая глава из повести «Лето в Михалувке» (2020).

Представленные на секции доклады и состоявшиеся дискуссии – свидетельство живого интереса научной аудитории к заявленной проблематике. И слушатели, и организаторы выразили надежду, что вне зависимости от формата конференции «Славянский мир: общность и многообразие» исследования литературы и искусства славянских стран будут и дальше проходить на достойном международном уровне.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
DOI номера 10.31168/2412-6446.2021.16.1-2

ISSN 2412-6446
DOI 10.31168/2412-6446
Issue DOI 10.31168/2412-6446.2021.16.1-2

Главный редактор
Е.С. Узенёва

Editor-in-Chief
Elena S. Uzeneva

Дизайн верстки:
П.Н. Морозов

Layout design
Pavel N. Morozov

Компьютерная верстка:
А.Е. Шматала

Computer layout
Alla E. Shmatala

Дизайн обложки
П.К. Донской

Cover design
Pavel K. Donskoy

На обложке:
Фрагменты фотографий из базы FORTEPAN
Лицензия Creative Commons CC-BY-SA 3.0

On the cover:
Playing chess
Source: FORTEPAN
Under Creative Commons CC-BY-SA3.0 licence

Fortepan, No. 25269
URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=25269>

Fortepan, No. 25269
URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=25269>

Fortepan/Angyalföldi Helytörténeti Gyűjtemény,
No. 41130

Fortepan/Angyalföldi Helytörténeti Gyűjtemény,
No. 41130

URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=41130>

URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=41130>

Fortepan/Bauer Sándor, No. 127968

Fortepan/Bauer Sándor, No. 127968

URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=127968>

URL: <https://fortepan.hu/en/photos/?id=127968>

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН
Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В», Москва, 119334

АДРЕС ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ:
slavmillen@yandex.ru

САЙТ:
slavicworld.ru

Подписано в печать: 10.10.2021.
Формат 70×100 1/16 Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 25,675. Заказ №.
Тираж 500 экз.